

Мартин Рейди

ГАБСБУРГИ

ВЛАСТЬ НАД МИРОМ

Мартин Рейди

Габсбурги. Власть над миром

«Альпина Диджитал»

2020

Рейди М.

Габсбурги. Власть над миром / М. Рейди — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-00-139861-5

Исчерпывающе полная история могучей династии, господствовавшей в Европе на протяжении почти тысячи лет, а также ее самобытной вселенной, которую она и создала, чтобы затем утратить на заре XX столетия. Начав скромными швабскими феодалами, в XV веке Габсбурги поставили под контроль Священную Римскую империю, а потом еще за несколько десятилетий добились владычества над огромной частью земного шара – от Венгрии, Нидерландов и Испании до Перу и Мексики. Историки часто изображают Габсбургскую империю неустойчивым государственным образованием, лоскутным одеялом, но Рейди ясно демонстрирует негибкую волю Габсбургов к власти, подпитываемую их верой в свое высшее предназначение – быть защитниками католической церкви, гарантами мира и покровителями просвещения. От междоусобных стычек на территории будущих швейцарских кантонов до катастрофы Первой мировой войны – эта книга содержит все, что необходимо знать про династию, навечно изменившую Европейский континент и весь мир. Цель этой книги – рассказать об империи Габсбургов, об их представлениях и о том, какими их представляли другие, об их целях, замыслах и неудачах. Более девяти веков дом Габсбургов породил простаков и провидцев, поклонников магии и масонов, религиозных фанатиков, правителей, пекшихся о своих подданных, покровителей искусств и подвижников науки, строителей удивительных дворцов и соборов. Для кого? Для тех, кто интересуется прошлым и любит читать про очень странных, но сыгравших огромную роль в истории людей.

ISBN 978-5-00-139861-5

© Рейди М., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Семейное древо Габсбургов	9
Примечание об именах	14
Пролог	15
1	21
2	28
3	35
4	42
5	49
6	57
7	66
8	73
9	81
10	87
11	94
12	101
13	109
14	117
15	125
16	133
17	140
18	147
19	154
20	161
21	168
22	176
23	186
24	194
25	204
26	211
27	219
28	227
29	235
Заключение	243
Об авторе	247
Благодарности	248
Об иллюстрациях	249
Использованные сокращения	250
Дополнительная литература	251
Рекомендуем книги по теме	257
Примечания	261
Фотографии	262

Мартин Рейди

Габсбурги. Власть над миром

Переводчик *Николай Мезин*

Научный редактор *Татьяна Гусарова*, канд. ист. наук

Редактор *Пётр Фаворов*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Аксёнова*, *Е. Воеводина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

В оформлении обложки использована картина художника Бернхарда Штригеля «Семья императора Максимилиана I», ок. 1516 г. (Музей истории искусств, Вена)

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Martyn Rady, 2020

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Мартин Рейди

ГАБСБУРГИ

ВЛАСТЬ НАД МИРОМ

Перевод с английского

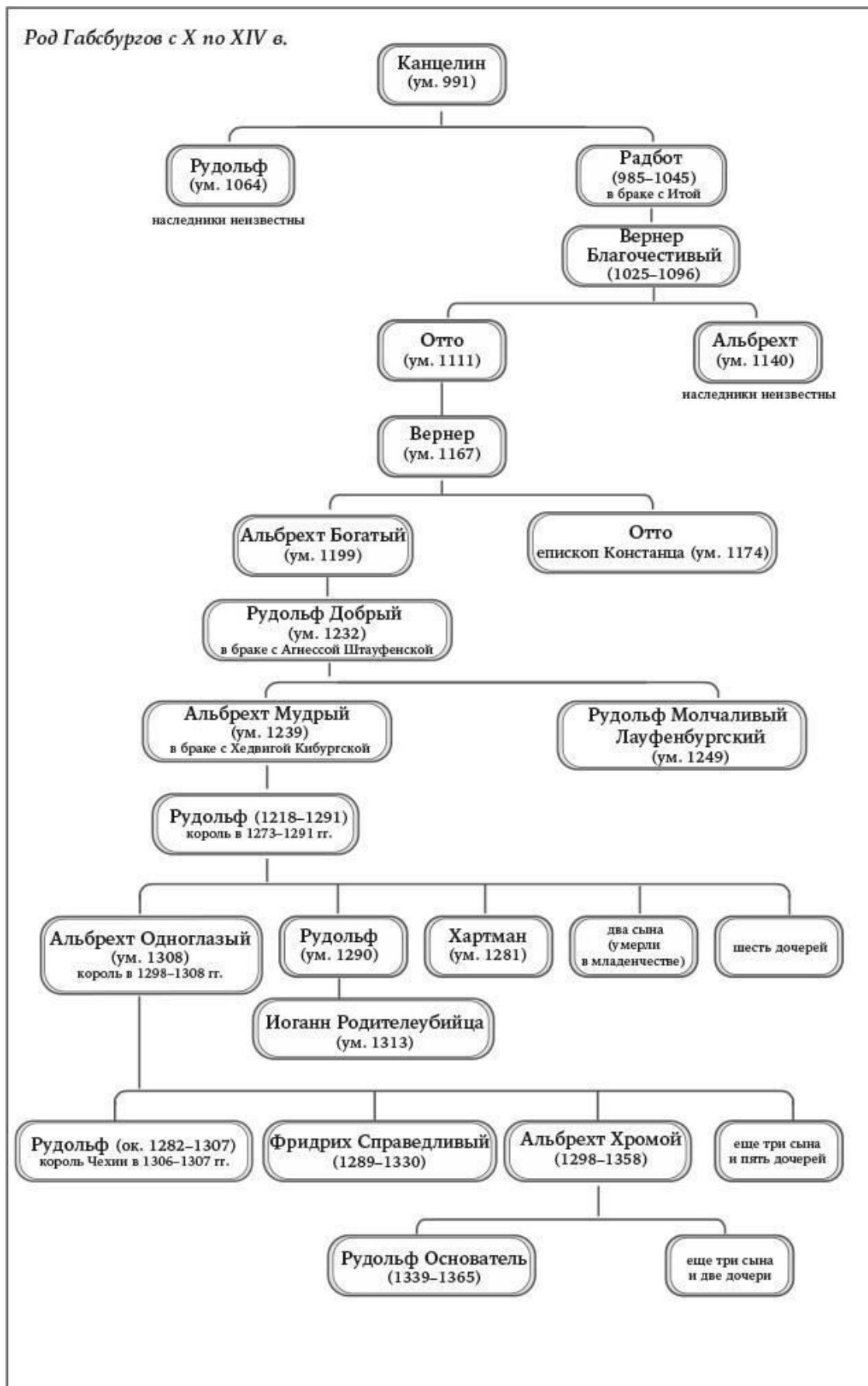

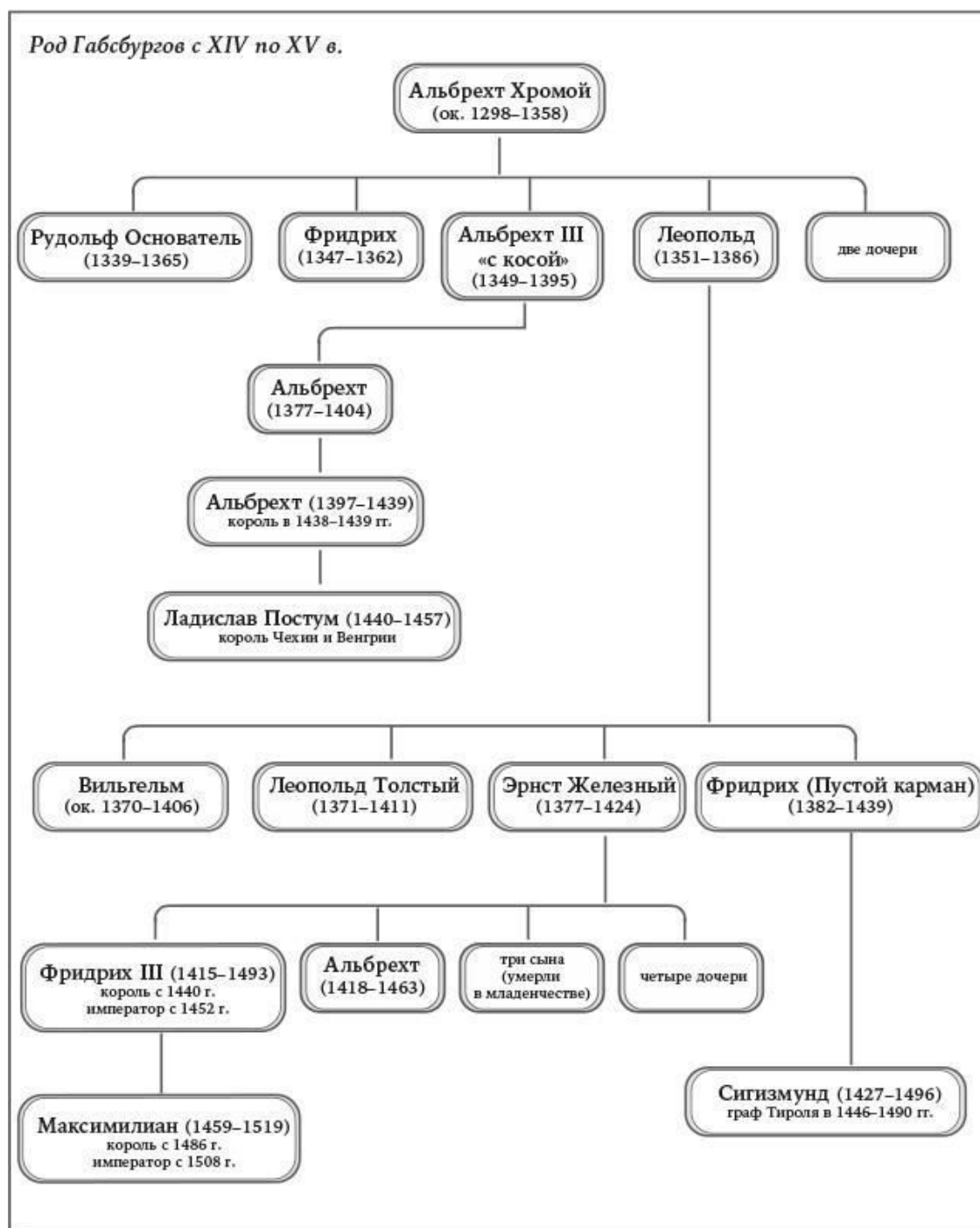
Москва, 2023

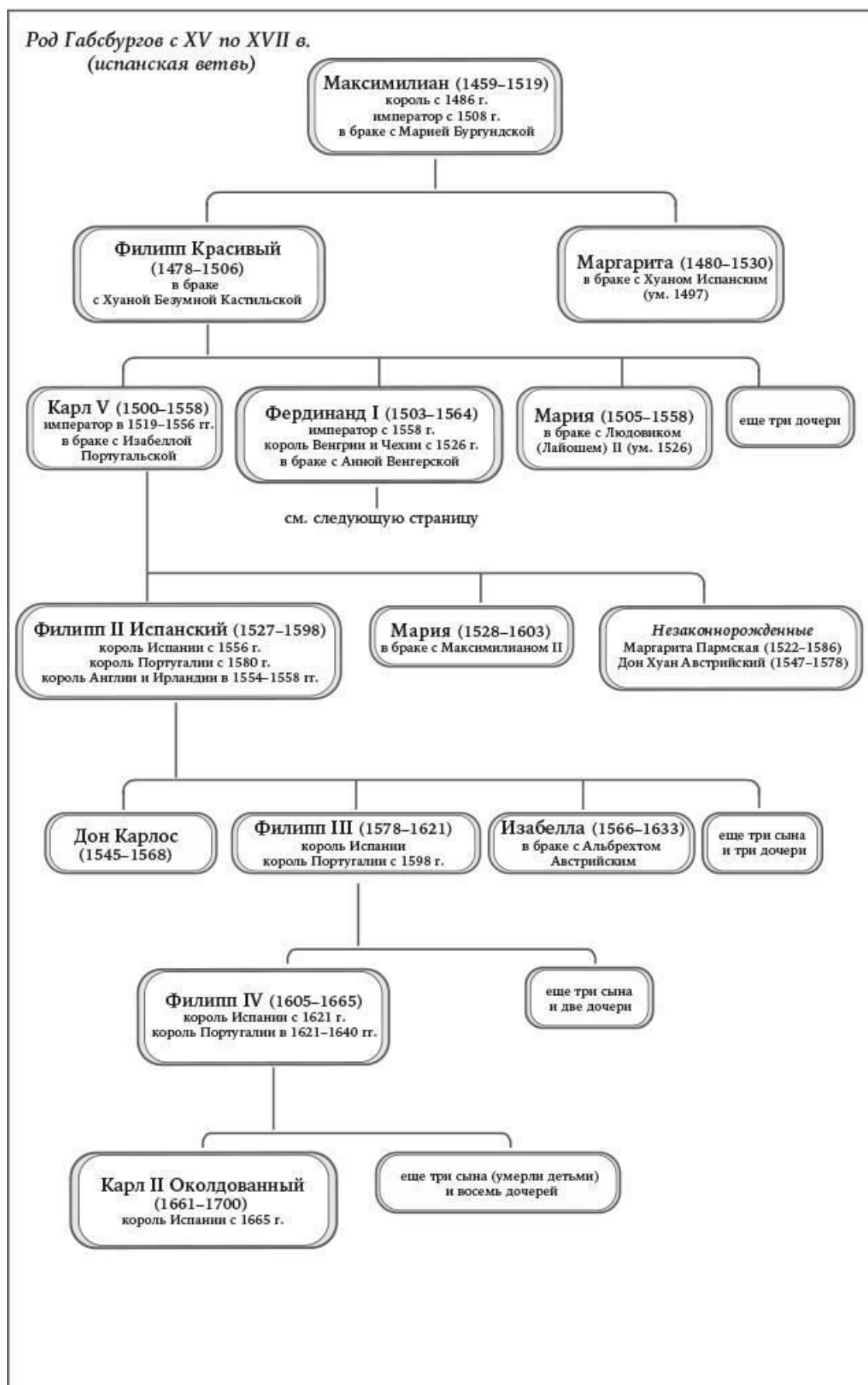
Говарду и Мэри

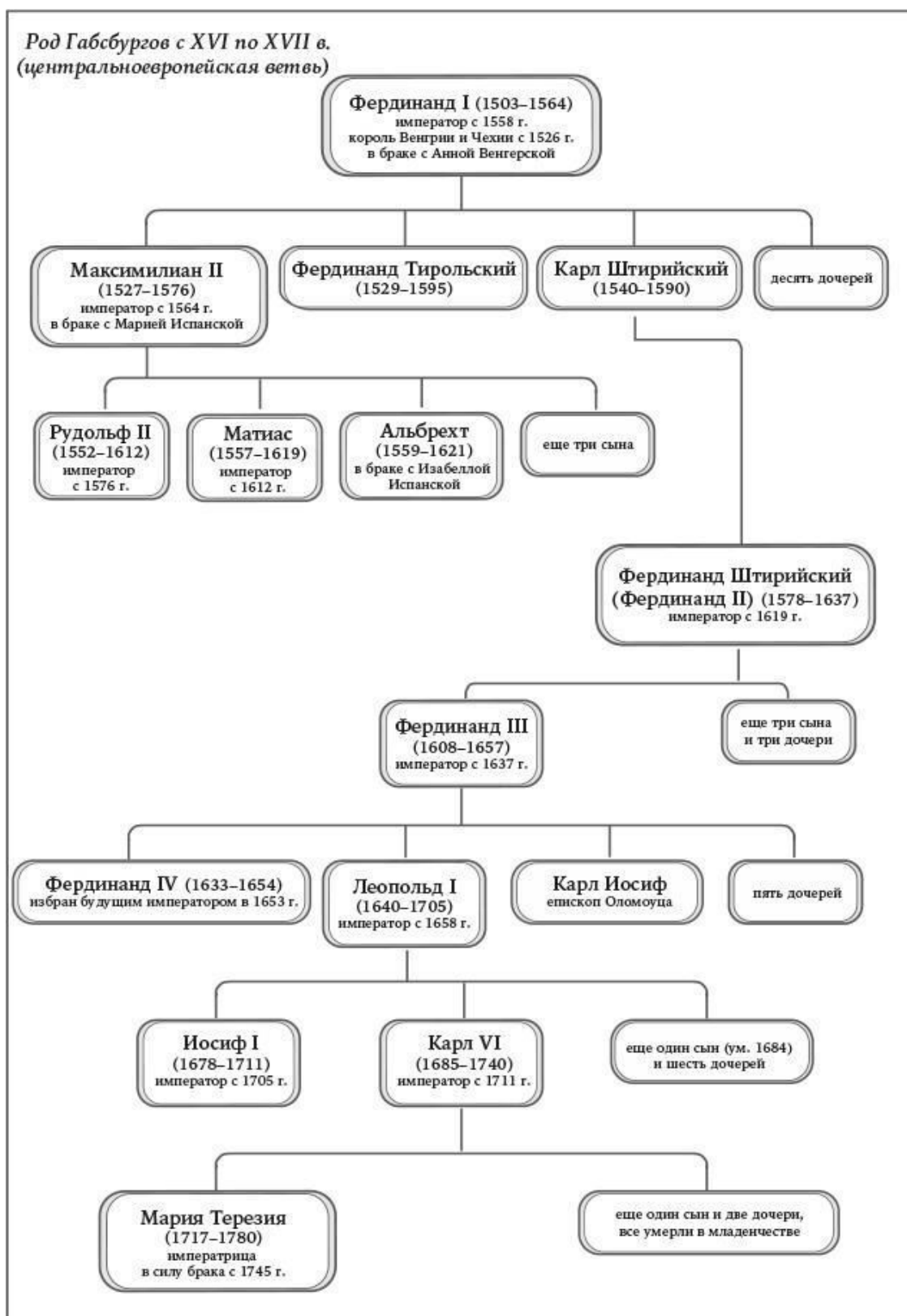

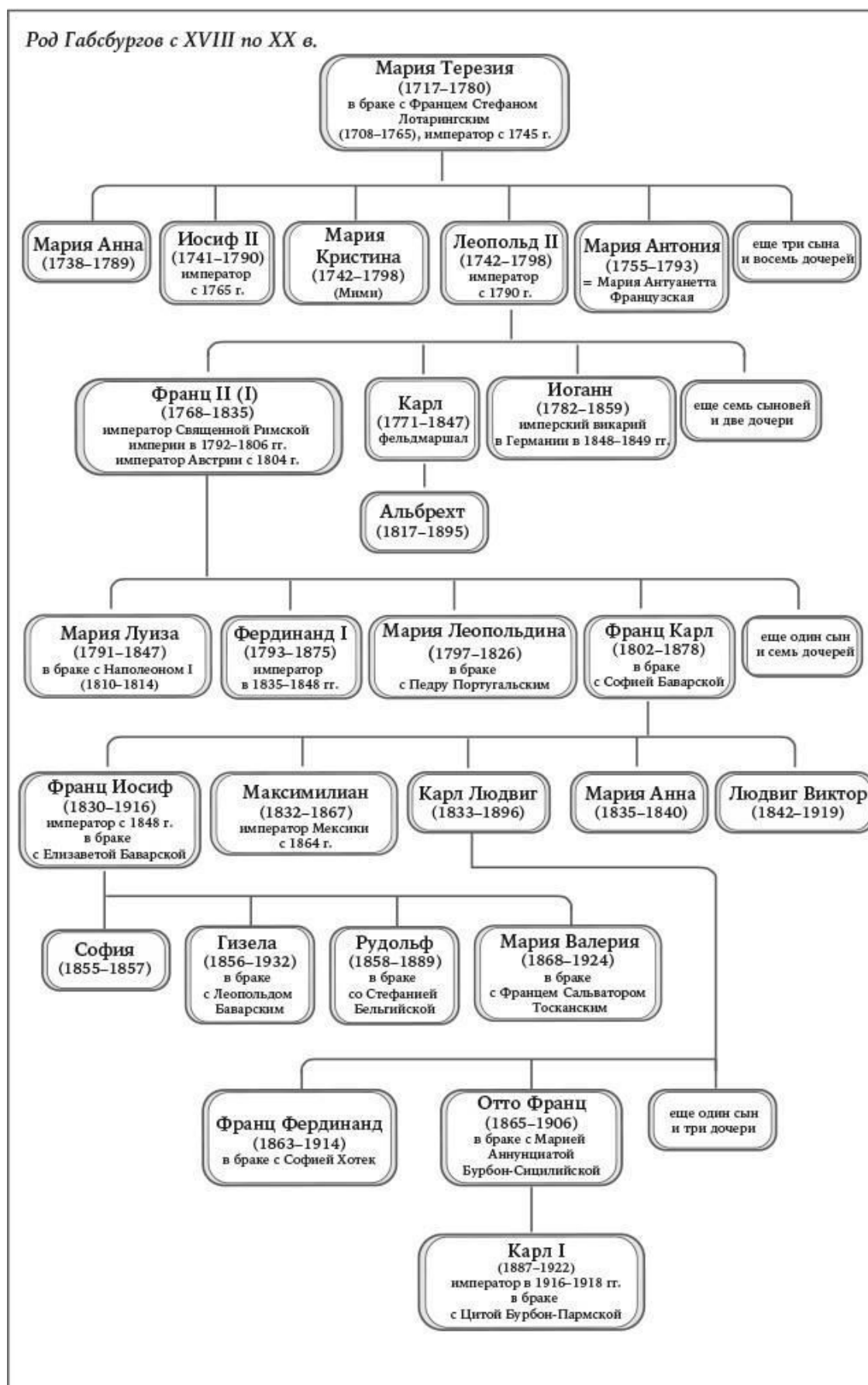
Семейное древо Габсбургов

Примечание об именах

Для всех упоминаемых местностей я привожу их нынешние названия. Исключение составляет Будапешт: Буду и Пешт я упоминаю отдельно до 1873 г., когда два этих города слились в один.

Написание имен людей не следует какой-либо одной схеме. Обычно я использую имена в формах, чаще всего встречающихся в нынешней историографии.

Пролог

ДВОРЦОВАЯ БИБЛИОТЕКА

Замок Хофбург, некогда зимний дворец Габсбургов, сегодня – главная достопримечательность Вены. Запряженные лошадьми кареты с туристами проезжают под его арками и по прилегающим улочкам Старого города. Люди толпятся в узких проходах и беспечносыпают на мостовую, заведя белые носы липицианцев в их стойлах. За исключением построенного в XIX в. Михайловского крыла, под его зеленым куполом Хофбург выглядит не особенно пышно: это несколько дворов – сейчас превратившихся в автостоянки – и ограждающие их фасады в стиле сдержанного барокко.

Но сегодня дворец хотя бы содержится в порядке. На фотографиях и пластинах для волшебных фонарей, сделанных до 1918 г., пока Хофбург еще был «работающим дворцом», видно обвалившуюся лепнину, трещины в кладке и разбитые окна. Большую часть своей истории этот дворец строился. Сменявшие друг друга императоры возводили новые крылья, ломали то, что мешало их замыслам, заменяли деревянные постройки каменными. До конца XVII в. Хофбург оставался неотъемлемой частью городских укреплений и примыкал к бастионам. Последний раз турки-османы осаждали Вену в 1683 г. Разбив их, Габсбурги наконец-то получили возможность воспринимать Хофбург как дворец и сцену для торжественных церемоний, а не как укрепленную резиденцию.

Ядро Хофбурга – так называемая Старая крепость (Alte Burg). Реконструкция конца XVII и XVIII в. не пощадила ее, так что ныне мало что напоминает о ее первоначальной форме. Воздвигнутая в первой половине XIII в. мощная цитадель представляла в плане квадрат со сторонами 50 м и имела четыре башни, каждая под шипцовой крышей со шпильями. Несмотря на свои размеры, внутри цитадель была довольно непрезентабельна. Бывавшие там жаловались, что во внутреннем дворе не развернуться повозке, комнаты тесны, лестницы сгнили, а на стенах нет шпалер. Но предназначение хофбургской Старой крепости было не в том, чтобы впечатлять роскошью убранства. Она должна была господствовать над городом и окрестностями, воплощая собой идею власти¹.

Старая крепость стала первым символом Габсбургов. По происхождению эта династия была центральноевропейской, и Австрия служила ядром габсбургских владений. Но в XVI и XVII вв. Габсбурги также правили Испанией и испанскими владениями в Нидерландах, Италии и Новом Свете. Конструкцию Старой крепости, хотя к тому времени и устаревшую в военном плане, они повторяли в крупных замках, которые строили или перестраивали в Испании – в Толедо и Мадриде, а потом вывезли и в Америку. В Мексике замки с четырьмя башнями стали атрибутом власти первых королевских губернаторов – фигуры помельче довольствовались двумя башнями. В располагавшейся приблизительно на территории нынешних Австрии, Германии и Чехии Священной Римской империи, которой Габсбурги правили в качестве императоров, честолюбивые аристократы тоже строили четырехбашенные цитадели, чтобы заявить о своем статусе².

Габсбурги – первая династия, чьи владения простирались по всей планете, и своего величия она достигла за счет силы и удачливости. В XVI в. венская четырехбашенная цитадель

---

¹ Friedrich B. Polleross, 'Tradition und Recreation. Die Residenzen der österreichischen Habsburger in der frühen Neuzeit', *Majestas*, 6 (1998), 91–148 (100).

² Matthias Müller, 'Der Anachronismus als Modernität. Der Wiener Hofburg als programmatisches Leitbild für den frühneuzeitlichen Residenzbau im Alten Reich', in Krakau, Prag und Wien. Funktionen von Metropolen im frühmodernen Staat, ed. Marina Dmitrieva and Karen Lambrecht (Stuttgart, 2000), 313–29 (323); Luis Weckmann, *The Medieval Heritage of Mexico*, vol. 1 (New York, 1992), 577–81.

демонстрировала, что Габсбурги – полноправные хозяева части Европейского континента, а ее копирование в заморских владениях возвещало об их общемировом влиянии. Но это был лишь один из многих символов, которые использовали Габсбурги, ведь свою власть они мыслили и как предначертанное им призвание, и как часть Божественного мироустройства. Такие представления требуют образов посложнее, чем грозная каменная твердыня.

Реконструкция Хофбурга в начале XVIII в., окончательно стершая силуэт Старой крепости с горизонта, включала и возведение Дворцовой библиотеки (Hofbibliothek). Прежде императорская библиотека размещалась в заброшенном монастыре, во дворце некоего аристократа и в деревянной постройке под стенами Старой крепости (на месте нынешней площади Йозефсплац). Библиотекари жаловались на сырость, пыль с улицы, скудное освещение и опасность пожара. Но только в долгое царствование Карла VI (1711–1740) на участке южнее бывшей Старой крепости для библиотеки выстроили особое здание³.

Строительство завершилось в 1720-х гг., и в целом библиотека сегодня выглядит так, как ее замыслил сам Карл. Около 200 000 печатных и рукописных книг расположились в едином зале длиной 75 м. К тому времени в фонде библиотеки имелись труды по теологии, истории церкви, праву, философии, естествознанию и математике, рукописные книги на греческом, латыни, сирийском, армянском и коптском. Карл допустил в библиотеку ученых, но они должны были испрашивать особого разрешения и могли работать с книгами лишь в утренние часы. В качестве компенсации за свою щедрость Карл ввел налог на газеты. Сначала он был временным – покрыть расходы на строительство библиотеки, но затем его сделали постоянным, предположительно, чтобы направить деньги на пополнение ее фондов. Также император обязал владельцев типографий предоставлять библиотеке по экземпляру каждой изданной книги. Поскольку многие венские печатники, помимо прочего, издавали порнографию, от этой обязанности часто уклонялись⁴.

В центре зала стоит мраморная статуя Карла VI, изображающая его в виде Геракла, предводителя муз. В куполе размещена роспись, сюжетом которой стал апофеоз императора, то есть его вознесение на небеса, и аллегорические сцены, рассказывающие о его достижениях. В отличие от Джорджа Вашингтона в ротонде американского Капитолия, император Карл не смотрит на нас со свода. Художник приступил к росписи при жизни монарха, когда тот еще не сподобился небесной славы. Но парящая в небе фигура с лавровым венком в руке ждет именно его, и зритель не сомневается, что после своей кончины Карл вступит в сонм ангелов и будет восседать в их окружении на облаках.

К статуе Карла в зале библиотеки были добавлены 16 фигур других Габсбургов: императоров, королей и эрцгерцогов, начиная с короля Рудольфа, правившего в XIII в., и заканчивая Карлом II Испанским, умершим в 1700 г. Изготовление новых мраморных статуй стоит дорого, так что по большей части они были снесены сюда из кладовых и садов Хофбурга. Со временем какие-то фигуры заменялись скульптурами из других монарших дворцов, к ним добавлялись новые. Первый историк Дворцовой библиотеки не одобрял исходного набора персонажей, считая, что мало кто из этих 16 правителей проявлял сколько-нибудь заметный интерес к науке или образованию. Очевидно, он полагал, что все в библиотеке должно иметь прямое отношение к книгам и учености. Но это Дворцовая библиотека, и она предназначалась для другого: заявлять о Габсбургах и их роли в Божественном порядке вещей⁵.

Все убранство библиотеки, включая роспись сводов, фрески на стенах и мебель, свидетельствует о величии Габсбургов и их безграничном могуществе. Четыре огромных гло-

³ Ignaz von Mosel, *Geschichte der kaiserl. königl. Bibliothek zu Wien* (Vienna, 1835), 73–4, 96, 104–5.

⁴ Johannes Frimmel, "'Verliebte Dummheiten und ekelhafte Nuditäten.'" *Der Verleger Johann Mösle, die Priapische Dichterlaune und der Erotika-Vertrieb im josephinischen Wien*, *Das achtzehnte Jahrhundert*, 42, no. 2 (2018), 237–51.

⁵ Werner Telesko, *Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts* (Vienna, Cologne, and Weimar, 2006), 178; Mosel, *Geschichte der kaiserl. königl. Bibliothek*, 123–4.

буса, земных и небесных, поставленных под главным куполом, служат метафорой того, как широко простираются устремления династии. По сторонам каждого стеллажа высятся двойные колонны, и этот мотив парных столбов повторяется в архитектуре всего здания, в частности в беломраморных и позолоченных колоннах, расположенных в обоих концах зала и на внешнем фасаде. Они символизируют Геркулесовы столбы и девиз Габсбургов «Plus ultra» («Дальше предела»), а значит – власть, не знающую географических границ. Наверху, на фреске с императорским апофеозом, три античные богини несут полотнище с начертанными на нем буквами AEIOU. Есть множество вариантов расшифровки этого послания – ученые насчитали их не менее трехсот. Но в каждом из них речь идет о величии Габсбургов и Австрии – как в самом распространенном прочтении «Австрии суждено править всем миром» («Austria Est Imperare Orbi Universae» на латыни или «Alles Erdreich Ist Österreich Untertan» по-немецки)⁶.

Однако в этой концепции мировое господство опирается не на политическую власть и не на физическое принуждение. Карл предстает в своей библиотеке покровителем наук и искусств, а не воином-завоевателем. В росписях прославляются его достоинства: благородство, добрая слава, великолепие и непреклонность. На ратную доблесть императора намекает трехглавый Цербер, попраный пятой Геракла, но в остальном военные победы Карла остаются без упоминания. Даже фрески, посвященные войне, не педалируют эту тему, восхваляя нечто противоположное: гармонию, порядок и знание. Больше всего Карлу хотелось, чтобы его чтили как миротворца и покровителя наук. На *трюмплее* ниже купола мы видим реалистические образы людей, занятых беседой, и каждая их группа представляет какую-то область знания, в которую Карл вдохнул новую жизнь: анатомию, археологию, ботанику, гидравлику, геральдику, нумизматику и даже гномонику, то есть искусство создания солнечных часов.

Тот же историк, которому казалось, что главное в библиотеке – книги, считал ротонду и фрески аллегориями библиотеки. Возможно, он был прав, однако в эпоху барокко аллегории зачастую несли в себе несколько скрытых смыслов. С ее скульптурами габсбургских императоров и героев, с повторяющимися всюду парными колоннами и изящно расставленными глобусами библиотека также служила аллегорией безграничной и вечной власти Габсбургов. Причем, как показывают нам фрески, мир, к обладанию которым стремится династия, охватывает не только мир земной – но и вечный мир знания и научного поиска. Как и шифр AEIOU, универсальная миссия Габсбургов не имеет одной формулы, описывающей всю ее сложность и исчерпывающей все ее возможности⁷.

Понимание Габсбургами своей роли в мире формировалось постепенно, новые этапы в истории династии порождали новые устремления, которые одно за другим вплетались в общий клубок идеологических установок. Сначала речь шла о религии. В XIII в. король Рудольф Габсбург (правил в 1273–1291 гг.) был известен как грабитель церквей и разоритель женских монастырей. Но спустя каких-то два-три десятка лет после его смерти появилась легенда. Однажды Рудольфу повстречался священник со Святыми Дарами, торопившийся причастить умирающего, и король отдал ему своего коня. В последующие столетия этот рассказ все больше приукрашивался, так что в благодарность за коня Рудольф получал земную корону, а, причащаясь Святыми Дарами во время коронации, мистически удостоивался помазания на царствие. Выискивались и цитаты из Священного Писания, подтверждающие, что за помощь в доставке Святых Даров потомки Рудольфа будут подкрепляться Святым причастием согласно Божьему промыслу, впервые упомянутому еще в Ветхом Завете⁸.

⁶ Alphons Lhotsky, 'AEIOU. Die Devise Kaiser Friedrichs III. und sein Notizbuch', in Lhotsky, Aufsätze und Vorträge, vol. 2 (Vienna, 1971), 164–222 (172).

⁷ Mosel, Geschichte der kaiserl. königl. Bibliothek, 132.

⁸ Anna Coreth, Pietas Austriaca (West Lafayette, IN, 2004), 13–6.

Вся духовная практика династии Габсбургов строилась вокруг поклонения Святым Дарам: процессии, паломничества, праздники. Если спешивший куда-то священник попадался на глаза кому-нибудь из Габсбургов, зачастую ему поневоле приходилось продолжить путь верхом или в экипаже. В годы религиозных конфликтов XVI и XVII вв. протестанты оспаривали смысл и значение причастия. Преувеличенное почтение к этому таинству, которое неизменно выказывали представители династии, служило символом их приверженности католической церкви и их роли как инструментов Божьего промысла. Даже в последние годы Габсбургской империи династия прочно ассоциировалась с таинством причастия, и эта связь подчеркивалась не только при отправлении ритуалов, но и в более будничных ситуациях. В 1912 г. император Франц Иосиф в ответ на просьбу даровать швейцарскому стрелковому клубу наградной кубок прислал статуэтку Рудольфа, спешивающегося, чтобы отдать ее священнику⁹.

С 1237 г. Габсбурги правили Священной Римской империей с перерывами, а с 1438-го и до самого ее падения в 1806 г. – почти постоянно. Империю основал в 800 г. Карл Великий, но считалось, что в ней продолжилась античная Римская империя. Изначально Священную Римскую империю называли просто Римской империей – эпитет «Священная» добавили в XIII столетии, и его использование так и не устоялось. В X в. Священная Римская империя была воссоздана как преимущественно германское государство, но это ничуть не убавило престижа императорского титула. Его обладатель по-прежнему считался прямым наследником императоров Древнего Рима, в каком-то смысле соответствующим папе, и носителем власти, которая ставила его выше всех других монархов. Блеска этой фигуре добавляли и средневековые пророчества о грядущей битве ангелов с посланцем дьявола Антихристом, где говорилось, что «последний император» положит начало тысячелетнему царству Христа. На это и опирались Габсбурги, трубившие о своей роли в неминуемом конце света. Соответственно, Максимилиану I (король в 1486–1508 гг., император в 1508–1519 гг.) на портрете придавались черты легендарного «последнего императора», у которого, согласно пророчествам, будет «высокий лоб, выгнутые брови, большие глаза и орлиный нос»¹⁰.

Считалось, что последний император не только одолеет Антихриста, но также разобьет турок, освободит от них Стамбул (Константинополь) и избавит от владычества магометан святой город Иерусалим. Императоры Священной Римской империи чередой объявляли о готовности к крестовому походу против неверных, который не только исполнит пророчество, но и подтвердит их приверженность идеалам христианского рыцарства и главенствующее положение в крещеном мире. В XVI в. война против иноверцев в воображении Габсбургов слилась с войной против еретиков. Один за другим габсбургские императоры и правители обрушивались на распространявшийся по Европе протестантизм, не признававший власти Святого престола. В религиозной практике испанских Габсбургов борьба за чистоту веры в равной мере обозначалась и нарочитым почитанием таинства причастия, и тщательно срежиссированными сожжениями еретиков.

В XV и XVI вв. во время общего подъема наук и искусств, известного как Возрождение, оживилось изучение классических текстов. Ренессансные ученые и гуманисты оглядывались на Рим в поисках вдохновения и наставления. Многие заимствовали у античных авторов веру в иерархический порядок, на вершине которого находился император, чья миссия состояла в посредничестве между правителями и установлении всеобщего мира. Благодаря своему императорскому титулу Габсбурги часто казались гуманистам единственными кандидатами на роль восстановителей порядка и гармонии. Эти авторы рассуждали о «всемирной империи» или «вселенской монархии», ведомой Габсбургами, и перелицовывали древние эпические сюжеты,

⁹ Эта скульптура сейчас находится в главной столовой замка Габсбург.

¹⁰ Marie Tanner, *The Last Descendant of Aeneas: The Hapsburgs and the Mythic Image of the Emperor* (New Haven, CT, 1992), 122.

изображая Габсбургов в виде римских кесарей. А чтобы добавить красок, они вкладывали в уста античных богов витиеватые речи о высоком предназначении Габсбургов и о ниспосланных им цитах, на которых изображены карты всего известного мира¹¹.

Величайший гуманист Возрождения Эразм Роттердамский не тратил времени на подобную ученую чепуху. Заметив, что «королями и глупцами не становятся, а рождаются», он предрекал, что вселенский монарх, скорее всего, будет вселенским тираном – «врагом для всех, и все враги для него». Именно Габсбурги близко подошли к воплощению в жизнь идеи «всемирной монархии», которой опасался Эразм. Императора Священной Римской империи избирали – это делали семь ведущих князей империи. Габсбурги, однако, помимо того, что занимали императорский трон, управляли отдельными провинциями и территориями империи по праву наследования: эти земли принадлежали им как собственные, а не просто находились под их властью, поскольку они были императорами. Первоначально эти родовые владения располагались в верховьях Рейна, но к XIII в. Габсбурги обзавелись землями в Центральной Европе, приблизительно соответствующими территории нынешних Австрии и Словении. Затем, начиная с 1470-х гг., за каких-то полвека габсбургские владения резко разрослись, вобрав в себя Нидерланды, Испанию, Чехию, Венгрию и большую часть Италии. Венгрия – независимое, в отличие от Чехии, королевство, не входившее в состав Священной Римской империи, – расширила сферу влияния Габсбургов на 700 км на восток, до границ нынешней Украины. Но Испания стала еще более ценным приобретением, ведь к ней прилагался Новый Свет и колониальная система в Азии и по берегам Тихого океана. Габсбургские владения стали первой империей, над которой никогда не заходило солнце¹².

Некоторое представление о размерах этого образования дает официальный титул Карла V в 1521 г.:

Карл, милостью Божьей избранный император Священной Римской империи, во все времена приумножитель империи и прочая, король Германии, Кастилии, Арагона, Леоны, обеих Сицилий, Иерусалима, Венгрии, Далмации, Хорватии, Наварры, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Балеарских островов, Севильи, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хаэна, Алгавре, Альхесираса, Гибралтара и Канарских островов и еще островов в Индиях и материка в Океане и прочая; эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Лотарингии, Брабанта, Штирии, Каринтии, Крайны, Лимбурга, Люксембурга, Гелдерна, Вюртемберга, Калабрии, Афин, Неопатрии и прочая; граф Фландрии, Габсбурга, Тироля, Горицы, Барселоны, Артуа и Бургундии; пфальцграф Эно, Голландии, Зеландии, Феррета, Кибурга, Намюра, Руссильона, Сердани, Зютфена; ландграф Эльзаса; маркграф Ористано, Гочеано и Священной Римской империи; князь Швабии, Каталонии, Астурии и прочая; владетель Фрисландии, Виндской марки, Порденоне, Бискайи, Молинса, Салена, Триполи, Малина и прочая¹³.

Список путаный: он включает в себя земли, которые в тот момент уже не принадлежали или вообще никогда не принадлежали Габсбургам (Иерусалим, Афины и т. д.), но на которые они продолжали заявлять сомнительные права. Другие названия были добавлены именно потому, что за эти владения Габсбурги вели споры, но куда больше территорий в этом титуле просто не упоминается, на что и указывают постоянные «и прочая». Вместе с тем этот разбитый

¹¹ Paul Gwynne, "'Tu alter Caesar eris': Maximilian I, Vladislav II, Johannes Michael Nagonius and the Renovatio Imperii", *Renaissance Studies*, 10 (1996), 56–71.

¹² Об Эразме Роттердамском и вселенском монархе см. Margaret Mann Phillips, *The 'Adages' of Erasmus: A Study with Translations* (Cambridge, 1964), 224–5, 243.

¹³ *Urkundenbuch der Stadt Braunschweig*, vol. 1, ed. Ludwig Hänselmann (Brunswick, 1873), 294.

на разделы список сообщает об одной особенности Габсбургской монархии, которая, в общем, сохранилась и в XIX в., и в XX в. Ее составные части не были объединены, они сохраняли свои отдельные правительства, законы, аристократические и торговые элиты, а также парламенты или ассамблеи. Иначе говоря, это были фактически независимые государства, которые связывала только фигура правителя. При таких расстояниях между частями империи эта разобщенность была в некотором смысле неизбежной, но она также была и продуманной политикой, которая примиряла очень отличные друг от друга народы с властью далекого государя. Как пояснял Карлу V (император в 1519–1556 гг.) один испанский правовед, чтобы обеспечить лояльность подданных, каждым владением ему нужно править отдельно, «как будто монарх, держащий их вместе, не более чем король каждого из них»¹⁴.

Габсбурги усвоили широкую, всеохватную концепцию мира, объединенного под небесной властью одного правителя, посвятившего себя служению вере, поддержанию мира между христианами и войне против неверных. Но это видение не воплотилось ни в какую политическую программу даже на тех землях, которыми Габсбурги управляли. Все монархии начинались как сложные образования, составленные из различных территорий, которые потом сплачивались и приобретали единообразие. Даже в государствах, образованных из отдельных королевств, со временем проявлялись тенденции к централизации, так что своеобразие их частей постепенно стиралось настолько, что они теряли независимый характер и институты. Габсбурги этого не добились – более того, за исключением нескольких кратких периодов, они к этому и не стремились. Невзирая на некоторую централизацию административного и законодательного аппарата в XVIII и XIX вв., их владения по-прежнему управлялись так, словно государь был правителем лишь каждого из них в отдельности, а не супермонархом с неограниченной властью. В XVIII столетии французский монарх титуловался просто «королем Франции и Наварры», без упоминания герцогств Аквитания и Бретань, графства Тулузского, герцогства Нормандия и прочая, Габсбурги же до самого XX в. перечисляли в своем титуле все составные части своей страны как самостоятельные единицы.

Историки крепки задним умом. Они знают, что будущее – за централизованными национальными государствами, и потому считают политические образования, построенные на принципах децентрализации и разнородности, обреченными на гибель. «Хаос», «отсталость» и «случайность» – в таких категориях они привыкли описывать поздних Габсбургов и их империю. Но о Габсбургах не следует судить настолько примитивно. Их мировоззрение сплеталось из множества нитей и простиралось дальше территориальных границ и грозных каменных твердынь. Оно, как показывает библиотека Карла VI, выросло из дополняющих друг друга идеалов и устремлений – из идей истории и наследования, императорского Рима и католической веры, благодетельного правления, а также стремления к знаниям, вечности и небесной славе.

Безусловно, политические соображения влияли на ситуацию, размывая мистическую сущность Габсбургской монархии, так что ее проявления подчас оказывались бессмысленными или банальными. Но даже когда Габсбурги чуть более века назад вступили в последние десятилетия своего царствования, от этого мировоззрения кое-что оставалось. Цель этой книги – рассказать об империи Габсбургов, об их представлениях и о том, какими их представляли другие, об их целях, замыслах и неудачах. Полтысячелетия, с XV до XX столетия, Габсбурги были одной из самых влиятельных европейских династий, а несколько веков их владения простирались до Нового Света и дальше, делая их империю первым в истории глобальным начинанием. Эта книга – отчасти история Габсбургов, но отчасти и размышление о том, что означала для Габсбургов власть над миром.

¹⁴ Martyn Rady, *Emperor Charles V* (Harlow, 1988), 36.

1

ЗАМОК ГАБСБУРГ И «ЭФФЕКТ ФОРТИНБРАСА»

В начале прошлого века некий особо усердный исследователь решил установить родословную эрцгерцога Франца Фердинанда, на тот момент – наследника императора Франца Иосифа. Построенное им генеалогическое древо состояло из 33 таблиц, восходило к XVI столетию и включало в себя более 4000 упоминаний предков Франца Фердинанда. Однако из-за близкородственных браков там было столько наложений, что отдельных персон насчитывалось лишь полторы тысячи: многие мужья приходились своим женам и кузенами, а жены мужьям – племянницами по нескольким линиям. В этой родословной Франц Фердинанд доводился потомком императору Фердинанду I, жившему в XVI в., по более чем сотне разных линий, а его дальней кузине – непримечательной, но чрезвычайно благочестивой Ренате Лотарингской – по 25¹⁵.

Посвящая свои разыскания Францу Фердинанду, ученый постарался заретушировать частоту близкородственных браков у Габсбургов, показав на цифрах, что все правящие роды Европы предавались в прошлом кровосмешению в неменьшей степени. Он также извинялся за то, что не смог углубиться дальше, в Средние века. Но, если бы он попытался проследить родословную эрцгерцога до XI в., ему пришлось бы упомянуть несколько сотен тысяч человек, поскольку с каждым поколением число предков удваивается. Однако при этом задача ученого с погружением все дальше в историю в каком-то смысле упрощалась бы, поскольку письменных источников становилось бы все меньше и белые пятна расплывались бы все шире. К X в. семейное древо Габсбургов ссохлось бы от (в теории) сотен тысяч до (на практике) горстки едва различимых фигур.

Книги о ранней истории Габсбургов порой напоминают детективные триллеры: они полны умозрительных построений, прослеживающих линию Габсбургов через загадочный род эльзасских графов Этихонидов к французской королевской династии Меровингов, берущей начало в V в. от мифического прародителя – квинотавра, пятирогого быка. В действительности самые ранние Габсбурги, каких мы только можем отыскать, жили в конце X в. в верховьях Рейна и Эльзасе, в районе нынешней франко-германской границы, и в Аргау, на севере нынешней Швейцарии. Вся эта территория входила в Священную Римскую империю, принадлежала герцогству Швабия и состояла из нескольких фактически самостоятельных графств, или гау, каждое – со своим графом. Первым Габсбургом, о котором нам доподлинно известно, был некий Канцелин (иногда именуемый Ланцелином), в позднейших источниках связываемый с небольшой крепостью Альтенбург, располагавшейся в Аргау, недалеко от города Бругг¹⁶.

После смерти Канцелина, наступившей около 990 г., его земли поделили сыновья, Радбот (985–1045) и Рудольф. Во владениях первого оказалась деревня Мури, лежащая в 25 км от Альтенбурга. Эту деревню Радбот преподнес как свадебный подарок своей невесте Ите (Иде), которая в 1027 г. основала там бенедиктинское аббатство. За такое благочестие Ита удостоилась могилы рядом с алтарем монастырской церкви. Несмотря на разграбление обители бернскими протестантами в 1531 г., могила Иты сохранилась и поныне. Рядом с ней отчасти упокоились последние император и императрица Габсбургской династии – Карл и Цита: урны с их сердцами хранятся в часовне возле алтаря. Тело Карла, которое после Первой мировой войны

---

¹⁵ Otto Forst, *AhnenTafel seiner kaiserlichen u. königlichen Hoheit des durchlauchtigsten Herrn Erzherzogs Franz Ferdinand von ÖsterreichEste* (Vienna and Leipzig, 1910).

¹⁶ Harold Steinacker, 'Zur Herkunft und ältesten Geschichte des Hauses Habsburg', *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*, NF 19 (1904), 181–244, 359–433 (233–8).

не позволили вернуть в Австрию, погребено на португальском острове Мадейра, где он умер в 1922 г., а вот останки Циты покоятся в Императорском склепе в Вене.

Аббатство в Мури процветало щедростью верующих и своих основателей. Оно обзавелось землями в более чем 40 окрестных деревнях, а также драгоценными реликвиями, среди которых были мощи более чем сотни святых и мучеников, частички Истинного креста, скрижалей, на которых были начертаны 10 заповедей, и колонны, у которой Пилат судил Иисуса. Впрочем, потомки Радбота и Иты воспринимали все это как свою собственность. Основанная и богато одаренная этой семьей обитель считалась «частным монастырем» – местом погребения, где служились мессы за упокой их предков, а аббатов назначали они сами по своему усмотрению. Габсбурги также взяли на себя обязанности покровителя, или фогта (Vogt, что иногда переводится как «хранитель» или «заступник»), и за это удерживали часть доходов аббатства¹⁷.

Сын Радбота Вернер (1025–1096), прозванный позже Благочестивым, уловил новые веяния монашеской жизни, доходившие из крупных монастырей в Клуни и Хирсау: покорность, непрерывная молитва и полный уход от мира. Недовольный поведением мурийских бенедиктинцев, которые (как говорят) делали что хотели, Вернер, чтобы подать им пример, пригласил в обитель вышколенных монахов из Шварцвальда. Но эта благонамеренная затея вышла ему боком. Реформаторов монастырской жизни заботила вовсе не только мораль братии. Они утверждали право вышестоящих клириков управлять монастырями, что в корне расходилось с привычкой светских аристократов распоряжаться ими как своей частной собственностью. Это напрямую угрожало интересам Вернера, который осознал, что может вовсе лишиться власти над обителью, в устройство которой его предки вложили так много сил и средств¹⁸.

Где-то в середине 1080-х гг. Вернер изготовил фальшивую грамоту, будто бы составленную за 60 лет до того его дядей (или, возможно, двоюродным дедом) Вернером, епископом Страсбурга. Грамота гласила, что ее мнимый автор, епископ, основал монастырь в Мури и навечно даровал своей семье пост монастырского фогта. Подложную грамоту огласили в собрании самых влиятельных лиц Аргау, а позже ее подтвердила в Риме коллегия кардиналов. Для большей достоверности несколько лояльных к Вернеру монахов составили поминальник – список умерших, об упокоении которых нужно молиться на литургии. Имя епископа Вернера в нем было выделено красным цветом, а вот Ита не упоминалась вовсе. Таким образом, основание аббатства связывалось уже не с Итой, а с епископом и, соответственно, с правами, упомянутыми в якобы составленной епископом грамоте¹⁹.

В 1114 г. предписание фальшивой грамоты подтвердил император Священной Римской империи Генрих V. Правда, император добавил оговорку, что покровители аббатства не должны извлекать из своих обязанностей выгоды и вмешиваться в дела монастыря. С этого момента наследников Вернера мало-помалу оттесняли от управления обителью. А чтобы они тем временем не присвоили монастырское имущество, братия составила подробный перечень всех своих земель и драгоценных реликвий. Также монахи записали историю ранних лет аббатства в Мури, где семейство основателей показано грабителями и ворами, отдавшими землю под монастырь, чтобы облегчить свою нечистую совесть. Хотя в рассказах, собранных монахами из Мури, наверное, содержится доля правды, их опус породил легенду о том, что первые Габсбурги были просто титулованными разбойниками, которые, согласно одному из описаний нашего времени, «носились по округе, убивая и грабя встречных»²⁰.

¹⁷ О реликвиях аббатства Мури см.: Acta Murensia. Die Akten des Klosters Muri mit der Genealogie der frühen Habsburger, ed. Charlotte Bretscher-Gisiger and Christian Sieber (Basle, 2012), 73–123.

¹⁸ Acta Murensia, 23; Albert Brackmann, Zur Geschichte der Hirsauer Reformbewegung im XII. Jahrhundert (Berlin, 1928), 6.

¹⁹ Acta Murensia, 300–3; Jean Jacques Siegrist, 'Die Acta Murensia und die Frühhabsburger', Argovia. Jahresschrift der Historischen Gesellschaft des Kantons Aargau, 98 (1986), 5–21 (11).

²⁰ Acta Murensia, 35–7; Brackmann, Zur Geschichte der Hirsauer Reformbewegung, 27; современное описание из Hans-Ulrich Stoldt, 'Rehpfeffer Radbot', in *Spiegel Geschichte*, 2009, no. 6 (digital edition).

Землевладельцы основывали монастыри как своего рода фабрики молитв, где день за днем будут служить мессы, чтобы их души как можно скорее прошли чистилище. Для защиты от земных опасностей они строили замки. В более ранние эпохи укрепления были преимущественно земляными, но начиная с XI в. в моду вошли крепости из дерева и камня. Их задачей было защищать, контролировать и держать в страхе окрестные деревни, но, кроме того, замок служил символом растущей независимости и укрепляющейся власти феодалов. В средневековой Европе было совсем немного областей, где замки строились гуще, чем в Аргау. Один любитель древностей в конце XIX в. насчитал там не менее 70 каменных крепостей, большинство из которых заложили до 1300 г., – и это на площади в каких-то 1400 кв. км! Эта территория нуждалась в крепостях, потому что иначе ее тучные пастбища и господство над дорогами, ведущими через Альпы, превратили бы ее в соблазнительную добычу для алчных соседей²¹.

Легенда гласит, что однажды на охоте Радбот потерял любимого ястреба. Разыскивая его, он вышел на плоскую скалу над рекой Аре, на самом краю своих владений, и понял, что это место идеально подходит для крепости. Твердыню, возведенную на этом месте, Радбот назвал Хабихтсбург (Habichtsburg), то есть «Ястребиный замок» (в древневерхненемецком ястреб обозначался словом *Habicht* или *Nabuh*). Название прижилось в сокращенной форме Хабсбург, и со временем потомки Радбота начали использовать именно ее. Легенда, связывающая появление замка с ястребом, волновала романтические натуры и спустя многие века. Архидиакон Уильям Кокс (1748–1828), первый английский историк, занявшийся Габсбургами, описывая свое волнение при виде замка Габсбург, сравнивал себя с Эдвардом Гиббоном, озирающим руины римского Форума²².

Выстроенный на крутом горном уступе, замок Габсбург по-прежнему выглядит внушительно, хотя и превращен в ресторан, так что из-за крепостных зубцов у него торчат зонтики. Однако история о ястребе явно заимствована из других источников. Название Хабихтсбург появляется в 1080-х гг. Его происхождение, вероятно, связано не с ястребом, а с бродом (*Hafen*), так как замок возник рядом с местом, где реку Аре переходили вброд. Более того, Габсбург и различные ранние варианты этого названия (Хавехисбург, Хавихсберг, Хавесборк и пр.) лишь одно из нескольких мест, которые потомки Радбота обычно включали в перечень своих титулов. Обзаводясь новыми землями и замками, они сдвигали Габсбург все ниже по списку, пока он совсем не затерялся в густой чаще владений. Лишь в XVIII в., когда знать происхождения своих предков стало модным, это название извлекли на свет, а широкое хождение оно получило благодаря популярной исторической балладе Шиллера «Граф Габсбургский» (1803). До тех пор единственным родом, настойчиво приписывавшим себе это имя, были графы Денби из английского Уорикшира. Выходцы из простонародья, они придумывали себе то одно, то другое знатное происхождение и в надежде добавить пышности своей фамилии добавляли к ней сомнительные иностранные титулы²³.

Замок Габсбург не был «разбойничьим гнездом»: это была не только крепость, но и жилище. Изначально его ядром была каменная прямоугольная башня со сторонами 18 с лишним и 13 м, со стенами почти двухметровой у основания толщины. Позже поверх нее возвели четырехъярусный жилой корпус, а к нему с северо-восточной стороны пристроили новую башню. В конце XII в. обе эти постройки окружили длинной стеной, так что заодно получился внутренний двор. К тому времени построили вторую башню, западнее главной, и вокруг нее

²¹ J. Müller, *Der Aargau. Seine politische, Rechts, Kultur und Sitten-Geschichte* (Zurich, 1870), 418–46.

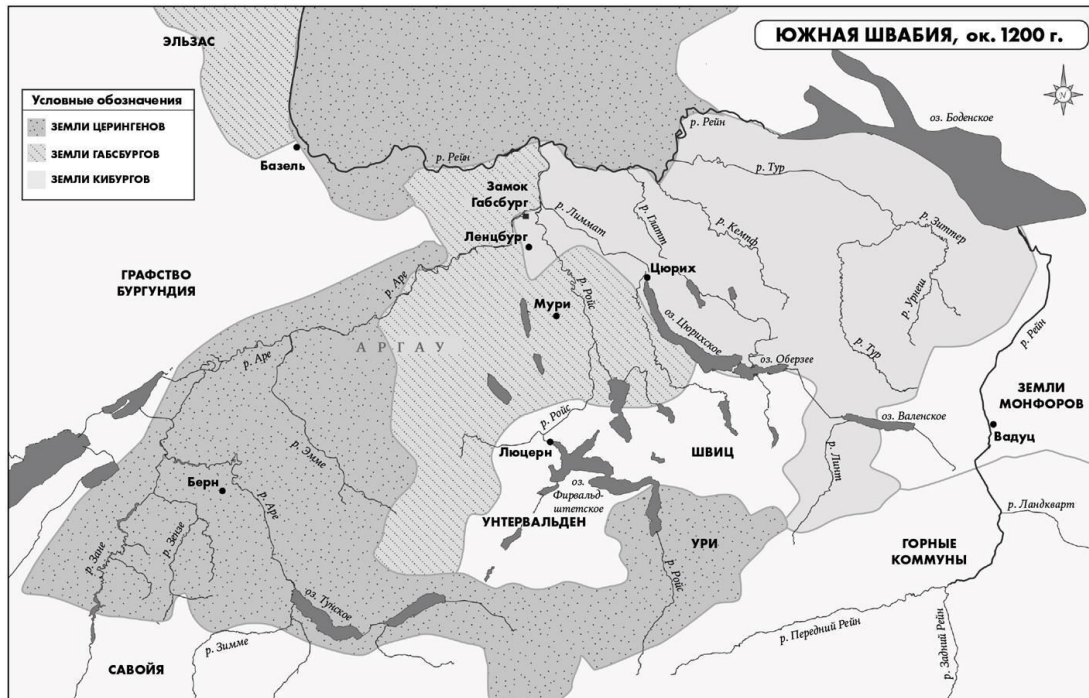
²² C. H. Herford, *The Age of Wordsworth* (London, 1945), 41.

²³ Grete Klingenstein, 'The Meanings of "Austria" and "Austrian" in the Eighteenth Century', in *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe*, ed. Robert Oresko et al. (Cambridge, 1997), 423–78 (440); о графах Денби см. J. H. Round, *Studies in Peerage and Family History*, vol. 2 (London, 1901), 14–5.

сформировался свой комплекс зданий с большим залом и жилыми помещениями. Именно эту часть замка сегодня посещают туристы, а от остального остались лишь груды камней.

Во второй половине XIII в. Габсбурги покинули замок, перебравшись в Ленцбург, 10 км южнее. Еще у них была резиденция в Бругге, где правнук Вернера Альбрехт Богатый (умер в 1199 г.) построил так называемую Черную башню (сохранилась до наших дней), а позже – и замок Баден на вершине холма в Аргау (ныне разрушен). Бругг и Баден были лучше приспособлены для проживания, чем Габсбург, поскольку располагались ближе к рынкам и их было проще снабжать. Старый же замок отошел к вассалам Габсбургов, которые поделили его на две отдельные крепости. В итоге в 1415 г. его захватил город Берн.

Центральная область габсбургских владений лежала у слияния Аре, Лиммата и Ройса; в Средние века все эти реки были судоходными. К тому же через эти места шли дороги, соединявшие горные области Швейцарии с предальпийскими равнинами. В XIII в. с открытием Сен-Готардского перевала деньги и товары из Северной Италии потекли через Люцерн и Аргау на великие ярмарки Фландрии и Шампани. Габсбурги владели несколькими десятками таможен, извлекавших доходы из этой торговли, в те времена касавшейся в основном шерсти, тканей, металлов и рыбы. Плоскогорье Аргау было богатым и в сельскохозяйственном плане: крестьяне, возделывавшие там поля, платили Габсбургам как деньгами, так и натурой ренту, а также пошлины за право пользоваться покосами, пастбищами и мельницами. Вот выдержка из описи начала XIV в., составленной для деревни неподалеку от замка Габсбург: «Двое арендаторов из Виндиша обязаны ежегодно вносить ренту из двух пеков ржи каждый, что в совокупности бушель, двух свиней, одна ценою восемь шиллингов, а другая – семь шиллингов, двух ягнят каждый ценою 18 пенни, четырех кур и 40 яиц». (12 пенни составляли шиллинг, а бушель – это 35 литров.)²⁴

²⁴ О таможах и пошлинах см. Fritz Glauser, 'Der internationale Gotthardtransit im Lichte des Luzerner Zentnerzolls von 1493 bis 1505', Schweizerische Zeitschrift für Geschichte, 18 (1968), 177–245 (182); о Виндише см. Das Habsburgösterreichische Urbarch, ed. Franz Pfeiffer (Stuttgart, 1850), 149.

Во всех владениях Габсбургов в Аргау в обязанности крестьянина, бравшего себе жену, входила уплата сеньору трех шиллингов «за первую ночь». Историкам националистического толка вечно нужны злодеи, и в случае Швейцарии эту роль обычно играли Габсбурги. Швейцарские историки немало наговорили об этих трех шиллингах, подавая их как возмутительный налог, который требовали со швейцарцев их прежние господа Габсбурги за отказ от использования унижительного права первой ночи. На самом деле это «право сеньора» (*droit de seigneur*) рождено похотливой фантазией более поздних поколений, а три шиллинга были просто платой, вносимой в случае брака, подобной великопостному подношению, знаменовавшему конец карнавала. Этот налог был обычен во всех областях Швейцарии. По правде говоря, Габсбурги редко проявляли большое рвение в сборе с крестьян налогов и податей, и многие из них со временем забывались. Оброк, взимавшийся с виндишских арендаторов, вряд ли можно назвать тяжким²⁵.

К XIII столетию основную часть доходов семья Габсбургов получала от таможенных пошлин, и больше всего приносили таможни, построенные на мостах в Бадене и Бругге. Отправление правосудия тоже приносило деньги. В реестре имущества и статей дохода, составленного в начале XIV в. для всех принадлежавших Габсбургам замков и деревень, это право обычно упоминается первым – «штрафовать и принуждать, разбирать дела о кражах и насилии». Поскольку штрафы и изъятое имущество часто отходили к сеньору, это право тоже неплохо служило пополнению его казны. Габсбурги были достаточно богаты, чтобы привлекать к себе на службу других землевладельцев. Принимая на себя вассальные обязанности, те получали взамен замки или разрешения на их постройку и затем держали эти владения от имени своих господ. К XIV в. Габсбурги обладали тремя десятками замков, разбросанных от Боденского озера до левого берега Рейна и Эльзаса, и к каждому замку прилагались деревни, поместья и хутора. Габсбурги определенно не были «бедными графами», какими их рисуют некоторые историки²⁶.

Изначально Габсбурги были лишь одним из множества дворянских родов Аргау. Их взлет историки склонны объяснять политическими причинами. В XII в. Габсбурги встали на сторону императора Лотаря III (1125–1137) против его соперников из династии Штауфенов и в благодарность получили новые владения в Верхнем Эльзасе, а вместе с ними – и престижный титул ландграфа. Позже, в середине столетия, Габсбурги перешли на сторону Штауфенов. Вернер II, внук первого Вернера, умер недалеко от Рима в 1167 г., сражаясь за императора из этой династии Фридриха I Барбароссу. Сын Вернера Альбрехт Богатый и внук Рудольф Старый (также Добрый или Милосердный, умер в 1232 г.) выступали на стороне наследников Штауфенов – Филиппа Швабского и Фридриха Штауфена соответственно. Рудольф позже финансировал военный поход Фридриха, завершившийся в 1211 г. захватом власти в Священной Римской империи, после чего Фридрих стал императором Фридрихом II. Новый император вознаграждал верного союзника: последовали брачный союз с родом Штауфенов, милостивое согласие императора стать крестным отцом внуку Рудольфа Старого и новые земельные пожалования на юго-западе Священной Римской империи.

Однако своим взлетом Габсбурги скорее обязаны ситуации, которую можно назвать «эффект Фортинбраса». В финале шекспировского «Гамлета» все герои лежат замертво, и тут прибывает норвежский принц Фортинбрас, который заявляет:

²⁵ Jörg Wettlaufer, *Das Herrenrecht des ersten Nacht. Hochzeit, Herrschaft und Heiratzins im Mittelalter und in der frühen Neuzeit* (Frankfurt a/M. and New York, 1999), 251; Johannes von Müller, *Die Geschichten Schweizerischer Eidgenossenschaft*, vol. 2 (Stuttgart and Tübingen, 1832), 157; Konrad Glaetli, *Sagen aus den Zürcher Oberland* (Winterthur, 1951), 20; Le Doyen Bridel, *Glossaire du Patois de la Suisse romande* (Lausanne, 1866), 121. Более общая информация – см. Tom Scott, 'Liberty and Community in Medieval Switzerland', *German History*, 13 (1993), 98–113 (101–2).

²⁶ Werner Wild, 'Habsburger und Burgenbau in den "Vorderen Ländern"', in *Die Habsburger zwischen Aare und Bodensee*, ed. Peter Niederhäuser, 2nd ed. (Zurich, 2010), 34–60.

На этот край есть право у меня.
Я предъявлю его²⁷.

Габсбурги, подобно Фортинбрасу, вышли на сцену, когда все остальные пали. В течение XII и XIII вв. они породнились со многими знатными соседями на территории нынешних Швейцарии и Юго-Западной Германии, а позже заявляли свои права на земли этих соседей, если у тех пресекался род. Так им частично или полностью достались владения семейств Ленцбург, Пфуллендорф и Хомбург. Хотя поначалу Габсбурги завладели только частью наследия Ленцбургов, эта часть, приобретенная в 1170-х гг., обеспечила им графский титул. До тех пор Габсбурги носили его лишь в знак уважения²⁸.

Но самые значительные территориальные приобретения на юго-западе Священной Римской империи Габсбурги получили с пресечением родов Церингенов и Кибургов в 1218 и 1264 гг. соответственно. Церингены были давними врагами Штауфенов, а их владения были очень обширными, простираясь от Шварцвальда до Савойи. После смерти последнего герцога, Бертольда V, не оставившего наследников, земли Церингенов были разделены. Большая их часть отошла Кибургам в силу того, что сестра Бертольда была замужем за одним из Кибургов. Но в 1264 г. умер и последний Кибург. И тогда граф Рудольф Габсбург (1218–1291), внук Рудольфа Старого, поскольку его мать тоже была из Кибургов, забрал основную часть их владений – земли между Цюрихом и Боденским озером. Вместе с землями Кибургов Габсбурги получили владения Церингенов и ту часть наследия Ленцбургов, которая не досталась им веком раньше.

Территориально могущество Габсбургов было не так велико, как можно было бы заключить из списка их приобретений. Земли семьи не составляли единой области, а перемежались с землями других феодалов, церковными владениями, городами и свободными деревнями. Часть габсбургских имений находилась в закладе, другие были переданы слугам или должностным лицам вместо жалованья. Ренту и другие сборы тоже отдавали в третьи руки в обмен на единовременные выплаты. Даже в самых небольших владениях Габсбургов имелись свои особенности и постоянно менялась ситуация, что весьма затрудняло организацию общей системы управления: каждая из территорий по-своему взаимодействовала с сюзереном. И все же к середине XIII столетия Габсбурги стали самым влиятельным родом в Швабском герцогстве. Их земли тянулись от Страсбурга до Боденского озера и от реки Аре до лесистых альпийских долин, от нынешнего востока Франции до западной границы Австрии, захватывая большой кусок Северной Швейцарии. На этой широкой полосе Европы внук Рудольфа Старого, граф Рудольф, будет готовиться к самому дерзкому на тот момент предприятию Габсбургов – захвату самой Священной Римской империи²⁹.

Габсбургам повезло, что через их исконные земли пролегали дороги, связывающие Северную Италию с Францией, на которых возникли таможенные посты. Также им повезло с политическими альянсами. И все же ранний этап укрепления власти Габсбургов оказался успешным прежде всего благодаря их родовому долголетию. Как выяснил усердный исследователь родословной Франца Фердинанда, Габсбурги всегда оказывались теми, кто выжил. Поколение за поколением они производили наследников; если сыновей не рождалось, находились кузены и племянники. Долгий век открывал возможность унаследовать достояние менее стой-

---

²⁷ Пер. Б. Л. Пастернака.

²⁸ Oswald Redlich, *Rudolf von Habsburg* (Innsbruck, 1903), 11, 17.

²⁹ Peter Blickle, *Von der Leibeigenschaft zu den Menschenrechte. Eine Geschichte der Freiheit in Deutschland*, 2nd ed. (Munich, 2006), 76–8; Hans Erich Feine, 'Die Territorialbildung der Habsburger im deutschen Südwesten', *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte (Germanistische Abteilung)*, 67 (1950), 176–308 (188). ГЛАВА 2. СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЗОЛОТОЙ КОРОЛЬ

ких родов, с которыми Габсбургов связывали брачные узы. В последующие века Габсбурги сохраняют это свое биологическое везение, и эффект Фортинбраса еще не раз откроет перед ними новые возможности. «Не победить, но выстоять – все в этом»³⁰, – восклицал австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926). В случае Габсбургов первые победы им принесло именно то, что они выстояли.

---

³⁰ Пер. Е. Борисова.

2

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЗОЛОТОЙ КОРОЛЬ

В 1184 г. император Фридрих I Барбаросса (правил в 1155–1190 гг.) выстроил в Кайзерсверте таможенную башню, чтобы эффективнее собирать подати с судов, идущих по Рейну. На башне он повелел разместить такую надпись: «Император Фридрих воздвиг это чудо всей Империи, чтобы упрочить справедливость и принести всем мир». Сегодня мы бы презрительно поморщились в ответ на требование уплатить пошлину, выраженное в таких напыщенных фразах, но слова Фридриха многое говорят нам о том, чем современники считали Священную Римскую империю. Ее воспринимали вовсе не как единое королевство, а как союз областей и городов, обладавших своими, особыми «правами и вольностями» и становившихся со временем все более независимыми. В задачи империи входило создавать механизмы и условия, защищающие права и вольности ее субъектов так, чтобы, согласно тогдашнему пониманию справедливости, «каждый получал то, что ему причитается». Пошлины, законно взимаемые справедливым правителем, укрепляли мир и порядок, которые он был призван охранять. Эти пошлины следовало чтить, так же, как следовало осуждать незаконные поборы, накладываемые недобросовестными феодалами³¹.

Беда была в том, что Священная Римская империя не обладала системой управления, которая обеспечивала бы соблюдение прав и вольностей каждого. Там не было ни центрального правительства, ни постоянной налоговой службы, ни столицы, ни иерархии судов, уполномоченных вершить справедливость от лица правителя. Вместо этого власть находилась в руках высшей знати и князей, и именно они выбирали монарха, «короля римлян», который становился императором лишь после венчания папой. Знать, клир и представители городов, которые время от времени собирались на так называемые придворные ассамблеи, с трудом находили согласие. Они по-прежнему ждали указаний от правителя, но тот не имел необходимых для принуждения ресурсов. Чтобы добиться своего, ему зачастую приходилось уступать и искать компромиссы, что лишало его последних остатков авторитета. На остроумном рисунке, датированном концом XIII в., император изображен уже не орлом со своего герба, а всего лишь дятлом на трухлявом дереве³².

Выход для правителя состоял в том, чтобы наращивать свое личное богатство и покупать за него власть в государстве. Историки не устают осуждать такую политику, упрекая императора за императором в том, что они заботились лишь о создании очагов личной власти и совсем не задумывались о крупных задачах. Но именно обилие имущества, которое они стяжали в Швабии, позволило приобрести влияние Штауфенам, первым из которых императорскую корону получил Фридрих Барбаросса. Однако императорам из этой династии хотелось утвердиться и в Италии, захватить земли и там. Это обернулось для них конфликтом со Святым престолом и с другими претендентами на богатства Апеннинского полуострова. В последнее десятилетие своего правления Фридрих II, внук Фридриха Барбароссы, подвергся сначала отлучению от церкви, а затем папскому низложению. За 20 лет после его смерти (1250) свой конец в Италии нашли законный сын, незаконнорожденный сын и старший внук Фридриха II – причем последнего казнили в Неаполе на эшафоте.

---

³¹ О надписи в Кайзерсверте см. Barbara Haupt, *Das Fest in der Dichtung. Untersuchungen zur historischen Semantiken eines literarischen Motivs in der mittelhochdeutschen Epik* (Dusseldorf, 1989), 40.

³² Len Scales, *The Shaping of German Identity: Authority and Crisis, 1245–1414* (Cambridge, 2012), 234.

В Великое междуцарствие, длившееся с 1250 по 1273 г., в Священной Римской империи исчезло всякое подобие системы правления. Поскольку не было согласия в том, кому пристало занять место Фридриха II, на императорскую корону посягали сомнительные чужаки. По причинам, которые не могут вполне прояснить даже его современные биографы, объявить себя правителем решил король Кастилии и Леона Альфонсо X, но он так и не потрудился хотя бы раз посетить империю. Его соперник Ричард Корнуоллский, младший сын английского короля Иоанна Безземельного, пользовался широкой поддержкой трех архиепископов и более десятка князей, в 1257 г. избравших его своим монархом. Однако истинной целью Ричарда было обойти последнего из Штауфенов, чтобы подтвердить баснословные притязания Англии на Сицилию. Ричард довольно успешно правил в свои четыре посещения империи, но задерживался слишком ненадолго, чтобы оставить какой-то долговременный след³³.

Смерть Фридриха II в 1250 г. привела к полному разгрому всех владений, привилегий и доходов Штауфенов в Швабии. Алчные соседи захватили не только их феоды, но и земли, которыми Штауфены управляли по праву императоров, а не наследственных хозяев. То, что не расхитили сразу, позже зачастую раздали загнанные в угол наследники Фридриха. За разграблением последовали новые распри знати, не сумевшей добром разделить добычу. В общем хаосе растаскивались земли, никогда не входившие в наследие Штауфенов, взымались незаконные пошлины, а многие мелкие землевладельцы лишились последнего. «Наступают злые дни, и зло усиливается», – писал о 1270 г. один хронист. По разоренным землям потянулись процессии кающихся: люди хлестали себя плетью в надежде смягчить Божий гнев и обращались к прежним ересям³⁴.

Больше всех от падения Штауфенов выиграл граф Рудольф Габсбург (1218–1291). Внук Рудольфа Старого, он унаследовал от отца Альбрехта Мудрого, умершего в 1239 г., большую часть габсбургских земель. Своим успехам он часто придавал видимость законного приобретения, убеждая наследников Фридриха II отписывать ему земли, доходы и права. Но не упустил он и случая отобрать, воспользовавшись безвластием, приданое у вдовы последнего Кибурга. Из-за своей жадности Рудольф нажил много врагов и участвовал как минимум в восьми конфликтах со своими соперниками. Хотя в таких стычках полагалось соблюдать определенные правила, например не воевать по определенным дням и заботиться о незащищенных, Рудольф был, по его собственному признанию, ненасытным воякой. Составленные в ту эпоху «Базельские анналы» дают нам о нем неплохое представление: в 1269 г. граф Рудольф безжалостно умертвил нескольких рыцарей в Страсбурге; в 1270-м три дня осаждал Базель; в 1271-м обложил подданных непомерными налогами, сжег монастырь, захватил деревни; в 1272-м разрушил замок Тифенштайн и двинулся на Фрайбург, по пути сжигая поля и истребляя людей; в 1273-м сровнял с землей Клинген и т. д.³⁵

Смерть Ричарда Корнуоллского (1272) дала выборщикам возможность снова собраться и по меньшей мере задуматься о восстановлении порядка. Несмотря на многочисленность выборов Ричарда в 1257 г., считалось, что выборщиков должно быть семеро, но кто именно входит в их число, было неясно. По настоянию папы Григория X крупнейшие князья империи заранее договорились, что голосовать следует единодушно: раскол мог обернуться гражданской войной. Только вот беда: очевидного кандидата не просматривалось.

Самым влиятельным князем в Священной Римской империи был тогда король Чехии Отакар II. Он метил в императоры и считал, что имеет право голоса на выборах нового короля римлян, потому что Чехия входит в состав империи. Но Отакару не доверяли, а его славян-

³³ H. Salvador Martínez, Alfonso X, the Learned: A Biography (Leiden and Boston, 2010), 121–35; Armin Wolf, Die Entstehung des Kurfürstenkollegs 1198–1298 (Idstein, 1998), 43–6; Björn Weiler, 'Image and Reality in Richard of Cornwall's German Career', *English Historical Review*, 113 (1998), 1111–42.

³⁴ MGH SS, xxv, 350.

³⁵ Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit. Annalen und Chronik von Kolmar, ed. H. Pabst (Berlin, 1867), 10–13.

ское происхождение считалось для выборщика недопустимым, поэтому место Отакара в коллегии занял герцог Баварский. Из прочих важных властителей особой охоты занять трон не выказывал никто. Больше двух столетий до этого императоры настолько плотно занимались делами Швабии и соседней с ней Франконии, что два этих герцогства стали как бы синонимом империи. А вот Бранденбург и саксонские герцогства лежали на удалении от центра империи, и их властителей слишком занимали собственные дела и экспансия на восток. В Баварии и в Пфальце герцогами были братья из рода Виттельсбахов, которые настолько не ладили меж собой, что всячески вредили интересам друг друга³⁶.

Таким образом, ни у кого из выборщиков не обнаружилось ни желания, ни возможности организовать единогласие. И этим воспользовался Рудольф Габсбург. Его привлекало как раз то, что отпугивало остальных: связь между императорской властью и юго-западной частью Священной Римской империи, которую Габсбурги уже начали прибирать к рукам. Но устремления Рудольфа объяснялись не одними лишь территориальными интересами. Как крестник императора Фридриха II, он считал себя преемником Штауфенов в ситуации, когда кровных наследников Фридриха уже не осталось. Кроме того, Рудольф был самым крупным феодалом в Швабии, откуда происходил дом Штауфенов, и потому лучше всех годился в такие преемники. В этом смысле он смотрелся не выскочкой, а «продолжателем традиции»³⁷.

С точки зрения выборщиков, Рудольф был подходящей кандидатурой. Ему уже исполнилось 55, и можно было не беспокоиться, что он будет представлять угрозу в долгой перспективе. Сам поживившийся землями Штауфенов, он, верно, не станет требовать возврата земель, присвоенных другими крупными магнатами. Кроме этих циничных соображений подкупало и то, что Рудольф внешне соответствовал новой роли. Он был рослым – один источник приписывает ему рост семь футов, а германский фут в те времена был чуть длиннее нынешнего британского (30,48 см) – и обладал яркой внешностью. Насмешники говорили, что своим длинным носом Рудольф мог перегородить дорогу как шлагбаумом. К тому же в ту эпоху, когда большинство князей только разглагольствовало о Крестовых походах, Рудольф в самом деле стал крестоносцем – и отчаянно бился в 1250-х гг. на балтийском побережье с язычниками-прусами (пусть и в качестве епитимьи за сожженный монастырь). 29 сентября 1273 г. в Ахене Рудольфа избрали, а в октябре увенчали королевской диадемой³⁸.

Современники записали о Рудольфе несколько десятков историй, восхваляющих его смекалку, храбрость, набожность и мудрость. Несомненно, многие из этих анекдотов были его же пропагандой, но все же они рисуют нам широкую натуру, полностью противоположную тому, как предпочитали описывать Рудольфа его верные чиновники: «Умеренный в еде, питье и во всех вещах». Впрочем, главными качествами, которые воспитала в Рудольфе жизнь, проведенная в войне и грабежах, были терпение и расчетливость, и в этом смысле, наверное, не случайно его увлечение шахматами. Речь, произнесенная им на коронации в Ахене, представляла собой настоящий шедевр напускной скромности: «Сегодня я прощаю все обиды, нанесенные мне, выпускаю на свободу всех пленных, томящихся у меня в темницах, и обещаю впредь быть хранителем мира на земле, как прежде я был неутомимым воителем»³⁹.

Пока Рудольф был лишь королем. Чтобы получить императорский титул, он должен был быть коронован в Риме папой. Несмотря на это, Рудольф торжественно говорил о себе «Мы

³⁶ О германской монархии и ее связях со Швабией и Франконией см. Peter Moraw, 'Franken als königsnahe Landschaft im späten Mittelalter', *Blätter für deutsche Landesgeschichte*, 112 (1976), 123–38 (137–8).

³⁷ Oswald Redlich, *Rudolf von Habsburg* (Innsbruck, 1903), 160–1.

³⁸ О носе Рудольфа см. MGH, SS rer. Germ. in usum schol., xxxvi, Part 1, 247.

³⁹ Суждения современников о Рудольфе см. в Othmar Schönhuth, *Anekdoten und Sprüche zur Charakteristik von König Rudolfs von Habsburg* (Canstatt, 1841), и *Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*, 122. О Рудольфе и шахматах см. Wilhelm Wackernagel, 'Das Schachspiel im Mittelalter', in Wackernagel, *Kleinere Schriften*, vol. 1 (Leipzig, 1872), 107–27 (113). О коронационной речи см. Redlich, *Rudolf von Habsburg*, 168.

и Империя» и добавил к своему титулу фразу, которая останется частью официального языка до XIX в.: «Во все времена приумножатель империи». Рудольф по большей части исполнил то, что обещал в коронационной речи. Он прекратил распри с соседями, хотя и на выгодных ему условиях, и в союзе с рейнскими городами принялся уничтожать разбойничьи гнезда в долине реки. О том, как он наводил порядок, поныне свидетельствуют руины расположенного близ Рюдесхайма замка Зоонек, пусть и частично восстановленного в XIX в. в неоготическом стиле, или легенда о рыцарях-разбойниках из Райхенштайна, которых он повесил, после чего пустил бревна их виселицы на часовню, чтобы там молились за упокой их душ⁴⁰.

Не менее важной была проведенная Рудольфом реформа системы охраны порядка. И до него многие правители обещали «мир на земле», запрещали любое насилие и назначали суровые кары за малейшее нарушение закона. Но лишь немногие умели наладить механизмы надзора, без которых распри вскоре вспыхивали с прежней яростью и возвращалось «право сильного». Рудольф же доверил блюсти мир в своих землях наместникам-ландфогтам (Landvogt), которым вменялось в обязанность поддерживать порядок силой оружия. А чтобы финансировать эту систему, Рудольф в 1274 г. обложил все города империи новым налогом, который спустя восемь лет собрал повторно. Разделение империи на отдельные части, которые должны были сами поддерживать у себя мир и общественное спокойствие, стало первым шагом к сложившейся после 1500 г. системе «имперских округов» и институтам охраны правопорядка, просуществовавшим до XIX столетия⁴¹.

Ландфогтов Рудольф обязал не только поддерживать порядок, но и возвращать все имперские земли, которые были розданы после 1245 г. Эта политика, опиравшаяся на военную силу, относительно успешно проводилась в Швабии и соседней Франконии. Возвращенные таким образом территории переходили напрямую к Рудольфу – ведь, как король, он считался их законным владельцем. Вместе с тем сам Рудольф не отказался от имперских земель, которые присоединил к своим родовым владениям, и не спешил возвращать другие противоправно захваченные территории. Также он не видел смысла обострять отношения с Виттельсбахами из Баварии и Пфальца, обязуя их сдать захваченную собственность⁴².

Программа возврата утраченных имперских земель распространялась и на права и привилегии. Никто не нарушал их так дерзко, как чешский король Отакар (ок. 1232–1278). Еще будучи наследником чешского трона, он захватил герцогство Австрийское, оставшееся без правителя после смерти в 1246 г. герцога Фридриха II, последнего из династии Бабенбергов. В подтверждение своих прав на Австрию Отакар ссылался на приглашение местной знати, и, похоже, он действительно пользовался поддержкой заметной ее части. Чтобы прочнее закрепиться на троне, он взял в жены сестру герцога Фридриха Маргариту. Эта дама повидала на своем веку немало. Она была замужем за больным проказой сыном императора Фридриха II Генрихом, а овдовев, стала монахиней, но покинула монастырь, чтобы заявить свои права на Австрийское герцогство. Женщина под пятьдесят, она была старше Отакара на добрых 30 лет. Помимо очевидной проблемы наследника, которого этот союз никак не мог ему подарить, Отакар столкнулся и с другими трудностями. Как имперский лен Австрия после пресечения рода Бабенбергов подлежала возврату в Священную Римскую империю, а затем должна была отойти к новому сеньору, выбранному императором. Ни решение австрийской знати, ни брак с Маргаритой не делали Отакара владельцем Австрийского герцогства.

В последующие десятилетия Отакар распространил свою власть на Штирию, ранее захваченную венгерским королем, и на сопредельные герцогства Каринтию и Крайну, заявив сомни-

⁴⁰ Характеристику правления Рудольфа см. в: Eckhard Müller-Mertens, 'Imperium und Regnum im Verhältnis zwischen Wormser Konkordat und Goldener Bulle', *Historische Zeitschrift*, 284 (2007), 561–95 (578).

⁴¹ Winfried Dotzauer, *Die deutschen Reichskreise (1383–1806)* (Stuttgart, 1998), 23–4; *Handbuch der Bayerischen Geschichte*, vol. 3 (Franken, Schwaben, Oberpfalz), ed. Max Spindler (Munich, 1971), part 2, 904 (by Adolf Layer).

⁴² *Handbuch der Bayerischen Geschichte*, vol. 3, part 1, 163 (by Alois Gerlich).

тельные права наследования. В 1253 г., после смерти своего отца, он также стал королем Чехии. Однако спор о наследии Бабенбергов оставался неразрешенным. В 1262 г. Ричард Корнуоллский признал Отакара их полноправным наследником, но власть самого Ричарда постоянно оспаривалась, и даже то небольшое влияние, что у него имелось, полностью испарилось с его окончательным отбытием в Англию в 1269 г. К тому же после нескольких лет брака Отакар отказался от Маргариты и взял в жены 16-летнюю венгерскую принцессу. Эта прекрасная Кунигунда подарила ему желанного наследника, но никак не могла помочь в притязаниях на Австрию.

Отакар оставался узурпатором, притом опасным. Его владения были самыми обширными в империи – он управлял всей ее восточной окраиной. Отакар был несметно богат: источником его состояния главным образом служили чешские рудники и прибыльные монетные дворы. Сокровища его, согласно одному из тогдашних источников, лежали навалом в четырех неприступных замках. Там хранилось не менее 200 000 серебряных марок и не менее 800 золотых марок в виде монет, блюд и кубков, украшенных драгоценными камнями. Кроме того, приблизительно в 100 000 серебряных марок оценивался ежегодный доход Отакара от Чехии, к которому, пожалуй, можно добавить приблизительно такую же сумму, получаемую от австрийских владений. Для сравнения: весь доход архиепископа Кельнского в то время составлял 50 000 серебряных марок, а герцога Швабского – 20 000. Доходы же имперской казны тогда равнялись всего лишь 7000 серебряных марок. В знаменитой шутке Рудольфа о том, что ему нет нужды нанимать имперского казначея, поскольку вся императорская казна – пять шиллингов в мелкой монете, имелась доля правды, так же как и в ходившем тогда прозвище Отакара – Золотой король⁴³.

Как и Рудольф, Отакар участвовал в Крестовых походах – даже дважды, и крестоносцы расположенного на севере Тевтонского ордена называли в его честь город, который он помог основать на балтийском побережье: Кёнигсберг (буквально «королевская гора», ныне российский Калининград). Для Отакара Рудольф был ничтожеством, недостойным королевского титула, – о чем он не преминул сообщить папе. Отакар выступил против избрания Рудольфа, а после продолжал заявлять, что оно незаконно, потому что ему не дали права голоса. Отакар открыто демонстрировал свои амбиции, имитируя в письмах стиль императорских грамот и включив в число своих геральдических эмблем имперского орла. И хотя Чехия, как и Австрия, была имперским леном, Отакар отмахнулся от этого, объявив, что его власть там не просто власть правителя, но власть «милостью Божьей, которой все короли царствуют, а монархи правят»⁴⁴.

Рудольф переиграл Отакара. Он помирился с противниками, пережив их на своих дочерях, которых у него было ни много ни мало шесть, а поведение Отакара преподносил как глумление не над собой, а над достоинством самой Священной Римской империи. Вскоре после избрания королем Рудольф убедил рейхстаг осудить Отакара за невозврат земель, по закону принадлежащих империи. Тот отказался подчиниться этому решению, и тогда его объявили вне закона, что, выражаясь тогдашним языком, приравнивало его в правах к дикой птице (*Vogelfrei*) – о ней никто не заботится, ей приходится жить в лесу и ее даже может убить всякий, кому того захочется. Для пущего эффекта архиепископ Майнцский отлучил Отакара от церкви, освободил всех его подданных от принесенной Отакару присяги и запретил в Чехии освящение Святых Даров. Во всем королевстве Отакара замерла церковная жизнь⁴⁵.

⁴³ О сокровищах Отакара см. MGH SS, xviii, 571. See further, Jörg K. Hoensch, Přemysl Otakar II. von Böhmen. Der goldene König (Graz, 1989), 64, 80; MGH SS, ix, 187; Scales, *The Shaping of German Identity*, 92.

⁴⁴ Jiří Kuthan, Přemysl Ottokar II. König, Bauherr und Mäzen (Vienna, Cologne, and Weimar, 1996), 31–49.

⁴⁵ Johann Franzl, Rudolf I. Der erste Habsburger auf dem deutschen Thron (Graz, 1986), 120.

Рудольф выжидал, привлекая новых союзников и распуская слухи: будто папа тоже отлучил Золотого короля; будто Отакар запер в монастырь десятилетнюю дочь, чтобы она не могла выйти замуж за кого-нибудь из сыновей Рудольфа; будто некоему отшельнику явился во сне сфинкс, предрекший Отакару скорую смерть, и тому подобное. Наконец, в конце лета 1276 г. Рудольф перешел к действиям, нанеся удар Отакару не в Чехии, где тот его ждал, а вдоль Дуная. Вынужденный одновременно противостоять мятежам в своих владениях и врагу, уже вступившему в Вену, Отакар сложил оружие. Летописец рассказывает, как чешский монарх в своем пышном одеянии предал себя в руки Рудольфа, который принял Золотого короля в невзрачном платье со словами «Он часто смеялся над моей серой мантией, пусть и сейчас посмеется!». Отакар простерся ниц перед Рудольфом, сидевшим на троне, и получил от него обратно как лен Чехию, но не Австрию, которую Рудольф оставил за собой⁴⁶.

Образ могущественного, облаченного в золото и драгоценные камни короля, униженного перед скверно одетым соперником, – средневековое клише, которое должно было показать кротость Рудольфа. Впрочем, Отакар явно не собирался исполнять свои клятвы. Вернувшись в Чехию, он употребил свои богатства на подкуп бывших союзников Рудольфа и возбуждение недовольства властью Габсбургов в Австрии. Летом 1278 г. война возобновилась, причем заметную часть армии Рудольфа составляли силы, набранные в Венгрии. Противники сошлись у Дюрнкрута, в 40 км к северо-востоку от Вены. Рудольф с его примерно 10 000 воинов имел численное превосходство, но большую часть его армии составляли пехота и легкая кавалерия. Поэтому он прибег к хитрости. В нарушение рыцарского кодекса, считавшего подобные уловки постыдными, Рудольф спрятал в засаде резерв из нескольких сот тяжелых рыцарей. В решающий момент они ударили вражеской армии во фланг, смяв боевые порядки Отакара и сразив самого чешского монарха. Солдаты Рудольфа надругались над телом врага, разрубив его на части, чтобы снять дорогие доспехи.

Опасаясь, как бы не появились новые претенденты, которые будут выдавать себя за Отакара, Рудольф приказал выпотрошить тело, чтобы замедлить разложение, и больше чем на полгода выставил его на всеобщее обозрение в Вене. На следующий год, в 1279-м, останки Отакара перевезли в Чехию и наконец погребли в пражском соборе Святого Вита, где они покоятся и поныне. На крышке саркофага лежит изваянная в XIV в. фигура короля, которую немецкие историки искусства на своем эзотерическом языке описывали словом *dumprferregt*, что можно приблизительно перевести как «смутно взволнованный». Чешское королевство Рудольф, однако, не стал присоединять к своим землям, считая его бесполезной обузой, вместо он выдал свою последнюю незамужнюю дочь за сына и наследника Отакара, известного распутника Вацлава II⁴⁷.

Остаток правления Рудольфа до его смерти в 1291 г. был чередой неудач. Он так и не смог добиться от папы императорской короны и довольствовался титулом короля. Как и все его предшественники, он также не преуспел в намерении установить в Священной Римской империи наследственную монархию. Вместо этого ему пришлось удовлетвориться тем, чтобы в число выборщиков попало как можно больше князей, связанных с домом Габсбургов брачными узами: это, по его мнению, могло обеспечить их лояльность. Попытки Рудольфа восстановить для своих наследников герцогство Швабия тоже потерпели провал, не в последнюю очередь потому, что из четырех его сыновей лишь один пережил отца⁴⁸.

В «Чистилище», написанном Данте в начале XIV в., мы видим Рудольфа и Отакара вместе в «долине земных властителей»⁴⁹, предназначенной для монархов, которые в погоне за мир-

⁴⁶ MGH SS, xvii, 249.

⁴⁷ О надгробии Отакара см. Prague: The Crown of Bohemia 1347–1437, ed. Barbara Drake Boehm и Jiří Fajt (New York, 2005), 195.

⁴⁸ Augustin Damski, Papst Nikolaus III (Münster, 1903), 175.

⁴⁹ Пер. М. Л. Лозинского.

ской славой пренебрегали своими душами. Отакар там утешает Рудольфа. Впрочем, легендарное противостояние Рудольфа и Золотого короля решило не только судьбы самих монархов. С захватом австрийских земель Рудольф стал владыкой солидной части Центральной Европы и переменял судьбу Габсбургов. Добавив к родовым землям в Швабии огромную территорию на востоке, Габсбурги как будто приготовились преобразить всю Священную Римскую империю, использовать свои личные ресурсы для укрепления государственной власти и наладить управление. Но эти надежды оказались преждевременными и для Священной Римской империи, и для Габсбургов⁵⁰.

---

⁵⁰ Dante, Purgatorio, 7.97–102.

3

УТРАЧЕННОЕ МЕСТО И ВЫДУМАННОЕ ПРОШЛОЕ

Четырнадцатый век должен был принадлежать Габсбургам. По всей Центральной Европе угасали королевские и княжеские династии. В 1301 г. пресеклась венгерская династия Арпадов, пять лет спустя та же участь постигла династию чешских Пржемысловичей, к которой принадлежал Отакар II. Затем, в 1320 г., угасла Асканийская династия маркграфов Бранденбурга. Однако биологическое невезение других семей не помогло Габсбургам. Напротив, именно в XIV столетии они оказались лишены положения и влияния в Священной Римской империи. Будущее, казалось, принадлежало баварским Виттельсбахам и новым властителям Чехии – Люксембургам.

Рудольфа, умершего в 1291 г., похоронили в склепе Шпайерского собора рядом с императорами из династии Штауфенов. Однако князья-выборщики (по-немецки курфюрсты, Kurfürsten) твердо решили не дать Габсбургам занять место Штауфенов и распоряжаться Священной Римской империей как семейным имуществом. Они сговорились не допустить к трону Альбрехта (1255–1308), сына и наследника Рудольфа. Тем не менее Альбрехт с помощью горстки князей ловко добился избрания королем своего марионеточного кандидата Конрада Текского. Но после избрания Конрад не прожил и двух дней: неизвестный убийца раскроил ему череп. Королем стал соперник Конрада и Альбрехта Адольф Нассауский. Большинство курфюрстов поддержали Адольфа именно потому, что у него не было своих земель и его можно было не опасаться, однако, оказавшись на троне, Адольф принялся прибирать к рукам все, что только мог. Курфюрсты обратились за помощью к Альбрехту, который разгромил Адольфа и убил его. За это в 1298 г. Альбрехта избрали королем⁵¹.

Историки не жаловали Альбрехта I, слишком охотно принимая на веру рассказы его врагов: будто бы он был «неотесанным чурбаном, одноглазым, наводящим дурноту одним своим видом... скрюгой, туго затягивавшим мошну и ни гроша не дававшим империи, а разве только своим отпрыскам, которых у него было множество». Глаз у Альбрехта действительно был только один. В 1295 г. врачи приняли его болезнь за симптомы отравления и, чтобы вывести почудившуюся им ядовитую жидкость, подвесили его к потолку вниз головой. От высокого давления в черепной коробке он и лишился одного глаза. Верно и то, что Альбрехт был плодовитым отцом: он произвел на свет не менее 21 ребенка, из которых до взрослых лет дожило 11. Их браки с представителями королевских и княжеских домов Франции, Арагона, Венгрии, Польши, Чехии, Савойи и Лотарингии говорят о высоком престиже Альбрехта и его рода⁵².

Как и его отец, Альбрехт стремился короноваться императором в Риме. Папа Бонифаций VIII надменно принял послов Альбрехта, заявив, что императорский титул находится в его безраздельной власти. Восседаая на троне святого Петра под тяжестью массивной золотой тиары святого Сильвестра, украшенной 220 драгоценными камнями, папа изрек: «Я – король римлян, я – император». Но погубил Альбрехта не понтифик, а семейный конфликт. Король Рудольф пообещал своему младшему сыну Рудольфу наследство не меньшее, чем у Альбрехта, но не сдержал слова. Наследник младшего Рудольфа Иоганн Швабский, которого дразнили герцогом Безземельным, страдал от насмешек и требовал свою долю в наследстве Габсбургов, однако Альбрехт предпочитал даровать титулы и земли собственным детям. В первый день мая 1308 г. Иоганн с небольшим отрядом рыцарей напал на Альбрехта и зарубил его. Все, что выиграл Иоганн от этого бессмысленного убийства, – пожизненное заключение в монастыре в

⁵¹ Armin Wolf, *Die Entstehung des Kurfürstenkollegs 1198–1298* (Idstein, 1998), 59–60.

⁵² Об Альбрехте как «неотесанном чурбане» см. MGH, *Dt. Chron.*, ii, 331.

Пизе и новое прозвище Родителеубийца (Parricida – имеется в виду убийца и любого старшего родственника)⁵³.

После смерти Альбрехта королем избрали Генриха Люксембургского – по той же причине, что и Адольфа Нассауского 10 лет назад. Чтобы не подпустить к трону Габсбургов, нашли такую фигуру, которая ничем не могла угрожать самим курфюрстам. Но, как и Адольф, Генрих немедленно принялся наращивать свое влияние – в этом случае присвоив корону Чехии. В 1312 г. Генрих даже съездил в Рим, чтобы папа короновал его императором, чего уже почти сто лет не делал ни один король римлян. На следующий год Генрих умер от малярии, которую подхватил в том самом путешествии. К этому моменту немецкие летописцы уже настолько привыкли к убийствам своих правителей, что написали, будто Генриха по указанию папы отравили вином для причастия⁵⁴.

Собравшиеся в 1314 г. во Франкфурте курфюрсты побоялись избрать сына Генриха Иоганна Люксембургского, человека поразительной личной храбрости. Голоса разделились между сыном Альбрехта Фридрихом Красивым (1289–1330) и герцогом из рода Виттельсбахов Людвигом Баварским. Десять лет эти двое вели войну за корону. Фридриху судьбой были уготованы обнищание, поражение, пленение, невыгодное мирное соглашение и в 1330 г. ранняя смерть в одиночестве в крепости Гутенштайн к западу от Винер-Нойштадта. Два брата Фридриха поспешили примириться с Людвигом, признав его законным королем. К этому времени упадок Габсбургов был очевиден. Если в предыдущем поколении их браки заключались с королевскими домами Европы, теперь Габсбургам приходилось искать союзов с более скромными семействами малоизвестных польских князей и мелкой французской знати.

Символичным было и поражение, которое Габсбурги потерпели от швейцарцев. В 1291 г. швейцарские «лесные кантоны» Ури, Швиц и Унтервальден объединились для создания оборонительного союза, который, впрочем, быстро стал наступательным, причем нацеленным против Габсбургов. В целом это был ответ на экспансию Габсбургов в альпийские долины, где после присоединения владений Кибургов династия принялась захватывать земли, таможенные посты и феодальные права. Король Людвиг вступил с лесными кантонами в союз против Фридриха Красивого. В конце 1315 г. брат Фридриха Леопольд вошел в долины, чтобы отстоять свои права, но его войско попало в засаду и потерпело поражение от армии Ури и Швица. Битва при Моргартене стала первым крупным сражением, где швейцарцы применили против кавалерии смертоносную алебарду с крюком. Крюками они стаскивали рыцаря с седла, а затем пронзали его острым наконечником. Алебарда по сей день остается церемониальным оружием папской швейцарской гвардии в Ватикане.

В 1356 г. престиж Габсбургов рухнул окончательно. В тот год преемник короля Людвиг Карл IV Люксембургский, только что получивший в Риме титул императора, издал документ, известный как Золотая булла (по подвешенной к ней золотой печати, bulla). Она закрепляла новую схему избрания римского короля и определяла личности семи выборщиков – трех архиепископов прирейнских городов и четырех светских князей, которые впредь будут передавать это право по наследству. Несмотря на то что они несколько раз участвовали в избрании королей, Габсбургов в новую коллегию курфюрстов не включили, вычеркнув их тем самым из самого важного учредительного документа в истории Священной Римской империи. В плане раскладки для будущих заседаний рейхстага, которым Карл дополнил Буллу, император четко дал понять, как сильно упал статус Габсбургов, поместив их во второй ряд, позади курфюрстов, прелатов и высших сановников империи. Ответ Габсбургов стал идеологическим переворотом,

⁵³ О Бонифации VIII см. Robert Folz, *The Concept of Empire in Western Europe: From the Fifth to the Fourteenth Century* (London, 1969), 207. О папской тиаре см. Edward Twining, *A History of the Crown Jewels of Europe* (London, 1960), 377–8. Об Альбрехте и Рудольфе см. MGH SS, xiii, 58.

⁵⁴ MGH SS, xxx, part 1, 651; Peter Browe, 'Die angebliche Vergiftung Kaiser Heinrichs VII', *Historisches Jahrbuch*, 49 (1929), 429–38.

навсегда изменившим их понимание собственного места и исторической миссии. В отместку за оскорбление, нанесенное Карлом, они отринули свое швабское прошлое, став австрийцами и римлянами⁵⁵.

Первые 50 лет своего правления как герцогов Австрии Габсбурги считали ее второстепенной по отношению к родной для них Швабии. Австрию эксплуатировали, собирая там средства на оборону других территорий, и использовали как опорный плацдарм для походов в Чехию, полагая последнюю более ценным приобретением. Только после 1330 г., когда главой рода стал брат Фридриха Красивого, страдавший артритом Альбрехт Хромой (1298–1358), Габсбурги стали проявлять к Австрии хоть какой-то устойчивый интерес. Поскольку швейцарцы не уменьшали натиск на земли и крепости Габсбургов в Аргау, Альбрехт перенес свой двор в Старую крепость в Вене, вокруг которой впоследствии вырастет Хофбург. Альбрехт также начал строить в нижнеавстрийском Гаминге семейную усыпальницу и вернул заложенные его дедом Каринтию и Крайну. Из-за того что Альбрехт подолгу жил в Австрии, Габсбурги удостоились в одной из тогдашних хроник определения «австрийцы», именно в этот момент впервые употребленного таким образом. Если раньше Габсбурги управляли Австрией через наместников, то теперь они, наоборот, посылали управляющих в Швабию⁵⁶.

Возможно, поначалу Габсбурги не знали, что делать с Австрией, но Австрия знала, что делать с Габсбургами. Изначально это было пограничье, именовавшееся «Восточный край» (*Ostarrîchi* – это название впервые упоминается в 996 г.), а его первые правители принадлежали к семье Бабенбергов. Алчущие величия Бабенберги породнились и с византийскими императорами, и с правителями Священной Римской империи и потому считали, будто им доверено наследие Рима. Их демонстративная набожность выразилась в строительстве густой сети монастырей, где поколения благодарных монахов возносили им хвалу в своих сочинениях. О репутации Бабенбергов говорят прозвища, под которыми их запомнили потомки: Блистательный, Благочестивый, Славный, Сильный, Святой. Только у последнего из Бабенбергов, Фридриха II (умер в 1246 г.) было не столь благостное прозвище – Сварливый⁵⁷.

В генеалогических таблицах Бабенбергов иногда встречались живописные описания австрийских местностей и городов. Мало-помалу вера в исключительность правящей семьи слилась с идеей, что и сама эта земля, и ее народ тоже особенные. Наметилась литературная традиция, в которой австрийцы выдавались за потомков древних готов или даже возводились к героям Древней Греции и Рима. Древнеримское название Австрии Норик (*Noricum*) позволяло предположить, что ее основал сын Геракла Норикс, который пришел откуда-то из района Армении и пожаловал своим сыновьям Австрию и Баварию. Владения Бабенбергов были колыбелью эпоса о Нибелунгах, в ранних версиях которого сюжеты из германской мифологии сплетаются с элементами истории правящей династии⁵⁸.

Все это Габсбурги поставили себе на службу, расширив заложенные Бабенбергами монастыри в Хайлигенкройце и Тульне, а также заставив летописцев и поэтов прославлять уже свое благочестие. Постепенно истории Бабенбергов и Габсбургов слились в одну, так что Бабенберги стали предками Габсбургов, в знак чего Габсбурги часто крестили детей семейным именем Бабенбергов Леопольд. Оно было особенно ценно тем, что отсылало к Леопольду III Бабенбергу, который, хотя и не был канонизирован, после смерти сотворил достаточно чудес, чтобы

⁵⁵ Die Goldene Bulle. Politik, Wahrnehmung, Rezeption, ed. Ulrike Hohensee et al., vol. 1 (Berlin, 2009), 150 (by Eva Schlotheuber).

⁵⁶ Об Альбрехте Хромом см. Karl-Friedrich Krieger, *Die Habsburger im Mittelalter*, 2nd ed. (Stuttgart, 2004), 128–30. О Габсбургах как австрийцах см. MGH SS rer. Germ. N.S., iv, 382. О наместниках см. Dieter Speck, *Kleine Geschichte Vorderösterreichs*, 2nd ed. (Karlsruhe, 2016), 48.

⁵⁷ Gerhart B. Ladner, 'The Middle Ages in Austrian Tradition: Problems of an Imperial and Paternalistic Ideology', *Viator*, 3 (1972), 433–62 (436–40).

⁵⁸ О живописных описаниях см. MGH, Dt. Chron., iii, 706–29. О Нориксе см. MGH SS, ix, 535.

считаться святым. В те времена, когда святость добавляла блеска династии, Габсбургам в противном случае не хватало бы подходящих предков.

Кроме того, Габсбурги не замедлили обзавестись собственной римской родословной, приписав себе происхождение от легендарного сенаторского рода Колонна. Хронисты обогатили эту версию рассказом о двух братьях, изгнанных из Рима и пересекших Альпы, где один из них основал замок Габсбург. Составитель Кёнигсфельдской хроники еще более изобретательно сплетает свое повествование о Габсбургах с темами римского наследия, святости и пророчеств. Перечислив императоров от Августа до Фридриха II, он переходит к рассказу о жизни Рудольфа Габсбурга, а затем излагает биографию внучки Рудольфа Агнессы, которая после недолгого пребывания в Венгрии в качестве королевы оставила мирскую жизнь, чтобы поселиться рядом с аббатством Кёнигсфельд неподалеку от Бругга. Но первым делом кёнигсфельдский хронист пересказывает старую легенду о найденной в Испании внутри скалы огромной книге с деревянными страницами, на которых на латыни, греческом и древнееврейском записана вся история мира, включая будущее и Судный день. Вывод напрашивался сам собой: Габсбургам, чьи подвиги Агнессы наделяли святостью, было суждено и предсказано править Священной Римской империей⁵⁹.

В 1350-е гг. мысль об исключительности Габсбургов вылилась в целую политическую программу. Обиженный и униженный Золотой буллой Карла IV Рудольф Габсбург (1339–1365) намеревался как восстановить престиж семьи, так и создать сплоченное территориальное государство, которое превзойдет всех конкурентов. Он взялся за это дело с энергией, быстротой и воображением, которые не соответствовали его молодости и напугали его соперников. В 1358 г., спустя всего несколько месяцев после смерти своего отца Альбрехта II, юный Рудольф поручил писцам создать пять подложных грамот. Эти фальшивки должны были поставить Габсбургов впереди всех князей Священной Римской империи благодаря утверждениям, что прошлое Габсбургов неразрывно связано с Австрией и Римом. Это был самый дерзкий подлог средневековой европейской истории со времен «Константинова дара», в VIII в. наделившего папу высшей властью в христианском мире. Более того, сфабрикованы грамоты Рудольфа были заметно профессиональнее⁶⁰.

Три из пяти грамот подтверждали две другие, текстуально соединяя весь этот обман в единое целое. Суть подлога содержалась в первых двух грамотах, известных как «Псевдо-Генрих» и «Большая привилегия» (*Privilegium Maius*). Автор «Псевдо-Генриха» – вероятно, канцлер Рудольфа – выдал свой текст за грамоту, изданную императором Генрихом IV в 1054 г. и пересказывающую содержание двух писем, хранившихся у герцога Эрнста Бабенберга. Первое письмо – якобы от Юлия Цезаря – было адресовано людям «восточной земли», под которой явно подразумевалась Австрия. Юлий Цезарь приказывал признать правителем этой земли своего дядю, особо оговаривая, что его власть будет полной, «властью сеньора». Далее там говорилось, что упомянутый дядя отныне входит в высшие советы Римской империи, так «чтобы впредь не решалось ни одного важного вопроса или иска без его ведома». Во втором письме, упомянутом в «Псевдо-Генрихе», к людям востока похожим образом обращался император Нерон. Нерон заявлял, что поскольку своим благородством жители востока превосходят остальные народы Римской империи, то он по совету сената освобождает их от уплаты всех имперских налогов и дарует им свободу на веки вечные.

В отличие от «Псевдо-Генриха» «Большая привилегия» была хотя бы частично подлинной, поскольку основывалась на тексте изданной Фридрихом I Барбароссой хартии 1156 г., по которой статус Австрии повышался до герцогства. Однако к оригинальному тексту мно-

⁵⁹ О роде Колонна см. Alphons Lhotsky, *Aufsätze und Vorträge*, vol. 2 (Munich, 1971), 7–102. О двух братьях см. MGH, *SS rer. Germ.* N. S., iv, 8–9. О Кёнигсфельдской хронике см. Martin Gerbert, *De translatis HabsburgoAustriacarum principum* (St Blasien, 1772), 86–113. См. также *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*, 28 (1972), 432–4.

⁶⁰ Тексты подложных грамот приводятся в *Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen*, 8 (1852), 108–19.

гое добавили. Австрия провозглашалась «щитом и сердцем» Священной Римской империи, благодаря чему австрийскому герцогу предоставлялись все суверенные права внутри герцогства. Ему даровался титул «эрцгерцога императорского двора», обладателю которого были положены особые корона и скипетр, а также право сидеть по правую руку от императора. Для укрепления его власти герцогу разрешалось передавать герцогство целиком старшему сыну, а в отсутствие сыновей – дочери. Эту исправленную хартию впоследствии стали называть «Большой привилегией», чтобы не путать ее с подлинной хартией 1156 г., которая со временем стала известна как «Малая привилегия».

Три остальные грамоты, подтверждающие «Псевдо-Генриха» и «Большую привилегию», содержали кое-какие дополнительные пункты. В торжественных процессиях герцог (теперь уже эрцгерцог) и его свита всегда должны были идти впереди всех, а в корону эрцгерцога позволялось помещать королевскую повязку, которую обычно носили монархи. Архиепископ Зальцбургский и епископ Пассау, к юрисдикции которых относилась Австрия в церковном плане, теперь подчинялись эрцгерцогу. Как и две грамоты, которые они подтверждают, эти вспомогательные документы свидетельствуют о том, что Рудольфом двигало не только, как принято считать, негодование по поводу Золотой буллы 1356 г. и, соответственно, стремление добавить себе очков. Акцент на полноте власти эрцгерцога в Австрии, подчинении ему церковных иерархов и возможности без ограничений передавать свой титул по наследству свидетельствует, что эти фальшивки имели целью еще и усилить власть эрцгерцога в его собственных землях, а не только изменить этикет императорского двора и внешний вид эрцгерцогского головного убора.

«Псевдо-Генрих» с его письмами Цезаря и Нерона был разоблачен почти немедленно. В 1361 г. итальянский гуманист Петрарка в письме императору Карлу IV отметил анахронизмы в тексте и отозвался о нем пренебрежительно, как о «пустом, напыщенном, без доли правды, сочиненным неведь кем, но вне всяких сомнений человеком необразованным... не только смехотворном, но и тошнотворном». «Большая привилегия» между тем имела большой успех. К ней обращались, чтобы подтвердить право Марии Терезии наследовать австрийский престол после смерти ее отца в 1740 г., и только в середине XIX в. было доказано, что документ подложный. Для сравнения: «Дар Константина» признали подделкой уже в XV столетии⁶¹.

В 1360 г. Рудольф представил пять своих поддельных грамот на утверждение императору Карлу IV вперемешку с семью подлинными документами. Карл оспорил некоторые частности, но в целом неохотно признал документы «в той мере, в какой их положения не расходятся с законом». Однако он не изменил состав коллегии выборщиков и рассадку в имперском собрании в соответствии с новым статусом Рудольфа. Это не помешало Рудольфу отныне использовать титул эрцгерцога и носить придуманную им эрцгерцогскую корону. Не сразу, но и корона, и (чуть позже) титул вошли в обиход у его наследников, а максимум к середине XV в. и у всех старших членов дома Габсбургов⁶².

Герцогство Австрия, как и соседние Штирия, Каринтия и Крайна, представляло собой не столько определенную территорию, сколько набор прав. Некоторые земли в нем принадлежали эрцгерцогу, а другие независимо от него жаловались непосредственно монархом. «Большая привилегия» устанавливала в Австрии абсолютную власть герцога, и Рудольф приступил к воплощению своих притязаний в жизнь. Все земли, ранее жаловавшиеся монархом, теперь принадлежали ему, и только он мог ими распоряжаться. Одним из крупнейших держателей

⁶¹ О Петрарке см. *Quellensammlung zur österreichischen und deutschen Rechtsgeschichte*, ed. Rudolf Hoke and Ilse Reiter (Vienna, Cologne and Weimar, 1993), 120–1.

⁶² О признании грамот Карлом IV см. Renate Spreitzer, 'Die Belehnungs- und Bestätigungsurkunden König Sigismunds von 1421 für Herzog Albrecht V. von Österreich', *MIÖG*, 114 (2006), 289–328 (304). О габсбургском титуловании см. Eva Brückner, *Formen der Herrschaftsrepräsentation und Selbstdarstellung habsburgischer Fürsten in Spätmittelalter*, PhD thesis (University of Vienna, 2009), 27–8, 141, 154, 160, 168, 178, 184, 217.

имперских земель в Каринтии был патриарх Аквилеи, чей громкий титул был пережитком VI в. и едва ли соответствовал ничтожной власти, которую давал теперь этот пост. Патриарх оказался упрямым, так что Рудольф вторгся в его земли и заставил его подчиниться. Об Эльзасе в «Большой привилегии» не было ни слова, но Рудольф распространил тот же принцип и на эту территорию, заявив, что по природе своего титула он не подданный, но «хозяин всех прав и вольностей»⁶³.

Архиепископ Зальцбургский и епископ Пассау оказались более сложными противниками, поскольку ни один из них не собирался ужимать свою епархию, чтобы позволить Рудольфу осуществить свой план создания австрийского епископства с центром в Вене. Тем не менее Рудольф продолжил перестраивать венскую приходскую церковь Святого Стефана, как если бы это был кафедральный собор, заменив ее романский неф огромным готическим и повелев возвести две башни (из которых построили только одну). Он учредил в храме капитул каноников – что было нарушением всех правил, поскольку там не служил епископ, а облачение каноникам дал кардинальское, с алыми камилавками и золотыми наперсными крестами. Перестроенная церковь должна была прославлять дом Габсбургов, так что в нефе Рудольф поставил статуи своих предков и собственную, а в крипте устроил усыпальницу для потомков. Рядом Рудольф начал строить университет, который должен был поспорить с университетом Карла IV в Праге. За эту перестройку церкви Святого Стефана Рудольф получил прозвище Основатель. Он сам его и выбрал, а потом приказал вырезать его тайными рунами на собственном саркофаге, размещенном в северном хоре храма⁶⁴.

В искусстве обмана Рудольф нашел себе равного. Графство Тироль разбогатело на своих золотых и серебряных копях, а также на таможенных сборах с дорог через перевал Бреннер, связывающий Италию с немецкими городами. В начале 1360-х гг. Тиродем владела вдова Маргарита, чье прозвище Маульташ («Большой рот») было самым добрым из длинного перечня эпитетов. Сначала она вышла за одного из Люксембургов, потом была женой Виттельсбаха; единственного сына, пережившего младенчество, она лишилась в начале 1363 г. Тироль оказался лакомой добычей, и в претендентах на него недостатка не было. Но Маргариту голыми руками было не взять. Первого мужа она буквально вытолкала за дверь, а потом вышла за второго, не потрудившись оформить развод. Отлучение от церкви ее не особенно встревожило; она тиранила и нового мужа, и рано умершего сына.

Маргарита и Рудольф заключили сделку. В обмен на пожизненное сохранение за собой Тироля она пообещала завещать его Рудольфу. Но ее советники, которые были основными землевладельцами в графстве, в январе 1363 г. заставили ее согласиться на то, что все договоры с иностранными князьями заключаются только с одобрения этих самых советников. Маргарита пыталась склонить их на свою сторону, одаривая землями и иными благами, но безуспешно. Не помог даже приезд в Инсбрук самого Рудольфа. Чтобы убедить советников, Маргарита и Рудольф вместе состряпали новую подложную грамоту. В этой фальшивке говорилось, что четыре года назад Маргарита поклялась отдать Тироль Рудольфу и что эту торжественную клятву отменить она не может. Хотя на грамоте стояла не та печать, ей поверили. Январское соглашение формально утратило силу, и советники уступили, подтвердив это письмом, заверенным 14 их печатями. К концу года Рудольф убедил Маргариту отречься, предложив ей щедрое содержание в Вене. Тироль достался ему. А вслед за Тиродем позже последовало и графство Горица (Гёрц и Градишка) на Адриатике, принадлежавшее дальним родственникам Маргариты, чей род вымер в 1500 г.⁶⁵

⁶³ Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte, 13 (1941–2), 210.

⁶⁴ О рунах на саркофаге см. Bernhard Bischoff, 'Die nichtdiplomatischen Geheimschriften des Mittelalters', *MIÖG*, 62 (1954), 1–27 (12). Об облачении каноников см. *MGH, SS rer. Germ. N.S.*, xiii, 282.

⁶⁵ Samuel Steinherz, 'Margareta von Tirol und Rudolf IV', *MIÖG*, 26 (1905), 553–611. Отношения Маргариты с ее советниками описаны в Alfons Huber, *Geschichte der Vereinigung Tirols mit Oesterreich* (Innsbruck, 1864), 215–9. О письме, свидетель-

Рудольф умер в 1368-м, всего 25 лет от роду. Стояло жаркое лето, и тело быстро разлагалось, поэтому его выварили, чтобы удалить с костей плоть. Однако скелет погребли в крипте собора Святого Стефана, а не в саркофаге в северном хоре, как хотел сам Рудольф. Пустая гробница с рунами и изображенным в натуральную величину Рудольфом в эрцгерцогской короне в какой-то мере служит метафорой его правления – напыщенного и напористого, но лишённого внутреннего содержания. Рудольф не сумел добиться той репутации для себя и того значения для Австрии, ради которых он столько старался, в том числе идя на подлог. Он не получил ни епископства, которого жаждал, ни признания равенства с курфюрстами. Основанный им университет, который и поныне носит его имя, представлял собой несколько комнат в городской школе. Нанять профессоров и дать университету надлежащее помещение предстояло уже его брату. Основным приобретением Рудольфа стал Тироль, добытый с помощью ухищрений⁶⁶.

Однако Рудольф достиг чего-то более изощренного. Привив Габсбургам историческое самосознание и набор представлений о самих себе, он превратил династию в нечто большее, нежели просто группа кровных родственников. Вымышленное римское и австрийское прошлое, сочиненный титул и изобретенная корона внушили его потомкам чувство солидарности и веру в особое предназначение, которые крепили с каждым поколением. У кого-то имелся сан курфюрста, пожалованный им современным императором, но Габсбурги были обязаны своим величием Юлию Цезарю и привилегиям, подтвержденным разными императорами на протяжении веков. И даже после смерти Габсбурги держались вместе – в новой усыпальнице, устроенной под собором Святого Стефана. Создав династию, Рудольф и впрямь стал «Основателем», как гласит зашифрованная надпись на его пустом саркофаге.

ствующем о согласии советников на наследование трона Рудольфом, см. OeSta/HHStA, UR AUR 1363. I. 26.

⁶⁶ О вываривании тела Рудольфа см. Estella Weiss-Krejci, 'Restless Corpses: "Secondary Burial" in the Babenberg and Habsburg Dynasties', *Antiquity*, 75 (2001) 769–80 (775).

4

ФРИДРИХ III: САТУРН И МАРС

Начиная с XIII в. семейные дела Габсбургов регулировались «домашними декретами», в которых глава семьи определял взаимоотношения своих сыновей и родственников. В этих декретах снова и снова подчеркивалось, что сыновья вместе владеют семейным достоянием, но временно несут ответственность за различные его части. В «Большой привилегии» Рудольф попытался ввести принцип первородства, при котором все имущество семьи передавалось старшему сыну, но и он вскоре отказался от этой схемы, вернувшись к принципу коллективного наследования и, в тогдашней формулировке, «единства владения»⁶⁷.

Закономерно возникали трения: отцы стремились передать как можно больше своим сыновьям, ущемляя интересы других родственников. После смерти Рудольфа (1368) два его брата не смогли наладить сотрудничество, как предписывали декреты, и спустя 10 лет разделили земли Габсбургов между собой. В 1406 г. последовал еще один раздел, и частей стало три. Затем, в 1450-х гг., даже коренную часть австрийского герцогства поделили по реке Энс на то, что в конце концов стало Верхней и Нижней Австрией. Отданные двум разным герцогам, они исходно назывались «Австрия на этой стороне Энса» и «Австрия на другой стороне Энса». Чтобы не нарушать паритет, Старую крепость в Вене тоже разделили: разные ее уровни отошли к разным наследникам.

Сколько бы Габсбурги ни мнили свои владения собственностью, которую можно делить и раздавать по своему усмотрению, их подданные придерживались другого мнения. Власть герцога порождала ощущение некоего политического сообщества, и в каждой земле правительство Габсбургов сталкивалось с формами организации, выражавшими интересы подданных. С конца XIV в. эти политические сообщества создавали собственные собрания, или ландтаги, участники которых обсуждали с правителем политику и требовали себе все больше полномочий в области налогообложения. Нередко ландтаги вмешивались в споры о престолонаследии, чтобы добиться согласия между соперниками, и назначали комиссии, определявшие правомочность их притязаний.

Ландтаг обычно составляли представители четырех сословий, или «общественных слоев»: высшая знать, члены которой не просто являлись крупными землевладельцами, но и имели право казнить преступников; дворяне, у которых было меньше власти и, как правило, меньше земли; а также представители духовенства и городов. В каждой провинции дело обстоит по-своему. В Каринтии в середине XV в. сословие высшей знати состояло из двух родов, тогда как в других землях их было обычно около дюжины; в Тироле в ландтаге заседали крестьяне; в габсбургском Эльзасе первоначально были представлены только горожане и дворяне и т. д. Постоянной проблемой было то, что горожане и крестьяне покупали дворянские имения, после чего выдавали себя за дворян. Бывало, ландтаги нескольких или многих провинций собирались на общую сессию. В герцогстве Австрия, однако, единое собрание сословий после раздела провинции тоже поделилось надвое⁶⁸.

Раздробление земель ослабило Габсбургов, и они не смогли оказать достойного сопротивления дальнейшему натиску швейцарцев. В 1386 г. в битве при Земпахе пал Леопольд, брат Рудольфа Основателя. В этот раз швейцарцы вновь застали кавалерию Габсбургов врасплох в лесу, и рыцарям пришлось драться пешими. Спешившиеся рыцари были вынуждены

---

⁶⁷ Karl-Friedrich Krieger, *Die Habsburger im Mittelalter*, 2nd ed. (Stuttgart, 2004), 145.

⁶⁸ Об Эльзасе см. Georges Bischoff, *Vorderösterreich in der frühen Neuzeit*, ed. Hans Maier and Volker Press (Sigmaringen, 1989), 276. О претензиях крестьян на дворянский статус см. *Die Salzburger Lehen in Kärnten bis 1520*, ed. Alois Lang et al. (Vienna, 1971), 8–9.

отрезать модные длинные носки своей обуви, с которыми невозможно было ни сражаться, ни бежать. Спустя три десятка лет сын Леопольда Фридрих Тирольский (по прозвищу Пустой карман) навлек на себя гнев короля (и будущего императора) Сигизмунда, поспособствовав побегу с собора в Констанце бывшего папы Иоанна XXIII (в истории он остался как антипапа), низложенного за изнасилования, инцест, содомию, убийство и мародерство. Объявленный вне закона Фридрих не мог собрать военную силу для защиты оставшихся владений Габсбургов на швейцарской территории. В 1415 г. пали их замки в Аргау, а оплот Габсбургов в Бадене пушки швейцарцев обратили в руины, которые мы видим и ныне. Замок Габсбург тоже не выдержал натиска Швейцарской Конфедерации. Остатки владений Габсбургов в Швабии получили название Передняя Австрия и теперь управлялись из Инсбрука.

Дела у Габсбургов пошли лучше с приходом герцога Альбрехта V (1397–1439), который принял управление герцогством Австрия в 1411 г. Это был набожный человек, энергичный реформатор церковных дел, способный администратор, грозный воин и, по мнению всех современников, приятный собеседник. А еще он не умел читать и не ведал жалости. В 1420 г., презрев габсбургский обычай защищать австрийских евреев, он развернул на них такие гонения, что даже вызвал недовольство папы. Цель Альбрехта была проста: отнять у евреев деньги, чтобы помочь королю Сигизмунду в войне против гуситских еретиков в Чехии. Получив от него в управление Моравию, Альбрехт и там принялся притеснять евреев. За поддержку Сигизмунда, коронованного императором в 1433 г., он получил руку его дочери Елизаветы. После этого Сигизмунд, у которого не было сыновей, поддержал Альбрехта в качестве своего преемника в Чехии и Венгрии⁶⁹.

После смерти Сигизмунда в 1437 г. Альбрехт без проблем занял венгерский трон, а также сумел избраться королем Чехии, получив большинство голосов в тамошнем сейме. К этому моменту курфюрсты Священной Римской империи уже осознали ошибочность своей политики выбирать слабого правителя. Как они объясняли, ситуация стала просто-напросто слишком тяжелой: неразбериха в церковных делах, вплоть до соперничества нескольких пап, успехи ереси в Чехии и непрерывный натиск турок, которые из своих крепостей в Боснии уже совершали набеги на окраины империи. В марте 1438 г. курфюрсты единодушно выбрали Альбрехта как преемника Сигизмунда, хотя тот и не выставлял свою кандидатуру. Таким образом, Священная Римская империя, герцогство Австрия, Чехия и Венгрия оказались под властью одного человека. Восемнадцать месяцев спустя Альбрехт умер от дизентерии, не оставив наследника мужского пола, а только беременную вдову. И предсказатели, и повитухи уверенно прочили ей дочь. Елизавета обескуражила их всех, родив мальчика⁷⁰.

Самым старшим из живых на тот момент Габсбургов был Фридрих, герцог Штирии, Каринтии и Крайны, троюродный брат Альбрехта (Альбрехт Хромой приходился им обоим прадедом). Его в 1440 г. и выбрали королем (а потом и императором) – Фридрихом III. Он и выглядел как настоящий король, унаследовав телосложение матери, польки Кимбурги Мазовецкой, известной не только своей красотой, но и способностью голым кулаком вбивать гвозди в дубовые доски. Высокий и стройный, с длинными светлыми волосами, Фридрих во всех отношениях годился в великие властители. Он посетил Гроб Господень в Иерусалиме, где его посвятили в рыцари, и был членом всех правильных рыцарских обществ. Более того, его звали Фридрихом. В то время ходило множество пророчеств о том, как могущественный император по имени Фридрих объединит мир в истинной вере, а потом отправится в Иерусалим, чтобы там отречься и возвестить Судный день. Вариантов этого сюжета было много, основан-

⁶⁹ В венгерской историографии (см., например, Gonda I., Niderhauser E. *A Habsburgok. Egy európai jelenség*. Budapest: Pannónia kiadó, 1998. 18.1.) часть историков считает, что Альбрехт занял престол Венгрии путем избрания его венгерскими сословиями, закрепляя таким образом традицию выборности королей на венгерский престол. – *Прим. науч. ред.*

⁷⁰ *Regesta Imperii*, vol. 12 (Albrecht II), ed. Günther Hödl (Vienna, Cologne, and Weimar, 1975), 4 (no. f); Wilhelm Wostry, *Albrecht II. (1437–1439)*, vol. 1 (Prague, 1906), 61.

ных как на оккультных текстах, так и на вольных толкованиях Библии (Книгу пророка Даниила и Откровение Иоанна Богослова буквально растащили на фрагменты с тайным смыслом). Фридрих не стремился разубеждать доверчивую публику в том, что он и есть тот император, о котором говорится в пророчествах. Наоборот, Штирия была важным центром распространения апокалиптических текстов⁷¹.

Подобные ожидания означали, что Фридриха не могли не избрать королем, а он не мог не стать разочарованием. За долгие годы правления его длинные волосы обвисли и поседели, а тело обрюзгло. Король заболел диабетом и, чтобы утолять неотступную жажду, постоянно поглощал арбузную мякоть. На восьмом десятке лет (очевидно, из-за тромба) у него началась гангрена, так что ему пришлось ампутировать ногу, анестезировав его опиатами. Сохранился полный отчет об этой операции, которую хирурги-цирюльники в Линце выполняли публично под руководством императорских врачей. По всем данным, она прошла безукоризненно. Когда 10 недель спустя пациент умер, причиной этого сочли арбузы⁷².

Но современников огорчали не столько недуги Фридриха, сколько его лень. Более 25 лет (1444–1471) Фридрих не выезжал за пределы Штирии и Австрии, чтобы посетить другие территории империи. Французский посол не мог подобрать нужные слова для портрета правителя, которого описывал как «ленивого, мрачного, задумчивого, тяжелого на подъем, меланхоличного, унылого, скупого и тревожного». Советник и доверенное лицо Фридриха Энеа Сильвио Пикколомини, будущий папа Пий II, насмешливо именовал своего господина «Эрц-Дрыхлингом» Священной Римской империи, а епископ венгерского Печа объяснял характер Фридриха несчастливым расположением звезд:

Рим промедленьем спас однажды Фабий,
Ты, Фридрих, промедленьем Рим ослабил.
Советов ждешь, боишься выбрать путь.
Не хочешь предпринять хоть что-нибудь?
Холодному Сатурну ты послушен,
Ведомый Марсом император – много лучше⁷³.

Контраст между «ледяной звездой» Сатурн и румяным Марсом был тогда распространенным литературным штампом. Верно, Фридрих был замкнутым, мрачным и скупым до того, что путешествовал со своим курятником, чтобы не тратиться на яйца. Но он вовсе не был ленивым. Во-первых, он проводил все время в Австрии и Штирии потому, что эти земли находились под угрозой, а его власть над ними была неполной. Он серьезно подходил к опеке над своим внучатым племянником Ладиславом, посмертным сыном короля Альбрехта II, и всячески отстаивал право мальчика на чешский и венгерский престолы, а значит, должен был находиться рядом. Еще до смерти Ладислава, наступившей в 1457 г., младший брат Фридриха Альбрехт открыто оспаривал власть Фридриха над Австрией, заявляя, что опекуном племянника тот стал не по закону, а значит, и править герцогством не может. Разделение Австрии на две половины по реке Энс не умерило аппетитов Альбрехта. Подтверждение Фридрихом «Большой привилегии», закреплявшей исключительные права старшего Габсбурга, также не оказало заметного действия.

⁷¹ Frances Courtney Kneupper, *The Empire at the End of Time: Identity and Reform in Late Medieval German Prophecy* (Oxford, 2016), 7, 163.

⁷² Daniel Carlo Pangerl, 'Die Beinamputation an Kaiser Friedrich III. am 8. Juni 1493 in Linz', *Sudhoffs Archiv*, 94 (2010), 195–200. См. также Wilfried Knoche, *Prothesen der unteren Extremität. Die Entwicklung vom Altherthum bis 1930* (Dortmund, 2006), 25; *Ausstellung. Friedrich III. Kaiserresidenz Wiener Neustadt* (Wiener Neustadt, 1966), 36.

⁷³ Janus Pannonius, *Epigrammata – Epigramme*, ed. Josef Faber (Norderstedt, 2009), 82. См. также Karl-Friedrich Krieger, *Die Habsburger im Mittelalter* (Stuttgart, 2004), 171.

Во-вторых, пассивным Фридриха тоже не назовешь. Да, он иногда по несколько лет безвылазно сидел в Линце или Винер-Нойштадте, но дважды побывал в Италии: в 1452 г. сочетался там браком с португальской принцессой и короновался императором, а в 1468–1469 гг. вновь посетил Святой престол. Второй приезд в Рим он использовал, чтобы убедить папу дать епископа храму Святого Стефана в Вене, исполнив таким образом мечту своего двоюродного деда Рудольфа. Но Фридрих пошел даже дальше. Ранее он получил папское согласие на учреждение епархии в Любляне, теперь же убедил папу учредить епархии в Винер-Нойштадте и еще трех городах, а еще через десяток лет – канонизировать герцога Австрии из династии Бабенбергов Леопольда Доброго, который к тому времени уже считался предком Габсбургов⁷⁴.

Даже не разъезжая, Фридрих был постоянно занят делом, только как человек Сатурна, а не Марса. Он ежедневно посещал заседания своего совета, хотя прения там могли продолжаться с раннего вечера до полуночи. В общей сложности за более чем 50-летнее царствование канцелярия Фридриха произвела около 50 000 писем и грамот, из которых многие имели особенности, свидетельствующие, что они были составлены по личным указаниям самого Фридриха. Чтобы восполнить административный вакуум в Священной Римской империи, Фридрих назначал уполномоченных, которым поручал разбирать жалобы и следить за исполнением его решений. Многие шаги Фридриха – в форме документов или через уполномоченных – касались регионов, «близких к правителю»: Швабии, Рейнской области и оставшегося без властителя герцогства Франкония к востоку от них. Но агенты Фридриха забирались и дальше, вмешиваясь в разрешение споров в Саксонии, на побережье Балтийского моря и даже в таком далеком северном краю, как Ливония (теперь Латвия и Эстония), хотя та имела к империи косвенное отношение⁷⁵.

Фридрих был еще и строителем. Именно в его царствование в венском соборе Святого Стефана перекрыли каменными сводами неф и начали возводить вторую башню, по проекту равную первой, которая, имея 137 м в высоту, была самой высокой в континентальной Европе (ее превосходили собор Святого Павла в Лондоне и Линкольнский собор: 150 и 160 м соответственно). Несмотря на все это, в 1462 г. Фридриха изгнал из Вены его вечно недовольный брат Альбрехт. Император удалился в Винер-Нойштадт, в 60 км к югу от Вены, и именно там он приказал построить свой самый знаменитый памятник. На восточном фасаде часовни Святого Георгия, что рядом с герцогским замком, мастера высекли 16-метровый рельеф с более чем сотней гербов. В самом низу – юный Фридрих с длинными волосами и в короне эрцгерцога. По правую руку от него ангел держит свиток с буквами AEIOU.

Эти буквы служили личным девизом Фридриха – вероятно, изначально это была буквенная запись его дня рождения, но, как и все подобные аббревиатуры, она допускала самые разные толкования. Считается, что буквы AEIOU, впервые упомянутые в 1437 г. в одной из записных книжек Фридриха, скрывают несколько сотен различных расшифровок. Чаше других упоминается «Австрии суждено править всем миром»: так этот код можно расшифровать и на латыни, и на немецком (см. пролог). Но были и другие интерпретации, где обыгрывались не менее грандиозные темы. Например, с отсылкой к имперскому гербу – «Избранный орел по праву покоряет все» («*Aquila Electa Iuste Omnia Uincat*») или «Лучший император поощряет все искусства» («*Artes Extollitur Imperator Optimus Universas*») и т. д.

Что под всем этим подразумевал Фридрих? Ответ частично дан на восточном фасаде часовни Святого Георгия. Из 107 высеченных там гербов только 19 относятся к землям, кото-

⁷⁴ О передвижениях Фридриха см. Paul-Joachim Heinig, *Kaiser Friedrich III. (1440–1493). Hof, Regierung und Politik* (Cologne, Weimar, and Vienna, 1997), 1347–87. См. также *Perzeption und Rezeption. Wahrnehmung und Deutung im Mittelalter und der Moderne*, ed. Joachim Laczny and Jürgen Sarnowsky (Cologne, 2014), 33–65.

⁷⁵ *Gerichts und Schlichtungskommissionen Kaiser Friedrichs III.* (regesta-imperii.de/dbkommissionen/ZentraleKomm.html), nos. 126, 1268, 1522, 1620, etc. О заседаниях совета и грамотах см. Heinig, *Kaiser Friedrich III.*, 152, и Paul Herold and Karin Winter, 'Ein Urkundenfund zu Kaiser Friedrich III. aus dem Stiftsarchiv Lilienfeld', *MIÖG*, 116 (2008), 267–90 (282–6).

рые находились тогда во владении Габсбургов. Остальное – воображаемые гербовые щиты всех бывших правителей Австрии, включая тех, что жили до Рождества Христова. Создавая эти гербы, архитектор основывался на самой знаменитой хронике, ходившей тогда в землях Габсбургов, – «Хронике 95 властителей», из которой, как мы знаем, черпал вдохновение и Фридрих. Составленная в конце XIV в. хроника начинается с основания Австрии еврейским рыцарем Авраамом из Темонарии (вымышленное место), пришедшим из мифической Земли Восхищения примерно через 810 лет после Всемирного потопа, то есть около 1500 г. до н. э. в соответствии с библейским летосчислением. Завершается хроника 95-м властителем – двоюродным дедом Фридриха III. Между ними рассказывается о множестве воображаемых иудейских патриархов, об австрийских правителях из рода Бабенбергов и, наконец, о Габсбургах, с длинными отступлениями в историю Святого престола. С большой выдумкой автор описывает гербы всех этих властителей, а попутно перечисляет римских императоров, чья линия продолжается герцогами из династии Габсбургов⁷⁶.

В позднем Средневековье подобные генеалогические выдумки, в которых королевские и аристократические династии связывались и с современными названиями мест, и с мифическим прошлым, населенным русалками, амазонками, великанами и драконами, составляли целый литературный жанр. Тем не менее «Хроника 95 властителей» уникальна своим сплетением библейской, имперской и австрийской истории, сочетанием вымысла с геральдикой и жизнеописаниями. 50 рукописных версий этого текста дошли до нас с XV в., что свидетельствует о его популярности. Впоследствии его содержание расширили другие авторы, которые добавили туда историю основания Австрии сыном Геракла Нориксом, сообщили, что Вену заложил Юлий Цезарь (будто бы проживший там два года – *biennium*, откуда и пошло название города), и включили в текст хроники поддельные письма Цезаря и Нерона. Переработке подвергались также амбициозные «мировые хроники», сводившие воедино историю четырех империй (ассирийской, персидской, греко-македонской и римской): биографии самых известных габсбургских монархов вставлялись даже туда.

Впрочем, аббревиатура AEIOU, гербы на восточном фасаде часовни Святого Георгия и пухнувшие тома исторических хроник говорили об одном и том же. Австрия была теперь не просто местом, но еще и страной, правителям которой предначертаны величие и могущество. В сущности, Австрия была вообще не страной, а смысловой конструкцией, объединившей темы империи, миссии, наследия и судьбы. Другие правители могли называть себя по своей основной территории: Бранденбургский дом, Саксонский дом и т. д. Но Австрия была не такой: она означала комплекс представлений о правящем доме, не зависящих от географии. И поэтому габсбургские князья, позже обосновавшиеся в Бургундии или уехавшие, чтобы принять испанскую корону, все равно считали себя членами Австрийского дома, какой бы слабой ни была их практическая связь с герцогством Австрия. Когда Габсбурги говорили об Австрии, они имели в виду в равной мере и территорию, и идею.

Убеждение, что Австрия и ее правители имеют особое предназначение, стало важнейшей темой опусов Энеа Сильвио Пикколомини, который был не только советником Фридриха, но и самым влиятельным историком своего времени. В вымышленном диалоге, написанном в начале 1440-х гг. в назидание Фридриху, Пикколомини перечисляет обязанности, возложенные на правителей Австрии: защищать и расширять власть империи, обеспечивать порядок в Италии, раздвигать границы христианского мира и заботиться о благе подданных. В речи, произнесенной через несколько лет после этого на Базельском соборе, Пикколомини पुष्че прежнего превозносил Австрию, объявив, что во всех ее делах ею управляет Божественная воля,

⁷⁶ Erzählen und Episteme. Literatur im 16. Jahrhundert, ed. Beate Kellner et al. (Berlin and New York, 2011), 351 (essay by Thomas Schauerte); Christoph J. Hagemann, Geschichtsfiktion im Dienste territorialer Macht. Die Chronik von den 95 Herrschaften (Heidelberg, 2017), 146.

а в подтверждение указав на то, каких она породила королей и императоров. Он без стеснения заимствовал сюжеты из «Хроники 95 властителей», придавая интеллектуального веса ее выдумкам о происхождении Габсбургов и подтверждая мифические пророчества о величии, предначертанном этой династии⁷⁷.

Фридрих долго не соответствовал надеждам, возлагавшимся на него другими. Однако сам он твердо верил в пророчества. Император привечал при дворе астрологов и тщательно изучал мышиный помет, как люди следующих поколений – чайнки на дне чашек. Была ли в том повинна комета (а их появилось на небе одна за другой две: в 1468 и 1471 гг.) или перемена внутреннего отношения, но где-то около 1470 г. Фридрих скинул ледяное платье Сатурна и облачился в мантию Марса. В 1468-м он провозгласил на своих территориях земский мир, объявив его нарушение государственной изменой и заточив в тюрьму капитана штирийских наемников, дерзнувшего поднять против него оружие из-за невыплаченного жалованья. Фридрих укрепил власть Габсбургов над Триестом, превратив его номинальный вассалитет в реальный и получив выход к Адриатическому побережью. Тремя годами позже, в 1471-м, он отправился в Регенсбург на съезд «христианских князей», чтобы согласовать отпор растущей на востоке турецкой угрозе – как оказалось, без успеха. Фридрих рассылал все больше писем и уполномоченных, а состав его двора отражал расширившиеся горизонты его власти. Почти половина его советников происходила теперь из-за пределов габсбургских земель⁷⁸.

С 1470-х гг. и далее Фридрих состоял в тесном дипломатическом общении с бургундским герцогом Карлом Смелым. Они были нужны друг другу. Карл стремился получить королевский титул, который дал бы его широко разбросанным владениям единство и повысил бы его личный статус. Фридрих готов был даровать Карлу такой титул в обмен на защиту своих оставшихся владений на юго-западе, которые он хотел собрать в новое герцогство. Но в распоряжении Фридриха не было того титула, который мог бы удовлетворить амбиции Карла, так что их отношения испортились. Их встреча в 1473 г. лишь усугубила ситуацию, поскольку Карл нарушил дипломатический этикет роскошными дарами и кричаще богатым одеянием (на одном из его костюмов было нашито несколько тысяч жемчужин и рубинов). Дискуссия правителей вылилась в войну, сменившуюся затем новыми переговорами. В конце концов Фридрих и Карл договорились о союзе между Австрийским и Бургундским домами, который должно было скрепить бракосочетание сына Фридриха Максимилиана (1459–1519) и дочери Карла Марии⁷⁹.

Владения герцога Бургундского состояли из двух частей, каждая из которых лежала между Францией и Священной Римской империей. Южная часть представляла собой герцогство Бургундия и одноименное ему графство, со столицами в Дижоне и Безансоне соответственно. Северная включала Люксембург и исторические Нидерланды (территория нынешних Нидерландов и Бельгии), а также часть Франции к югу от Кале. Чтобы соединить свои разорванные земли, в 1475 г. Карл вторгся в Лотарингию, а затем обратил свои взоры на швейцарский регион Во, и тут-то его враги объединились. Два года спустя Карл пал в бою, сраженный швейцарской алебардой⁸⁰.

Карл не оставил наследника мужского пола, и потому Фридрих объявил, что его земли вернулись в собственность империи. Через восемь месяцев после смерти Карла Максимилиан женился на его дочери Марии, превратив таким образом наследственные бургундские территории во владения семьи Габсбургов. Максимилиану пришлось столкнуться с притязаниями французского короля Людовика XI, успевшего захватить герцогство Бургундское. Тем не

⁷⁷ MGH, Staatsschriften, viii, 199, 287, 293, 305; MGH, SS rer. Germ. N.S., xxiv, 2, 829.

⁷⁸ Peter Moraw, 'The Court of the German King and of the Emperor at the End of the Middle Ages, 1440–1519', in *Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450–1650*, ed. Ronald G. Asch and Adolf M. Birks (Oxford, 1991), 103–37 (118).

⁷⁹ Petra Ehm, *Burgund und das Reich* (Munich, 2002), 151, 166, 198.

⁸⁰ J. F. Kirk, *History of Charles the Bold, Duke of Burgundy*, vol. 3 (London, 1868), 490.

менее Габсбурги удержали большую часть земель Карла Смелого, включая Нидерланды, графства Бургундию (Франш-Конте) и Шароле. Фридрих тем временем бился на востоке против венгерского короля Матьяша Корвина, вторгшегося в Австрию и обосновавшегося в Вене. Но в 1490 г. Матьяш умер, после чего Фридрих вытеснил венгров со своей территории.

Многие успехи Фридриха объясняются его долголетием. Он пережил и своих родственников, и своих врагов и, таким образом, смог воссоединить раздробленное наследие Габсбургов. Брат Альбрехт умер в 1463 г., не оставив наследника, так что Фридрих вернул себе Верхнюю Австрию, а кузен Сигизмунд, правивший тирольской частью габсбургских владений, в 1490-м отрекся в пользу Максимилиана. Нижняя Австрия досталась Фридриху в 1457 г. после смерти его внучатого племянника Ладислава, тоже не оставившего наследников. Враги Фридриха Матьяш Корвин и Карл Смелый также сошли в могилу прежде него: первый умер от апоплексического удара, второй пал в бою. Но мало того, Фридрих сумел гарантировать продолжение габсбургской власти. В 1486 г. он убедил курфюрстов избрать Максимилиана королем римлян; впервые за почти три столетия курфюрсты при жизни отца согласились избрать королем сына.

Погребли Фридриха в огромном саркофаге в юго-восточном углу собора Святого Стефана в Вене. На саркофаг пошло девять тонн мрамора, для доставки которого потребовалось укрепить мосты по пути в Вену. Надгробие украшено фигурой Фридриха и буквами AEIOU. Но, в отличие от гробницы его двоюродного деда Рудольфа, это не метафора царствования, лишённого содержания: и сам Фридрих лежит там, и достижения его на службе как у Сатурна, так и у Марса куда более значительны. В начале XV в. Габсбурги казались маловероятными претендентами на верховную власть. К моменту смерти Фридриха (1493) это была по-настоящему императорская династия, уже 55 лет занимавшая трон Священной Римской империи. Им помогала сама история, но, кроме того, у них имелось стремление к величию, ставшее частью традиции и мифологии Австрийского дома Габсбургов. В 1437 г. шифр AEIOU с его притязаниями на мировое господство выглядел не только тщеславным, но и нелепым. В 1490-х гг. он уже не просто казался реалистичным, но и вот-вот должен был стать правдой.

5

МАКСИМИЛИАН И ЦВЕТНЫЕ КОРОЛИ

Максимилиана, сына Фридриха III, избрали королем в 1486 г. Через семь лет Фридрих умер, и Максимилиан без проблем принял власть. Даже его перемещения показывают, что он был совсем иным правителем, чем Фридрих: все время в движении, редко оставаясь на одном месте дольше нескольких недель. Однако, как и у всех его предшественников, перемещения Максимилиана ограничивались областью, традиционно близкой правителю: Швабия, Франкония и Рейнские земли, к которым теперь добавились недавно приобретенные провинции в Нидерландах. Максимилиан никогда не бывал ни в Саксонии, ни в Брауншвейге, ни в Бранденбурге, ни в княжествах на южном берегу Балтийского моря. Немецкие историки много рассуждают, почему их страна не развилась в единое национальное государство по образцу Франции или Испании. Здесь можно предполагать разные причины, но одна из них, несомненно, в том, что обширные области Священной Римской империи никогда не включались в программу поездок государя. Первый император посетил Померанию, что на северо-востоке Германии, только в 1712 г. – и это был российский император.

Стиль правления Максимилиана держался на его личности и личном присутствии, а в их отсутствии заменой служили портреты. Несколько тысяч сохранившихся изображений свидетельствуют, что Максимилиан твердо намеревался сделать свое лицо самым узнаваемым в Европе. Художникам поручалось продвигать его образ и подвиги все более зрелищными способами. Альбрехт Дюрер, Альбрехт Альтдорфер и команда менее известных гравиров изготовили для Максимилиана две большие серии гравюр – «Триумфальная процессия» и «Триумфальная арка», прославлявшие родословную императора и его деяния. Все оттиски каждой серии складывались в одно большое изображение, которое в виде обоев должно было украшать стены дворцов и залов советов в нескольких сотнях княжеств и городов, куда их рассылали.

Ради прославления своей персоны Максимилиан заказывал в свою честь и поэмы. Он расположил к себе знаменитого гуманиста Конрада Целтиса, увенчав поэта лавровым венком и назначив профессором математики и поэзии в Венском университете. Целтис ответил на эту честь сочинением панегириков, воспевающих Максимилиана как великого охотника и воина и сравнивающих его с героями Античности и крупными фигурами немецкой истории. Кроме Целтиса Максимилиан увенчал лаврами еще почти 40 поэтов, которые охотно взялись за производство стихов, превозносящих его правление. Максимилиан не только распорядился все это печатать, но и даровал их создателям одну из самых ранних версий авторского права. Несмотря на это, подготовленное Целтисом издание «Германии» Тацита (I в.), дополненное отступлениями, посвященными деяниям Максимилиана, многократно перепечатывалась другими, что тоже способствовало прославлению императора⁸¹.

Максимилиан и сам неустанно трудился над собственным образом. Под его руководством были написаны три аллегорические автобиографии, в которых он выставил себя как самого благородного и безупречного из рыцарей. В поэме «Тойерданк» (Theuerdank) Максимилиан излагает полностью вымышленный сюжет о главном герое, чье имя означает «благородно мыслящий». Тот отправляется в чужую страну, чтобы взять в жены девушку Эренрайх («богатая честь»), прототипом которой стала жена Максимилиана Мария Бургундская. По пути Тойерданк преодолевает всевозможные козни врагов: рушатся лестницы, сходят лавины, пища оказывается отравленной и т. д. Добившись руки возлюбленной, рыцарь отправляется в крестовый поход. На самом деле путешествие Максимилиана из Вены на свадьбу в Гент заняло три

---

⁸¹ Gernot Michael Müller, *Die 'Germania generalis' des Conrad Celtis* (Tübingen, 2001), 11–18.

месяца (из-за пышных приемов и пиров, на которых его чествовали), но венчался он действительно в серебряных доспехах⁸².

«Тойерданк» был щедро украшен 118 гравюрами, а его текст набрали готическим шрифтом, на основе которого впоследствии разработали стандартную немецкую готику, так называемую *фрактуру*. В 1517 г. Максимилиан напечатал «Тойерданка» частным образом, чтобы дарить, кому пожелает, а два года спустя книга уже появилась в широкой продаже. Однако дополняющее ее сочинение «Фрейдаль» (Freydal, то есть «справедливый и учтивый»), так и не дошло до типографии и осталось, за исключением пяти иллюстраций, в рукописи. «Фрейдаль» описывает победы Максимилиана на турнирах и его поединки с более чем двумя сотнями предполагаемых противников, причем часто это происходит на глазах восхищенной публики и отмечается затем балами-маскарадами⁸³.

Самый известный из романов-автобиографий Максимилиана – «Белый король» (Weisskunig). Опубликованный уже после смерти автора, он рассказывает о взрослении Максимилиана, аллегорически называемого тут Белым королем, и о многих его военных походах. Роман содержит подробное описание изученных Белым королем наук: ребенком он моментально усвоил семь свободных искусств (грамматику, риторику, логику, арифметику, геометрию, музыку и астрономию), после чего взялся за изучение генеалогии, горного дела, поэзии, живописи, да, в сущности, и почти всех остальных предметов, включая язык птиц. В действительности Максимилиан с трудом овладевал знаниями и до девяти лет страдал «элективным мутизмом», то есть социальной немотой. Несмотря на это, Белый король, *alter ego* Максимилиана, без усилий осваивает новые языки и свободно разговаривает на семи из них. Он даже интересуется черной магией, но не до такой степени, чтобы подвергать опасности свою бессмертную душу⁸⁴.

Как правитель, Белый король желает только мира, но его со всех сторон окружают вероломство и предательство соседей. Эти соседи старательно поименованы по цветам или эмблемам: Зеленый король (венгерский), Синий король (французский), Красно-белый король (английский), Король рыб (венецианский дож), Король корон (папа), Черный король (арагонский), Король расплавленного железа (бургундский) и т. д. В творческом запале Максимилиан подчас путает цвета, так что некоторые монархи у него то и дело меняют оттенки. Когда в войне с цветными королями выпадает передышка, Белому королю приходится сражаться с ополчением нидерландских городов, которые то и дело восстают против его власти, – это Гнедая, Серая и Серая в яблоках дружины, против которых Белый король собирает Белую дружину, которая в действительности состояла из наемных головорезов. В некоторых местах Максимилиан забывает о цветах и эмблемах, поэтому швейцарцы становятся просто «деревенскими олухами», сын Белого короля (и Максимилиана) Филипп – Прекрасным королем, а французский дофин, тщетно соперничавший с Максимилианом за руку Марии Бургундской, – Плоскомордым.

Названия глав, относящихся к 1509 г., говорят о довольно однообразном характере повествования:

«Как Белый король составил союз против Короля рыб».

«Как Король корон и Синий король пошли войной на Короля рыб».

«Как Синий король напал на Короля рыб и одолел его на поле боя».

⁸² Hermann Wiesflecker, Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit, 5 vols. (Vienna, 1971–86), vol. 1, 133–4.

⁸³ Kunsthistorisches Museum Wien, MSS, Kunstkammer no 5073.

⁸⁴ Glenn Elwood Waas, The Legendary Character of Kaiser Maximilian (New York, 1941), 5.

«Как Белый король отправился в поход на Короля рыб и захватил обширные земли и многие города»⁸⁵.

В идее цветового кодирования сторонников и противников не было ничего оригинального. В современном Максимилиану романе сэра Томаса Мэлори «Смерть Артура» (*Le Morte d'Arthur*) имеются Синий, Красный, Зеленый, Черный и Желтый рыцари, а самый знаменитый рыцарский роман конца XV в. валенсийский «Тирант Белый» (*Tirant Lo Blanc*) также назван в честь белого рыцаря. Но в «Белом короле» нет нравственной неопределенности, сомнительных чар и роковой обреченности «Смерти Артура», как нет там повествовательной филигрании и пафоса «Тиранта Белого». Это заурядный образец тщеславной графомании, существование которого оправдывают только 250 украшающих текст гравюр.

Свои три автобиографические аллегории Максимилиан мыслил как начало большой книгоиздательской кампании, в ходе которой отдельные области знания должны были укладываться в тома, образующие грандиозную энциклопедию. Каждый том должен был содержать обзор знаний по особому предмету: кулинарии, верховой езде, соколиной охоте, садоводству, артиллерии, фехтованию, морали, замкам и городам, магии (включая черную), искусству любви и т. д. Всего томов планировалось более 130, но закончить успели только два, в которых перечисляются лучшие места для охоты и рыбалки в Тироле и Горице. Из описаний того, как Максимилиан закидывает сети, обследует речные берега или беседует с охотниками, становится ясно: именно его личность должна была стать мотивом, связывающим воедино эту огромную серию. Все аспекты этой энциклопедической эпопеи должны были славить правление Максимилиана, его свершения и одаренность, соединившую в его личности весь опыт человечества⁸⁶.

Такая же эклектическая самореклама присуща экскурсам Максимилиана в области истории и генеалогии. Во времена, когда большинство правителей были вполне довольны, если их родословную прослеживали до троянцев, Максимилиан пошел еще дальше, до Ноя, и требовал от теологов из Венского университета подтвердить его ветхозаветное происхождение. Профессора уклонялись, и «доказывать» родство Максимилиана с Ноем пришлось ученому помоложе. Помимо этого, Максимилиан распространял свое генеалогическое древо вширь, связывая себя линиями свойства и родства с ветхозаветными пророками, греческими и египетскими божеествами, сотней пап, почти двумястами святыми (123 канонизированных и 47 беатифицированных) и со всеми правящими домами Европы. Скульптурные изображения некоторых из этих персон были размещены вокруг выполненной из черного мрамора гробницы Максимилиана, сооружение которой началось в 1502 г. Первоначально ее планировалось установить в дворцовой часовне Святого Георгия в Винер-Нойштадте, но усыпальница вышла столь просторной, что в ходе строительства ее пришлось перевезти в придворную церковь в Инсбруке. Гробницу окружают 28 бронзовых скульптур выше человеческого роста работы лучших мастеров, включая Альбрехта Дюрера и Фейта Штоса. Фигуры изображают не только габсбургских предков Максимилиана, но и франкских королей, первого короля Иерусалима и английского короля Артура. Планировалось изваять еще дюжину бронзовых статуй, 34 бюста римских императоров и добрую сотню фигур святых, но это так и не было сделано⁸⁷.

В серии гравюр по дереву, известной под названием «Триумфальная арка», эти генеалогические фантазии соединяются в череду несогласованных аллюзий. На самом верху арки, в так называемом табернакле, восседает Максимилиан, а начертанные рядом египетские иеро-

⁸⁵ Der Weiss Kunig. Eine Erzählung (Vienna, 1775), 290–2.

⁸⁶ Michael Mayr, Das Fischereibuch Kaiser Maximilians I. (Innsbruck, 1901); Mayr, Das Jagdbuch Maximilians I. (Innsbruck, 1901); Ludwig Baldass, Der Künstlerkreis Kaiser Maximilians (Vienna, 1923), 14.

⁸⁷ Доказательства происхождения Максимилиана см. в Hieronymus Gebweiler, Epitome regii ac vetustissimi ortus (Hagenau, 1530).

глифы указывают на его происхождение от Осириса. Ниже три матроны символизируют то, что Габсбурги – это наследники Трои, раннего франкского королевства и Сикамбрии, под которой подразумеваются земли Австрии и Венгрии, якобы заселенные троянским героем Гектором. На боковых опорах размещены императорская и эрцгерцогская короны, напоминающие о привилегиях, пожалованных Австрии Цезарем и Нероном. Панели по двум сторонам посвящены реальным и вымышленным предкам Максимилиана, а также его свершениям как правителя. Там же размещены стихи, объясняющие достижения Максимилиана и перечисляющие имена его прародителей. Два рыцаря в старинных доспехах вздымают стяги с орлом и драконом, напоминая о боевых штандартах Древнего Рима и императорского рода, самым недавним отпрыском которого был Максимилиан – причем, как поясняется в надписи около арки, именно он в наибольшей степени достоин того, чтобы находиться в компании своих предшественников-императоров⁸⁸.

В «Триумфальной арке» сплетаются мотивы империи и династии, родословие Габсбургов и наследие Древнего Рима. Вторая серия гравюр по дереву, «Триумфальная процессия», добавляет к этим фантазмагориям совершенно новую концепцию территории. Она состоит из 130 деревянных гравированных блоков общей длиной 54 м. К этому следует добавить «Триумфальную колесницу» Дюрера (2,4 м), которая печаталась отдельно, хотя по замыслу была частью общей композиции. Вся серия изображает вымышленную сцену, подобную римскому триумфу, – процессию, во главе которой шествуют барабанщики, шуты и рыцари. За ними следуют всадники со штандартами владений Максимилиана, и колесницы, на которых представлены сцены, рассказывающие о его завоеваниях и о его предках.

Каждая из этих сцен предсказуема, но в конце процессии мы видим кое-что неожиданное. В обозе за слоном идут несколько групп людей, одетых либо в как бы азиатские облачения с тюрбанами, либо в индейские костюмы и головные уборы с перьями. Подпись сообщает, что это – «люди из дальнего Каликута» в Южной Индии, недавно приведенные под власть Максимилиана. Автор этой гравюры Ханс Бургкмайр никогда не бывал ни в Новом Свете, ни в Индии, так что изображенное им представляет собой смесь из мотивов его предшественников. Больше того, империя Максимилиана не включала в себя никаких заморских народов и земель. Но самому Максимилиану, который увлеченно курировал работу над «Триумфальной процессией», это было не важно. В своем воображении он видел империю не только Римской и Габсбургской, но и безграничной, охватывающей всю планету. Таким образом Максимилиан превратил аллегорический шифр AEIOU, предмет неустанных раздумий его отца, в идею мирового господства, в соответствии с которой его подданными станут даже очень далекие народы⁸⁹.

Идея Максимилиана была невыполнимой и фантастической. Все годы царствования его доходы никак не соответствовали его амбициям. Короли Франции в ту эпоху могли рассчитывать на годовой доход в несколько миллионов дукатов, Максимилиан же получал от своих центральноевропейских владений лишь около 600 000. В Нидерландах провинциальные ассамблеи и власти городов сопротивлялись налоговым требованиям императора, вынуждая его обходиться поступлениями от чеканки монеты, которые в 1480-х гг. (похоже, не самое удачное десятилетие) составляли всего около 200 000 дукатов. Сама Священная Римская империя обеспечивала в среднем лишь 20 000 дукатов в год. После своей смерти Максимилиан оставил долги почти в 5 млн дукатов⁹⁰.

⁸⁸ Walter L. Strauss, Albrecht Dürer: Woodcuts and Wood Blocks (New York, 1979), 726–31.

⁸⁹ О Бургкмайре и «людях из дальнего Каликута» см. Christian Feest, 'The People of Calicut: Objects, Texts and Images in the Age of Proto-Ethnography', *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi: Ciências Humanas*, 9 (2014), 287–303.

⁹⁰ Wiesflecker, *Kaiser Maximilian*, vol. 5, 637. См. также *ibid.*, vol. 4, 92; Standen en Landen, 40–41 (1966), 82.

Максимилиан отчаянно старался поправить финансовые дела. В Австрии, Штирии и Тироле он ввел методы государственного управления и финансовую систему, впервые сложившиеся в Нидерландах. Администрацию каждой из земель он разделил на три ветви: правительство (Regiment), казначейство (Kammer) и канцелярию (Kanzlei), и на этой основе управление в монархии Габсбургов будет строиться до XVIII столетия. В стремлении вывести финансы из-под контроля сословий Максимилиан преуспел меньше. Поскольку сословные съезды утверждали налоги и отвечали за их сбор, депутаты настаивали, чтобы их включали в советы, распоряжающиеся провинциальной казной. И все же Максимилиан смог провалить реформу, сделавшую все местные казначейства подотчетными и подчиненными казначейству Австрии, расположенному в тирольском Инсбруке.

Выбор Инсбрука для размещения этого учреждения говорит о многом. Город около золотых и серебряных копей Тироля был самым удачным местом, чтобы отдавать будущие прибыли от золото- и серебродобычи в заклад аугсбургским банкирским домам Фугтеров и Вельзеров, благодаря чьим ссудам под высокий процент Максимилиан и держался на плаву. В знак нового значения Инсбрука Максимилиан распорядился перестроить тамошний дворец. С одной его стороны он воздвиг «гербовую башню», украшенную гербами его разнообразных владений. С другой появилась крытая галерея, обращенная на главную городскую площадь, чтобы император мог смотреть оттуда турниры и выступления наездников. «Золотая крыша» (Goldenes Dachl) – медная черепица галереи обжигалась с использованием золотой амальгамы – и поныне господствует над главной площадью Инсбрука.

В 1480-х гг. Максимилиан был занят в основном утверждением своей власти над Нидерландами. После смерти Марии Бургундской в 1482 г. несколько нидерландских городов и провинция Фландрия взбунтовались против Максимилиана, объявив, что со смертью жены он лишился всех своих прав. В 1488-м граждане Гента несколько месяцев держали Максимилиана в плену, пока его отец не прислал войско, чтобы подавить мятеж и освободить сына. Через несколько лет народное восстание вспыхнуло в провинции Голландия. Вооруженные голландские крестьяне и горожане выступили против его политики налогообложения под знаменами с изображением хлеба и сыра. Мятеж подавили немецкие наемники, на знаменах которых красовалась пивная кружка.

Чтобы сохранить власть Габсбургов над Нидерландами, Максимилиан в 1494 г. обязался передать их своему сыну Филиппу (1478–1506), чье происхождение от последней бургундской герцогини делало его фигурой более приемлемой для горожан и аристократии Нидерландов. И все равно Филиппу пришлось править в согласии с советом, состоявшим из представителей высшей аристократии. Однако в 1506 г. Филипп умер, и Максимилиан стал регентом при его малолетнем сыне, Карле Гентском. Для умиротворения противников он передал регентство своей дочери Маргарите, продолжив, однако, получать вознаграждение как опекун мальчика.

Не успел в Нидерландах установиться мир, как вспыхнула новая распря в Северной Италии. В 1494 г. французский король Карл VIII вторгся на Апеннинский полуостров и ненадолго захватил Неаполитанское королевство. Вскоре его выбила оттуда коалиция, в которой участвовал и Максимилиан, но авантюра Карла продемонстрировала, насколько уязвимыми для разбоя были итальянские города-государства. В последующие десятилетия богатства Италии продолжают растаскивать и чужеземцы, и свои, пока отдельные города будут воевать друг с другом и призывать на помощь иностранных наемников. В 1498 г. Максимилиан вторгся в Северную Италию по просьбе миланского герцога Лодовико Сфорца с целью разгромить армию профранцузской Флоренции. Десять лет спустя он вступил в Камбрейскую лигу и в союзе с папой и Людовиком XII Французским воевал против Венеции. Еще через несколько лет он перешел на сторону Венеции и в союзе с папой обратил оружие против французов.

Все эти маневры обеспечили Максимилиана материалом для «Белого короля», но несколько не поправили его дела. В 1508 г. император женился на Бьянке Сфорца, но так и

не сумел вернуть ее дяде власть над Миланом. Вместо этого Северная Италия оказалась поделена между французским королем, который провозгласил себя герцогом Милана, и Венецией, которая вернула себе Падую, недолго пробывшую в руках Максимилиана. Тем временем Фердинанд Арагонский захватил Неаполитанское королевство, добавив его к Сицилии, уже присоединенной к Арагону.

По его собственным подсчетам, Максимилиан предпринял 17 военных кампаний, каждой из которых в «Триумфальной процессии» посвящено свое особое знамя. Изыскивая деньги на походы, он пытался использовать скрытые ресурсы Священной Римской империи. О реорганизации ее структуры различные реформаторы задумывались уже за добрых полвека до того. Но никто не мыслил так, как это описывают некоторые историки: эволюция государственного аппарата, федерализация или даже примирение состояния «не-государства» с состоянием «не-не-государства» с движением в сторону последнего. Напротив, большинство обращалось к мифическому прошлому и грезило о возврате освященного небесами порядка, когда совместное правление императора и князей обеспечивало торжество справедливости. Максимилиану же, напротив, нужна была эффективная система мобилизации финансов и военной силы, и он вовсе не желал делить с кем-то свою власть, как это планировали реформаторы⁹¹.

Императору не удалось заставить Священную Римскую империю платить за то, что в тот период понималось как «его войны». Но пока он пытался выбить из империи деньги, реформаторы во главе с архиепископом Майнцским ненадолго вынудили его поделиться властью с советом, составленным из курфюрстов и других князей. Еще Максимилиану пришлось пойти на учреждение во Франкфурте высшего органа судебной власти, именовавшегося Имперским камеральным судом, который должен был карать нарушения мира, причем судьи в нем назначались главным образом имперскими князьями и знатью. В ответ Максимилиан учредил свой собственный особый суд в Вене с той же юрисдикцией, что и у Имперского камерального суда, таким образом фактически создав две конкурирующие судебные системы. В 1508 г. для укрепления монаршего авторитета Максимилиан получил у папы дозволение королям Священной Римской империи именоваться «избранными императорами» и использовать императорский титул, даже если их не короновали в Риме. Титул римского короля с этого момента начал носить будущий император, которого избирали и короновали еще при жизни предшественника, чтобы гарантировать преемственность.

Несколько упорядочила управление империей введенная в 1500 г. система «имперских округов» – территориальных единиц, которые должны были совместно выставять войска для исполнения судебных решений. Система округов наследовала системе ландфогтов, учрежденной королем Рудольфом Габсбургом еще в XIII в., только округами управляли не наместники правителя, а советы из местных князей и знати. Помимо этого, реформаторам удалось усилить роль имперского съезда – рейхстага, превратив неофициальное мероприятие в государственный институт, издающий обязательные к исполнению законы. Впрочем, Максимилиан и здесь сумел оставить рычаги управления за собой. Именно он должен был открывать сессии рейхстага и определять их повестку; осталось у него и право вето. Чтобы получить силу закона, решения рейхстага должны были быть одобрены императором, а помимо него – тремя отдельными «куриями»: курфюрстов, князей и городов. Несмотря на то что заседания продолжались с четырех утра до полуночи, они нередко завершались без какого-либо решения.

Император и князья, в сущности, нейтрализовали друг друга. Никому из них не нужно было сильное центральное правительство, ограничивающее их собственное влияние. Таким образом, Священная Римская империя оставалась в лучшем случае контролирующим инсти-

⁹¹ Литература о реформе империи подробно обсуждается в Karl-Friedrich Krieger, *König, Reich und Reichsreform in Spätmittelalter*, 2nd ed. (Berlin, 2010), особенно 55–60. См. также Joachim Whaley, *Germany and the Holy Roman Empire*, vol. 1 (Oxford, 2012), 86.

тутом, который существовал, чтобы предотвращать вспышки чрезмерного насилия. Как и прежде, повседневная жизнь земель определялась высшей знатью и князьями, среди которых были и Габсбурги с их обширными владениями. Священная Римская империя, стоявшая над князьями и землями, выполняла лишь самые базовые функции, оставаясь структурой обеспечения безопасности на крайний случай – тем, что немецкие теоретики XIX в. именовали «государством – ночным сторожем».

Максимилиан постоянно брался за заведомо невозможное, или же его начинания быстро исчерпывали себя из-за недостатка заинтересованности с его стороны. Он то и дело объявлял, что отправляется в крестовый поход, а в 1494 г. учредил новый рыцарский орден Святого Георгия, чтобы руководить освобождением Иерусалима, но в итоге никакого похода так и не случилось. Столь же непоследовательной была его политика в отношении австрийских евреев. В 1495 г. он распорядился изгнать их из Штирии, но предложил им убежище в Нижней Австрии. Он выискивал секретные смыслы в мистическом учении каббалы, потом объявил запрет на все еврейские тексты, но почти тут же его отменил. В 1511 г., после смерти своей второй жены, Максимилиан подумывал занять папский престол. Эти планы зашли настолько далеко, что он уже просчитывал расходы на подкуп кардиналов и убедил банкирский дом Фуггеров финансировать все предприятие. В письме дочери Маргарите он обещал принять обет безбрачия и «больше никогда не устремляться к нагим женщинам», а в конце подписался: «Макси, ваш добрый отец и будущий папа римский». Из этих замыслов ничего не вышло, как и из возникших несколько лет спустя планов сделать бургундские земли отдельным королевством под древним франкским названием Австразия⁹².

В брачной политике планы Максимилиана были столь же дерзкими, и, повернись дело немного иначе, это могло бы выйти боком его наследникам. В 1496 и 1497 гг. он соединил обоих своих детей браками с испанской королевской семьей: Филиппа женил на Хуане (позже получившей прозвище Безумная), меланхоличной дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, а Маргариту выдал за Хуана, единственного сына Фердинанда и Изабеллы. Максимилиан многим рисковал, ведь если бы у Хуана и Маргариты родился сын, то он, испанский принц, мог бы претендовать по крайней мере на часть владений Максимилиана. Однако вышло так, что Хуан умер первым – по сведениям современников, постельные аппетиты молодой супруги истощили его настолько, что на его примере позже проповедовали воздержание. Брак Филиппа и Хуаны, напротив, оказался счастливым, несмотря на одолевавшие Хуану периоды депрессии. Она успела родить Филиппу шестерых детей, прежде чем тот безвременно умер от солнечного удара. Старший из сыновей Хуаны Карл Гентский унаследовал и титулы Максимилиана, и все испанское королевство. Однако этим дело не закончилось. Фердинанд Арагонский, женившийся в 1505 г. вторым браком, хотел передать свое королевство сыну, которого ему подарит новая супруга, Жермена де Фуа. Однако мальчик, которого Жермена наконец родила в 1509-м, прожил только несколько часов⁹³.

Как Фридрих III, так и Максимилиан упорно стремились включить в число габсбургских владений Венгрию, но все их переговоры с венгерским королем Матьяшем Корвином (1458–1490) о брачном союзе перечеркивались неспособностью Матьяша произвести законное потомство. Переговоры с преемником Матьяша Владиславом II Ягеллоном, который был также королем Чехии, оказались более плодотворными и закончились в 1515 г. двойной помолвкой:

⁹² Inge Wiesflecker-Friedhuber, 'Die Austreibung der Juden aus der Steiermark unter Maximilian I.', *Wissenschaftliche Arbeiten aus dem Burgenland*, 92 (1993), 47–64. О Максимилиане как папе римском см. Wiesflecker, *Kaiser Maximilian*, vol. 4, 91–2, and Hugh Trevor-Roper, 'The Emperor Maximilian I, as Patron of the Arts', in Trevor-Roper, *Renaissance Essays* (London, 1986), 13–23 (17).

⁹³ О слухах по поводу брака Маргариты и Хуана см. *Dead Lovers: Erotic Bonds and the Study of Premodern Europe*, ed. Basil Duffalo and Peggy McCracken (Ann Arbor, MI, 2007), 121; Rachael Ball and Geoffrey Parker, *Cómo ser rey. Instrucciones de Carlos V a su hijo Felipe*. Mayo de 1543 (Madrid, 2014), 149–53.

внуки Максимилиана Мария и Фердинанд обручились соответственно с детьми Владислава Людовиком и Анной. Церемонии официального бракосочетания состоялись в 1521 и 1522 гг. И вновь двойной брачный альянс нес в себе риск того, что Австрия отойдет дому Ягеллонов. Но вышло иначе, и в итоге сами Габсбурги поглотили Венгрию и Чехию⁹⁴.

Оба устроенных Максимилианом двойных брачных союзов – с испанскими королями и с Ягеллонами – были чем-то вроде азартной игры. Как отмечал впоследствии Карл Гентский, к тому времени – император Карл V, брачная дипломатия ненадежна и опасна, поскольку нужное развитие событий невозможно гарантировать. Однако случилось так, что обе ставки Максимилиана сработали и его потомки стали повелителями не только Европы, но и всей планеты. Появившееся позже и ставшее расхожим в XVII в. речение гласило: «Где другие затевают войны, ты, счастливая Австрия, заключаешь браки»⁹⁵.

Можно смеяться над сумасбродными фантазиями Максимилиана, над его верхоглядством и напыщенным хвастовством. Но своими маневрами он достиг того, что аллегория из «Белого короля» стала для Габсбургов политической реальностью, в которой наследники Максимилиана правили солидной частью Европы, а через испанские связи – еще и обширными землями в Новом Свете. Через каких-то несколько десятилетий после смерти Максимилиана подданными Габсбургов стали даже «люди из дальнего Каликута» с гравюры «Триумфальной процессии». Если вспомнить те унижения, поражения и разделы, которые дом Габсбургов претерпевал предшествующие 200 лет, деяния Максимилиана выглядят особенно грандиозными, а его тщеславные фантазии – не такими уж беспочвенными. С помощью везения, брачных союзов и военной силы он превратил дом Габсбургов из второстепенной центральноевропейской династии в мощнейшую континентальную монархию, уступавшую только Франции. Под властью его внука и наследника на императорском троне Карла V Габсбурги сделают еще один шаг вперед и станут силой общемирового масштаба.

---

⁹⁴ Для каждой пары брачующихся проводился свой обряд венчания; общей церемонии для нескольких пар, как часто пишут, не было. См. Magyarország történeti kronológiája, ed. Kálmán Benda, vol. 1 (Budapest, 1983), 341–2.

⁹⁵ Alfred Kohler, Quellen zur Geschichte Karls V. (Darmstadt, 1990), 287–8; Elisabeth Klecker, 'Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube. Eine Spurensuche', Österreich in Geschichte und Literatur, 41 (1997), 30–44.

6

КАРЛ V: ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРА

Максимилиан умер в 1519 г. Нам точно неизвестно отчего, поскольку врачи, лечившие его, находили у него все мыслимые недуги: разлитие желчи, колит или перитонит, камни, плеврит, дизентерию и т. д. (на самом деле наиболее вероятная причина смерти Максимилиана – сифилис). Похоронили императора между тем не в помпезной гробнице, которую он велел соорудить в Инсбруке, а в часовне Святого Георгия в Винер-Нойштадте, в простом мраморном саркофаге, который заодно служил и алтарем. Император положен там как кающийся грешник, и согласно протоколу, который он сам составил, его тело перед погребением высекли, голову обрили, а зубы выбили. Даже в смерти Максимилиан не утратил навыка совершать эффектные жесты⁹⁶.

За несколько лет до кончины Максимилиан заказал художнику Бернхарду Штригелю семейный портрет, изображающий императора с его первой женой, сыном и внуками. Это самый знаменитый портрет такого типа в истории Габсбургов, но изображенное там – чистейший вымысел. Максимилиан представлен мужчиной в расцвете сил, хотя в дни, когда писался портрет, император был уже настолько болен, что всюду возил с собой заранее заготовленный гроб. Его лицо, на портрете гладко выбритое, обрамляла жидкая седая борода. Жена и сын, изображенные рядом с ним, давно покинули этот мир – собственно, взгляд Марии Бургундской возведен к небесам именно потому, что ее уже нет в живых. Более того, трое детей с портрета никогда в жизни не встречались, потому что Фердинанд, на картине прижимающийся к руке деда, рос в Испании, а Карл Гентский, сидящий рядом, – в Нидерландах. Третий ребенок, со светлыми локонами, – это, строго говоря, даже не Габсбург, а король из рода Ягеллонов, Людовик II Венгерский, связанный теперь с Габсбургами брачными узами благодаря двойной помолвке 1515 г. Оставшись сиротой после случившейся спустя год смерти отца, короля Владислава, Людовик согласился, чтобы Максимилиан стал одним из его опекунов – потому он и присутствует на портрете.

К Карлу Гентскому, будущему императору Карлу V, кисть Штригеля была очень милосердна: когда писался портрет, челюсти Карла были так сильно деформированы, что верхняя совсем не совпадала с нижней, а несчастный случай с каретой уже практически лишил его передних зубов (предположительно, с тех пор Карл носил вставные зубы, так же как позже был вынужден прибегать к очкам). Из-за увеличенных аденоидов у Карла все время был приоткрыт рот. Какой-то бестактный испанский придворный позже посоветовал Карлу остерегаться, как бы у него во глотке не завелись насекомые, ведь кастильские мясные мухи знамениты своей наглостью. Не щадили Карла и историки, описывавшие его как посредственного и бездарного правителя, живой пережиток Средневековья. «Не очень интересный» – такое безжалостное определение дал Карлу V шотландский философ XVIII в. Дэвид Юм. А поскольку депрессия обычно не вызывает особого сочувствия, душевная болезнь, настигшая Карла в середине 1550-х гг., и его последующее отречение, воспринимались как образцовый пример жизненного краха⁹⁷.

Во владение испанскими землями молодой король вступил в 1516 г., после смерти своего деда по матери Фердинанда Арагонского. Эти земли включали в себя Сицилию, южную часть Италии и Сардинию, к которым между 1510 и 1520 гг. добавились анклавы на побере-

---

⁹⁶ Hermann Wiesflecker, *Kaiser Maximilian I.*, vol. 4 (Munich, 1981), 424.

⁹⁷ О челюсти и зубах Карла см. Charles V, 1500–1558, and His Time, ed. Hugo Soly (Antwerp, 1999), 490; Letters of David Hume, ed. J. Y. T. Greig, vol. 1 (Oxford, 1932), 315.

жье Северной Африки, часть которых и поныне принадлежит Испании, а позже еще и Тунис. Также в годы правления Карла Испания приобрела обширные колонии в Новом Свете: после 1519 г. испанской стала Мексика; после 1529-го – империя инков с центром в Перу; а в конце 1530-х гг. – земли, известные нам как Чили. В 1521 г. мореплаватель Фернан Магеллан объявил испанскими далекие острова в Тихом океане, которые позже получили название Филиппины – в честь сына Карла V короля Филиппа II. В глазах современников владение такими колоссальными территориями делало Карла «владыкой всего света» или, как выражался завоеватель Мексики Эрнан Кортес, «королем королей» и «вселенским монархом». А для его мексиканских подданных Карл был еще и «повелителем землетрясений»: они считали, что власть испанского монарха распространяется и на гигантских подземных броненосцев, которые вызывают дрожь земли, роя свои норы⁹⁸.

Вскоре после первого визита Карла в Испанию (1517) там вспыхнул направленный против него мятеж, спровоцированный главным образом алчностью его разряженных фламандских придворных, принявшихся опустошать испанскую казну. Мятеж подавили, но Карл извлек из этой истории урок. С тех пор и в Испании, и в остальных своих владениях он предпочитал способ правления, основанный на сотрудничестве с местными элитами и влиятельными лицами, уважении их привилегий и стремлении к согласию. Хотя Карл обычно не доверял испанским грандам практическую работу по управлению страной, он ставил их на высокие посты в армии и колониях. Кроме того, он принимал их в орден Золотого руна, изначально бургундский, члены которого на орденских собраниях имели возможность на равных общаться с королем. На таких встречах Карл покладисто выслушивал от собравшихся рыцарей упреки в нерешительности, излишнем внимании к мелочам и огромных долгах – и давал в ответ пустые обещания исправиться⁹⁹.

Склонность Карла к переговорам особенно хорошо видна в его отношениях с кастильским и арагонским парламентами. С кастильскими кортесами он встречался примерно раз в три года, а с арагонскими – примерно раз в пять лет. Карл никогда не признавал правила, по которому согласие любого из испанских парламентов на новые налоги монарх мог получить лишь в обмен на какие-то уступки. Тем не менее выслушивая петиции кортесов и нередко придавая им статус закона, он укреплял представление, что между монархом и подданными заключен некий договор и что королевская власть не является абсолютной, но в определенной мере ограничена конституционными нормами.

Свои финансовые трудности Карл превратил в политическую добродетель. Ему вечно нужны были деньги. В Кастилии монарх имел право взимать целый ряд налогов без согласия кортесов. Именно эти средства Карл всегда первыми пускал на свои предприятия и их же закладывал в обеспечение займов. А дальше король зависел от голосований кортесов, которые из-за этого вынужден был созывать. К 1530-м гг. кастильские кортесы уже были недовольны истощением государства в связи с необоснованными зарубежными тратами и противились требованиям Карла ввести новые налоги. Но к тому времени у Карла появился новый источник средств – поступления из американских колоний, к которым скоро добавились доходы от боливийских серебряных рудников. Но и этих денег, как собранных в Испании, так и поступающих из Нового Света, не хватало, и Карлу приходилось одалживаться у немецких и итальянских банкиров, часто под убийственную ставку, достигавшую в начале 1550-х гг. 100 % годовых. Хотя прямые сравнения тут не всегда адекватны, если смотреть на главных соперников Карла, то его доходы от Испании и заморских владений составляли чуть меньше половины доходов французского короля и меньше четверти – турецкого султана¹⁰⁰.

⁹⁸ Frank Graziano, *The Millennial New World* (Oxford, 1999), 33, 47.

⁹⁹ Pierre Houart and Maxime Benoît-Jeannin, *Histoire de la Toison d'Or* (Brussels, 2006), 150, 161.

¹⁰⁰ Процентные ставки на займы приводятся в Ramón Carande, *Carlos V y sus banqueros* (edición abreviada), vol. 2 (Barcelona,

Безденежье не умеряло амбиций Карла. Половину своего 40-летнего царствования Карл враждовал с Францией, сражаясь с ней в Италии, в Пиренеях и вдоль западной границы Священной Римской империи. Он воевал с турками на Дунае, отправлял флотилии против их североафриканских союзников и проводил военные кампании внутри Священной Римской империи. Соотношение военных побед и поражений Карла определить непросто. Ему не удалось отвоевать бургундские земли, захваченные французами в 1477 г., но он утвердил свою власть в Италии, вытеснив с Апеннинского полуострова соперника, короля Франции Франциска I. В Священной Римской империи он потерпел неудачу и не смог довести до конца борьбу с «врагами церкви». В 1535 г. Карл захватил город Тунис, в цитадели которого на 40 лет располагался испанский гарнизон, но в 1541-м посланный Карлом флот разбился у берегов Алжира.

В день своего отречения в Брюсселе Карл перечислял собравшимся свои путешествия:

Я девять раз был в Германии, шесть раз в Испании, семь – в Италии; сюда, во Фландрию, я приезжал 10 раз, четырежды был во Франции, в дни мира и войны, дважды в Англии и дважды в Африке... не считая других мелких поездок. Я восемь раз плавал по Средиземному морю и трижды – в Испанских морях¹⁰¹.

(Карл посещал Англию в 1520 и 1522 гг. для переговоров о военном союзе с Генрихом VIII. Из правящих императоров Габсбургов он единственный ступал на английскую землю.) Символ, который Карл избрал своей личной эмблемой, Геркулесовы столбы с девизом «Дальше предела» («Plus Ultra»), тоже свидетельствует о царствовании, проведенном в основном в седле или (из-за геморроя и подагры) в паланкине. Геркулесовы столбы позже станут любимым символом Габсбургов, обозначающим их всемирное присутствие. Вместе с девизом «Plus Ultra» они поныне украшают испанский флаг¹⁰².

Своего странствующего Дон Кихота Сервантес частично списал с Карла Гентского, хотя размах деятельности Карла свидетельствует, что он вовсе не был пережитком минувших эпох. В Испании он проводил программу реформ государственных институтов, опираясь на труды своих предшественников и одновременно заимствуя финансовые практики Бургундии. Для контроля за деятельностью управленческого аппарата им создавались советы и комиссии, включавшие в себя юристов и квалифицированных секретарей, зачастую происходивших из мелкого дворянства или горожан. Эти комиссии готовили для него резюме обсуждений и разрабатывали соответствующие рекомендации. Государственный аппарат оставался малочисленным. В городах и областях предписания правительства исполнялись кое-как, а в непокорном королевстве Арагон монаршую волю зачастую просто игнорировали. Что касается Нового Света, то путь морем оттуда до Кадиса и обратно занимал в среднем четыре или пять месяцев, а значит, королевские распоряжения, если они вообще доходили, неизбежно отставали от ситуации на местах. У колониальных чиновников вскоре появилась поговорка: «Если бы смерть посылали из Испании, мы бы жили вечно»¹⁰³.

В 1519 г. Карла заочно избрали императором Священной Римской империи и преемником его деда Максимилиана. Исход выборов не был предрешен: всерьез рассматривалась кандидатура французского короля Франциска I (и, с меньшими шансами на успех, английского Генриха VIII). Однако сторону Карла взяли южногерманские банкиры. Взятки, которые они раздали курфюрстам в виде чеков, выписанных на более позднее число и подлежащих оплате только в случае избрания Карла, сыграли свою роль. Карл поспешил в Германию, и в Ахене его короновали. Вскоре после этого новый король римлян председательствовал на имперском

1983), 290–301.

¹⁰¹ Henry Kamen, *Spain, 1469–1714: A Society of Conflict* (London, 1983), 69.

¹⁰² Earl Rosenthal, 'Plus Ultra, Non Plus Ultra, and the Columnar Device of Emperor Charles V', *JWCI*, 34 (1971), 204–28.

¹⁰³ О Сервантесе и Карле V см. Ana Maria G. Laguna, *Cervantes and the Pictorial Imagination* (Lewisburg, PA, 2009), 97.

рейхстаге в Вормсе. Именно там он встретился с Мартином Лютером, уже отлученным папой за свои богословские теории. Лютер подтвердил перед рейхстагом верность этим взглядам, и Карл также признал их ересью, после чего запретил учение Лютера и объявил его самого вне закона.

Но даже в этот острейший момент молодой король обнаружил стремление к компромиссу. Лютер был не только монахом, но и профессором Виттенбергского университета, основанного тогдашним саксонским курфюрстом Фридрихом Мудрым. Сам Фридрих был истовым католиком. В принадлежащем ему реликварии хранилось около 20 000 частиц мощей и других святынь, и современники подсчитали, что кающийся грешник, припав к ним всем с молитвой, будет томиться в чистилище на 1 902 202 лет и 270 дней меньше положенного. Но это не мешало Фридриху оказывать своему профессору покровительство и защиту, а Карл не хотел ссориться с Фридрихом. Поэтому он не стал вручать курфюрсту указ, осуждающий Лютера, тем самым дав понять, что тот волен защищать реформатора от преследований и наказания, как Фридрих, конечно же, и поступил¹⁰⁴.

После рейхстага Карл вернулся в Испанию. Наместником в Священной Римской империи он назначил своего брата Фердинанда, одновременно передав ему австрийские владения Габсбургов. Фердинанд, однако, не смог остановить распространение вдохновленной Лютером Реформации. И хотя пройдет еще несколько десятков лет, прежде чем большинство князей и вельмож империи решительно выберут протестантизм, многие сразу заняли примирительную позицию, не желая оскорблять своих вассалов или портить отношения с городами, где новое учение нашло своих первых адептов. Быстро распространялись и более радикальные формы нового вероисповедания. Часто сочетавшиеся с эсхатологическими пророчествами, эти учения несли в себе зерна социальной революции, сыграв роль в подготовке масштабного народного восстания в Германии, известного как Крестьянская война (1525). Тем временем рубежи империи атаковали турки-османы, усилившиеся настолько, что осенью 1529 г. они даже на короткое время осадили Вену. Почти 10 лет Фердинанду приходилось противостоять всем этим бедам в одиночку.

Карл тем временем женился на слабой здоровьем, но прекрасной Изабелле Португальской. Изначально этот союз был заключен по дипломатическим соображениям, и пара впервые встретилась только в день венчания. Но Карл вскоре полюбил Изабеллу и доверился ей настолько, что в периоды своего отсутствия в Испании назначал ее своим регентом. Изабелла успела родить Карлу пятерых детей, но в 1539 г. умерла после выкидыша. Впоследствии Карл достаточно оправился, чтобы жить с любовницами, но оплакивать свою Изабеллу так и не перестал: заказал Тициану ее посмертный портрет и часто приказывал музыкантам играть в ее память грустную французскую песню «Тысяча сожалений» («Mille Regretz»).

В 1529 г. Карл покинул Испанию и Изабеллу, отправившись из Барселоны через Геную в Священную Римскую империю. Всего за два года до этого его войска нанесли поражение коалиции папы и французского короля, разграбив заодно Рим. Карл не одобрял жестокость своих солдат, но извлек из нее политическую выгоду: папе Клименту VII, который оказался практически пленником Карла, пришлось согласиться короновать его в императоры. Однако по настойчивой просьбе Фердинанда Карл, чтобы сократить путь, короновался не в Риме, а в Болонье. Коронация, состоявшаяся в феврале 1530 г., сопровождалась народными гуляниями и торжественными процессиями под триумфальными арками, которые были сделаны из дерева и гипса, но выглядели точно гранитные и мраморные. На них были изображены все римские императоры, а также земной и небесный глобусы. Карла чествовали как нового Августа, чье правление положит начало золотому веку, предсказанному Вергилием в «Энеиде».

¹⁰⁴ Hubert Jedin et al., *Handbuch der Kirchengeschichte. Reformation, Katholische Reform und Gegenreformation* (Freiburg, 1967), 48.

Фигура Нептуна в сопровождении тритонов, сирен и морских коньков напоминала, что Карл постоянно расширял свои заморские владения и правил океанами¹⁰⁵.

Все предшественники Карла V нагромождали разные образы имперского предназначения, смешивая без разбора античные аллюзии, генеалогические фантазии и личные достижения. Советники нового императора дополнили этот инструментарий приемов, добавив к нему позаимствованные у Данте и Эразма Роттердамского идеи мира между всеми христианами, содружества христианских народов и планетарной монархии, во главе которой стоит единый государь. Испанский гуманист Альфонсо де Вальдес, один из самых доверенных приближенных Карла, восторженно писал:

Вся Земля придет под власть нашего христианнейшего монарха и примет нашу веру. Так исполнятся слова нашего Спасителя: «Будет одно стадо и один пастырь».

Далее он советовал Карлу развивать науки и облачиться в мантию правителя-мудреца, чтобы стать новым Соломоном¹⁰⁶.

Другие рекомендовали Карлу, как «повелителю мира», обратить взгляд на Иерусалим – восстановить его святые места и обеспечить ему судьбу, «предначертанную Богом, предсказанную пророками, проповеданную апостолами и подтвержденную самим Спасителем, его рождением, жизнью и смертью». Смешивая средневековые пророчества, новозаветную теологию и итальянскую теорию права, канцлер Карла Меркурино ди Гаттинара воображал своего господина добрым «управителем мира», под чьей благодетельной властью, как прежде, процветают местные князья, вольности и обычаи. Свою концепцию Гаттинара украсил затейливыми аллегориями, предсказав «ослиные гнезда», «колоссальных жрецов» и царя пчел со «змеяющимися членами», которым Карл будет противостоять как «новый Давид, явившийся восстановить алтарь Сиона». Гуманист Эразм Роттердамский особо рекомендовал Карлу установить «принципы управления по образцу Предвечной Власти»¹⁰⁷.

В юности учителем Карла был выдающийся гуманист Адриан Утрехтский, будущий папа Адриан VI. Но Карл не отличался прилежанием и составлению изящных текстов на латыни предпочитал чтение куртуазных романов. В зрелые годы он презирал высокие размышления, аллегорические конструкции и теории правления. Сколько бы ни разглагольствовали его приближенные, сам Карл исповедовал крайне практичный подход к миссии императора. Он признавал, что его происхождение и предки налагали на него определенные обязанности, среди которых наиважнейшей было поддержание католической веры и принесение в мир Божьей благодати. По-видимому, первой речью, которую Карл написал собственноручно (по-французски), было его осуждение Лютера, зачитанное на рейхстаге в Вормсе в 1521 г. В этом тексте Карл упоминает своих немецких, австрийских, испанских и бургундских предшественников, которые, по его словам, все без исключения «оставались на протяжении всей жизни верными детьми Римской церкви... неизменными защитниками католической веры, ее священных обрядов, декретов и установлений, ее святых таинств... постоянно пеклись о насаждении веры и спасении душ». Далее Карл пояснял, что как «верный последователь этих... предков», он может быть только безжалостным гонителем ереси¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Roy Strong, *Art and Power: Renaissance Festivals 1450–1650* (Berkeley and Los Angeles, 1984), 78–81.

¹⁰⁶ Marcel Bataillon, *Erasmus y España, estudios sobre la historia espiritual del siglo xvi* (Mexico City, Madrid, and Buenos Aires, 1966), 227; Antonio Pérez-Romero, *The Subversive Tradition in Spanish Renaissance Writing* (Lewisburg, PA, 2005), 190–5.

¹⁰⁷ Rebecca Boone, 'Empire and Medieval Simulacrum: A Political Project of Mercurino di Gattinara, Grand Chancellor of Charles V', *Sixteenth Century Journal*, 42 (2011), 1027–49; Prudencio de Sandoval, *Historia de la vida y hechos del emperador Carlos V* (Madrid, 1955), 91–2; Desiderius Erasmus, *The Education of a Christian Prince*, ed. Lester K. Born (New York, 1963), 133.

¹⁰⁸ James Atkinson, *The Trial of Luther* (London, 1971), 177–8.

Помимо наследия предков, определенные обязанности накладывал на Карла и планетарный масштаб его владений. Он разделял идею, что великий христианский монарх должен поддерживать «мир среди христиан», но и к ней подходил практически. Карл считал, что понудит правителей к добрососедству, связав все монархии дома узами брака. Так, он выдал свою сестру за французского короля Франциска I, а сына Филиппа женил сначала на португальской принцессе, а затем на английской королеве, после чего союз с Португалией скрепила другая сестра Карла. В надежде покрепче привязать к дому Габсбургов Апеннинский полуостров он выдал нескольких племянниц за итальянских герцогов. К концу царствования Карла V плотная сеть брачных связей Габсбургов протянулась от Скандинавии и Польши через Англию и Баварию до Средиземноморья. Это была династическая политика, преследовавшая цель «переупорядочивания мира» в интересах добрососедства, а не ставка на биологическое выживание, как у других монархов, например у его собственного деда. Когда, вопреки надеждам Карла, установить таким способом мир с Францией не удалось, он попытался прибегнуть к еще более прямолинейному образу действий, но французский король отклонил вызов на личный поединок¹⁰⁹.

«Мир между христианами» не предполагал мира по всей земле. Сплочение истинно верующих мыслилось как подготовка к религиозной войне, к сокрушению Османской империи и освобождению Константинополя и Иерусалима, «отданных в руки неверных в наказание за наши грехи» (Альфонсо де Вальдес). В воображении Карла эта война мешалась с прочитанными рыцарскими романами и с идеей крестового похода, которая долгое время влияла как на политику его испанских предшественников, так и на риторику его деда Максимилиана. Именно такими мыслями была вдохновлена успешная атака 1535 г. на Тунис, в прошлом зависимый от Испании, но незадолго до того захваченный турецким адмиралом Барбароссой. В экспедиции участвовали силы Испании, Португалии, Генуи и Мальты, а также итальянских владений Карла; папа благословил ее, объявив крестовым походом, участие в котором искупает все грехи.

В ознаменование победы Карл заказал самую грандиозную серию шпалер из всех, что когда-либо ткались для Габсбургов. На 12 огромных изображениях общей площадью 600 кв. м показана вся кампания, начиная со смотра войск, проведенного Карлом в Барселоне, и заканчивая погрузкой на суда перед отплытием домой после захвата города. Для Карла Тунисский поход стал доказательством того, что его грандиозные планы мирного объединения всех христианских государей для войны против неверных вполне осуществимы. Шпалеры попеременно висели в тронных залах в Мадриде и в Брюсселе, а их копии были изготовлены для сестры Карла Марии и для португальского королевского двора¹¹⁰.

Ради мира и сотрудничества с другими христианскими монархами Карл охотно шел на переговоры и уступки. Следуя своей натуре, он пытался найти богословскую доктрину, которая бы примирила католицизм с лютеранством. Этого ему не удалось, и тогда он принялся убеждать папу (сначала одного, а потом другого) провести реформу церкви. Она, как надеялся Карл, укрепила бы позиции католичества и положила бы конец злоупотреблениям, на которые жаловались протестанты. Карл считал, что такую реформу должен инициировать церковный собор, но папы опасались, что собор узурпирует их полномочия. Только в 1545 г. собрался Тридентский вселенский собор, который без промедления подтвердил все католические принципы, вызвав таким образом возмущение большинства протестантов.

Ожидая открытого военного противостояния в империи, Карл в 1545 г. подготовил подробные «живописные карты», показывавшие, по описанию современника, «расположение

¹⁰⁹ О «переупорядочивании мира» см. J. A. Maravall, 'Las etapas del pensamiento político de Carlos V', *Revista del Estudios Políticos*, 100 (1958), 93–146 (96).

¹¹⁰ Kaiser Karl V. *erobert Tunis*, ed. Sabine Haag and Katja Schmitz-von Lederbur (Vienna, 2013).

городов, как и расстояния между ними, а также реки и горы». Хотя они до нас и не дошли, это были первые в истории крупномасштабные карты немецких земель. Подумал Карл и о подготовке политической почвы. Вместо того чтобы объявлять религиозную войну, он выступил против крупных протестантских князей под тем предлогом, что они заняли территории, на которые не имели прав. Это раскололо вражеский стан и создало предпосылки для сокрушительного поражения, которое Карл нанес протестантским князьям в битве при Мюльберге в 1547 г.¹¹¹

Но даже одержав победу, Карл занял умеренную позицию. Вместо того чтобы насаждать католицизм силой, он навязал проигравшим условия интерима («временного постановления»), которые допускали некоторые элементы протестантских религиозных практик в обмен на признание верховенства папы и в равной мере распространялись на католиков и лютеран. В сущности, он устанавливал для Священной Римской империи свой, особый вариант вероисповедания, хотя формально и под властью Рима. Но ни одна из сторон не хотела поступиться своими интересами, и обеим внушала опасения власть, сосредоточившаяся после победы в руках Карла. Поэтому интерим действовал только в тех землях, которые император контролировал силой оружия. В 1552 г. протестантская лига «за свободу и независимость», но при поддержке французского католического монарха нанесла Карлу поражение. Карл, которого перехитрили враги и покинули католические союзники, бежал в паланкине и нашел убежище в далекой Каринтии.

Переговоры о мире в Священной Римской империи Карл препоручил брату Фердинанду, и в 1555 г. после завершения дебатов в Аугсбурге князья получили право выбирать между католицизмом и лютеранством. К этому моменту Карл достиг предела своих физических и моральных сил. Чередую пребывание в прострации со слезами, последние годы правления он провел за разбором механических часов и попытками заставить их тикать в унисон. Начиная с 1555 г. он отрекся одна за другой от всех своих монарших корон и укрылся за стенами монастыря Юсте в Кастилии. Карл не жил монахом, как иногда пишут, но содержал штат в полсотни человек и проводил время за молитвами, рассуждениями о политике и неумеренным пожиранием устриц, угрей и анчоусов, которые он запивал огромными порциями пива. По мнению его врачей, именно переедание стало причиной смерти, настигшей Карла в 1558 г., хотя более вероятно, что его сгубила малярия¹¹².

Все годы своего правления Карл внимательно следил за географическими открытиями, совершавшимися его именем. Он переписывался с конкистадорами Мексики, выставлял на обозрение трофеи, отсылаемые ими на родину, следил по картам за их походами. Еще он постоянно справлялся, как идут дела у первого из Габсбургов, осевшего в Новом Свете. Это был брат Петр Гентский (Fray Pedro de Gante), внебрачный сын Максимилиана, основавший в Мексике более сотни францисканских приходов и школ. Первого индейца сам Карл увидел в 1520 г. в Брюсселе – тот дрожал, и король приказал дать ему плащ. С тех пор Карл неизменно радел о коренном населении колоний, требуя, чтобы с туземцами обращались справедливо, не превращали их в рабочий скот и добрым примером приводили бы к истинной вере¹¹³.

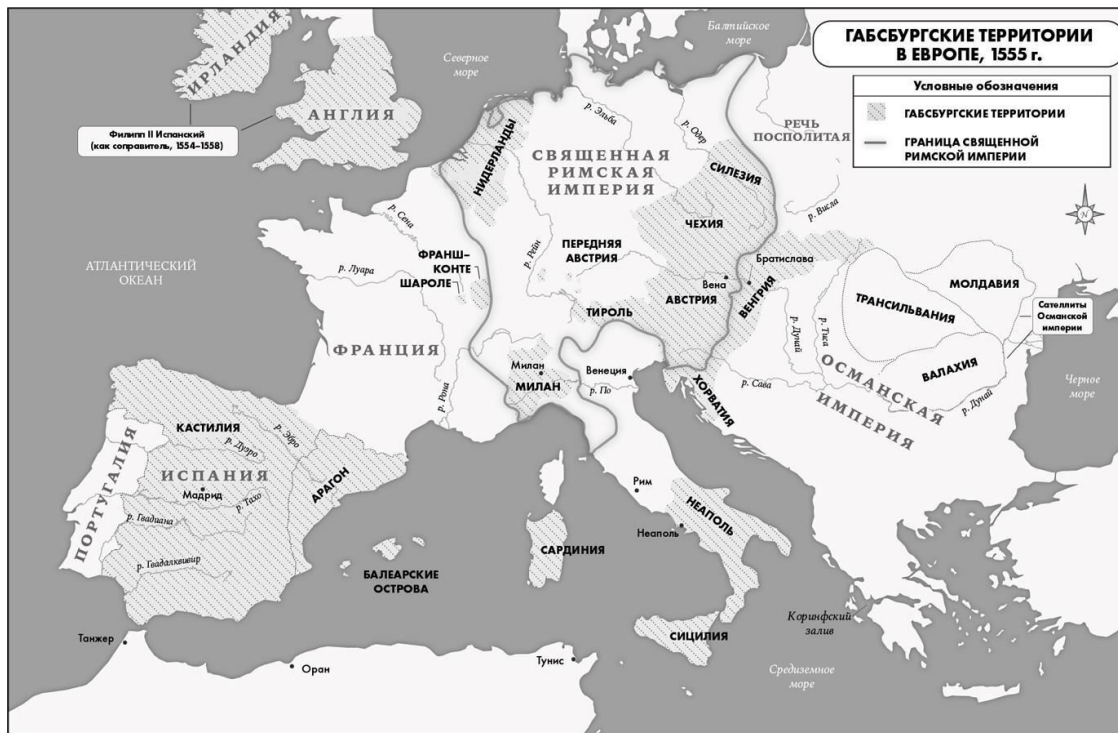
Интерес Карла к Новому Свету со всей определенностью не объяснялся богатствами, доставляемыми оттуда в Европу. «Люди из дальнего Каликута» составляли часть его всемирной империи, и потому, как он объяснял своему сыну Филиппу, ему должно о них заботиться «ради справедливости и во славу Божию». Но, несмотря на то что владения Карла простирались за океан и захватывали Дальний Восток, его всемирная монархия оставалась расколотой

¹¹¹ О «живописных картах» см. James D. Tracy, *Emperor Charles V, Impresario of War: Campaign Strategy, International Finance, and Domestic Politics* (Cambridge, 2002), 213.

¹¹² J. De Zulueta, 'La causa de la muerte del Emperador Carlos V', *Parassitologia*, 49 (2007), 107–9.

¹¹³ Hugh Thomas, *The Golden Age: The Spanish Empire of Charles V* (London, 2010), 40–2.

надвое религиозным размежеванием. Как бы ни пекся Карл о мире среди христиан, он больше не мог рассчитывать, что христианская вера у всех та же, что и у него. Аугсбургский мир закрепил разделение Священной Римской империи: на большей части ее территории правили князья, избравшие лютеранскую веру и обряды, а те, что сохранили приверженность католицизму, остались в меньшинстве¹¹⁴.

В речи, произнесенной им при отречении от престола в Брюсселе, Карл слезно каялся перед собранием придворных. Он, мол, сделал все, что было в его силах, – и просил прощения за то, что не смог сделать больше. В тот самый момент, когда он это произносил, его обширные владения подвергались разделу. Брат Карла Фердинанд и не думал отказываться от притязаний на императорский трон в пользу сына Карла Филиппа. В 1531 г. Фердинанда избрали королем Священной Римской империи, и он имел все основания рассчитывать сменить Карла в роли императора. Поэтому он и сопротивлялся идее оставить Испанию и Священную Римскую империю под властью одного монарха, даже при условии предложенного Карлом царствования по очереди: сначала императорский престол занимает Филипп, становясь таким образом монархом и Священной Римской империи, и Испании, а затем его сменяет сын Фердинанда Максимилиан (будущий император Максимилиан II). Таким образом, ровно в тот момент, когда империя Габсбургов достигла своего максимального размера, она распалась надвое: испанской частью стал править сын Карла Филипп, а центральноевропейская осталась во власти брата Карла Фердинанда¹¹⁵.

Тем не менее Карл достиг многого. Габсбурги продолжают сочинять династическую мифологию, воздвигать грандиозные мавзолеи и устраивать помпезные победные шествия по образцу римских триумфов, но теперь все это не будет пустыми упражнениями в саморекламе. Больше того, Габсбурги станут все серьезнее воспринимать ту роль, о которой Карл говорил на рейхстаге в Вормсе, – роль защитников истинной веры. Эта перемена произойдет не сразу,

¹¹⁴ О заботе «ради справедливости и во славу Божию» см. Thomas, The Golden Age, 364.

¹¹⁵ О речи Карла при отречении см. Edward Armstrong, The Emperor Charles V, 2nd ed., vol. 2 (London, 1910), 355.

а в Центральной Европе поначалу будет ощущаться не так сильно, как в Испании. Там пыл Филиппа просто не знал пределов, тогда как Фердинанд и его наследники скорее переняли у Карла готовность к переговорам и сделкам – вплоть до согласия ставить под вопрос собственную приверженность католической вере. Впрочем, мало-помалу обе линии сравнялись в своем рвении, добавив к шифру AEIOU выдвинутую Карлом идею об обязанности династии Габсбургов верно служить католической церкви.

7

ВЕНГРИЯ, ЧЕХИЯ И ПРОТЕСТАНТСКАЯ УГРОЗА

Вечером 29 августа 1526 г. у города Мохач армия турок-османов меньше чем за два часа разбила венгерское войско. Половина венгерской знати пала в битве, как и семеро епископов и архиепископов, лично ведших в бой свои войска. Молодой Людовик, король Венгрии и Чехии, которого мы в последний раз видели ребенком на портрете Штригеля, погиб во время бегства. Ему было всего 20 лет. Смерть Людовика открыла перед Габсбургами возможность присоединить к своим владениям Чехию и Венгрию, потому что преемником павшего короля должен был стать мальчик, изображенный на портрете слева, – младший внук Максимилиана Фердинанд Австрийский (1503–1564). Для Габсбургов это обернется самым удачным примером «эффекта Фортинбраса». На руинах чешско-венгерской монархии Ягеллонов Фердинанд и его потомки выстроят конгломерат центральноевропейских территорий, который историки называют империей Габсбургов.

Людовик (Лайош) Ягеллон был связан с домом Габсбургов двойными узами. Его сестра Анна была женой Фердинанда, а сам он в 1522 г. женился на сестре Фердинанда Марии. Едва турки отступили из Венгрии, Мария тут же взяла управление королевством в свои руки и, поскольку погибший король не оставил прямых наследников, приложила все старания к тому, чтобы и венгерская, и чешская короны перешли к ее брату. К этому времени Фердинанд уже выступал наместником Карла V в Священной Римской империи, и Карл отдал ему в управление также и владения Габсбургов в Центральной Европе. Мальчик с картины Штригеля уже превратился в юношу взрывного нрава, любившего одеваться во все черное, как было модно в Испании, где он вырос. Из-за высоких скул, худого лица и длинных конечностей он напоминал паука.

Даже в наши дни многих историков вводят в заблуждение оправдания предшественников Фердинанда в Венгрии и Чехии. Чтобы получить иностранную военную и денежную помощь, и Людовик, и его отец Владислав II (1456–1516) убеждали зарубежных послов, что королевства Венгрия и Чехия по своей бедности не могут успешно противостоять растущему натиску турок-османов. Именно из дипломатических депеш о печальном финансовом положении этих стран историки по большей части и черпают сведения. В Чехии жалобы монархов на нужду имели под собой основание лишь в том смысле, что сейм неизменно отвергал запросы короля на введение новых налогов, однако при этом в руках монарха оставались существенные личные ресурсы в виде королевского права на доходы от горного дела, чеканки монет и торговых пошлин. Жалобы, касающиеся Венгрии, вообще были лживыми. Большая часть королевского дохода распределялась сразу же по поступлении без всяких записей в казенных ведомостях. При этом упомянутый доход все же можно оценить приблизительно в 600 000 золотых флоринов или дукатов в год, к чему следует добавить выданные под принуждением займы и различные нерегулярные поступления. Так, один епископ, уличенный в растрате казенных денег, заплатил, чтобы остаться на свободе, 400 000 флоринов¹¹⁶.

Доходы Людовика от Венгрии не просто превосходили те, что получал со своих австрийских земель эрцгерцог Фердинанд; благодаря им у Венгрии была одна из самых современных и хорошо оснащенных армий во всей Европе. Если бы эта армия вторглась на Апеннинский полуостров, ее копейщики, аркебузиры, артиллеристы и смешанные кавалерийские соединения, действующие в бою по общему тактическому плану, несомненно, завоевали бы всю Ита-

¹¹⁶ Kenneth J. Dillon, *King and Estates in the Bohemian Lands 1526–1564* (Brussels, 1976), 40–4; Martyn Rady, 'Fiscal and Military Developments in Hungary During the Jagello Period', *Chronica* (Szeged), 11, 2011, 85–98.

лию. Но при Мохаче она встретила другого противника – турок-османов, не говоря уже о том, что армия в 25 000 человек, сколь бы хорошо вооружена и скоординирована ни была, редко одолевает врага, втроекратно превосходящего ее числом. Советники султана Сулеймана даже при таком перевесе считали венгерское войско грозным противником, а венгерского короля включали в число «великих правителей неверных». По этой причине Сулейман привел в Венгрию «двойную рать» – как малоазиатскую, так и балканскую армию¹¹⁷.

Словом, у Фердинанда были все причины бороться за чешскую и венгерскую корону – поскольку это были два относительно богатых королевства. Вместе с тем двойной брачный союз, заключенный между Габсбургами и домом чешского и венгерского монарха, не гарантировал беспроblemного перехода власти. Оба королевства имели влиятельное дворянство, которое на сословных съездах отстаивало свое право определять государственную политику и порядок престолонаследия. Чешский сейм был организован лучше, причем в него входили и представители почти 30 городов. К началу XVI в. он, собираясь три-четыре раза в год, до такой степени контролировал управление страной, что даже назначал основных королевских чиновников.

Но венгерское государственное собрание было страшнее. Хотя созывалось оно обычно раз в год, его ассамблеи бывали многочисленными, поскольку принимать участие в них имели право все дворяне королевства, а это означало, что туда съезжалось до 10 000 человек. Часто этот сословный съезд собирался на поле Ракош близ Пешта. На огороженном месте под открытым небом собрание бранило короля и его чиновников, сидевших перед толпой на помосте, пока снаружи несли караул вооруженные цыгане. Дворяне не просто являлись на съезд в полном боевом облачении; бывало, они ставили в поле колоду для обезглавливания или виселицу – с целью устрашения изменников. А обличать этих изменников никто не стеснялся. Неудивительно, что многие королевские чиновники бежали при первой же возможности. В этой наэлектризованной атмосфере король оглашал свои инициативы, а дворянство отвечало ему перечислением «обид». Затем предстояло примирить две позиции и на закрытых переговорах прийти к решению, которое устроит обе стороны. Зачастую компромисс так и не находился, и тогда государство замирало в шаткой неопределенности¹¹⁸.

Гибель короля Людовика под Мохачем превратила оба королевства в легкую добычу. Более ценным трофеем Фердинанду казалась Чехия, и он поспешил заявить права на ее трон. В доказательство его прав и агенты Фердинанда, и вдовствующая королева подчеркивали, что он доводился родней погибшему королю. Чешские земли, однако, состояли из целого ряда областей. Кроме самой Чехии они включали Моравию, Силезию, а также Верхние и Нижние Лужицы. (Теперь Силезия по большей части принадлежит Польше, а Лужицы разделены между Польшей и Германией.) В каждой из них был свой сословный съезд и свои законы. Эти области в целом соглашались признать Фердинанда законным наследником, правда, косвенно, через его жену, сестру погибшего короля Людовика. Но самым влиятельным из сеймов был собственно чешский. А он считал, что монарха положено избирать и что только сам этот сейм может решить, кому именно вручить корону.

А претендентов на чешский трон кроме Фердинанда обнаружилось еще не меньше девяти: несколько германских князей, несколько честолюбивых представителей чешской знати и французский король Франциск I. Неудачная попытка избраться в императоры семь лет назад

¹¹⁷ О тактиках боя см. V. J. Parry, 'La manière de combattre', in *War, Technology and Society in the Middle East*, ed. Parry and M. C. Yapp (London, 1975), 218–56 (221). См. также László Veszprémy, 'The State and Military Affairs in East-Central Europe, 1380–c. 1520s', in *European Warfare 1350–1750*, ed. Frank Tallett and D. J. B. Trim (Cambridge, 2010), 96–109. О короле Венгрии как «одном из великих правителей мира» см. Feridun M. Emecen, 'A csata, amely a "Nagy Török" előtt megnyitotta a magyar Alföldet – Mohács, 1526', in *Mohács*, ed. János B. Szabó (Budapest, 2006), 412–34 (414–6).

¹¹⁸ См. *Decreta Regni Mediaevalis Hungariae – The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary 1490–1526*, ed. Péter Banyó and Martyn Rady (Idyllwild, CA, and Budapest, 2012).

явно не умерила его амбиций. Комиссия чешского сейма оценила достоинства каждого из кандидатов и остановились на Фердинанде, сочтя, что лишь у него достанет ресурсов, чтобы защитить королевство от турок, если те решат двинуться из Венгрии дальше на север. Сыграло свою роль и обещание Фердинанда выплатить все, что его предшественники Ягеллоны задолжали отдельным местным аристократам. Тем не менее, чтобы быть избранным, Фердинанду пришлось пойти на уступки, в том числе признать выборность монарха, подтвердить вольности чешского дворянства и религиозные свободы местных уtrakвистов.

Уtrakвисты были последователями пражского проповедника Яна Гуса, в 1415 г. обвиненного в ереси и сожженного на костре. Они составляли самую многочисленную из конфессий Чехии. Уtrakвисты (или чашники) служили обедню «под обоими видами» (по-латыни *sub utraque specie*, откуда их название). Это означало, что они причащали верующих не только хлебом, но и вином, в то время как у католиков вином причащалось в основном только духовенство. Особенное негодование противников уtrakвизма вызвало то, что они причащают вином маленьких детей. Кроме того, у чашников была своя церковная иерархия, на вершине которой находилась консистория администраторов, занявшая место пражского католического архиепископа. Уtrakвисты оспаривали власть папы, хотя соглашались, что он «теологически необходим», и их священники все равно должны были рукополагаться католическими епископами. В 1433 г. Базельский церковный собор разрешил учение чашников, однако после этого их объявил еретиками папа римский. Признавая права уtrakвистской церкви в Чехии, Фердинанд таким образом потворствовал ереси¹¹⁹.

В начале 1527 г. в пражском соборе Святого Вита епископ Оломоуцкий (пражская кафедра на тот момент пустовала) помазал Фердинанда на царствование. Во время коронации Фердинанд поклялся не только поддерживать католическую веру, но и защищать уtrakвистов. Соблюдая эту клятву, Фердинанд никогда не пытался ущемлять чашников, но напротив, пусть и неохотно, защищал их еретическое учение и обряды, в том числе почитание чешского мученика Яна Гуса. Габсбургский монарх вынужденно оказался тут в довольно необычном положении¹²⁰.

В Венгрии престолонаследие не знало строгих правил; нового монарха определяло и право рождения, и выбор собрания, а точный баланс этих сил зависел от текущей политической ситуации. Через три месяца после гибели Людовика собрание избрало в его преемники Яноша Запойяи. Запойяи был *воеводой* Трансильвании, тогда восточной окраины Венгерского королевства. В его жилах не текло ни капли королевской крови, зато он располагал немалым авторитетом среди мелкого венгерского дворянства. Он был по всем правилам коронован епископом Нитры в расположенном на юго-западе от столичной Буды городе Секешфехерваре, где всегда проводились коронации. Епископ возложил на голову нового монарха священную корону Святого Стефана. Эта корона, названная по имени первого христианского правителя Венгрии, жившего в начале XI в., на самом деле имела более позднее происхождение и представляла собой два спаянных венца с укрепленным на макушке крестом. Тем не менее монарх, не увенчанный этой короной, не мог считаться истинным королем Венгрии¹²¹.

Фердинанд, притязавший на Венгрию на том основании, что он был связан с домом погибшего короля брачными узами, вступил в страну, раздавая титулы и милости, и вынудил Яноша Запойяи бежать на восток. Снова, как и положено, было созвано государственное собрание, и королем был избран Фердинанд. Лишь месяц прошел после коронации Запойяи, а на

¹¹⁹ О причастии уtrakвистов см. Zdeněk V. David, 'Utraquism's Curious Welcome to Luther and the Candlemas Day Articles of 1524', SEER, 79 (2001), 51–89 (76–7).

¹²⁰ Benita Berning, 'Nach allem löblichen Gebrauch'. Die böhmische Königskrönungen der Frühen Neuzeit (1526–1743) (Cologne, Weimar, and Vienna, 2008), 105, 119.

¹²¹ О престолонаследии в Венгрии см. Martyn Rady, 'Law and the Ancient Constitution in Medieval and Early Modern Hungary', in A History of the Hungarian Constitution, ed. Ferenc Hörcher and Thomas Lorman (London and New York, 2019), 21–45 (30–5).

трон уже взошел другой: в том же королевском городе тот же епископ возложил на его голову ту же священную корону. Тем временем сабор королевства Хорватия (сегодня это Северная Далмация на Адриатическом побережье), с XII в. присоединенного к Венгрии, тоже провозгласил королем Фердинанда. Хорватская знать не выставила ему никаких условий, признав его наследственное право на хорватский трон и полностью подтвердив права его потомков. Покорившись Фердинанду столь безропотно, хорваты навсегда лишили себя возможности выбирать короля и впредь принимали всех, кого сажали на престол Габсбурги¹²².

При двух соперничавших королях, каждый из которых был законно увенчан короной Святого Стефана, Венгрию охватила гражданская война. Фердинанд располагал более сильной армией, и поэтому Запойяи вынужденно пошел на союз с турками, став в 1529 г. вассалом султана. Договор скрепили на поле недавней битвы при Мохаче среди руин и непогребенных костей. Султан, поспешив на помощь Запойяи, вторгся в земли Фердинанда и в том же году осадил Вену. Началась война трех сил: на одной стороне непрочный союз Запойяи и османов, на другой – Фердинанд. Попытка изменить султану, тайно договорившись с Фердинандом, и последовавшая затем смерть Запойяи (1540) привели к тому, что на следующий год султан оккупировал центральную часть Венгерского королевства, разместив там свою армию. В знак того, что они пришли навсегда, турки привезли и поставили в венгерских храмах гробы своих самых почитаемых дервишей.

Постепенно Венгрия распалась на три части: восточную, образованную преимущественно Трансильванией, принадлежавшей сыну Запойяи, малолетнему Яношу II Жигмонду (1540–1571), и имевшей свои законы и свое собрание; оставшийся под властью Фердинанда полумесяц территорий от Адриатики до северо-востока и широкий коридор между ними, захваченный турками. В венгерской столице Буде разместился турецкий паша (наместник), а главный будайский храм, так называемую Церковь Матьяша, превратили в мечеть, сделав ее шпиль минаретом. Турецкое владычество в центральной Венгрии продлится более 140 лет.

Тем временем Центральную Европу охватила начавшаяся в 1520-х гг. Реформация, усугубившая политическую нестабильность и размежевание. В чешских землях лютеранство вызвало радикализацию утравкистов, спровоцировав среди них раскол на консервативное и реформистское крылья, а также породило многочисленные течения, отстаивавшие еще более крайние взгляды. Это были анабаптисты, сочетавшие крещение во взрослом возрасте с социальной революцией; одержимцы, бесновавшиеся в молитвенном экстазе; адамиты, учившие, что нагота и промискуитет возвращают невинность райского сада; унитаристы, отрицавшие Божественную природу Христа, и т. п. Между тем в Венгрии лютеранство быстро проникло прямо в королевский дворец. Еще до Мохача протестантские симпатии королевы Марии были так очевидны, что папский нунций прозвал ее «лютеранской львицей», а один из главных советников короля Людовика Георг Бранденбургский даже на время оставлял придворные обязанности, чтобы насаждать учение Лютера в своих силезских владениях¹²³.

Лютеранство процветало там, где большинство составляли немцы, – в крупных венгерских городах, где из них состоял предпринимательский класс, и в Трансильвании, где они селились с XII в. (приведенные туда, если верить легенде, Гамельнским крысоловом) и занимались торговлей и сельским хозяйством. Но в сельской местности Венгрии с 1530-х гг. популярным стало более жесткое направление протестантизма – кальвинизм. Венгры охотно принимали кальвинистскую идею Божественного провидения: она объясняла, почему страна оказалась во власти турок и Габсбургов. Кальвинистские проповедники учили, что испытания, посланные венграм, сродни тем, которым подвергались ветхозаветные иудеи, а значит, венгры

¹²² Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium, vol. 33 (Zagreb, 1912), 50–3.

¹²³ Katherine Walsh, 'Eine Ketzlerin im Hause Habsburg? Erzherzogin Maria, Königin von Ungarn und Böhmen', JGPÖ (2007), 7–25 (10–11).

тоже богоизбранный народ. В Трансильвании усилиями сурового, но «набожного» дворянства и городского патрициата также расцвели кальвинизм и, что было необычно, унитаризм. Больше полутора столетий главный храм трансильванского города Клужа, огромный собор Святого Михаила, служил церковью унитаристов¹²⁴.

В отличие от католиков и лютеран кальвинисты и унитаристы отрицали физическое или вещественное присутствие Христа в вине и хлебе святого причастия и за это подвергались гонениям. Но даже несмотря на это, новая вера процветала под защитой местной знати, а в восточной, то есть трансильванской, части королевства государственное собрание даровало кальвинизму и унитаризму статус официально признанных конфессий. На территории, занятой турками, вообще никто не следил за тем, какой веры придерживаются жители. В 1548 г. будайский паша безоговорочно подтвердил, что «все венгры и славяне могут безо всякого страха внимать Слову Божьему». К концу столетия, если не ранее, три четверти приходов в трех разделенных областях Венгерского королевства приняли ту или иную форму протестантизма¹²⁵.

В ответ на распространение ереси Фердинанд в 1527 г. объявил, что, согласно Вормскому эдикту, во всех его землях и королевствах лютеранство запрещено под страхом смерти. Но к тому времени лютеранство захватило уже и Австрию. Предпринятая в следующем году инспекция, или «визитация», приходов и монастырей повсюду обнаружила глубокое разложение. В Шотландском монастыре (Шоттенклостер, основанный ирландскими монахами), расположенном в самом центре Вены, осталось всего семеро братьев, а студентов в Венском университете набралось лишь три десятка. В докладах инспекторов сообщалось о монашках, оставивших служение и взявших себе мужей либо отправившихся странствовать по дорогам. В штирийском Адмонте монахини не только держали у себя протестантские книги, но и расхищали монастырское имущество¹²⁶.

Фердинанд мог «с тяжестью на душе и сокрушенными вздохами» жаловаться на «пугающее множество заблуждений и противоречий, раздирающих святую веру Христову», но исполнить свои угрозы он был не в силах. К 1530-м гг. протестанты составляли большинство в ландтагах Верхней и Нижней Австрии. К концу царствования Фердинанда провинциальная аристократия могла, вывернув свои карманы, собрать по первому требованию несколько миллионов дукатов. Случись ему обратить против протестантов оружие, он не только развязал бы гражданскую войну без шанса в ней победить, но и рисковал бы остаться без доходов, необходимых для войны с турками. Более того, в протестантизм ушло столько и знатных, и простых людей, что у Фердинанда просто не хватало католиков на все правительственные и придворные должности. Ему пришлось доверить лютеранам рычаги государственного управления и даже включить их в свой тайный совет. Самое удивительное, что главным консультантом Фердинанда по религиозной политике был женатый священник¹²⁷.

Похожей была ситуация и в Венгрии, где Фердинанду тоже помогали советники и влиятельные люди из протестантской среды. Его основным союзником, а с 1554 г. – первым министром, или палатином, был Тамаш Надашди, державший в своем поместье в Шарваре на западе

¹²⁴ О «богоизбранном народе» см. Graeme Murdock, *Calvinism on the Frontier: International Calvinism and the Reformed Church in Hungary and Transylvania* (Oxford, 2000), 6, 262.

¹²⁵ «Все венгры и славяне могут безо всякого страха внимать Слову Божьему...» – см. Géza Kathona, *Fejezetek a török hódoltsági reformáció történetéből* (Budapest, 1974), 50.

¹²⁶ Grete Mecenseffy, *Geschichte des Protestantismus in Österreich* (Graz and Cologne, 1956), 10; Johann Loserth, 'Zu den Anfängen der Reformation in Steiermark. Die Visitation und Inquisition von 1528 und ihre Ergebnisse', *JGPÖ* (1933), 83–97; Johannes Jung OSB et al., *Das Schottengymnasium in Wien* (Vienna, Cologne, and Weimar, 1997), 29. Astrid von Schlachta, 'Protestantismus und Konfessionalisierung in Tirol', *JGPÖ* (2007), 27–42 (30).

¹²⁷ «С тяжестью на душе и сокрушенными вздохами...» – см. Anita Ziegelhofer, 'Die Religionssache auf den steierischen Landtage von 1527 bis 1564', *JGPÖ* (1994), 47–68 (56). О ландтагах см. Rudolf Leeb, 'Der Augsburger Religionsfrieden und die österreichischen Länder', *JGPÖ* (2006), 23–54 (45). О советниках Фердинанда см. Alfred Kohler, *Ferdinand I. 1503–1564. Fürst, König und Kaiser* (Munich, 2003), 144–7. См. также Howard Louthan, *The Quest for Compromise: Peacemakers in Counter-Reformation Vienna* (Cambridge, 1997), 87–96.

Венгрии собственную типографию, где издавались протестантские сочинения, в том числе первопечатный перевод Нового Завета на венгерский язык. В Чехии лишь эпизодическим преследованиям подвергался Союз чешских братьев, исповедовавший крайнюю разновидность гусизма – учение, представлявшее собой что-то среднее между лютеранством и кальвинизмом (с добавлением пацифизма). И все же, где он только мог, Фердинанд выдвигал на ключевые позиции католиков. После того как в 1541 г. в пражском королевском архиве случился пожар, уничтоживший документы многих аристократов и людей иных сословий, Фердинанд подтвердил привилегии сторонников католицизма, те же, что были дарованы протестантам, не признал. Неудачный мятеж в Праге (1547) дал Фердинанду новую возможность вознаградить дворян-католиков за счет ущемления протестантских бунтовщиков.

Относительная веротерпимость, установившаяся во время правления Фердинанда, объяснялась не только политической целесообразностью. Он считал, что в делах религии возможен некий средний путь и что католики с протестантами могут в итоге примириться. В этом смысле его взгляды были близки позиции Эразма Роттердамского, для которого лучшим выходом были переговоры и компромисс между враждующими конфессиями. Поэтому Фердинанд уклонялся от противоборства и уговаривал папу ради религиозного примирения разрешить браки священнослужителей и причастие «под обоими видами». Его маневры в пользу католицизма были столь же плавными и в целом не вызывали споров: он восстановил архиепископскую кафедру в Праге, основал католический коллегиум Клементинум в противовес гуситскому Карлову университету, финансировал образовательную деятельность нового миссионерского ордена иезуитов и поддерживал назначение достойных епископов в бедствующую Венскую епархию.

Земли, находившиеся под властью Фердинанда, охватывали огромные просторы Центральной Европы. В дополнение к этому Фердинанд, который был наместником при своем брате, императоре Священной Римской империи, в 1558 г. сменил его и на этом троне. Из-за частых отлучек он передал управление Венгрией и Чехией регентским советам. Основную часть времени эти советы тратили на рассмотрение петиций и судебных апелляций, так что координировать всю политику мог только один государственный институт: тайный совет. Основанный в 1527 г., он насчитывал не более дюжины членов и сопровождал Фердинанда во всех разъездах.

Созданию единой системы управления мешали политические сложности и местные интересы. Придворное казначейство, также учрежденное в 1527 г., следило за частными имениями правителя в австрийских землях и иногда занималось распределением налоговых доходов. При этом большая часть доходов либо поступала прямо в отдельное казначейство в Инсбруке, либо оседала в чешском казначействе в Праге. Венгерское казначейство представляло собой единственное работающее государственное учреждение в своей стране и потому выполняло большинство функций правительства. Имперский военный совет, основанный в 1556 г., отвечал главным образом за охрану границ с турками и за общую военную стратегию, но на территории Австрии его власть была ограничена соперничавшими с ним военными советами. Фердинанд также предлагал всем сословным съездам центральноевропейских земель заседать вместе ради экономии времени, но этому в каждой из стран противилась местная знать¹²⁸.

В устройстве единой системы управления Фердинанд преуспел не больше, чем в попытках установить религиозное согласие. Земли и королевства, собранные под его властью, обладали влиятельной знатью, упрямыми сословными съездами и шумным протестантским большинством. Поэтому Фердинанду приходилось двигаться мелкими шажками, добываясь своего,

¹²⁸ Győző Ember, *Az újkori magyar közigazgatás története Mohácsiától a török kiűzéséig* (Budapest, 1946), 55–7, 71, 124–5; Václav Bůžek, *Ferdinand von Tirol zwischen Prag und Innsbruck* (Vienna, Cologne, and Weimar, 2009), 52–3. ГЛАВА 8. ФИЛИПП II: НОВЫЙ СВЕТ, РЕЛИГИОЗНЫЕ РАСПРИ И КОРОЛЕВСКИЙ ИНЦЕСТ

где можно, и уступая, где нужно, вплоть до разрешения лютеранства и клятвы защищать еретиков-утраквистов. Фердинанд оставил в наследство преемникам разрозненный набор государственных институтов с неустоявшимся кругом полномочий и сложную мозаику уступок отдельным землям. При всех его недостатках это было решение вполне практичное, хотя и не более чем временное.

8

ФИЛИПП II: НОВЫЙ СВЕТ, РЕЛИГИОЗНЫЕ РАСПРИ И КОРОЛЕВСКИЙ ИНЦЕСТ

После отречения в 1555 г. Карла V испанский престол унаследовал его сын Филипп. Кроме метрополии в его державу входили испанские владения в Новом Свете и Нидерландах, Франш-Конте (графство Бургундия), Неаполь, Сицилия, Милан, Балеарские острова и Сардиния. Но доставшееся Филиппу наследство этим не исчерпывалось. От отца он усвоил идею, что Габсбурги должны защищать и насаждать католическую веру и что в этом состоит первейшая обязанность династии. Именно под влиянием этой концепции Филипп выстроил в окрестностях Мадрида королевский дворец Эскориал. Изначально задуманный Филиппом как памятник отцу, этот дворец символизировал полное слияние династии и ее священной миссии. В Эскориале был предусмотрен подземный склеп для Карла V и Изабеллы Португальской, который позже расширили, превратив в родовую усыпальницу. Туда Филипп перевез останки своей тетки Марии Венгерской, там же похоронил трех из четырех своих жен (вторая жена, Мария Тюдор, погребена в Вестминстерском аббатстве). Чтобы подчеркнуть связь Эскориала с домом Габсбургов, по углам квадратного дворца возведены четыре башни, напоминающие о габсбургской Старой крепости в Вене. По еще более дерзкому замыслу Филиппа внутренняя планировка комплекса должна была повторять храм Соломона и напоминать решетку, на которой в III в. изжарили святого Лаврентия, небесного покровителя Эскориала¹²⁹.

Эскориал был не просто монаршей резиденцией и усыпальницей. Королевские апартаменты занимали лишь четверть этого комплекса, состоящего из 4000 комнат, 16 внутренних дворов и 160 км коридоров. Остальные помещения – это базилика, монастырь, рассчитанный на полсотни монахов, и небольшая школа. Особую святость придавал Эскориалу реликварий Филиппа, содержащий 7422 единицы хранения. Кроме частиц Честного креста и тернового венца Спасителя, собрание включало в себя 12 мертвых святых целиком, 144 головы и самые разные фрагменты тел не менее чем 3500 мучеников. Через внутреннее окно Филипп прямо из своей спальни видел алтарь базилики, у которого практически без остановки служились литургии за упокой душ его почивших родственников. Эскориал был прежде всего молитвенной фабрикой испанской ветви Габсбургов¹³⁰.

Вокруг Эскориала разбили сады и насадили лес из 12 000 привозных сосен. А дальше расстился голый ландшафт, который большую часть года испепеляло жаркое солнце на безоблачном небе. Суровости этого пейзажа вторил бескомпромиссный характер Филиппа. В последнее время историки обратили внимание на менее мрачную сторону его личности – любовь к танцам, турнирам, корриде, женщинам и забавам в компании шутов и карликов. Но точнее судить об этом правителе можно по тем словам, которыми он не раз объяснял свои поступки: «Я скорее бы пожертвовал всеми своими странами и сотней жизней, если бы они у меня были, чем примирился бы с малейшим ущербом религии и служению Господу, потому что я не намерен править еретиками». Его личный девиз «Целого мира мало» передает ту же мысль: земная власть не так важна, как небесная слава¹³¹.

¹²⁹ Об Эскориале и Старой крепости см. Matthias Müller, 'Der Anachronismus als Modernität. Der Wiener Hofburg als programmatisches Leitbilds für den frühneuzeitlichen Residenzbau im Alten Reich', in Krakau, Prag und Wien. Funktionen von Metropolen im frühmodernen Staat, ed. Marina Dmitrieva and Karen Lambrecht (Stuttgart, 2000), 313–29 (323–4).

¹³⁰ Henry Kamen, *The Escorial: Art and Power in the Renaissance* (New Haven, CT, and London, 2010), 117; Antonio Rotondo, *Descripción de la Gran Basílica del Escorial* (Madrid, 1861), 71–2.

¹³¹ Henry Kamen, *Philip of Spain* (New Haven, CT, and London, 1997), 115.

Филипп твердо верил, что его политика есть выражение Божьей воли. Не однажды он объявлял своим министрам, что они состоят на службе у него и у Господа, «что есть одно и то же». Сталкиваясь с непреодолимыми трудностями, он убеждал себя, что их обязательно устранит чудесное вмешательство небес: «Твердость и искренность в вере, которые мы должны являть, радея о Божьей правде, сметут преграды, вдохновят и укрепят нас в их преодолении». Общаясь со сменявшимися один другого папами, Филипп ни минуты не сомневался в том, что понимает волю Всевышнего лучше, чем они, и даже обвинил одного из понтификов в распространении протестантских идей. Неудивительно, что генеалогические разыскания Филиппа не только подтвердили невероятное происхождение Максимилиана, но и еще и установили, что среди его предков были Мельхиседек и ветхозаветные цари-священнослужители¹³².

Абсолютная убежденность Филиппа в том, что он вершит Божественную волю, не только оборачивалась нереалистичными решениями, но и избавляла его от угрызений совести. Поскольку намерения монарха совпадали с волей самого Христа, ему позволялись любые средства. Без колебаний и с чистой совестью Филипп преследовал всех, в чьей приверженности католицизму и, следовательно, самому монарху можно было усомниться. За свое краткое пребывание на английском троне (1554–1558) в роли консорта королевы Марии Тюдор он приложил руку к узаконенному убийству почти трех сотен протестантов, организовав, таким образом, одно из самых жестоких религиозных гонений в Европе XVI столетия. Вернувшись в Испанию, он искоренил протестантские сообщества в Вальядолиде и Севилье, отправив на костер сотню душ, и послал экспедицию во Флориду истребить колонию французских протестантов-гугенотов, которые проповедовали там индейцам: солдаты дисциплинированно убили 143 поселенца¹³³.

Но Филиппа волновала не только лютеранская ересь. В то время в Испании жило около полумиллиона мусульман (тогда как все население страны составляло 7 млн) – наследие многих веков, когда на большей части Пиренейского полуострова властвовали арабы. Это неизменно вызывало недовольство испанских католических монархов, которые заставляли мусульман менять веру, становясь так называемыми новыми христианами. Зачастую они обращались лишь для виду, втайне продолжая следовать прежним верованиям. Филипп продолжал их преследовать, и не только как вероотступников, но и как потенциальную пятую колонну. Его опасения не были беспочвенными: часть испанских «тайных мусульман» действительно замышляла мятеж сообща с союзниками турок в Северной Африке. Введенные Филиппом запреты на определенные виды одежды, еды, на арабский язык и на мусульманские бани вызвали в Южной Испании крупное восстание 1568–1569 гг., после подавления которого примерно половина мусульманского населения отправилась в изгнание¹³⁴.

А еще в Испании насчитывалось около 300 000 евреев, которых схожим образом вынуждали принимать католичество. К середине XVI в. большинство из них далеко продвинулись на пути к полной ассимиляции и сохраняли прежнюю веру только в виде плохо понятных им самим домашних ритуалов. Однако, став незаметными, евреи превратились в жупел, поскольку ни число их, ни деятельность теперь не были очевидными. Особенно усилила страхи «обнаруженная» в начале правления Филиппа секретная переписка якобы между старейшинами испанской еврейской общины и константинопольскими раввинами. «Протоколы сионских мудрецов», сфабрикованные в конце XIX в. царской охранкой для оправдания преследований российских евреев, имели предтечу в лице этой, не менее топорной фальшивки. В своих письмах

¹³² «Твердость и искренность в вере...» – см. Geoffrey Parker, *Imprudent King: A New Life of Philip II* (New Haven, CT, and London, 2014), 91–4; Marie Tanner, *The Last Descendant of Aeneas: The Hapsburgs and the Mythic Image of the Emperor* (New Haven, CT, and London, 1993), 217–8.

¹³³ Charles E. Bennett, *Laudonniere and Fort Caroline* (Tuscaloosa, AL, 2001), 38.

¹³⁴ Andrew C. Hess, 'The Moriscos: An Ottoman Fifth Column in Sixteenth-Century Spain', *AHR*, 74 (1968), 1–25.

константинопольские раввины в ответ на жалобы испанских евреев советуют тем внедряться в католическое общество и подрывать его изнутри:

Касательно того, что пишете вы, как они вас убивают, учите своих сыновей на врачей и аптекарей, чтобы ваши дети могли убивать их. Учите своих сыновей на богословов и священников, чтобы рушили их церкви.

Далее автор письма советовал евреям изучать юриспруденцию и проникать на должности в государственных учреждениях, чтобы саботировать работу судов и правительства¹³⁵.

Но, поскольку опознавать евреев стало весьма непросто, нужны были новые методы выявления их скрытой иудейской природы. Поэтому в XVI в. в гильдиях, религиозных обществах и рыцарских орденах стала быстро распространяться практика требовать от кандидата на вступление документы о его происхождении. Филипп поощрял это нововведение и даровал корпорациям право вести расследования, исключая тех, у кого обнаружатся еврейские или мусульманские предки. В своем стремлении сохранить «чистоту крови» (*limpieza de sangre*) испанское общество помешалось на генеалогии, а фабрикация фальшивых документов стала распространенным и прибыльным делом.

Заокеанские колонии Испании в годы правления Филиппа расширились: конкистадоры завоевывали для короля новые территории, а миссионеры все больше склоняли местные народы под влияние католичества. При вице-королях Новой Испании и Перу, сидевших соответственно в Мехико и Лиме, сформировалась иерархия губернаторов, капитанов и мэров, за которыми присматривали приезжавшие из метрополии судьи и вельможи, в свою очередь под отчетные Совету по делам Индий в Мадриде. Но в реальности этот надзор был скорее номинальным. Совет по делам Индий не очень осознавал состояние дел в колониях, и потому в 1569 г. Филипп распорядился собрать статистику по всем владениям Испании в Новом Свете путем рассылки опросника каждому колониальному чиновнику среднего уровня. Результатом стало огромное собрание ценнейших данных и – вечная беда подобных переписей – иллюзия порядка. Многие территории Латинской Америки оставались для испанцев полной загадкой, тогда как другие уже отошли под власть солдат-дезертиров и черных рабов, бежавших с плантаций и образовавших свои «маронские государства». Важнейший сухопутный маршрут через Панамский перешеек часто оказывался непроходим из-за разбойников-маронов, захватывавших сгруженные с судов товары¹³⁶.

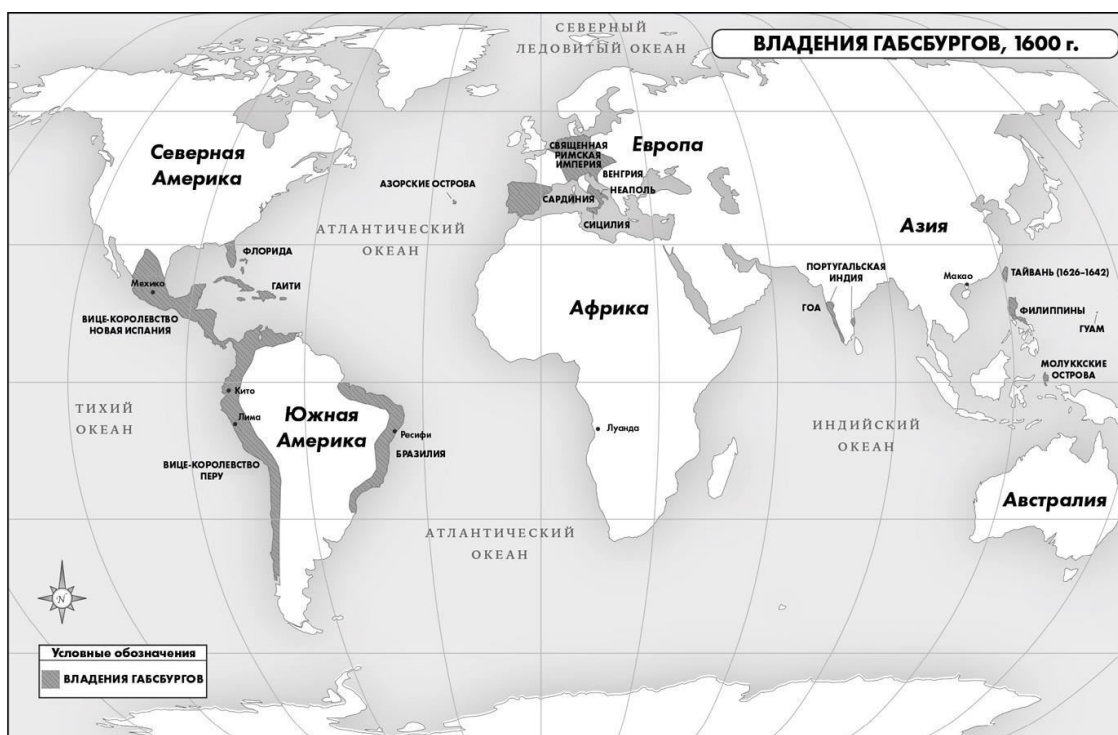
Начиная с 1560-х гг. испанский Новый Свет охватывал берега не только Атлантики, но и Тихого океана. Серебро, добываемое в Боливии, теперь везли на запад – через Акапулько в основанный в 1571 г. испанский порт Манила на Филиппинах, где и меняли на шелк и фарфор. Серебряные песо перуанской и мексиканской чеканки через несколько десятилетий ходили уже по всему миру. Кроме драгоценных слитков и монет, галеоны везли в Манилу оленьи шкуры, которые высоко ценились в Японии как материал для выделки самурайских доспехов. В 1580 г. умер португальский король Энрике, закономерно не оставивший наследников, поскольку был кардиналом и принес обет безбрачия. Филипп заявил свои права на престол как сын Изабеллы Португальской и изгнал из королевства всех соперников. Португальская корона принесла Филиппу не только Бразилию, но и форпосты в индийском Гоа, в Макао на китайском побережье и (ненадолго) в Нагасаки, на южной оконечности Японии. Габсбургская Испания стала мощнейшей державой и в Атлантике, и на Тихом океане¹³⁷.

¹³⁵ Francois Soyer, 'The Anti-Semitic Conspiracy theory in Sixteenth-Century Spain and Portugal and the Origins of the Carta de los Judíos de Constantinopla: New Evidence', *Sefarad*, 74 (2014), 369–88 (371).

¹³⁶ Howard F. Cline, 'The Relaciones Geográficas of the Spanish Indies, 1577–1586', *HAHR*, 44, (1964), 341–74.

¹³⁷ О торговле через Манилу см. Birgit Tremml-Werner, *Spain, China, and Japan in Manila, 1571–1644* (Amsterdam, 2015), 50, 143.

Впрочем, в тихоокеанских колониях власть испанского короля была почти эфемерной. На всем Филиппинском архипелаге в 1580-х гг. находилось не более 700 испанцев, а в его столице Маниле насчитывалось всего 80 испанских домовладений. Колониальные чиновники распаляли аппетиты Филиппа, описывая ему возможности, которые виделись им на материковом Китае и в странах Юго-Восточной Азии. Филипп не одно десятилетие продумывал «китайское предприятие» (*la empresa de China*) – проект высадки на побережье Китая и последующего продвижения вглубь страны при поддержке местного населения. Исходя из того, что Кортес захватил Мексику всего несколькими сотнями солдат, считалось, что для захвата Китая вполне хватит 6000. Альтернативный план Филиппа предполагал обходной маневр: свержение правителей Саравака, что на острове Калимантан, Сиам и Камбоджи, а потом вторжение в Китай с юга. Филиппу даже советовали пустить захваченную в Сараваке добычу на финансирование вторжения в Англию. Монаршим планам завоевания мира не суждено было быть реализованными или хотя бы опробованными, а огромный флот, отправленный им в 1588 г. на завоевание Англии, бессмысленно затонул в Северном море¹³⁸.

Новым христианам запрещалось ездить в Новый Свет, но они отправлялись туда на свой страх и риск в поисках как убежища, так и новых возможностей. Один наблюдатель жаловался, что Мексика «переполнена и перенаселена людьми низкими, развращенными и ненадежными, а потому как в Испании им запрещено переселяться в эти места», то ему «неведомо, какая причина может помешать... их изгнать». Главным инструментом гонений на новых христиан выступала испанская инквизиция, которую Филипп учредил в Лиме и Мехико в 1570–1571 гг. Хотя в Кастилии инквизиция появилась в конце XV в. как правительственное учреждение во главе с Великим инквизитором, назначаемым королем, монарх почти не вмешивался в дела этой организации, штат которой состоял из священников, обученных юриспруденции. Изначально их задачей было преследование вероотступников, но вскоре инквизиторы распространили свою деятельность на еретиков, богохульников, двоеженцев и виновных в половых пре-

¹³⁸ Hugh Thomas, 'Spain and the Conquest of China', *Standpoint* (March 2012). См. также C. R. Boxer, 'Portuguese and Spanish Projects for the Conquest of Southeast Asia, 1580–1600', *Journal of Asian History*, 3 (1969), 118–36.

ступлениях. Инквизиция получила право подвергать осужденных самым разным наказаниям. Приговоренных к смерти инквизиторы нередко публично сжигали на кострах в ходе религиозного ритуала, известного под названием аутодафе (auto-da-fé, «утверждение в вере»): перед таким сожжением обязательно произносились проповеди, а осужденных проводили по улицам в позорном облачении¹³⁹.

Помимо этого, инквизиция получила право цензурировать книги и ограничивать число студентов, отправляющихся в иностранные университеты, где можно было набраться нежелательных идей. Инквизиторы тем самым старались интеллектуально изолировать Испанию и Новый Свет. На этом поприще они в целом преуспели, истребив всю литературу, кроме строго ортодоксальной. Некий иностранный посол, путешествуя по Испании, отмечал атрофию воображения, вызванную цензурой. Он жаловался, что испанские дворяне из-за узости кругозора разговаривают как слепцы, описывающие краски. В Новом Свете инквизиция пристально следила за работой типографий в Мехико и Лиме, ограничив их продукцию за весь XVI век менее чем двумя сотнями изданий, преимущественно учебными материалами самого тоскливого свойства. Цензура инквизиции распространялась не только на печатное слово, но и на татуировки и клейма для скота¹⁴⁰.

В Новом Свете инквизиция в огромной мере вернулась к своей изначальной функции преследования вероотступников-евреев. За это преступление с 1589 до 1596 г. инквизиторы в Мехико осудили 200 человек, девятых из которых казнили. В результате еврейская община Новой Испании, по сути, была уничтожена. Позже она возродилась с прибытием португальских эмигрантов, но в 1640-х гг. ее снова разрушили, когда более 30 евреев отправили на костер, а еще сотню – умерших в заточении или сбежавших – сожгли заочно в виде чучел. В Лиме преследование евреев началось в 1570-е гг., и к следующему веку большую их часть истребили¹⁴¹.

Из тех, кто предстал перед судом инквизиции, лишь немногие подвергались смертной казни – в целом менее 2 %. Но казнь была не единственным способом разрушить жизнь. Евреев Новой Испании и Перу лишали имущества, а обычными средствами инквизиторов были пытки и мучительные телесные наказания. Данные с Испанской Сицилии, относящиеся к середине XVI в., свидетельствуют, что из 660 человек, осужденных инквизицией за разные преступления, только 22 были казнены, но еще 274 отправили рабами на галеры или подвергли пыткам водой и на дыбе, когда руки жертвы выворачиваются из плечевых суставов, а сухожилия рвутся. Больше того, зрелищные аутодафе, собиравшие подчас толпы в десятки тысяч зевак, устраивались для насаждения единомыслия. Как пояснял один испанский юрист, смысл публичной казни «не в том, чтобы спасти душу обвиняемого, но чтобы обеспечить общественный порядок, внушив людям страх и умеренность»¹⁴².

В Новом Свете Филиппу приходилось ладить с чересчур могущественными подданными, мечом добывшими себе огромные владения. Например, Мартин Кортес, сын конкистадора Эрнана Кортеса, в конце XVI в. владевший 130 000 кв. км земли, являлся, вероятно, самым богатым частным лицом всего тогдашнего мира. Свои трудности возникали у Филиппа и с чиновниками, которых не хватало, а те, что были, зачастую не желали исполнять приказы – у

¹³⁹ О «переполнена и перенаселена» см. Gaspar Pérez de Villagrà, *Historia de la Nueva México*, 1610, ed. Miguel Encinias et al. (Albuquerque, NM, 1992), 39.

¹⁴⁰ Henry Kamen, *Philip of Spain* (New Haven, CT, and New York, 1997), 179. О цензуре в Новом Свете см. Antonio Rodríguez-Buckingham, 'Change and the Printing Press in Sixteenth-Century Spanish America', in *Agent of Change: Print Culture Studies*, ed. Sabrina Alcorn Baron et al. (Amherst, MA, and Boston, 2007), 216–37.

¹⁴¹ Stacey Schlau, *Gendered Crime and Punishment: Women and/in the Hispanic Inquisitions* (Leiden, 2013), 26.

¹⁴² «Не в том, чтобы спасти душу обвиняемого...» – см. Alejandra B. Osorio, *Inventing Lima: Baroque Modernity in Peru's South Sea Metropolis* (New York, 2008), 106. Об инквизиции на Сицилии см. C. A. Garufi, 'Contributo alla storia dell'Inquisizione in Sicilia nei secoli xvi e xvii', *Archivio storico Siciliano*, 38 (1913), 264–329 (278). См. также Bartolomé Bennassar, 'Patterns in the Inquisitorial Mind as the Basis for a Pedagogy of Fear', in *The Spanish Inquisition and the Inquisitorial Mind*, ed. Angel Alcalá (New York, 1984), 177–86.

многих колониальных служащих расхожей стала присказка «Подчиняюсь, но не повинуюсь». С другой стороны, в Новом Свете Филиппу не мешали старинные свободы и привилегии, ограничивающие монаршую власть, не досаждали знать и гранды, выпрашивающие должности в правительстве, не перечили сословные съезды, требующие свою долю влияния. В этом смысле в Новом Свете его власть была более всеохватной. Даже Мартин Кортес не имел иммунитета от ареста и изгнания¹⁴³.

Между американскими колониями и испанскими владениями в Европе было важное различие: первые управлялись напрямую из Мадрида по единой модели, а вторые представляли собой композитарную монархию – собрание земель и королевств, объединенных под властью одного правителя из династии Габсбургов, но сохраняющих свои вольности, государственные институты и представительную власть. Карл V неизменно высказывался за поддержание такого порядка, поскольку «важно, чтобы каждая земля управлялась по правилам, к которым давно привыкла». У Филиппа не было причин пренебрегать отцовским советом. В момент коронации или первого посещения очередного владения он неизменно обещал уважать особые привилегии своих подданных. Так, провинциям Эно и Брабант он поклялся соблюдать «все статуты, вольности, грамоты, свободы и привилегии, все судебные и манориальные права, городские законы, права землепользования и водопользования и все обычаи каждой провинции, старые и новые». Таким же образом во время коронации в Португалии (а это единственная страна, где Филипп короновался; в других хватило провозглашения его королем) он торжественно поклялся блюсти ее традиционные свободы¹⁴⁴.

По большей части Филипп исполнял свои обязательства. При условии, что страна собирала в казну довольно налогов и не была заражена ересью, он охотно позволял ее правительству держаться выбранного курса и не посягал на вольности ее аристократии. Так, на Сицилии и в Неаполе в целом сохранялась власть знати, которая никак не пыталась противостоять повальной коррупции и разгулу разбойников. Лояльность Франш-Конте обеспечило назначение регента из местной знати и широкие полномочия, дарованные парламенту в Доле. В иных случаях для поддержания порядка обычно хватало убийств, публичных обличений и угроз.

Если же сопротивление было упорным, Филипп пусть и неохотно, но шел на применение военной силы. В 1580-х гг. в строптивых кортесах королевства Арагон, расположенного на северо-востоке Испании, росло недовольство незаконным, по их мнению, вмешательством мадридского двора в арагонские дела. Вероятно, именно в это время депутаты составили на основе старинных текстов свою знаменитую «клятву верности» монарху: «Мы, кто не хуже тебя, клянемся тебе, кто не лучше нас, признавать тебя своим королем и правителем, при условии что ты будешь соблюдать наши законы и чтить наши вольности, а если нет, то и нет». В 1591 г. город Сарагоса, ставший на сторону арагонского суда, отказавшегося выдавать в Кастилию беглецов от инквизиции, поднял мятеж, и Филипп послал туда войска. Зачинщиков схватили, а полномочия арагонских кортесов были урезаны¹⁴⁵.

Нидерланды оказались орешком покрепче. В начале 1560-х гг. Филипп предложил реформы, ущемлявшие право верхушки нидерландской знати на участие во власти и на высшие церковные должности. Аристократы воспротивились, и тогда Филипп вовсе отлучил их от управления. В 1566 г. они объединились с немногочисленным, но активным протестантским меньшинством и потребовали веротерпимости, однако Филипп не уступил. Когда недовольство вылилось в мятеж и разгром католических храмов, Филипп еще некоторое время колебался и лишь осенью 1567 г., когда восстание уже разгорелось, пустил в ход военную

¹⁴³ О Мартине Кортесе см. Hugh Thomas, *World Without End: The Global Empire of Philip II* (London, 2014), 76.

¹⁴⁴ «Важно, чтобы каждая земля управлялась по правилам, к которым давно привыкла...» – см. *Correspondenz des Kaisers Karl V*, ed. Karl Lanz, vol. 2 (Leipzig, 1845), 526.

¹⁴⁵ Ralph E. Giesey, *If Not, Not: The Oath of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe* (Princeton, 1968).

силу. Командовавший кампанией герцог Альба установил в Нидерландах режим, который казнил более 1000 еретиков и бунтовщиков, включая самых недовольных аристократов. Кузен Филиппа, эрцгерцог Карл Штирийский, не питавший особых симпатий к протестантам, увещевал короля побеждать подданных «милосердием и состраданием», но Филипп предпочитал такое правление, при котором, по определению Альбы, «каждый чувствует, что в один прекрасный вечер или утро его дом обрушится на его голову»¹⁴⁶.

Не располагая достаточными средствами для содержания армии, Филипп обложил налогами нидерландские города. Однако города отказались собирать эти подати, считая их незаконными без утверждения местными парламентами. Оставшиеся без содержания войска Филиппа вышли из подчинения, принялись грабить страну и в 1576 г. разорили Антверпен. Хотя договоренности с влиятельными аристократами южных нидерландских провинций (приблизительно нынешних Бельгии и Люксембурга) позволили Филиппу удержать часть Нидерландов, остальной их территории он лишился навсегда. Семь северных провинций Нидерландов после 1581 г. объединились в протестантское государство – Республику Соединенных провинций. Несколько десятилетий Филипп безуспешно пытался уничтожить республику, посылая туда все более многочисленные армии наемников. Но эта война опустошила испанскую казну. Несмотря на поток золота из Нового Света, Филиппу четырежды пришлось отказаться от выплаты долгов, конвертировав их в государственные облигации, по которым выплачивались только проценты.

Если бы Филипп лично посетил Нидерланды в 1568 г., как планировал, возможно, ему удалось бы умерить страсти. Но ему пришлось остаться в Испании из-за восстания мусульман и из-за семейной трагедии. Сын и наследник Филиппа принц Карлос родился не только с физическим уродством, но и с душевным и умственным расстройством. Попытки излечить больного подкладыванием ему в постель мумифицированного святого не особо помогли, и молодой человек становился все более буйным. Наконец, в 1568 г. его пришлось изолировать от общества. В заточении Карлос, судя по всему, заморил себя голодом, хотя противники Филиппа тут же обвинили короля в отравлении сына¹⁴⁷.

Можно не сомневаться, что помешательство донна Карлоса было следствием кровосмешения: по этой причине у него имелась только половина обычного набора предков в третьем колене. Двое из четырех его дедов и бабок были детьми Хуаны Безумной, а его мать Мария Мануэла Португальская одновременно приходилась ему троюродной сестрой. Реформация заметно сузила выбор монарших семей, подходящих для матримониальных связей, и кровосмесительные браки стали у Габсбургов еще более обычными. Испанская и центральноевропейская ветви династии обменивались супругами в каждом поколении. Из 73 браков, заключенных между представителями двух ветвей в 1450–1750 гг., четыре сочетали дядю с племянницей, 11 – двоюродных братьев и сестер; еще в четырех супругов связывало двоюродное родство через поколение, а в восьми – троюродное родство. Во множестве других случаев в брак вступали более дальние родственники. Каждый из этих браков, прямо запрещенный церковью, требовал особого дозволения папы¹⁴⁸.

В свое время брачная дипломатия очень помогла Габсбургам. Но теперь кровосмесительные браки несли им уродства и умственную отсталость. Выступающая челюсть и отвисшая нижняя губа, придававшие необычный облик уже Карлу V, доходили теперь до степени безобразия, так что один из габсбургских правителей получил прозвище *Fotzenpoidl* (что можно мягко перевести как «лицо кретина»). Из-за кровосмешения в династии стали обычны душев-

¹⁴⁶ Henry Kamen, *The Duke of Alba* (New Haven, CT, and London, 2004), 92.

¹⁴⁷ О возможности усмирения Нидерландов в 1568 г. см. Violet Soen, *Adellijke en Habsburgse verzoeningspogingen tijdens de Nederlandse Opstand (1564–1581)* (Amsterdam, 2011), 80–3.

¹⁴⁸ F. C. Ceballos and G. Álvarez, 'Royal Dynasties as Human Inbreeding Laboratories: the Habsburgs', *Heredity*, 111 (2013), 114–21 (116–7).

ные расстройства, эпилепсия, мертворождения и нежизнеспособное потомство. Из 34 детей, рожденных в испанской королевской семье в 1527–1661 гг., 10 не прожили и года, а 17 не дожили до 10 лет, что дает уровень детской смертности 80 % – в четыре раза выше, чем тогдашний средний¹⁴⁹.

К концу XVI столетия иностранные пропагандисты, сплетя воедино зверства инквизиции, угнетение народов и бесчинства испанских солдат, создали жанр, который впоследствии станет известен под названием «черная легенда» (термин, строго говоря, уже XX в.). Долгое умирание самого Филиппа (1598) и физические страдания, терзавшие его в последние дни, хорошо вписывались в эту легенду, как Господня кара за преступления монарха. А к описаниям жестокостей добавились байки о порочных связях между царственными отцами и дочерьми и о рождении монстров, которые стали метафорой упадка и морального разложения¹⁵⁰.

Для протестантских авторов (и для евреев) царствование Филиппа служило примером того, как легко монархия может обернуться тиранией и религиозными преследованиями. В самом деле, многие обвинения, предъявленные казненному в 1649 г. английскому королю Карлу I, повторяли морализаторские обличения в адрес Филиппа II. Между тем в глазах испанских писателей и драматургов огромные владения Филиппа и его непоколебимая преданность католической церкви облекали Испанию высокой миссией защитницы веры и имперской судьбой, не менее, а может быть, и более великой, чем у Древнего Рима. В появившихся в те годы «священных фестивалей», разыгрываемых как на сельских площадях, так и в королевских дворцах, отождествление Испании с триумфом католичества показывалось через поклонение святому причастию: символы этого таинства соединялись с образами страны и правящей династии. Один знаменитый автор писал, обращаясь к согражданам:

Господь избрал вас как свой особый народ. Он избрал тебя, о Испания!
Он почтил тебя тем, что ты всемирна, что ты правоверна и непогрешима,
что ты оберегаешь и хранишь Святую Католическую Апостольскую Римскую
церковь, распространяешь веру во всем мире, почитая Христа, Господа
нашего.

Грандиозная идея всемирной империи, стоящей на службе истинной веры, теперь уже прочно утвердилась в Испании¹⁵¹.

¹⁴⁹ Gonzalo Alvarez, Francisco C. Ceballos, and Celsa Quinteiro, 'The Role of Inbreeding in the Extinction of a European Royal Dynasty', PLoS ONE, 4 (no 4) (April 2009).

¹⁵⁰ Об истории «черной легенды» см. Julián Juderías, *La leyenda negra: Estudios acerca del concepto de España en el extranjero* (Madrid, 1914).

¹⁵¹ Eva Botella-Ordinas, "'Exempt from Time and from Its Fatal Change": Spanish Imperial Ideology, 1450–1700', *Renaissance Studies*, 26 (2012), 580–604 (596–7), цитирует Juan de Garnica, *De Hispanorum Monarchia* (1595). О Филиппе II и тирании см. Jonathan Israel, 'King Philip II of Spain as a Symbol of "Tyranny" in Spinoza's Political Writings', *Revista Co-herencia*, 15 (2018), 137–54; Ronald Mellor, 'Tacitus, Academic Politics, and Regicide in the Reign of Charles I: the Tragedy of Dr Isaac Dorislaus', *International Journal of the Classical Tradition*, 11 (2004), 153–93 (183). ГЛАВА 9. ДОН ХУАН И ГАЛЕРЫ ЛЕПАНТО

9

ДОН ХУАН И ГАЛЕРЫ ЛЕПАНТО

Осенью 1559 г. 12-летний мальчик по имени Херонимо приехал в сопровождении опекуна в цистерцианский монастырь, расположенный в лесной местности, примерно в 30 км от Вальядолида. Неподалеку охотился король Филипп; завидев его приближение, мальчик встал на колени. Но не успел он этого сделать, как король поднял его и спросил, знает ли он, кто его отец. Смутившись, Херонимо отвечал, что нет, и в этот миг Филипп обнял его. Король сказал, что отец у них общий, что они братья: хоть и рожденные от разных матерей, оба они были сыновьями покойного императора Карла V.

История о принце, чье происхождение остается тайной, типична для испанской драмы золотого века, но в этом случае, похоже, дело обстояло именно так, во всяком случае в основных чертах. Мальчик, родившийся в 1547 г., – плод любовной связи Карла V с Барбарой Бломберг из Регенсбурга. Барбара была не певицей, как часто утверждают, а кухаркой в трактире, где как-то остановился император. В раннем детстве мальчика отняли у матери и отдали на воспитание сначала в Нидерланды, а затем в Испанию. Карл следил и за ребенком, и за матерью: с мальчиком он старался видаться, а Барбару выдал замуж за одного из своих чиновников в Брюсселе. В самом конце своего правления Карл официально признал отцовство, и так Филипп впервые узнал, что у него есть единокровный брат. Карл также приказал, чтобы мальчику нашли подходящую церковную должность и чтобы его имя было изменено с Херонимо на Хуана – в честь матери Карла Хуаны. Впоследствии мальчик стал известен как дон Хуан, но его не следует путать с любвеобильным Дон Жуаном (или Гуаном) из английской и континентальной драматургии и поэзии¹⁵².

Поначалу Филипп следовал отцовской воле и поместил дону Хуана в университет в городе Алькала-де-Энарес под Мадридом. Это заведение специализировалось на подготовке священнослужителей, но вскоре Филипп решил, что брат больше нужен ему как политическая фигура. Аристократия Нидерландов считала, что управлять страной должен член монаршей семьи. Первой наместницей Карла в Нидерландах была его тетка Маргарита Австрийская, а после ее смерти (1530) – сестра Карла Мария Венгерская, но у Филиппа не хватало подходящих для такой задачи близких родственников. Поэтому он настаивал, чтобы Мария осталась на посту даже после ее отхода от дел в 1555 г. Мария не поддавалась на уговоры, и тогда Филипп нашел ей замену в лице своей единокровной сестры Маргариты Пармской.

Как и дон Хуан, Маргарита была незаконнорожденным ребенком Карла V, на этот раз от фламандской горничной. В юности ее несколько раз сватали за разных итальянских кавалеров. Став наместницей в Нидерландах, Маргарита ради солидности отрачивала аккуратные усики, а также приказала чеканить медали, изображавшие ее в виде амазонки. Однако хитро-сплетения нидерландской политики оказались ей не по силам, так что Филипп искал ей замену. Одним из возможных кандидатов был дон Хуан, но тут требовалось подождать, поскольку он был слишком молод. И все-таки Филипп готовил юношу к великим свершениям и в 1566 г. принял его в орден Золотого руна. Хотя его рыцари больше не устраивали собраний с правителем, потому что Филипп не терпел критики своих решений, этот орден по-прежнему считался самым престижным рыцарским обществом Европы¹⁵³.

¹⁵² О происхождении Барбары Бломберг см. Marita A. Panzer, Barbara Blomberg. Bürgertochter, Kaisergeliebte und Heldenmutter (Regensburg, 2017), 36–7.

¹⁵³ О знаменитых усах Маргариты см. Famiano Strada, De Bello Belgico Decas Prima (Rome, 1648), 42. В написании этой книги принимал участие сын Маргариты.

Дон Хуан был честолюбив. Он задумал жениться на Елизавете I Английской и вернуть ее подданных в лоно римской церкви, но в то же время планировал освободить заточенную Елизаветой шотландскую королеву Марию Стюарт и, с вожделием глядя на ее портрет, мечтал сделать своей женой и ее. Филипп ставил дон Хуана на высокие посты в Испании, но считал брата слишком своевольным, чтобы поручить какое-то дело ему одному. Поэтому, хотя Филипп и намеревался в итоге поставить Хуана во главе Нидерландов, он определил ему в помощь опытного политика и воина Луиса де Рекесенса. Именно на пару с Рекесенсом дон Хуан подавил мусульманское восстание 1568–1569 гг., а в 1571-м участвовал в кампании, прославившей его имя. Это была война с турками-османами в Средиземноморье, кульминацией которой стала победа христиан в битве при Лепанто.

Историю Османской империи часто описывают как быстрый взлет при первых 10 султанах, вершиной которого стало правление Сулеймана Великолепного (1520–1566), и следующие три с лишним века упадка под властью еще 26 султанов. На самом деле поразительный территориальный рост Османской империи в конце Средневековья во многом объясняется слабостью ее соседей, и уже при Сулеймане империя фактически достигла возможного предела своей экспансии. Путь на восток преграждали персидская империя Сефевидов и натиск Московии с севера. На западе дальнейшему продвижению в христианскую Европу препятствовал оборонительный рубеж, возведенный в Венгрии Фердинандом I. А в Индийском океане португальцы поставили под свой контроль питавшую европейские рынки торговлю пряностями, пустив часть грузопотока вокруг мыса Доброй Надежды.

В Стамбуле проявляли немалый интерес к открытию Нового Света. Одна из первых карт Колумба дошла до нас в виде копии с копии, сделанной османскими мореплавателями; по распоряжению великого визиря (первого министра) ее варианты были представлены лично султану Сулейману. Но как бы ни волновала Америка османских правителей, у них не было пригодных для такой экспедиции судов, к тому же Саадиты, правители Марокко, недовольные турецкой экспансией в Северо-Западную Африку, закрыли Атлантику для кораблей османов. В Стамбуле напряженно искали способы прорвать окружение империи. Тщетно строились планы строительства каналов не только в Суэце, но и между Доном и Волгой, чтобы открыть путь в Среднюю Азию; много энергии было потрачено на усиление влияния Османской империи в Индийском океане. Однако даже отправка в 1560-х гг. флотилии с пушками и литейщиками в Ачех, что на Суматре, в помощь местному султану, который сражался с португальцами, не дала особых результатов. Ачехский султан больше полагался на шесть сотен своих боевых слонов, а пушки так и остались ржаветь¹⁵⁴.

При этом христианские монархи Европы полагали, что это они оказались в окружении турок. Мореходы ошибочно принимали мусульман, с которыми сталкивались в водах Индийского и Тихого океанов, за подданных Сулеймана, хотя те лишь поминали «великого владыку Запада» в пятничных молитвах. Некоторые из этих мусульман говорили по-испански, так как происходили из Испании. С испанскими изгнанниками-магометанами Фернан Магеллан встречался на Филиппинах еще в 1521 г. Но они не были агентами Стамбула и уж тем более не координировали свои действия с единоверцами на другом конце земли. Они были всего лишь несчастными жертвами гонений, волею судеб заброшенными за 12 000 км от родины¹⁵⁵.

Весь XVI век турки с испанцами делили Северную Африку. Испанцы размещали гарнизоны в стратегических точках на побережье Средиземного моря – главным образом для

¹⁵⁴ Gregory C. McIntosh, *The Piri Reis Map of 1513* (Athens, GA, 2000), 6, 87; Anthony Reid, 'Sixteenth Century Turkish Influence in Western Indonesia', *Journal of Southeast Asian History*, 10 (1969), 395–414; C. R. Boxer, 'Portuguese and Spanish Projects for the Conquest of Southeast Asia, 1580–1600', *Journal of Asian History*, 3 (1969), 118–36 (120).

¹⁵⁵ Carmen Y. Hsu, 'Writing on Behalf of a Christian Empire: Gifts, Dissimulation, and Politics in the Letters of Philip II of Spain to Wanli of China', *HR*, 78 (2010), 323–44 (327–8); William Henry Scott, *Looking for the Prehistoric Filipino and Other Essays in Philippine History* (Quezon City, 1992), 24–5.

борьбы с местными пиратами, которым часто помогали военные корабли Османской империи. Эти пираты действовали на огромных пространствах. Они не только угрожали морским путям между Испанией и ее владениями на юге Италии, но и выходили в Атлантику, перерезая купцам дорогу в Новый Свет. В поисках рабов пираты, однако, не обделяли вниманием никого, совершая набеги на английское, ирландское и исландское побережья. Их промысел питал османский рынок невольников, через который в период максимальной активности проходило по 100 000 европейцев в год¹⁵⁶.

Во второй трети XVI в. Сулейман Великолепный заметно укрепился в Северной Африке, изгнав испанские гарнизоны из многих крепостей и отдав эти укрепления под власть своих наместников или, чаще, марионеточных династий. К 1560-м гг. в руках христиан остались только Оран и соседний порт Мерс-эль-Кебир, так что испанское побережье опасно обнажилось. Впрочем, Сулеймана и его преемника Селима II (1566–1574) в первую очередь волновали средиземноморские острова Кипр и Мальта. На этих островах гнездились корсары, нападавшие не только на торговцев, но и на паломников, добравшихся морем в Мекку и Медину. В 1564 г. мальтийские рыцари перехватили несколько торговых судов, принадлежащих главному евнуху султана, и завладели драгоценными шелками, предназначенными для гарема самого Сулеймана. В ответ он уже на следующий год осадил Мальту, но выбить рыцарей ему оказалось не по силам.

В 1570 г. турецкий посол в Венеции предъявил от имени своего государя ультиматум, в котором тот требовал уступить ему Кипр. Получив отказ, Селим II погрузил на корабли 70-тысячную армию и отправил ее на захват острова. Масштаб угрозы объединил средиземноморские католические державы. В этом помогла и настойчивость венецианских дипломатов, которые добрались даже до Московии. Но ядром новой коалиции стал союз Филиппа II и папы Пия V, временно отложивших свой спор о вмешательстве Рима в испанские дела. Участие папы позволило союзу Испании, Венеции, Генуи и Мальты назваться Священной лигой. Но, поскольку именно Филипп предоставил основную часть средств на снаряжение флота и четвертую часть кораблей, право назначать командующего всей кампанией он оставил за собой¹⁵⁷.

Филипп выбрал на эту должность дона Хуана, но в приказе о его назначении оговаривалось, что тот должен слушаться Рекесенса и следовать советам опытных венецианских и генуэзских капитанов. Вместе с тем король разъяснил дону Хуану огромную политическую важность его роли, ведь раз собрав такой флот, его можно было использовать для защиты Западного Средиземноморья от новых вылазок османов. Подготовку кампании не остановила и капитуляция летом 1571 г. последней венецианской крепости на Кипре, с коменданта которой турки живьем содрали кожу. В середине сентября христианский флот вышел из Мессины, чтобы сразиться с врагом в море, а затем идти на Кипр.

Оба флота состояли из галер, которые при слабых средиземноморских ветрах полагались на силу гребцов. В целом корабли противников были сопоставимы по размеру (40 м в длину и 6 м в ширину), хотя турецкие галеры сидели в воде глубже. Весла располагались одним ярусом, по три гребца на весло. Скамей для гребцов было по несколько десятков у каждого борта. Большинство гребцов были рабами, но загребным в конце каждой скамьи часто сажали опытного свободного моряка. Поскольку никаких санитарных удобств на борту не было и нечистоты сливались прямо в трюм, галеру можно было почуять за полкилометра. Галеры, впрочем, бывали и других размеров: например, галеас – изначально крупное торговое судно. Там зачастую сидело по пять гребцов на весле, а скамей было более 30. Высота галеаса, когда он уже стал военным кораблем, позволяла разместить пушки не только на носу, но и по бортам.

¹⁵⁶ William G. Clarence-Smith and David Eltis, 'White Servitude' in *The Cambridge World History of Slavery*, vol. 2, ed. Eltis and Stanley L. Engerman (Cambridge, 2011), 132–59 (133).

¹⁵⁷ Özlem Kumrular, 'Lepanto: antes y después. La República, la Sublime Puerta y la Monarquía Católica', *Studia historica. Historia moderna*, 36 (2014), 101–20.

У обычных галер всю огневую мощь составляла одна большая пушка на носу, которая после каждого выстрела откатывалась по специальным рельсам для перезарядки¹⁵⁸.

Два флота по две сотни кораблей каждый сошлись в Ионическом море – у города Лепанто (Нафпактоса) в устье Коринфского залива. Невозможно сказать, в какой мере дон Хуан определял боевой порядок христианской армады. Он пользовался советами генуэзского адмирала Джованни Андреа Дориа, с которым очень близко сошелся (дон Хуан подробно рассказывал адмиралу о своих сердечных делах и многочисленных болезнях), и, вероятно, план сражения разработал именно Дориа. Понимая, что турецкий флот попытается обойти врага с фланга, дон Хуан выстроил корабли в длинную линию, левым флангом упиравшуюся в берег. Перед этой линией он выставил шесть галеасов, что озадачило турок, принявших эти корабли за суда снабжения. Около 11 утра 7 октября турецкий адмирал холостым выстрелом из пушки просигналил о готовности к битве. Дон Хуан, уже облаченный в до блеска отполированные доспехи, ответил на вызов – но уже чугунным ядром. По всплеску от него канониры заодно уточнили наводку.

Когда османский флот приблизился, галеасы показали, зачем они нужны, встретив противника огнем бортовых орудий. После каждого залпа галеас разворачивался и палил со второго борта, пока пушки на первом перезаряжались. Проходя между галеасами, турецкие корабли попадали под обстрел носовых пушек, а с высоких бортов по незащитным гребцам и команде вели огонь аркебузиры. Турки еще не успели вступить в ближний бой, а треть их кораблей уже потонула или не могла сражаться. Как писал итальянский свидетель битвы, наблюдать смертоносную мощь вертевшихся туда-сюда галеасов было «делом невероятным»¹⁵⁹.

По какой-то причине правое крыло христианского флота отделилось, позволив нескольким турецким кораблям прорваться в брешь. Но левый фланг и центр плотно держали строй и вели ближний бой. У Священной лиги и в нем было преимущество. Турецкие солдаты перебирались на галеры противника, раскачиваясь на канатах, как в голливудских фильмах, испанские же корабли были оснащены сетями и абордажными матами, что позволяло им высаживаться на палубу вражеского судна целыми группами. Высадившись, испанцы в сомкнутом строю теснили противника копьями, обеспечивая простор аркебузирам. Часть галерных рабов не приковывали, чтобы они не утонули вместе с кораблем, и теперь такие невольники вступали в бой на стороне христиан. К концу дня победа Священной лиги была столь бесспорной, что противники прекратил бой и игриво обменивались залпами из апельсинов и лимонов. Христиане захватили больше сотни турецких галер, а еще не менее 50 пошли на дно. Потери турок оценивали в 35 000 человек (почти наверняка это преувеличение), против 7500 со стороны Священной лиги¹⁶⁰.

Весть о триумфе христиан в Лепанто с ликованием встретили в Европе. Сообщалось, что в Риме папа Пий V восхвалял дон Хуана евангельской цитатой «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн» и приказал объявить 7 октября праздником Девы Марии Победоносной (теперь Девы Марии Розария). Но, помимо этого, у победы при Лепанто было не много долговременных последствий. Турки скоро восстановили свой флот, а христиане перессорились, деля корабли и рабов. Из-за противоречивых указаний Филиппа II дон Хуан не мог понять, следует ли ему исполнять миссию лиги и двигаться на Кипр, а потом и дальше или лучше отвести испанские корабли на запад. Остановившись на отдых в Мессине, принц впал в меланхолию. Тем временем венецианцы заключили с султаном мир в обмен на гарантии неприкосновенности Крита, Корфу и оставшихся владений Венеции на Адриатическом побережье.

¹⁵⁸ О вони от галер см. Jack Beeching, *The Galleys at Lepanto* (New York, 1983), 16.

¹⁵⁹ Giovanni Pietro Contarini, *Historia delle cose successe dal principio* (Venice, 1572), fol. 51v.

¹⁶⁰ Niccolò Capponi, *Victory of the West: The Story of the Battle of Lepanto* (London, 2006), 289.

В 1573 г. Филипп II назначил Рекесенса наместником в Нидерландах с тем, чтобы тот подготовил почву для дон Хуана. Рекесенс был талантливым дипломатом и убежденным миротворцем, но Филипп запретил ему идти на любые уступки в вопросах религии. Дон Хуан тем временем повел испанский флот на Тунис, который сдался, едва корабли прибыли под его стены. Принц упрашивал Филиппа даровать ему титул короля Туниса, но вместо этого Филипп приказал плыть обратно в Италию, и город немедленно вернулся под турецкую власть. И только после смерти Рекесенса в 1576 г. дон Хуан занял давно предназначенный ему пост наместника Нидерландов. Увы, как и его предшественники, он не снискал там популярности, потому что Филипп настаивал на возвращении мятежников в католицизм.

Дон Хуан проклинал свою злую судьбу и сетовал на удел «самого обделенного рыцаря на свете». Раз за разом уступая лидерам восстания и в переговорах, и в бою, он потерял поддержку умеренной католической знати, которая пригласила австрийского эрцгерцога Матиаса занять пост наместника вместо дон Хуана. Сломленный телесно и душевно (вероятно, вследствие сифилиса), в октябре 1578 г. дон Хуан умер от лихорадки. Военное положение Испании в Северной Европе было настолько шатким, что везти тело дон Хуана на родину морем сочли слишком опасным, поскольку его могли бы захватить голландские мятежники или англичане. Вместо этого его разделили на четыре части и в седельных сумках тайно переправили через Францию в Мадрид, где соединили вместе и захоронили в Эскориале¹⁶¹.

Погребение в Эскориале было честью, которой не удостоился больше ни один из габсбургских бастардов, и дону Хуану она досталась только за славную победу при Лепанто. Современники были убеждены, что Лепанто стало своего рода Божественным испытанием, которое с достоинством выдержало все христианство, но в чем заключался высший смысл этого испытания, оставалось неясным, так как турки вскоре доказали, что их армия и флот сохранили прежнюю мощь. В поисках ответа толкователи обращались не только к Библии, но и к классическим текстам, из которых тщательнее всего анализировалось пророчество Кумской сивиллы из «Буколик» Вергилия, написанных около 40 г. до н. э.:

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
Дева Луцина!¹⁶²¹⁶³

(Сатурн здесь – бог изобилия; Луцина – богиня деторождения.)

За этот небольшой отрывок с четким упоминанием некой девы и предположительным предсказанием рождения Христа пропагандисты Филиппа II ухватились, чтобы продемонстрировать, что благословение Богородицы и служение вере приведут к новому всеохватному и блистательному миропорядку. Лепанто был лишь одним эпизодом в осуществлении этого пророчества, но одновременно и аллегорией, в которую можно было включить любые визуальные и литературные образы династии. Морское сражение перекликалось с концепциями, связанными с габсбургской эмблемой золотого руна, напоминая о сокровище, добытом мифическим мореплавателем Ясоном (тем более что флагманское судно дон Хуана при Лепанто называлось

¹⁶¹ О «самом обделенном рыцаре на свете» см. *Lettere di D. Giovanni d' Austria a D. Giovanni Andrea Doria*, ed. Alfonso Doria Pamphili (Rome, 1896), Nov. 1571, Messina.

¹⁶² Пер. С. В. Шервинского.

¹⁶³ Virgil, *The Eclogues*, ed. Guy Lee (London, 1984), 57 (Ecl. 4. 1–10).

«Арго» в честь корабля Ясона). Развернутый в сражении христианский стяг с монограммой IHS, обозначавшей одновременно и Святой крест, и девиз «In Hoc Signo» («Сим победиши»), также отсылал к триумфальному штандарту первого христианского императора Рима Константина Великого (312–324). На картине Тициана «Аллегория Лепанто» Филипп II поднимает к Богу своего новорожденного сына Фердинанда (он умрет в младенчестве), будто Святые Дары, таким образом связывая разворачивающуюся на заднем плане битву с династическим культом евхаристии.

Все эти репрезентации создавались по заказу Филиппа или его приближенных, но иностранные и простонародные описания битвы содержали не менее волнующую символику. Французские авторы писали о Лепанто как о новой битве при Акциуме, а о Филиппе II – как о новом Августе. (Октавиан, позже названный Августом, в 31 г. до н. э. разбил в морском сражении при Акциуме флот Марка Антония и Клеопатры.) Подобно испанцам, они соединяли войну против Османской империи и борьбу церкви с ересью, создавая новый культ святых воинов. В 1585 г. шотландский король Яков VI написал о Лепанто эпическую поэму на англо-шотландском языке, которую вскоре перевели на латынь, французский, голландский и немецкий. Рельефы, изображающие битву, появлялись даже на солонках и чернильницах, а в церкви Святой Марии в Лугано (ныне Швейцария) местный художник написал фреску, на которой Богородица учит младенца Христа метать пушечные ядра в турецкие военные корабли¹⁶⁵.

Сын и преемник Фердинанда император Максимилиан II (правил в 1564–1576 гг.) не принимал участия в событиях, приведших к битве при Лепанто, уклонившись от предложений Пия V и Филиппа II присоединиться к Священной лиге. Как объяснял сам Максимилиан, немецкие князья-протестанты не станут помогать лиге, возглавляемой папой. Но его отказ объяснялся также и унаследованной от отца склонностью улаживать споры путем переговоров и его собственным прохладным отношением к католицизму, сложившимся в результате сомнений и внутренних духовных исканий. Увлеченный читатель итальянского богослова Аконцио (ок. 1520–1566), Максимилиан, похоже, разделял его идею, что за внешними различиями скрывается одна истинная вера и что турки и даже евреи, возможно, нужны, чтобы напоминать христианам об их долге. Он не допускал гонений на иноверцев, а в 1568 г. заключил мир с султаном Селимом, после чего ограничивал свои воинские забавы заводным корабликом (*nef*), которым развлекал гостей на обедах¹⁶⁶.

В последнее десятилетие жизни художник Тициан (ок. 1488–1576) написал две картины под названием «Спасение религии». Одна из них досталась Филиппу II, а другая – Максимилиану II. Полотно Максимилиана утеряно, но его можно восстановить по гравюре, где религия изображена в виде испуганной девы, окруженной змеями. Ей на помощь спешит воительница в тииаре и прозрачной тунике, вздымающая имперский штандарт. На земле у ее ног валяется брошенное оружие. На полотне, посланном Филиппу, персонажи немного изменены. Спасительница религии теперь одета в доспехи и держит копье, меч и щит, украшенный гербом Испании. На заднем плане в виде Нептуна изображен турок в тюрбане, но его морская колесница идет ко дну прямо под ним. На двух почти одинаковых картинах Тициан отчетливо показал разный подход двух ветвей дома Габсбургов к католической вере: одна ищет согласия и несет дар мира, другая же вздымает меч воинственной Испании, только что одержавшей победу при Лепанто¹⁶⁷.

¹⁶⁵ О Лепанто во французской поэзии Bruno Méniel, *Renaissance de l' épopée. La poésie épique en France de 1572 à 1623* (Geneva, 2004), 388–9.

¹⁶⁶ Об Аконцио см. Paula Sutter Fichtner, *Emperor Maximilian II* (New Haven, CT, and London, 2001), 39–40.

¹⁶⁷ Miguel Falomir, 'La Religión socorrido por el Imperio (hacia 1568)', in *Museo Nacional del Prado: Memoria de Actividades* 2014, (Madrid, 2015), 72–4.

10

РУДОЛЬФ II И ПРАЖСКИЕ АЛХИМИКИ

С XV по XVII в. почти каждый правитель отдавал дань увлечению алхимией и магией. Даже Филипп II завел в Эскориале несколько лабораторий, где лично следил за перегонкой эссенций и экспериментами по превращению металлов. Однако алхимия и оккультизм не воспринимались как отдых от государственных обязанностей. Они были важной их частью: считалось, что именно в царстве магии и тайных истин можно найти знание о том, как привести наш мир в соответствие со вселенским порядком. Эзотерические практики влияли и на другие аспекты деятельности монарха – от принципов организации королевских коллекций до покровительства искусствам. Оккультное знание было замкнутой системой воззрений, одновременно соблазнительно туманной и выстроенной строго логически, хотя и на основе сомнительных предпосылок. Рудольф II (правил в 1576–1612 гг.) прочно попал в эти сети, что, возможно, и обернулось для сына Максимилиана II чередой омрачивших его царствование эпизодов депрессии и добровольной самоизоляции.

Сущность оккультизма, как ее понимали в Европе раннего Нового времени, лучше всего видна в «Изумрудной скрижали» (Tabula Smaragdina). Этот текст, переведенный при дворе Рудольфа с латыни на чешский, начинается так:

Не ложь говорю, а истину изрекаю.

То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы свершить чудо одного-единственного.

Точно так же, как все сущие вещи возникли из мысли этого одного-единственного, так стали эти вещи вещами действительными и действенными лишь путем упрощения применительно случаю того же самого одного-единственного, единого.

Солнце – его отец. Луна – мать его. Ветер вынашивает его во чреве своем. Земля вскармливает его.

Единое, и только оно, – первопричина всяческого совершенства – повсеместно, всегда.

Мощь его есть наимогущественнейшая мощь – и даже более того! – и явлена в безграничии своем на Земле.

Отдели же землю от огня, тонкое от грубого с величайшей осторожностью, с трепетным тщанием.

Тонкий, легчайший огонь, возлетев к небесам, тотчас же низойдет на землю. Так свершится единение всех вещей – горних и дольних. И вот уже вселенская слава в дланях твоих. И вот уже – разве не видишь? – мрак бежит прочь¹⁶⁸¹⁶⁹.

Считалось, что слова «Изумрудной скрижали» были изначально вырезаны на нефритовой плите, найденной Александром Македонским в склепе мага Гермеса Трисмегиста («Трижды величайшего»). В действительности этот текст, вероятно, был написан на сирийском языке в VIII в., а затем переведен на арабский и уже с него – на латынь. К середине XIII в. он был

---

¹⁶⁸ Пер. под ред. Ю. И. Соловьева.

¹⁶⁹ King's College Library, Cambridge, Keynes MS 28, fol. 2 r – v (spelling adjusted).²

хорошо известен в христианской Европе и часто распространялся вместе с другими, столь же загадочными отрывками.

В 1460-х гг. в Италию из Стамбула доставили пачку из 14 написанных на греческом писем, якобы имевших сходное с «Изумрудной скрижалей» происхождение и тоже написанных Гермесом Трисмегистом. Тогдашние ученые не сомневались (отчасти благодаря много рассуждавшему о нем святому Августину), что Трисмегист был реальным человеком, и считали его либо современником Моисея, либо даже жившей до Вселенского потопа личностью, идентичной египетскому богу Тоту. Стамбульские письма, как и три обнаруженных позже, на самом деле были написаны в Египте во II в. и соединяли египетскую мифологию и магию с некоторыми переработанными идеями Платона. Письма быстро перевели на латынь, и они вызвали настоящую сенсацию, так как развивали идеи «Изумрудной скрижалей», восходя к примерно той же интеллектуальной среде.

Известные как «Герметический корпус», эти письма содержат заговоры и заклинания, а также обсуждения амулетов и оберегов с их магической силой; пространственные диалоги, на которых разбит текст, предполагают существование ангелов и демонов, а также то, что различные материалы можно превращать в золото примерно так, как верят алхимики. Постоянным мотивом писем была идея, что небеса, макрокосм, объединены с земным микрокосмом и, более того, со всеми более мелкими микрокосмами, вплоть до отдельных камней и растений. Все это оживлено вселенским духом и потому стремится слиться с ним, ведь «многообразие всех вещей есть одно, и в одном» или, как гласит «Изумрудная скрижаль», «то, что внизу, подобно тому, что вверху».

Учение Трисмегиста гласит, что вселенная пребывает в гармонии, поскольку все, что есть на небесах и на земле, пронизано и управляется единым духом. Оно также подчеркивает единство всех явлений и ту мысль, что за внешними различиями лежит единая субстанция или сущность, которую можно назвать «первичной материей» (иногда отождествляемой с философским камнем, хотя последним термином обозначали самые разные понятия). Но сочинения Трисмегиста также подхватывают мысль греческих гностиков II в., учивших, что необходимым условием познания служит воспарение духа, достигаемое молитвой и тайными ритуалами. Понимание вселенной и ее скрытой гармонии требует настойчивости и, как намекает «Изумрудная скрижаль», определенных действий, без которых не рассеется мрак и не будет дарована слава.

Герметическая теория стала основой алхимической практики, поскольку утверждала, что все вещества суть одно, а значит, первичную материю, из которой все сотворено, можно превратить в золото. Кроме того, под влиянием Трисмегиста мудрецы вычерчивали символы, или «монады», мистическим образом отражающие единство вселенной, и искали способы постичь земной мир посредством изучения звезд. Подобно Рудольфу II, правители по всей Европе собирали коллекции странных и удивительных вещей, выставляя их в случайном порядке в «кабинетах редкостей» (Wunderkammer, Kunstkammer). Разглядывая разнородные вещи, можно было узреть единство всего сущего, и поэтому сосновые шишки там часто размещали рядом с панголинами. Художники и музыканты стремились, чтобы их произведения выражали идеи Гермеса Трисмегиста или соответствовали им, а врачи повсюду искали универсальную «квинтэссенцию», способную излечивать любой недуг. Словом, все отрасли знания начали сходиться к «Изумрудной скрижалей» и «Герметическому корпусу»¹⁷⁰.

То же можно было сказать и о религиозной политике. Доктринальные расхождения шли вразрез с учением Трисмегиста о гармоничном устройстве вселенной, где все находится в порядке и согласии. С этой точки зрения споры богословов выглядели поверхностными, не

¹⁷⁰ О первичной материи и принципах алхимии см. Martyn Rady, 'A Transylvanian Alchemist in Seventeenth-Century London', SEER, 72 (1994), 240–51.

затрагивающими более фундаментальную, предвечную истину, общую для всех. Таким образом, герметическая концепция подкрепляла убежденность гуманистов в том, что христиане должны оставить споры и найти компромисс между конкурирующими конфессиями. Именно к таким философским воззрениям явно пришел император Максимилиан II по прочтении трудов Аконцио: когда его спрашивали, католик он или протестант, он отвечал, что он христианин. Для Максимилиана различия между двумя конфессиями были не так важны, как истина, заложенная в христианских идеях¹⁷¹.

Религиозные воззрения императоров Максимилиана II и Рудольфа II неизменно оставались весьма расплывчатыми. Многие не сомневались, что за уклончивостью Максимилиана в вопросах религии скрывается тайная приверженность протестантизму. Филипп II Испанский использовал придворного Адама фон Дитрихштейна для слежки за тем, соблюдает ли Максимилиан религиозные обряды, но был разочарован тем, что выяснилось. В 1571 г. Дитрихштейн сообщал, что даже после сердечного приступа император не принял Святые Дары, более того, нанял служить у себя при дворе женатого лютеранского пастора. Максимилиан отказался от исповеди с причастием и на смертном одре¹⁷².

Религиозные убеждения Рудольфа были не менее загадочными. Хотя с ним случались приступы католического рвения, иногда он тоже подолгу не ходил к мессе. Однако протестантизм ему никто не приписывал. Вместо этого многие воображали кое-что похуже. Его племянники сообщали в 1606 г.: «Их Величество дошли до полного отрицания Бога; они не желают ни слышать, ни говорить о Нем и не терпят никаких знаков Его существования... Они постоянно стремятся вовсе избавиться от Бога, чтобы служить в будущем другому господину». Рудольф также умер, не исповедавшись¹⁷³.

Юношеские годы Рудольф провел в Испании, поскольку после смерти дона Карлоса, сына Филиппа II, он какое-то время считался вероятным наследником испанского престола. Вернувшись в Вену в 1571 г., Рудольф предпочитал говорить по-испански и одеваться по моде испанского двора. Он носил большой белый гофрированный воротник, а дублет и штаны – угольно-черные, крашенные мексиканской краской под названием «вороново крыло» и усыпанные золотом. Характер Рудольфа тоже поменялся. Подражая испанскому этикету, он стал суровым и чопорным. Посланник английской королевы Елизаветы сэр Филип Сидни, встречавшийся с Рудольфом в 1577 г., сообщал, что тот «немногословен, мрачного нрава, крайне скрытный и упрямый; в нем ничего общего с подкупающей манерой отца... он полностью обыспанился»¹⁷⁴.

Однако по-настоящему беспокоило окружающих угнетенное душевное состояние Рудольфа. Он подолгу устранился от дворцовых церемоний и государственных дел, скрываясь в Пражском Граде, куда он в начале 1580-х гг. перенес из Вены основную императорскую резиденцию. Больше двух лет он не давал аудиенции даже испанскому послу. Как замечал один современник, «его разум страдает от недуга меланхолии, так что он полюбил одиночество и запер себя во дворце, словно в темнице». Этот комментарий сделан ближе к концу правления Рудольфа, когда императора уже подозревали в безумии и даже в одержимости дьяволом¹⁷⁵.

Пожалуй, Рудольфа можно называть безумцем, только если обходиться без точного диагноза. Рудольф не был женат, но у него была постоянная любовница и ежемесячно менявшиеся наложницы. Эти женщины родили ему по меньшей мере шестерых детей. Старший из них, дон Хулио, плод мимолетной связи с неизвестной баронессой, был явно помешанным. Всю

¹⁷¹ Viktor Bibl, Maximilian II. Der rätselhafte Kaiser (Vienna and Leipzig, 1929), 98.

¹⁷² Friedrich Edelmayer, 'Honor y Dinero. Adam de Dietrichstein al servicio de la Casa de Austria', *Studia Historica. Studia Moderna*, 11 (1993), 89–116 (101–2).

¹⁷³ R. J. W. Evans, *Rudolf II and His World: A Study in Intellectual History 1576–1612* (Oxford, 1973), 84, 196.

¹⁷⁴ M. W. Wallace, *The Life of Sir Philip Sidney* (Cambridge, 1915), 17.

¹⁷⁵ «Его разум страдает от недуга...» – см. Evans, *Rudolf II*, 45.

жизнь он отличался жестокостью, а кончил тем, что убил свою любовницу, расчленил ее тело и прибил части ко дну деревянного ящика, после чего совершил самоубийство. Впрочем, делать выводы о душевной болезни отца на основании поступков сына было бы медицинской ошибкой, тем более что остальные пятеро детей Рудольфа были совершенно заурядными людьми и никто из них не отличался ни жестокостью, ни чем-либо еще¹⁷⁶.

Строго говоря, нельзя исключать, что депрессивные настроения Рудольфа были позой. Депрессия во многих отношениях – изобретение самого конца XV в., поскольку до тех пор полагали, что такой недуг встречается в основном в монашеских общинах. Меланхолия, как ее тогда называли, считалась предосудительной, поскольку прямо вела к грехам праздности и уныния. Однако парадоксальным образом начиная где-то с 1500 г. депрессия наряду с этим становится признаком не просто высокого интеллекта, но и, следуя классической традиции, даже гениальности. Считалось, что больше всех меланхолии подвержены философы, поскольку это состояние воспринималось как ступень в восхождении к знанию. Именно поэтому андрогинный ангел на гравюре Альбрехта Дюрера «Меланхолия» погружен в мрачные размышления, созерцая формы геометрического и математического знания – каменный многогранник, сферу и квадрат с числами, сумма которых составляет 34 в 1232 различных комбинациях. Вдали над внутренним морем разворачиваются некие небесные явления, а у ног ангела разложены брошенные орудия людских ремесел. Летучая мышь служит более прозаическим напоминанием об опасностях долгих ночных бдений¹⁷⁷.

Впрочем, этот ангел не только геометр, но и алхимик. Позади него пламя лижет тигель, а семиступенчатая лестница символизирует семь первичных и вторичных элементов. Ключи и кошель, висящие у него на поясе, намекают на баснословные богатства и могущество алхимиков. Изможденная собака символизирует Сатурна, который здесь играет роль вестника меланхолии и сторожа священных текстов, а сосредоточенно пишущий херувим, видимо, показывает, что меланхолия не всегда ведет к праздности. Многогранник тоже не просто геометрическая фигура: он обозначает первоматерию – универсальное вещество, из которого алхимик стремился получить золото. Его неправильная форма говорит, что ему лишь предстоит пройти ряд превращений и обрести совершенство¹⁷⁸.

Связь алхимии с меланхолией видел не только Дюрер – это было общим местом. Считалось, что алхимику, как и философу, необходимо познать депрессию и отчаяние, чтобы начать восхождение к вершинам духа. Бытовало также убеждение, что путь алхимика похож на его ремесло. Подобно веществам, с которыми он работает, алхимик должен избавиться от всякой нечистоты и преобразиться духовно, поскольку, как писал некий современник, «золота не получить без меланхолии и созерцания Сатурна». Лишь после пережигания меланхолии, понимаемой в то время как нечто сухое и бесплодное, алхимик мог «с помощью материального жара либо движением своего распаленного разума раскалиться докрасна, обжигая и сияя», обретая тем самым способность превращать вещества¹⁷⁹.

Мы не знаем, действительно ли Рудольф страдал депрессией или симулировал ее – просто затем, чтобы, как подозревал один из придворных, уклоняться от сложных политических решений. Несомненно одно: при Рудольфе Прага стала главным центром алхимии и герметической магии во всей Европе, пристанищем доброй пары сотен алхимиков. Их собралось так

¹⁷⁶ Christian Sapper, 'Kinder des Geblüts – Die Bastarde Kaiser Rudolfs II.', *MIÖG*, 47 (1999), 1–116 (4–6, 10–19).

¹⁷⁷ Raymond Klibansky, Erwin Panofsky, and Fritz Saxl, *Saturn and Melancholy: Studies in the Natural Philosophy, Nature and Art* (London, 1964), 284–365. О депрессии см. Robert W. Daly, 'Before Depression: the Medieval Vice of Acedia', *Psychiatry*, 70 (2007), 30–51 (38); Winfried Schleiner, *Melancholy, Genius, and Utopia in the Renaissance* (Wiesbaden, 1991), 233; Aristotle, *Problemata*, ed. E. Forster (Oxford, 1927), Book 30, at 953a.

¹⁷⁸ Johannes Fabricius, *Alchemy: The Medieval Alchemists and Their Royal Art* (Copenhagen, 1976), 148; Leah DeVun, *Prophecy, Alchemy and the End of Time: John of Rupescissa in the Late Middle Ages* (New York, 2009), 112.

¹⁷⁹ Noel L. Brann, 'Alchemy and Melancholy in Medieval and Renaissance thought', *Ambix*, 32 (1985), 127–48 (128, 138).

много, что им стало тесно в стенах дворца и они начали занимать сады, устанавливая свои горны среди цветников. Рудольф и сам занимался алхимией, опалив себе бороду во время одного неудачного опыта. Однако никакой черной мантии с пентаграммой он не носил – этот образ возник лишь в недавно сфабрикованном источнике (так называемом дневнике Дамиано)¹⁸⁰.

Алхимики и маги, кишевшие при дворе Рудольфа, были весьма разношерстной группой. Одну крайность там представляли ищущие покровительства шарлатаны. Тут можно отметить вечно пьяного медиума Эдварда Келли, который прибыл в Прагу уже с подрезанными в наказание за подделку монеты ушами. На другом конце спектра были настоящие знатоки, чей строгий подход к наблюдениям и проведению опытов закладывал основы современной науки. Среди них были Тихо Браге, оборудовавший за время своего краткого пребывания в Праге (1599–1601) обсерваторию для наблюдения за движением звезд, и Иоганн Кеплер, придворный астроном Рудольфа с 1600 по 1612 г. Наблюдения Кеплера позволили сделать первые выводы о движении планет в поле притяжения Солнца, и он же – при помощи своего усовершенствованного телескопа – обнаружил, что у Юпитера есть собственные спутники.

Другие просто добавляли к перечню загадок герметической магии собственные мистические знания. Английский маг Джон Ди, ранее посвятивший Максимилиану II свой трактат о небесном символе «иероглифической монады», в 1580-х гг. искал благосклонности и у Рудольфа, но тот прямо признавался, что не понимает, чем занимается Ди. Тогда тот попытался заинтересовать императора призыванием ангелов, которых он ловил в зеркало или в хрустальный шар, заставляя предсказывать будущее. Для общения с ангелами он даже создал особый язык, который назвал енохианским. Но видеть и слышать этих ангелов мог только Эдвард Келли, что вызывало сомнения в добросовестности самого Джона Ди. Ангелы доставили магу немало неприятностей: сначала потребовали, чтобы он уступил Келли свою жену – что тот исполнил, а потом предрекли скорое падение католического священства. Об этом друзья непредусмотрительно сообщили папскому посланнику, так что в 1586 г. Ди пришлось бежать из Праги из-за обвинений в некромантии. Келли остался и в итоге умер в тюрьме¹⁸¹.

Младшие братья Рудольфа жаловались, что император окружил себя «магами, алхимиками, каббалистами и прочими субъектами того же сорта». Однако в числе тех, кто когда-либо имел отношение к его двору, было немало выдающихся умов своего времени: энциклопедист Джордано Бруно; еврейский мистик и каббалист раввин Йехуда Лёв бен Бецалель, которому позже (безосновательно) приписывали создание Голема, человекоподобного монстра из глины; польский знаток металлов Сендивогиус (Михал Сендзивой) и т. д. Вдобавок Рудольф собирал вещи, которые размещал в галереях, устроенных в одном из крыльев Пражского Града. Там были выставлены работы некоторых величайших художников XVI в., в том числе Дюрера, Брейгеля, Рафаэля, Тициана и Корреджо, скульптуры и бюсты, заводные автоматы, приводимые в движение недавно изобретенной пружиной из каленой стали, и вечные двигатели, работавшие за счет изменения атмосферного давления. Рядом стояли диковины, привезенные из заморских экспедиций: необычные минералы, окаменелости и сделанные с натуры зарисовки природы¹⁸².

¹⁸⁰ О депрессии Рудольфа см. Harald Tersch, 'Melancholie in österreichischen Selbstzeugnissen des Späthumanismus', *MIÖG*, 105 (1997), 130–55 (142). О его алхимиках см. Gertrude von Schwarzenfeld, *Rudolf II. Ein deutscher Kaiser am Vorabend des Dreissigjährigen Krieges*, 2nd ed. (Munich, 1979), 70. О личном участии Рудольфа в научных опытах см. Daniel Jütte, *Das Zeitalter des Geheimnisses. Juden, Christen und die Ökonomie des Geheimen* (Göttingen, 2011), 268. О дневнике Дамиано см. Hans Holzer, *The Alchemist: The Secret Magical Life of Rudolf von Habsburg* (New York, 1974).

¹⁸¹ *The Diaries of John Dee*, ed. Edward Fenton (Charlbury, 1998), 142; C. H. Josten, 'An Unknown Chapter in the Life of John Dee', *JWCI*, 28 (1965), 223–57 (228); Glynn Parry, *The Arch Conjuror of England* (New Haven, CT, 2011), 179–93.

¹⁸² «Магами, алхимиками, каббалистами...» – см. Evans, *Rudolf II*, 196. О раввине Йехуде Лёве см. Edan Dekel and David Gantt, 'How the Golem Came to Prague', *Jewish Quarterly Review*, 103 (2013), 241–58.

Кабинет редкостей Рудольфа призван был производить впечатление, и именно там он принимал иностранных послов. Но, кроме того, кабинет служил миниатюрной моделью вселенной, объединяя природу и искусство, как это было принято тогда называть, в «театре мира». Сами экспонаты зачастую соответствовали идеям Трисмегиста и алхимическим представлениям. Портреты Арчимбольдо, на которых лица составлены из плодов земли, вопреки мнению некоторых современников, задумывались вовсе не как шутка. Художник, работавший и для Максимилиана, и для Рудольфа, стремился показать, как природное разнообразие макрокосма может быть воплощено в микрокосме человека. Высшей чести удостоился тут сам Рудольф: портрет из фруктов и овощей изображает его в виде Вертумна, бога времен года и изобилия, брата Гермеса¹⁸³.

Более поздний каталог делит коллекцию Рудольфа на «природные» и «рукотворные» объекты, но сам император предпочитал предметы, которые, не укладываясь в рамки категорий, обнажали принципы единства и гармонии, управляющие механикой вселенной. Заводные автоматы, включая миниатюрную фигурку самого императора на борту корабля (находится в Британском музее), размывали грань между категориями, так же как и кубок из рога носорога и клыков бородавочника. Для произведений искусства, созданных по заказу Рудольфа, также характерна высшая мера внутренней противоречивости. На картинах Бартоломеуса Спрангера, придворного художника Рудольфа, сладострастные старики заигрывают с юными девицами, в то время как женщины часто имеют крепкое мужское сложение или даже переодеты мужчинами.

Историки – и не только они – видели в такой нездоровой образности симптомы психического расстройства Рудольфа или признак его гомосексуальных наклонностей (чему нет никаких доказательств). Но эротическая символика пронизывает всю алхимию: горн – это женское лоно, благородный металл «оплодотворяет» материю, а женские и мужские элементы вступают в «химический брак». В этих теориях мужчина соответствовал стабильным веществам, а женщина – летучим. Для более полной иллюстрации их гармоничного союза подчеркивалась кажущаяся дисгармония их возраста: мужчину часто изображали пожилые Нептун и Вулкан, а женщину – Венера или изящная богиня земли Майя. Плодом их союза становилось самое совершенное существо – гермафродит, дитя Гермеса и Афродиты, соединяющий в себе оба пола. Крепкие бедра у женщин Спрангера и ангел с дюреровской гравюры «Меланхолия» передают не только совершенство гермафродита, но и прозаичное химическое соединение ртути и серы.

В последние годы жизни Рудольф, подобно Просперо из шекспировской «Бури», настолько «предался страстно наукам тайным»¹⁸⁴, что почти не покидал Пражский Град. Но даже таким отшельником Рудольф в каком-то смысле оставался самым универсальным из габсбургских монархов, ведь он стремился, ни много ни мало, полностью познать вселенную. В своем кабинете редкостей, в герметической магии и в символах алхимии Рудольф искал обещанную философам «тройную корону просвещения», а именно «Всеведение, Всемогущество и Радость вечной любви».

Рудольф не стяжал «вселенской славы», которую обещала «Изумрудная скрижаль». Разделив участь Просперо, он, напротив, столкнулся с возможностью политического краха и потери всех своих владений. Алхимия и оккультизм оказались непрочным фундаментом для концепции Габсбургской монархии. Европу охватывали события, которым предстояло изменить все, а войну между католицизмом и протестантством уже почти невозможно было откладывать. Имелось два пути: центральноевропейский, путь мирного сосуществования и религи-

¹⁸³ Thomas DaCosta Kaufmann, 'Remarks on the Collections of Rudolf II: the Kunstkammer as a Form of Representatio', *Art Journal*, 38 (1978), 22–8.

¹⁸⁴ Парафраз перевода Т. Л. Щепкиной-Куперник.

озного компромисса, и испанский, отвергавший всякую терпимость. Не в силах выбрать между этими двумя крайностями, Рудольф выстроил политику такую же бесплодную, как гермафродит из его алхимических фантазий.

11 ТОРЖЕСТВО ЕРЕТИКОВ

К последним десятилетиям XVI в. протестантизм, казалось, захватил большую часть Европы. В Англии и Шотландии католическое богослужение было запрещено, а провинциями Нидерландов правили протестанты. Скандинавские королевства и балтийская Ливония приняли лютеранство, и даже арктические саамы (или лопари) постепенно переходили от шаманизма и культа медведя к протестантизму. В Польше и Франции многочисленные протестантские меньшинства бросали вызов гегемонии католиков. В Польше религиозное противостояние разрешилось введением свободы вероисповедания, но во Франции примирение сторон оказалось иллюзорным, и в 1560-х гг. началась долгая война. Однако первым в континентальной Европе монархом, официально принявшим протестантизм, стал князь молдавский Яков Гераклид (1561–1563) – грек по происхождению, правивший Молдавией (которая находилась на территории современных Молдовы и Румынии) под титулом «деспот».

Ко второй половине столетия протестантизм достиг подобных успехов и в Священной Римской империи. Из крупных княжеств только Лотарингия и Бавария остались верны католичеству. Хотя в империи еще насчитывалось четыре десятка католических епископов и архиепископов, а также где-то 80 аббатов и приоров, им часто приходилось сталкиваться с враждебностью мирян, которые срывали службы и религиозные процессии, захватывали церковную утварь и имущество, отвращали монахов и монахинь от их поприща. Уже даже в 1550-х гг. посетивший Германию итальянский кардинал полагал, что католическая церковь в Священной Римской империи пала – лучше дать ей погибнуть окончательно, советовал он, и надеяться, что на развалинах взойдет что-то доброе. Епископ Хильдесхайма выразился более резко: «Моя церковь разрушена, а с ней и я»¹⁸⁵.

Австрия и соседние герцогства Габсбургов тоже были частью этих развалин католицизма. К середине XVI в. почти все горожане и большая часть знати (80–90 %) перешли там в протестантизм, так что теперь они ставили под свой контроль приходские церкви и устраивали собственные школы. В низших слоях общества тоже росло недовольство: крестьяне требовали, чтобы причастие проводилось «под обоими видами», а литургию служили на немецком языке. Там, где священники отказывались подчиниться, паства либо изгоняла их, либо расходилась по другим храмам. Говорящих на словенском языке крестьян Штирии и Каринтии новая «немецкая вера» в основном не затронула, но в отсутствие пастырского присмотра среди них начали возрождаться древние языческие культы. Жители многих деревень в лесных районах этих герцогств предавались иступленным корчам и диким пляскам под водительством «прыгунов и швырунов» (Springer, Werfer)¹⁸⁶.

Институты римской церкви приходили в упадок. Монастыри пустели даже в самых католических частях Тироля. В крупном цистерцианском аббатстве в Штамсе к 1574 г. оставалось лишь двое престарелых монахов. О состоянии дисциплины в прочих монастырях Тироля свидетельствует тот факт, что зонненбургские монахини ели и пили в местных тавернах, а вечера проводили в дворянских домах. И это при том, что клирики, посетившие Зонненбург с визитацией, отмечали, что «эта обитель не так плоха, как остальные». Содержанки, незаконнорожденные дети и просто прихлебатели, жившие при монастырях, опустошали монастырскую казну. Немногим лучше вели себя и священники. В 1571 г. во время папской инспекции кафедрального собора в Бриксене (ныне Бреессаноне в итальянском Тироле) из всего капитула

---

¹⁸⁵ Цит. по: Thomas Brady, *Luther zwischen den Kulturen*, ed. Hans Medick and Peer Schmidt (Göttingen, 2004), 96–7.

¹⁸⁶ Fritz Byloff, *Hexenglaube und Hexenverfolgung in den österreichischen Alpenländer* (Berlin and Leipzig, 1934), 15–6.

в наличии оказалось лишь пятеро каноников, и даже эти тут же отреклись от своих обетов, едва их призвали к послушанию¹⁸⁷.

Веротерпимость отчасти была философским выбором. Она оказалась созвучна герметизму и вере в то, что все явления мира суть выражения одной идеи. Она также хорошо сочеталась с гуманистическим поиском «срединного пути» между крайностями и – в заключительные десятилетия XVI в. – с нестоицизмом, набиравшим популярность интеллектуальным учением, призывавшим соблюдать умеренность и избегать крайних форм поведения. Но веротерпимость была и политическим выбором. Протестантизм настолько распространился, что вернуть католицизму прежние позиции можно было только жесткими мерами. Полезным предостережением тут оказался пример других стран, где политика приобрела догматический характер: резня в оккупированных испанцами Нидерландах в конце 1560-х гг.; Варфоломеевская ночь 1572 г. во Франции, когда были убиты десятки тысяч протестантов; Антверпен, razоренный в 1576 г. испанскими солдатами, а также многочисленные убийства монархов и других политических деятелей, полностью или частично мотивированные религиозным фанатизмом¹⁸⁸.

Мирное сосуществование, напротив, приносило очевидные выгоды. В обмен на религиозную свободу для дворян Верхней и Нижней Австрии Максимилиан II получил после 1568 г. согласие обоих ландтагов на расходование 2,5 млн дукатов. Брат Максимилиана эрцгерцог Карл распространил политику веротерпимости на герцогства «Внутренней Австрии» (Штирию, Каринтию и Крайну), что принесло в 1578 г. еще 1,7 млн дукатов и обещание их сословных съездов на постоянной основе финансировать укрепление обороноспособности Хорватии. Более того, не оглядываясь постоянно на Святой престол, Максимилиан II и Рудольф II получили неограниченный доступ к доходам монастырей через недавно учрежденный Монастырский совет (Klosterrat), хотя при его создании Максимилиан и провозгласил задачей совета борьбу со злоупотреблениями¹⁸⁹.

По условиям Аугсбургского мира 1555 г. вероисповедание каждого княжества определял его правитель. Таким образом, Габсбурги могли решать, какой будет вера их подданных в Австрии и соседних герцогствах. Максимилиан, однако, и сам толком не понимал, какой веры придерживается, не говоря уж о том, какую следует исповедовать его подданным. Рудольф II был в большей степени привержен католической вере, но, случалось, подолгу уклонялся от отправления религиозных обрядов. Случившееся неподалеку от венского собора Святого Стефана в 1578 г. нападение толпы на возглавляемый Рудольфом крестный ход (названное «Молочной войной», поскольку атакующие швыряли кувшины с молоком), похоже, повергло его в глубокое уныние и побудило окончательно перебраться в Прагу¹⁹⁰.

После самоустранения Рудольфа инициатива в религиозных вопросах перешла к его дядьям, Фердинанду Тирольскому (1529–1595) и Карлу Штирийскому (1540–1590). С первым из них шутить было явно опасно. Он мог легко – как дротик – метать тяжелую пехотную пику и, отринув условности, взял в жены не имевшую отношения к аристократии Филиппину Вельзер, с которой познакомился на маскараде, не зная, кто она такая. Дочь аугсбургского банкира, Филиппина должна была, кроме прочего, унаследовать Венесуэлу по долговой расписке императора Карла V, который занимал деньги у ее дяди. Лишь незадолго до свадьбы долг был списан, так что Тироль так и не стал колониальной державой. Фердинанд собрал великолепный кабинет редкостей, до сих пор хранящийся в замке Амбрас близ Инсбрука, а также построил

¹⁸⁷ Josef Hirn, *Erzherzog Ferdinand II.*, vol. 1 (Innsbruck, 1885), 90, 111–3.

¹⁸⁸ О нестоицизме см. A. A. Long, 'Stoicism and the Philosophical Tradition', in *The Cambridge Companion to the Stoics*, ed. Brad Inwood (Cambridge, 2006), 365–92 (379–82).

¹⁸⁹ Silvia Petrin, 'Der niederösterreichische Klosterrat 1568–1629', *Wissenschaftliche Arbeiten aus dem Burgenland*, 102 (1999), 145–56; *Forschungen zur Landeskunde von Niederösterreich*, 21 (1974), 125.

¹⁹⁰ Walter Sturminger, 'Der Milchkrieg zu Wien am Fronleichnamstag 1578', *MIÖG*, 58 (1950), 614–24.

под Прагой летний дворец Звезда (Hvězda), который спроектирован в соответствии с алхимическими принципами и имеет в плане форму гексаграммы.

Брат Фердинанда Карл отличался редкой скупостью: в его дворце в Граце едва насчитывалось 30 слуг и приближенных. У него были веские причины для бережливости, ведь на Штирию ложились расходы по содержанию хорватского оборонительного рубежа против турок. Тем не менее в Липице неподалеку от Триеста (ныне это Словения) Карл основал конный завод, где скрещивал андалусских скакунов и вывел знаменитую белую липицианскую породу. Липицианцев обучали «испанскому шагу», при котором лошадь высоко поднимает колени передних ног, и показывали на временном манеже, сооруженном Максимилианом II рядом с дворцом Хофбург в Вене. В 1730-х гг. на месте этого деревянного манежа возвели современную Испанскую (или Зимнюю) школу верховой езды¹⁹¹.

При всех своих увлечениях братья были непреклонными и ревностными католиками. В 1579 г. Карл и Фердинанд встретились в Мюнхене с герцогом Баварии Вильгельмом и сообща разработали проект возвращения Тироля и герцогств Внутренней Австрии в лоно католичества. Протокол этого совещания сохранился, и сегодня от виртуозного коварства их плана кровь стынет в жилах. Привилегии, дарованные дворянству в отношении свободы вероисповедания, «должны быть отменены при первой же возможности», но все трое согласились, что делать это лучше постепенно, шаг за шагом. Например, города формально никаких привилегий не получали, поэтому по отношению к ним в вопросах вероисповедания можно было применять принуждение – такая стратегия должна была вызвать раскол между горожанами и их единоверцами из дворян. При этом на прямой вопрос эрцгерцоги всегда имели возможность ответить, что чтут условия Аугсбургского религиозного мира. Кроме того, они решили целенаправленно смешивать благонадежность в вопросах веры с лояльностью самим себе как государям и в дальнейшем назначать на высокие посты только дворян-католиков¹⁹².

План 1579 г. представляет собой одно из самых решительных проявлений значительно более масштабного процесса так называемой конфессионализации – политики, не просто требующей единообразия веры и обрядовости, но и приравнивающей его к лояльности монарху и должному подчинению государственным институтам. Как объяснял в ландтаге Крайны эрцгерцог Карл, неуважение таинств и участие в богохульных действиях ведут к беспорядку и тем самым подрывают авторитет правителя. Поэтому, отмечал он, соблюдение католических обрядов «есть теперь вопрос не только веры, но верховенства суверена и должного повиновения подданных». Еще резче высказывался будущий епископ Вены Мельхиор Клесль: «Отошедшие от истинной веры по природе своей неблагонадежны». Где-то в это же время в политическом лексиконе католиков появилось слово «еретьян» (Retzer) – сложение слов «еретик» и «смутьян»¹⁹³.

Следующие несколько лет мюнхенская программа 1579 г. выполнялась в полную силу. Из городов Тироля и Внутренней Австрии изгоняли протестантских проповедников, а членов городских советов принуждали подписывать клятву верности католической церкви. В 1585 г. Фердинанд Тирольский приказал провести ревизию всех религиозных книг в провинции, начиная со сборников гимнов и заканчивая школьными учебниками, и подтвердил, что на благосклонность правителя могут рассчитывать только те, кто верен католическим догматам. В Штирии тем временем горожане подвергались экзаменовке по вопросам религии. Кто не справ-

¹⁹¹ Mathilde Windisch-Graetz, *The Spanish Riding School* (London, 1956), 7–21.

¹⁹² *Acten und Correspondenzen zur Geschichte der Gegenreformation in Innerösterreich*, vol. 1, ed. J. Loserth (Vienna, 1898), 31–41.

¹⁹³ «Вопрос не только веры, но верховенства суверена...» – см. August Dimitz, *Geschichte Krains*, vol. 3 (Ljubljana, 1875), 13. «Отошедшие от истинной веры по природе неблагонадежны...» – см. Joseph von Hammer-Purgstall, *Leben des Kardinals Khlesl*, vol. 1 (Vienna, 1847), 304. О «еретьяне» см. Gustav Reingrabner, 'Zur Entwicklung der niederösterreichischen Luthertums im 17. Jahrhundert', JGPÖ, 119 (2003), 9–92 (15).

лялся, лишался статуса полноправного бюргера, а зачастую и права на проживание в городе. Как и предполагалось в программе 1579 г., знать роптала, но не никак не помогала единоверцам¹⁹⁴.

Соппротивление в основном оказывали низы общества. В 1590 г. в Граце протестанты взбунтовались и грозили устроить «кровавую парижскую свадьбу», намекая на случившуюся почти 20 лет назад Варфоломеевскую ночь. Мятежников рассеяла гроза. В сельской местности протестанты покидали свои дома и уходили на поиски более приветливых мест, что обернулось закрытием шахт в Штирии и Тироле. Оставшиеся устраивали богослужения в лесах и полях. Сохранившиеся до сих пор топографические названия свидетельствуют, что люди оставались верны протестантскому учению: «Лесная церковь», «Часовенный луг», «Скала проповедника» (Waldkirche, Tempelwiese, Predigerstein)¹⁹⁵.

Власти Верхней и Нижней Австрии, несмотря на сопротивление, тоже следовали мюнхенскому плану. Первоначальной мишенью и здесь стали города, так что на протяжении 1580-х гг. в Нижней Австрии старательно зачистили от ереси Вену, Кремс-ан-дер-Донау и Штейн. Смирить Верхнюю Австрию оказалось труднее, в частности, потому, что дерзкий аристократ-кальвинист Георг Чернембл заставил действовать тамошний ландтаг. Однако крестьянское восстание 1596 г. стало удобным поводом пойти на жесткие меры. Под руководством епископа Винер-Нойштадта и будущего епископа Вены Мельхиора Клесля развернулась широкая кампания по обращению протестантов. Хотя все свидетельствовало, что причиной восстания были экономические трудности, Клесль настаивал, что в нем виноваты невежество и ереси, в противостоянии которым местная знать потерпела неудачу. Обновленный Монастырский совет должен был навести порядок среди духовенства, а простой народ следовало приводить к истинной вере силой. То, к чему призывал Клесль, было настоящим террором: в провинцию предлагалось ввести войска, составленные исключительно из ветеранов католических полков, воевавших на стороне испанцев в Нидерландах, «ибо они храбры и имеют опыт в грабеже, мародерстве и ратном деле»¹⁹⁶.

Насколько успешной оказалась линия Клесля, можно судить по все более распространявшимся с того времени военизированным «реформационным комиссиям», которые принуждали крестьян к повиновению, иногда просто бросая людей в реки в качестве ускоренного обряда крещения. Другой показатель — множившиеся повсюду купола-луковицы, которыми венчали храмы в знак их возвращения католической церкви. Но куда важнее была терпеливая работа католического духовенства: основание школ и университетов, особенно иезуитского университета в Граце, мягкая проповедь ордена капуцинов и новые религиозные практики — участие в различных процессиях, местные паломничества и коллективное исполнение религиозных обрядов. Конфессионализация была не только общественным и культурным явлением, но и административной работой по созданию дисциплинированных общин подданных.

В 1593 г. Османская империя развязала в Венгрии войну, которая продолжалась 13 лет и состояла в основном из осад, марш-бросков и грабительских набегов. Ее единственное крупное сражение — битва при Мезёкерестеше (1596), в которой армия Габсбургов потерпела сокрушительное поражение. Во время этой войны Рудольф ненадолго примирился с католическим Богом и потому решил порадеть об истинной вере, вернув в ее лоно Венгрию. Подспорьем ему служили и так называемая испанская фракция в Праге, призывавшая проявлять меньше осторожности в вопросах религии, и смута в Трансильвании, воспользовавшись которой он оккупировал княжество в 1601 г. После этого Рудольф повел свою армию на главные оплоты про-

¹⁹⁴ Hirn, Erzherzog Ferdinand II, vol. 1, 167–9.

¹⁹⁵ Reiner Sörries, Von Kaisers Gnaden. Protestantische Kirchenbauten im Habsburger Reich (Cologne, Weimar, and Vienna, 2008), 23. О Граце в 1590 г. см. Regina Pörtner, The CounterReformation in Central Europe: Styria 1580–1630 (Oxford, 2001), 95.

¹⁹⁶ Hammer-Purgstall, Leben des Kardinals Khlesl, vol. 1, 321.

тестантов на севере Венгрии. Когда в 1604 г. венгерское государственное собрание выразило возмущение происходящим, Рудольф велел своему секретарю подготовить документ в форме решения самого собрания о запрете всех разновидностей протестантского вероисповедания¹⁹⁷.

В довершение всего Рудольф принялся преследовать венгерских дворян, огульно обвиняя их в измене. В венгерском законе определение государственной измены было размытым, и потому эмиссары Рудольфа вменяли ее под самыми разными предлогами, от выражения сомнений в праве короля на престол до разбоя и инцеста. Осуждение за измену неизбежно влекло за собой конфискацию имущества, которое, как с возмущением заявляли лидеры венгерской знати, Рудольф будто «Вавилонский царь, или Навуходоносор» полностью потратил на свою новую корону (в 1804 г. она станет короной Австрийской империи). Магнатская верхушка королевства была настолько напугана конфискациями имущества, что покрывала преступления Эржебет Батори, печально прославившейся убийствами юных служанок, из страха, что Рудольф захватит и ее земли¹⁹⁸.

Результат всего этого был предсказуем: протестанты взбунтовались и в Венгрии, и в Трансильвании. Восставшие под предводительством крупного землевладельца Иштвана Бочкаи, бывшего католика, весьма кстати перешедшего в кальвинизм, опирались на помощь турок и распаленный апокалиптическими толкованиями Священного Писания энтузиазм гайдуков, выпасавших крупный рогатый скот на венгерских равнинах. В 1605 г. государственные собрания Трансильвании и Венгрии избрали Бочкай своим государем вместо Рудольфа. К этому моменту власть Габсбургов как в Венгрии, так и в Трансильвании практически пала – в их руках оставалось лишь несколько комитатов (графств) на самом западе Венгрии. В ознаменование победы Бочкай султан послал ему одну из ненужных корон, хранившихся в его сокровищнице. Бочкай, как его ни уговаривали, не принял королевского титула, но отсылать назад корону тоже не стал¹⁹⁹.

Неспособность Рудольфа контролировать ситуацию вызвала его разлад с семьей. Весной 1605 г. его брат Матиас и трое племянников потребовали от императора передать им управление венгерскими делами, на что он неохотно согласился, назначив Матиаса своим наместником в Венгрии. Напутствуемый епископом Клеслем, который считал, что в делах веры Матиасу придется «делать хорошую мину при плохой игре», эрцгерцог в 1606 г. заключил с венграми Венское мирное соглашение, предоставив им полную свободу вероисповедания. По настоянию Бочкай условия мира гарантировали сословные съезды Чехии, Моравии, Штирии, а также Верхней и Нижней Австрии, так что эти страны могли законно взяться за оружие, если соглашение будет нарушено. Одновременно Матиас заключил с турками Житваторокский мир, по которому несколько важнейших венгерских крепостей так и остались в руках османов²⁰⁰.

В пьесе Франца Грильпарцера «Раздор в доме Габсбургов» (*Ein Bruderzwist in Habsburg*), впервые поставленной в 1848 г., Матиас изображен бездельником и негодяем, только и мечтающим, как бы отнять у доброго, но рассеянного брата корону. Не вызывает сомнения, что испанские Габсбурги не могли простить Матиасу его простодушного вмешательства в события в Нидерландах, где он, стремясь достичь примирения, в конце 1570-х гг. стал орудием мятежников. Но в действительности Матиас был тактичным, открытым и дружелюбным (английский

¹⁹⁷ Кроме запретов, касавшихся протестантских вероисповеданий, этот документ отнимал у сословий право обсуждать на своих съездах вопросы веры, что вызвало их особое возмущение и привело к серьезному конфликту с властью (*Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár 1526–1608. évi törvénycikkék. Kiad. D. Markus. Budapest, 1899. P. 954*). – *Прим. науч. ред.*

¹⁹⁸ О обвинениях в измене см. István Nagy, *A magyar kamara és a királyi pénzügyigazgatás fejlődése Mohács után 1528–1686* (Budapest, 2015), 28. О короне Рудольфа см. *Monumenta Comititalia regni Hungariae*, ed. Árpád Károlyi, vol. 11 (Budapest, 1899), 172–3.

¹⁹⁹ Martyn Rady, 'Bocskai, Rebellion and Resistance in Early Modern Hungary', in *Resistance, Rebellion and Revolution in Hungary and Central Europe*, ed. László Péter and Rady (London, 2008), 57–66.

²⁰⁰ О «делать хорошую мину при плохой игре» см. Rudolf J. Schleich, *Melchior Khlesl and the Habsburg Bruderzwist, 1605–1612*, PhD thesis (Fordham University, 1968), 232.

посланник сэра Филип Сидни считал его самым приятным из пяти сыновей Максимилиана), и только непредсказуемость брата вынудила его взять на себя роль узурпатора. Рудольф отказался подписывать Житваторокский мир, и турки угрожали снова начать войну. Матиас умолял Рудольфа подтвердить условия соглашения, но в ответ услышал только, что императора «не следует беспокоить». Кроме того, Рудольф отказался созывать венгерское государственное собрание, хотя это было одним из условий Венского мира²⁰¹.

Венгрия вновь оказалась на грани восстания. Соответственно, у Матиаса не было иного выхода, кроме как самому созвать венгерское государственное собрание и через его депутатов сообщить султану, что никто не собирается нарушать мирный договор. Прежде племянники держали сторону Матиаса в его споре с братом, но теперь они предпочли остаться в стороне, и положение Матиаса зависело от съездов Австрии, Чехии и Моравии, гарантировавших Венский договор. Они составили документ, поддерживавший Матиаса в его стремлении установить мир в Венгрии, но добавили в него пункты о взаимной защите. Таким образом, Матиас, в сущности, взял на себя обязательства перед сословными съездами, а они в целом проводили протестантскую политику, направленную на то, чтобы отыграть назад все недавние завоевания католиков.

Расплата пришла быстро. Последние 10 лет Верхняя и Нижняя Австрия страдали под гнетом режима, активно принуждавшего население обращаться в католичество. Теперь ландтаги обоих герцогств сообщали настаивали на полной религиозной свободе, причем верхнеавстрийский ландтаг в Линце объявил, что «сословия знатных людей, рыцарей и горожан единодушно решили восстановить религиозные обычаи в городах и селах с церквями и школами, и все сословия будут помогать в этом друг другу». Вынуждая Матиаса к действиям, сословные съезды угрожали отказаться от своей присяги ему и этим окончательно его сломили. «Боже, что мне делать? – восклицал он. – Если я не уступлю, потеряю и владения, и подданных, если же соглашусь, буду вечно проклят». В итоге он решил пожертвовать своей душой, и в 1609 г. наконец согласился дать Верхней и Нижней Австрии свободу вероисповедания. Между тем условия передачи Матиасу венгерской короны, которую он наконец получил в 1608 г., предполагали не только подтверждение Венского мира, но и изгнание из Венгрии иезуитов, а также закрытие иезуитских школ²⁰².

Нельзя сказать, что во всем этом не было вины Рудольфа. Стремясь перехитрить Матиаса, он начал отдельные переговоры не только с лидерами протестантов Верхней и Нижней Австрии, но и с кальвинистскими князьями Священной Римской империи, тем самым вселив в сторонников религиозной свободы еще большую уверенность. К тому же вмешательство Рудольфа в венгерские дела перед самой коронацией Матиаса заставило того уступить в вопросах веры больше, чем он собирался. Теперь в тщетной попытке удержать Чехию Рудольф и там попытался привлечь на свою сторону протестантов. В 1609 г. он окончательно принял их условия, издав так называемую Грамоту величества (*Majestätsbrief*).

Этот документ опирался на акт о вероисповедании, составленный лютеранами и утравкистами Чехии в 1575 г. с целью сформулировать их общую теологическую позицию для последующего одобрения императором Максимилианом II. Максимилиан, однако, лишь устно заверил, что принадлежащим к «чешскому исповеданию» не будут чиниться препятствия в их вере. Теперь же Грамота величества гарантировала всем, чья вера подходила под описание документа 1575 г., законное право исповедовать ее свободно, «без всякого дозволения или запрета со стороны лиц духовных или светских». Более того, исполнение этого закона контролировали 24 дефенсора («защитника»), назначаемые сеймом. Дефенсоры, обладавшие не

²⁰¹ The Correspondence of Sir Philip Sidney and Hubert Languet, ed. S. A. Pears (London, 1845), 116; Schleich, Melchior Khlesl, 271.

²⁰² О «сословиях знатных людей, рыцарей и горожан» см. Hammer-Purgstall, *Leben des Kardinals Khlesl*, vol. 2 (Vienna, 1847), 121. «Боже, что мне делать?» – см. Schleich, Melchior Khlesl, 426–7.

очень точно очерченными, а значит расширяемыми полномочиями, фактически представляли собой теневое правительство.

Впоследствии положения Грамоты величества распространили и на другие земли чешской короны – Моравию, Силезию и Лужицы, но это не помогло Рудольфу сохранить престол. Когда Рудольф попытался отозвать дарованные Чехии вольности и пригрозил ввести в страну войска, собранные на границе епископом Пассау, сейм обратился за помощью к Матиасу. Тот вступил в Прагу с армией и вынудил Рудольфа отречься от чешского престола. В марте 1611 г. Матиаса в полном соответствии с законом избрали на освободившееся место и короновали. Позже к Матиасу в Прагу переехала молодая жена, его кузина Анна Тирольская, добродушная женщина необъятной комплекции (*monstreux de voir*), чье мастерство в игре на клавикорде можно было сравнить лишь с ее страстью к покаянному самобичеванию. Именно Анна не отходила от смертного одра Рудольфа, когда в начале 1612 г. пожилого императора сразил в Праге сердечный приступ. Как и предсказывали астрологи, кончина Рудольфа совпала со смертью его любимого льва в зверинце Пражского Града²⁰³.

Императорский титул Рудольфа унаследовал Матиас, которого избрали королем римлян и короновали во Франкфурте в июне 1612 г. Однако ценой его личного успеха стало торжество еретиков. Протестантизм не просто широко распространился в землях Габсбургов, но и был теперь официально признан законом повсюду, кроме Тироля и герцогств Внутренней Австрии (Штирии, Каринтии и Крайны). От Линца в Верхней Австрии до Вроцлава в Силезии открыто исповедовалось лютеранство; в Венгрии почти не встречали препятствий кальвинистские проповедники; в Трансильвании, которую Рудольфу и Матиасу так и не удалось вернуть, как и прежде, процветали лютеранство, кальвинизм и унитаризм. Но эта победа была только кажущейся, поскольку на подмостки готовился выйти Габсбург, которому предстояло изменить историю и поставить протестантов Центральной Европы на колени: двоюродный брат Рудольфа и Матиаса эрцгерцог Штирии Фердинанд.

---

²⁰³ Об Анне Тирольской см. А. В., *Die Gunstdamen und die Kinder von Liebe im Hause Habsburg* (Berlin, 1869), 31. ГЛАВА 12. ФЕРДИНАНД II, СВЯТАЯ ХИЖИНА И ЧЕХИЯ

12

ФЕРДИНАНД II, СВЯТАЯ ХИЖИНА И ЧЕХИЯ

Фердинанд Штирийский, рожденный в 1578 г., приходился сыном эрцгерцогу Карлу и кузеном двум императорам, Рудольфу II и Матиасу. В возрасте 11 лет родители отдали его в иезуитский коллегиум в баварском Ингольштадте. Через несколько лет он поступил в расположенный неподалеку университет и стал первым Габсбургом, получившим диплом (за изучение тривиума, первых трех из семи свободных искусств). В Ингольштадте Фердинанд жил не как обычный школяр или студент: квартирой ему служил мрачный городской замок Херцогкастен, а свободное от занятий время юный Габсбург проводил за охотой. Отец Фердинанда умер вскоре после его поступления в коллегиум, а мать Мария Анна навестила сына лишь один раз. Это не помешало Фердинанду активно переписываться с ней, и эта переписка продолжалась до самой смерти Марии Анны в 1608 г. Пожалуй, для воспитания в Фердинанде безграничной преданности католической церкви мать сделала больше, чем все его иезуитские наставники²⁰⁴.

В 1596 г., в возрасте 18 лет, Фердинанд стал полноправным правителем Внутренней Австрии. Вскоре после этого он отправился с паломничеством в Рим, а по пути сделал остановку в Лорето, чтобы посетить Святую хижину – лачугу, где прошло детство Христа, которую в XIII в. ангелы чудесным образом переместили из Назарета на итальянское побережье. В кладке Святой хижины была устроена ниша, где помещалась небольшая статуя Богородицы, вырезанная из ливанского кедра. Рассказывали, что Фердинанд встал перед ней на колени и торжественно поклялся продолжить дело отца, очистив свои владения от еретиков²⁰⁵.

Возможно, в предании о клятве Фердинанда правды не больше, чем в самой легенде о Святой хижине. Тем не менее, вернувшись в Штирию, он возобновил методичные гонения, начатые его отцом. Сначала он занялся городами, преследуя лютеранских проповедников и закрывая их школы, затем взялся за дворян, утверждавших, что право исповедовать протестантизм было закреплено в грамоте о вольностях, дарованной им отцом Фердинанда в 1578 г. Не обращая внимания на жалобы, Фердинанд рассылал по стране реформационные комиссии в сопровождении солдат. Мария Анна поощряла сына, заявляя, что уступки, сделанные отцом, ни к чему не обязывают сына и что тому следует «показать зубы»²⁰⁶.

Фердинанд обладал и другим оружием. Римское право, как ясно из самого его названия, имеет почтенное происхождение и восходит ко временам Римской республики и империи. С конца XV в. оно начало оказывать мощное влияние на формирование правовой системы в Священной Римской империи и всей Центральной Европе. Тексты римских законов, которым там следовали, были позаимствованы из свода, составленного в VI в. византийским императором Юстинианом. Этот свод не только претендовал на всеохватность и определял способ категоризации законодательных норм, но и утверждал верховенство правителя. «То, что решил принцепс, имеет силу закона»²⁰⁷ – гласил один из римских юридических текстов. В других фрагментах подчеркивалось право монарха поступать как тот пожелает, «по собственной воле» (*proprio suo motu*), невзирая на требования закона.

Именно к римскому праву Фердинанд обращался при выяснении отношений с вечно недовольным ландтагами Внутренней Австрии. Он объяснял депутатам, что последнее слово во всех вопросах принадлежит ему, поскольку он облечен властью государя. Искоренение про-

²⁰⁴ Katrin Keller, *Erzherzogin Maria Anna von Innerösterreich (1551–1606). Zwischen Habsburg und Wittelsbach* (Vienna, 2012), 128–9.

²⁰⁵ Guilielmi Lamormaini *Ferdinandi II. Romanorum imperatoris virtutes* (Vienna, 1638), 4.

²⁰⁶ Keller, *Erzherzogin Maria Anna*, 135–6.

²⁰⁷ Пер. Л. Л. Кофанова.

тестантизма – его желание, и тут он действует «по собственной воле». Более того, Фердинанд полагал, что оказывает еретикам добрую услугу, уводя их с несправедного пути, поскольку так они не лишаются вечной жизни. Много лет спустя духовник Фердинанда вспоминал его слова: «Некатолики считали меня жестоким из-за запрета на ереси. Но мной движет не ненависть, а любовь. Если бы я их не любил, я бы спокойно оставил этих людей в их заблуждениях»²⁰⁸.

Фердинанд отличался набожностью, семь раз в день преклоняя колени для молитвы и дважды выстаивая мессу. Но он был взбалмошным и не обращал внимания на мелкие детали. Это был «человек идей», которого не занимало выстраивание механизмов управления или ведение бухгалтерских ведомостей. Хуже того, он верил, что находится в постоянном контакте со Всевышним. Ради него Господь творил чудеса, а в годину бедствий даже разговаривал с ним с распятия, перед которым всегда молился король. (После смерти Фердинанда это распятие перенесли в главный алтарь Хофбургской часовни, где оно сохранило свои чудотворные свойства.) В одном из последних писем к матери Фердинанд объяснял свою приверженность католицизму словами, вторившими мысли Филиппа II: он «готов снести потерю земель и поданных, лишь бы только не допустить ущерба истинной вере»²⁰⁹.

Фердинанд старался не вмешиваться в конфликт Рудольфа и Матиаса и не вставал целиком на сторону ни одного из братьев. В то же время он старался заключить союз с герцогом Баварии Максимилианом. Для Габсбургов баварский дом Виттельсбахов служил вторым после Испании источником брачных партнеров-католиков. Баваркой была и мать Фердинанда Мария Анна, и его первая жена (и кузина), которую тоже звали Марией Анной (они поженились в 1600 г.). Но одновременно Бавария традиционно соперничала с Габсбургами за господство в южной части Священной Римской империи. Максимилиан Баварский слыл не менее ревностным католиком, чем Фердинанд. Строго говоря, он даже перещеголял мужа сестры, подписав клятву верности Деве Марии собственной кровью. Конфессиональная непримиримость сблизил Максимилиана и Фердинанда и политически. В 1609 г. Фердинанд вступил в Католическую лигу, созданную Максимилианом в противовес Протестантской унии, объявившей себя, помимо прочего, оборонительным альянсом²¹⁰.

В 1612 г. Матиас сменил брата на императорском престоле, но оказался столь же беспомощным, как и Рудольф, поскольку обычно не мог исполнять монаршие обязанности по состоянию здоровья. Кроме того, все менее вероятным представлялось, что он сможет произвести наследника от своей день за днем тучневшей супруги. Матиас не питал к Фердинанду особой привязанности, поскольку опасался его пылкости в вере. Но братья Матиаса или уже умерли, или находились при смерти, и никто из них не оставил наследников, а значит, единственным преемником Матиаса оставался кузен Фердинанд. Его преимуществом было и то, что к 1614 г. он уже имел двоих сыновей, то есть гарантировал продолжение Габсбургской династии. Матиасу пришлось смириться с тем, что на всех тронах его сменит Фердинанд.

В 1616 г. начались переговоры с венгерским государственным собранием. В Венгрии Фердинанду не доверяли из-за его истовой набожности, но здесь ему очень помог недавно назначенный кардинал-примас Петер Пазмань. Пазмань убедил часть венгерских аристократов, что у королевства есть лишь две возможности: принять власть турок или «устроиться под крылом соседнего христианского государя» и признать Габсбургов «оплотом нашей земли». Пазмань также уговорил Фердинанда во всеуслышание объявить, что он сохранит в Венгрии свободу вероисповедания согласно условиям Венского мира 1606 г. В обмен на свое избрание и коронацию Фердинанд, верный слову, подписал соглашение, составленное государственным

²⁰⁸ Guilielmi Lamormaini Ferdinandi II., 77.

²⁰⁹ Keller, Erzherzogin Maria Anna, 140.

²¹⁰ Edgar Krausen, 'Die Blutweihbriefe der Kurfürsten Maximilian I. und Ferdinand Maria von Bayern', Archivalische Zeitschrift, 57 (1961), 52–6.

собранием, и обязался соблюдать 77 его статей, включая положение о том, что «никому не будет помехи в отправлении и исповедании его веры». В 1619 г. это соглашение было обнародовано как первый законодательный акт нового монарха²¹¹.

Фердинанд никогда не отрекся от обещаний, данных им в Венгрии при коронации. Священный обряд, который сопровождался причастием нового короля, стал торжественным поручительством, что эти обещания не должны нарушаться даже «по собственной воле» Фердинанда. В самом деле, на государственном собрании 1622 г. в Шопроне Фердинанд даже утвердил на должность первого министра, или палатина, главу протестантской знати Санисло Турзо, таким образом приняв выбор депутатов, а не оставив должность вакантной (как делали его предшественники), пока те не предложат кандидата, который придется ему по нраву. Кажется вероятным, что Фердинанд так же сохранил бы и привилегии, дарованные Чехии Грамотой величества, если бы эта страна не взбунтовалась²¹².

Чешский сейм избрал Фердинанда королем в 1617 г. Здесь ловким политиком показал себя Матиас, в частных беседах убедивший различных чешских аристократов, что преемство Фердинанда дело решенное и что для них же выгодно оказать ему поддержку. Чехи к тому же помнили о вечном споре с моравской знатью, которая не желала мириться с прерогативой чешского сейма выбирать монарха и, следовательно, с первенством Чехии в комплексе коронных земель Чешского королевства. Соглашаясь на Габсбургов в роли правящей династии, чешское дворянство надеялось, что это поможет сохранить статус-кво в политике и, соответственно, его собственную главенствующую роль. Торгуясь за корону Чехии, Фердинанд обязался чтить Грамоту величества, а в ходе коронации поклялся соблюдать ее условия²¹³.

Многие из положений Грамоты величества были сформулированы весьма неопределенно. Споры по поводу протестантских храмов, которые были выстроены на землях, принадлежащих местному монастырю и архиепископу Праги, продолжались не один год, и Матиас предпочитал не замечать этой проблемы. В конце концов решительно возражавшие против сноса храмов протестантские дефенсоры, должность которых была введена той же Грамотой величества, собрались в 1618 г. в Праге, чтобы надавить на Матиаса. Формально тот еще не передал управление Чехией Фердинанду, а поручил его временному регентскому совету. Матиас из Вены ответил дефенсорам резким посланием, в котором предостерегал от дальнейших посягательств на его власть.

Дефенсоры не ожидали от Матиаса подобной решимости и заподозрили, что письмо от его имени составлено регентским советом. В мае 1618 г. в Пражском Граде между регентами и дефенсорами разгорелась перепалка, которая дошла до того, что двух чиновников, подозреваемых в составлении того самого письма, вместе с секретарем совета выбросили из окна. Упав с высоты 20 м, они тем не менее выжили – то ли удар смягчила мусорная куча, то ли, как утверждали некоторые современники, падение замедлили поспешившие на выручку ангелы. Так или иначе, все трое пережили и падение, и последовавшие за ним трусливые выстрелы им в спину. Вскоре после этого Фердинанд возвел безвинно пострадавшего секретаря в дворянское достоинство, даровав ему фамилию фон Хохенфалль («упавший с большой высоты»).

Но дефенсоры не просто выбросили из окна чиновников Матиаса: тем самым они свергли назначенное им правительство. И хотя пока это было лишь местной распрей, Фердинанду совсем не хотелось рисковать. Он с тревогой наблюдал, как пражские мятежники создают соб-

²¹¹ «Устроиться под крылом соседнего христианского государя...» – см. Ágnes R. Várkonyi, *A királyi Magyarország 1541–1686* (Budapest, 1999), 75.

²¹² Géza Pálffy, 'Egy elfelejtett kiegyezés a 17. századi magyar történelemben. Az 1622. évi koronázódiéta Sopronban', in *Egy új együttműködés kezdete. Az 1622. évi soproni koronázó országgyűlés*, ed. Péter Dominkovits and Csaba Katona (Sopron and Budapest, 2014), 17–58 (30–49).

²¹³ О ловкой политике Матиаса см. Bernd Rill, *Kaiser Matthias. Bruderzwist und Gaubenskampf* (Graz, Vienna, and Cologne, 1999), 287.

ственное правительство, набирают войско и вступают в переговоры с другими провинциями Чехии, предлагая создать конфедерацию, в которой монарх не имел бы никакой власти. В качестве первой ответной меры Фердинанд отправил в заточение Мельхиора Клесля, которого считал слишком уступчивым, и тут же был отлучен папой от церкви, поскольку Клесль был кардиналом. Но Фердинанд подчинялся тому, кто выше любого папы, и справедливо предполагал, что довольно скоро получит прощение.

Между тем мятежники привлекли на свою сторону более радикально настроенных дворян Верхней и Нижней Австрии, которые увидели в происходящем возможность создать единый фронт защиты протестантизма. Смерть Матиаса в марте 1619 г. дала им случай оспорить передачу трона Фердинанду и вынудить нового монарха пойти на уступки. Шумная толпа нижеавстрийских дворян, явившись в Вену, не замедлила вручить Фердинанду петицию с требованием признать их религиозные вольности и право на союз с Чехией. К городу тем временем стягивались чешские полки. Лишь случайное появление войск, верных Фердинанду, спасло ситуацию: в самой Вене на его стороне оставался лишь немногочисленный гарнизон и ополчение из студентов, возглавленное, как ни удивительно, профессорами²¹⁴.

Едва не лишившись своей столицы, Фердинанд в августе все же выиграл выборы и стал императором. Среди курфюрстов за него проголосовали три архиепископа и герцог Саксонии, который, хотя и исповедовал протестантизм, придерживался осторожной политики «сдерживания». Фердинанд и сам имел право голоса как король Чехии – и подал его за себя, желая, как сам пояснил, быть к себе справедливым. Поняв, что они оказались в меньшинстве, курфюрсты-протестанты из Бранденбурга и Пфальца согласились с общим мнением, и Фердинанд получил единодушное одобрение. В начале следующего месяца во франкфуртском кафедральном соборе его увенчали короной Карла Великого²¹⁵.

В течение 1618 и 1619 гг. два решения обернулись разрастанием и, так сказать, «интернационализацией» чешского мятежа, однако ни одно из них не принадлежало Фердинанду. За развитием восстания с тревогой наблюдал испанский король Филипп III (1598–1621). Его первой мыслью было послать туда флот – подобно Шекспиру, Филипп думал, что у Чехии есть побережье, – но окончательный выбор стратегии монарх благоразумно доверил своему государственному совету. Совет провел заседание в июле 1618 г., и мнения его членов разделились. Одна фракция, поддерживаемая герцогом Лермой, выступала за осторожность и сосредоточение на делах Средиземноморья. Другую, во главе с герцогом Суньигой, заботили более масштабные соображения – например, что будет с путями снабжения и с настроениями в обществе, если Испания бросит центральноевропейскую ветвь дома Габсбургов на произвол судьбы.

Именно Суньига сообщил совету сенсационную весть. По его словам, испанский посол в Вене, не уведомляя Мадрид, уже отправил стоявшие в Италии войска на помощь в подавлении чешского восстания. Суньига пояснил: «Отмена приказа, который прямо сейчас выполняется военными, означала бы окончательный подрыв позиций императора, так как подобное лишение защиты со стороны Вашего Величества полностью уничтожило бы его авторитет». Жребий, таким образом, был брошен, и король Испании уже участвовал в войне. Самоуправство посла заставило Филиппа немедленно выделить деньги в помощь австрийской родне. В апреле 1619 г. в пределы империи вошло первое испанское соединение численностью 7000 человек; в следующие два года к ним добавились еще более 30 000²¹⁶.

Второе решение приняли мятежники в Праге. В августе 1619 г. чешский сейм низложил Фердинанда, заявив, что он избран с нарушением процедуры. Безуспешно поискав на замену

²¹⁴ Karl Völker, 'Die "Sturmpetition" der evangelischen Stände in der Wiener Hofburg am 5. Juni 1619', JGPÖ, 57 (1936), 3–50 (34–42).

²¹⁵ Robert Bireley, Ferdinand II, CounterReformation Emperor, 1578–1637 (Cambridge, 2014), 99–100.

²¹⁶ «Отмена приказа, который прямо сейчас выполняется военными...» – см. Peter Brightwell, 'The Spanish Origins of the Thirty Years' War', *European Studies Review*, 9 (1979), 409–31 (422).

Фердинанду зрелого и ответственного монарха, сейм остановился на неопытном юнце, курфюрсте Пфальца Фридрихе V (1596–1632). Убежденный кальвинист Фридрих был настоящим политическим безумцем и свято верил, что ему предназначено сбросить католическую тиранию и вернуть Германии некую воображаемую утраченную свободу. На маскарадах Фридрих дерзко наряжался Арминием, вождем древних германцев, разбившим в I в. римские легионы, или героем мифов Ясоном, похитившим золотое руно (символ Габсбургов). Кальвинистские проповедники и писатели, наугад открывая Библию и цепляясь за отдельные фразы, установили, что Фридрих и есть «лев рыкающий», он же лев полуночи из Книги пророка Ездры, а значит, венцом его царствования станет поражение Антихриста. Уверенный, что его выбрали по «особому провидению и предназначению Божьему», Фридрих, недолго думая, принял корону Чехии²¹⁷.

Почти все князья Священной Римской империи (не важно, католики или протестанты) сочли передачу короны Фридриху недопустимым нарушением монархического принципа. От Фридриха отвернулись все, даже его собственный тесть Яков I Английский (он же Яков VI Шотландский). Ненадежным союзником оказался и правитель Трансильвании кальвинист Габор Бетлен, покинувший Фридриха после того, как агенты Фердинанда начали подкупать польских казаков, чтобы те разоряли его княжество. В попытках как-то укрепить свои шаткие позиции Фридриху пришлось дойти до такой крайности, как переговоры с султаном, и попросить у турок военной помощи в обмен на ежегодную дань. Турецкий посланник в конце концов прибыл в Прагу, но больше всего ему было интересно увидеть окно, из которого выбросили регентов²¹⁸.

До своего низложения Фердинанд был готов договариваться с чешскими мятежниками. Теперь же они растоптали любые надежды на сделку и выбрали своим предводителем влиятельнейшего из князей империи. В этой ситуации Фердинанду тоже пришлось искать военных союзников. Максимилиан Баварский был очевидным кандидатом, и он поднял в помощь Фердинанду Католическую лигу. Правда, Фердинанду пришлось согласиться покрыть все издержки Максимилиана на эту войну, а до того оставить ему в залог Верхнюю Австрию. Дворянство Нижней Австрии тоже оказалось готово пойти Фердинанду навстречу, но, чтобы заручиться его поддержкой, император был вынужден подтвердить религиозные вольности, ранее дарованные Матиасом. Посоветовавшись с папой о допустимости таких уступок, Фердинанд получил рекомендацию «смотреть на это сквозь пальцы». Спустя несколько лет Фердинанд откажется от своего обязательства, заявив, что собирался оставить протестантам только веру, но не церкви. Тем не менее, изобразив терпимость, он заполучил в союзники Иоганна Георга Саксонского, хотя лишь после того, как пообещал возмещение расходов и ему, под залог Лужиц. Тем временем испанские войска в полной боевой готовности прибывали в Нидерланды.

Исход был предсказуемым: победа Девы Марии, на которую Фердинанд возложил номинальное командование своим воинством. 8 ноября 1620 г. в битве на Белой горе, что близ Праги (теперь там располагается пражский аэропорт) 30-тысячная армия под командованием баварского военачальника Тилли менее чем за два часа разгромила врага, уступающего и в числе, и в организации. Прозванный потом Зимним королем Фридрих V, чье правление в Чешском королевстве продолжилось меньше 15 месяцев, бежал из Праги, бросив в Граде всю свою корреспонденцию. Впоследствии эти письма опубликовали по распоряжению Максимилиана Баварского, но после редактуры,ставлявшей Фридриха в самом неблагоприятном свете —

²¹⁷ Carlos Gilly, 'The "Midnight Lion", the "Eagle" and the "Antichrist": Political, Religious and Chiliastic Propaganda in the Pamphlets, Illustrated Broadsheets and Ballads of the Thirty Years War', *Nederlands archief voor kerkgeschiedenis*, 80 (2000), 46–77 (52–4); Brennan C. Pursell, *The Winter King: Frederick V of the Palatinate and the Coming of the Thirty Years' War* (Aldershot and Burlington, VT, 2003), 76–9.

²¹⁸ H. Forst, 'Der türkische Gesandte in Prag 1620 und der Briefwechsel des Winterkönigs mit Sultan Osman II.', *MIÖG*, 16 (1895), 566–81 (570).

как члена шайки «отвратительных безбожников, упорно рвавшихся к тому, чтобы завладеть короной, развалить австрийский монарший дом и отнять католические храмы»²¹⁹.

Разгромив Чехию, Тилли развернулся на запад и вторгся в Пфальц, где соединился с испанской армией из Нидерландов. Испанцы разбили немногих оставшихся у Фридриха протестантских союзников, после чего обстреляли из пушек и захватили сказочный замок Фридриха в Гейдельберге и его семиугольную крепость в Мангейме. Фридрих нашел убежище в Гааге, в Голландии. В 1623 г. Фридриха окончательно унизили. На торжественной церемонии после оглашения всех его преступлений не только владения Фридриха, но и его титул курфюрста передали Максимилиану. В довершение всего Фердинанд объявил вне закона и самого Фридриха, и его наследников²²⁰.

Чехия была полностью сломлена. 48 зачинщиков мятежа приговорили к смерти, хотя одного из них картинно помиловали уже на эшафоте. В июне 1622 г. на Староместской площади в Праге был устроен настоящий «театр крови» с участием оркестра барабанщиков, чьей задачей было заглушать последние речи казнимых. В Чехии и Моравии (но не в Силезии и не в Лужицах, уже оккупированных Иоганном Георгом) была развернута широкая программа рекатолизации. Участников мятежа облагали штрафами или лишали земель. В дополнение к этому протестантов, отказывавшихся принимать католичество, изгоняли, также конфискуя их собственность. В итоге страну покинуло около 150 000 человек. Их место заняли представители нового, лояльного к Габсбургам поколения. Карлов университет, прежде главный очаг религиозного радикализма, объединили с иезуитским коллегиумом Клементинумом, а по стране были разосланы уже привычные реформационные комиссии.

Фердинанд дважды (в том числе во время коронации) клялся соблюдать условия Грамоты величества. Оправдывая свое отступничество, он вновь обратился к римскому праву. Самым ярким примером его применения Фердинандом служит Обновленное земельное уложение (*Verneuerte Landesordnung*), которое он даровал Чехии в 1627 г. Несмотря на название, законы королевства в этом документе пересмотрены радикально, вплоть до уничтожения его традиционных институтов: королевская власть стала наследственной, функция сословных съездов свелась к одобрению королевских указов, особенно в сфере налогов (которые теперь не могли «одобряться под какими-либо условиями или откладываться до выполнения неуместных требований... как это случалось в прошлом»), да и саму эту новую конституцию монарху теперь позволялось изменять «по собственной воле»²²¹.

В обоснование своего насилия над исторической конституцией Чехии Фердинанд выдвинул тезис, что вся власть в стране исходит от него. Ни дворянство, ни сейм не имеют собственных прав, но лишь те, которые пожаловал им монарх. Это было чистейшее римское право, поскольку традиционное (или обычное) право предусматривало, что правитель и сословный съезд имеют равные, независимые друг от друга и происходящие из разных источников права. Поскольку же чехи восстали против него, приходил к заключению Фердинанд далее, он имеет право отозвать все привилегии, которые он и его предшественники даровали им, ведь они сами отказались от своих прав на них. На будущее Фердинанд оставил за собой и своими наследниками «власть устанавливать законы, декреты и все, на что полномочна законодательная власть [*ius legis ferendae* – еще один термин из римского права], которая принадлежит только Нам, как монарху».

Но, конечно же, не все жители королевства участвовали в мятеже, и это подтолкнуло Фердинанда к другому «римскому» решению. Мятеж, заявил он, имел место как «коллектив-

²¹⁹ Adolf Petersen, *Über die Bedeutung der Flugschrift die anhaltische Kanzlei vom Jahre 1621* (Jena, 1867), 8.

²²⁰ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Munich), Kurbayern Urkunden, no 22118.

²²¹ Выдержки из Обновленного земельного уложения приводятся по английскому переводу, см. С. А. Macartney, *The Habsburg and Hohenzollern Dynasties in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* (New York, 1970), 37–45.

ное действие» (*in forma universitatis*), а значит, каждый участник был связан групповым или сословным решением. Соответственно, наказание должны понести все, независимо от степени личной вины, – и большинство действительно не избежало кары. И хотя образ «трех столетий тьмы», наступивших в тот момент для Чехии, преувеличение чешских историков националистического толка, историческое королевство, в сущности, превратилось тогда в придаток Австрии. В знак его подчиненного статуса даже Чешская канцелярия, выполнявшая большую часть рутинной работы по управлению страной, в 1624 г. переехала из Праги в Вену²²².

В том же 1627 г., когда Фердинанд «обновил» чешскую конституцию, его вторая жена Элеонора Гонзага, принцесса Мантуанская (вышла за Фердинанда в 1622 г.), присутствовала при освящении новой часовни в венской церкви Святого Августина. Часовня повторяла размерами Святую хижину в Лорето и была сложена из таких же грубо отесанных камней. Лоретская часовня стала любимым молитвенным местом Фердинанда. Он украсил ее стены знаменами поверженных врагов и именно там принес новый обет Деве Марии. Мы не знаем точно, поклялся ли Фердинанд 30 годами раньше в Священной хижине изгнать из своих земель всех еретиков. Если так, то теперь, молясь в своей новой Лоретской часовне, он наверняка повторил это обещание, к исполнению которого уже приблизился.

Однако Лоретская часовня не просто веха, обозначившая близкое к завершению дело. Она стала родовой часовней Габсбургов, где они приносили брачные клятвы и молились о ниспослании потомства. В стене часовни сделали небольшую нишу (впоследствии расширенную) для хранения урн с сердцами почивших габсбургских монархов, эрцгерцогов и эрцгерцогинь. Теперь по смерти их разделяли на три части: тело, лишенное сердца, отправлялось в крипту венской Капуцинской церкви (*Kapuzinerkirche*), а внутренности, извлеченные анатомами, – в крипту собора Святого Стефана, которую Рудольф Основатель готовил для захоронения тел потомков целиком, тогда как потомки до сих пор предпочитали для этого Винер-Нойштадт и Прагу.

В XVI в. у центральноевропейских (но не у испанских) габсбургских монархов и герцогов было в обычае захоронение по бургундской традиции: отдельно сердца и отдельно тела. Традиция погребения в трех местах повелась с 1619 г. от Матиаса, хотя окончательного захоронения его останки дожидались до 1630-х гг., когда завершилось строительство Лоретской часовни и крипты в Капуцинской церкви. Обычай препарировать тела Габсбургов не задумывался как какой-то мрачный культ смерти, но имел в своей основе исключительно религиозное рвение. Погребение в трех разных храмах умножало достававшийся умершему «запас сверхдолжных добрых дел». В каждой из трех церквей о нем служились заупокойные мессы, и сила молитв возрастала от физической близости останков, так что его душа достигала рая в три раза быстрее, чем душа обычного грешника²²³.

Разделение тела символизировало тесную связь династии Габсбургов со Святыми Дарами, которые выносились всякий раз, когда рядом с останками служилась литургия. Фердинанд не только проникся воинствующей религиозностью своей испанской родни, но и одарил центральноевропейскую ветвь династии священной миссией, что продемонстрировал собственными обетами Деве Марии и почитанием, даже посмертным, Святого причастия. Потомки Фердинанда не уступали ему в набожности: они возглавляли процессии и строили часовни в демонстративном преклонении перед таинством евхаристии, а также популяризовали легенду о короле Рудольфе, уважившем священника со Святыми Дарами. К шифру AEIOU наследники Фердинанда II добавили анаграмму, подчеркивавшую их приверженность

²²² О «коллективном действии» см. Hasso Hofmann, *Rappresentanza e rappresentazione. Parola e concetto dall'antichità all'Ottocento* (Milan, 2007), 172.

²²³ О происхождении погребения в трех местах см. Rill, Kaiser Matthias, 323. Более общая информация приводится в Estella Weiss-Krejci, 'Heart Burial in Medieval and Early Post-Medieval Central Europe', in *Body Parts and Bodies Whole*, eds. Katharina Rebay-Salisbury et al. (Oxford, 2010), 119–34.

католической вере: из букв слова EUCHARISTIA они сложили фразу HIC EST AUSTRIA («Это Австрия»)²²⁴.

---

²²⁴ Anna Coreth, *Pietas Austriaca* (West Lafayette, IN, 2004), 13–23.

13

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ «МИРОВАЯ ВОЙНА»

Восстание в Чехии стало начальной фазой Тридцатилетней войны (1618–1648). Эту войну часто преподносят как религиозную, но на деле она не поддается четкой классификации. Как и большинство великих войн, Тридцатилетняя война соединила несколько конфликтов, имевших разные причины. Кроме того, каждая фаза войны несла в себе зерна будущих конфликтов, так что в восприятии современников все ее этапы слились в одно великое противоборство. Большая часть сражений развернулась на территории Священной Римской империи, но война затронула и Нидерланды, Англию, Данию, Францию, Испанию, Португалию, Венгрию, Трансильванию, Северную Италию, Швецию, Польшу, а через Швецию и Польшу даже далекую Россию.

Британским дипломатам почти удалось привлечь на сторону протестантов турецкого султана, но Османская империя так и не вступила в войну. С этой оговоркой Тридцатилетняя война стала первым вооруженным конфликтом, захватившим весь Европейский континент. Более того, это был мировой конфликт, поскольку враждующие армии вели бои в Африке, в Индийском и Тихом океанах, а также в Вест-Индии. Немецкие историки жалуются, что Тридцатилетнюю войну разжигало и продлеvalo иностранное вмешательство, так что она стала «интернациональным конфликтом, происходившим на германской земле». Но возможен и другой взгляд на эту войну: как на внутригерманский конфликт, вовлекший в себя большую часть Европы и в конечном счете распространившийся на весь мир²²⁵.

Запальным фитилем, превратившим Тридцатилетнюю войну в мировую, был конфликт Габсбургской Испании с Республикой Соединенных провинций. Война в Нидерландах, начавшаяся в 1560-х гг. при Филиппе II, стала одной из кампаний Тридцатилетней войны. Но если на суше борьба в основном состояла из осад и позиционных боев, то на море конфликт между Испанией и Соединенными провинциями разворачивался по нескольким широким фронтам. Голландские корабли атаковали заморские владения испанцев, а равно и колонии Португалии, чья корона в 1580 г. перешла к Филиппу и его наследникам. Помимо богатой добычи целью голландцев было отрезать Испанию от ресурсов и таким образом, по словам одного осведомленного наблюдателя, «отвести руки испанского короля от нашего горла и подрезать ему сухожилия, без которых он не сможет вести войну в Европе». С точки зрения Габсбургов, однако, действия голландцев грозили им не только прекращением заморской торговли, но и династической катастрофой. По теории, принятой при испанском дворе, владения Габсбургов были так сложно связаны между собой, что поражение в одном месте могло обрушить все здание. Всемирный характер сети габсбургских владений превратил Тридцатилетнюю войну в глобальный конфликт²²⁶.

Начиная с 1625 г. Нидерланды получали помощь британских союзников, а также частных каперов, или приватиоров, которые преследовали свои корыстные интересы, плаваая под британским флагом (или, в сущности, под любым флагом – кроме пиратского, будь то черный или красный). Британцы оказались ненадежными союзниками и скоро прекратили помогать Нидерландам, предпочтя мир с Габсбургской Испанией. Однако они все же успели закрепиться на острове Сент-Китс в Вест-Индии, а следом за ним захватить Подветренные острова. Они стали базой английских каперов, которые в 1640-х гг. грабили карибские владения Испании,

²²⁵ Johannes Arndt, *Der dreissigjährige Krieg* (Stuttgart, 2009), 12.

²²⁶ «Отвести руки испанского короля...» – см. Jesús M. Usunáriz, 'América en la política internacional española', in *Discursos coloniales: Texto y poder en la América Hispana*, ed. Pilar Latasa (Madrid, 2011), 167–82 (181); J. H. Elliott, *The CountDuke of Olivares: The Statesman in an Age of Decline* (New Haven, CT, and London, 1986), 57, 492.

а в 1643-м захватили большую часть Ямайки. Пройдет более трех столетий, прежде чем британцы оттуда уйдут.

Голландцы замахивались на большее. Правительство республики и Генеральные штаты (парламент) в Гааге передоверили заморскую войну с испанцами и португальцам двум торговым компаниям – Ост-Индской (основана в 1602 г.) и Вест-Индской (основана в 1621 г.). Обе компании могли продавать акции, чтобы строить военные корабли, захватывать колонии и управлять ими, то есть, в сущности, создавать собственные торговые империи. Вскоре после основания Вест-Индской компании «19 господ», управлявших ею, составили «всеобщий план» (Groot Desseyn), предполагавший нападение на португальскую колонию в Бразилии с одновременным захватом бразильских сахарных плантаций и центральноафриканской торговли.

Испанские и португальские владения Габсбургов быстро пали под ударами Вест-Индской компании. В 1628 г. у берегов Кубы голландцы захватили целый флот с сокровищами; вскоре после этого они завоевали приблизительно половину Бразилии, основав там свою колонию – Новую Голландию. Однако голландские поселенцы так и не смогли добиться преданности от португальских плантаторов, которые в 1645 г. подняли мятеж. Новая Голландия не получала достаточного финансирования от Вест-Индской компании, акционеры которой требовали прибылей, и в 1654 г. Португалия вернула эти земли себе. Голландцы допускали в своих бразильских владениях относительную веротерпимость, так что на территории Новой Голландии сформировалась многочисленная еврейская диаспора. Евреи, вероятно, составляли до половины нетуземного населения колонии, а ее столица Маурицстад (ныне Ресифи) стала первым на Американском континенте городом, где открылась синагога. С возвращением португальской власти начались религиозные гонения, разметавшие еврейскую общину²²⁷.

В числе португальских колоний испанские Габсбурги приобрели небольшую прибрежную колонию на территории нынешней Анголы, сформировавшуюся вокруг Луанды. Расположенное севернее королевство Конго тоже попало в зону культурного влияния Португалии. В XVII в. это королевство со столицей в Сан-Сальвадоре (современный Мбанза-Конго) владело землями в устье реки Конго и южнее, до самой Анголы. Несмотря на свое расположение, Конго было государством со сложной культурой, управляемое образованной элитой, которая не только приняла католицизм, но и заимствовала португальские имена, титулы и гербы²²⁸.

Это не помешало португальским властям Луанды замыслить в 1620-х гг. его захват. Покорив соседнее с Конго королевство Ндонго, португальцы решили превратить свое культурное влияние на Конго в политическое господство. На свою сторону они привлекли наводящих ужас имбангала. Эти «спартанцы Африки» практиковали каннибализм и инфантицид, а в свои воинские отряды набирали только рожденных от иноплеменников детей, в которых воспитывали повиновение сложными обрядами инициации. Поняв, что его королевству грозит гибель, конголезский монарх Педру II обратился за помощью к голландцам, обещав взамен золото, серебро, слоновую кость и рабов. Таким образом, в Тридцатилетней войне королевство Конго оказалось на стороне протестантов²²⁹.

В 1624 г. в ответ на просьбу Педру голландская флотилия обстреляла Луанду, но скорая смерть конголезского монарха остановила дальнейшее военное вмешательство Соединенных провинций. В 1641 г. король Гарсия II продолжил дипломатический курс Педру: его страна, как он пояснил агенту Вест-Индской компании, по-прежнему «много претерпевала» из-за политического давления и военных вторжений Португалии. Флот компании осадил Луанду и вытес-

²²⁷ Marcelo Szpilman, *Judeus: Suas Extraordinárias Histórias*, 2nd ed. (Rio de Janeiro, 2012), 117; Jonathan Israel and Stuart B. Schwartz, *The Expansion of Tolerance: Religion in Dutch Brazil (1624–1654)* (Amsterdam, 2007), 13–32.

²²⁸ Alia Lagamma, *Kongo: Power and Majesty* (New York, 2015), 89–92.

²²⁹ T. J. Desch-Obi, *Fighting for Honor: The History of African Martial Art Traditions in the Atlantic World* (Columbia, SC, 2008), 21–5; John K. Thornton, 'The Kingdom of Kongo and the thirty Years' War', *Journal of World History*, 27 (2016), 189–213.

нил оттуда португальцев, после чего немедленно началась организация голландской колонии. В военных действиях, последовавших за падением Луанды, как голландцы, так и португальцы привлекали на свою сторону местные племена, собирая армии численностью до 30 000 бойцов, применяли артиллерию, разрушили сотни деревень. Война в Конго была не просто эпизодом – она внушила Габсбургам грандиозные мечты о восстановлении завоеваний покорившего Карфаген римского полководца Сципиона Африканского (236–183 гг. до н. э.), якобы одного из прародителей династии и легендарного основоположника испанской мировой державы²³⁰.

Тем временем владениям Габсбургов в Индийском и Тихом океанах угрожали голландские каперы Ост-Индской компании. Обосновавшись на Молуккских островах и побережье Индии, голландские корсары перехватывали испанские и португальские корабли с пряностями. В Тихом океане Ост-Индская компания оккупировала часть современной Индонезии, основав город Батавию, нынешнюю Джакарту. Оттуда каперы блокировали Манилу и грабили испанские суда. Однако главное противостояние развернулось на острове Формоза (нынешний Тайвань), части которого в 1620-х гг. практически одновременно захватили испанцы и голландцы. В Сан-Доминго (нынешний Нью-Тайбэй) испанский губернатор возвел форт, считающийся первым каменным зданием на всем острове. Кирпичные арки на его массивном красном фасаде поддерживались двойными колоннами, которые символизировали Геркулесовы столбы и Габсбургскую империю²³¹.

Задачами испанцев на Формозе были перевалка идущих в Китай грузов и защита Манилы от каперских атак. Кроме того, они конкурировали с голландцами за души неофитов, за намечавшуюся торговлю с Японией и за китайских работников для местных сахарных плантаций. Приток ханьцев с материка резко изменил этнический состав острова, где прежде доминировали коренные племена охотников за головами. В 1642 г., после артиллерийской бомбардировки голландцами форта Сан-Доминго, испанцы все-таки покинули Формозу. Однако за те десятилетия, пока там шла Тридцатилетняя война, на острове произошли демографические перемены, поныне остающиеся источником политической напряженности²³².

В Европе события войны разворачивались на более компактной территории и, соответственно, не вызвали таких серьезных последствий в мировом масштабе. Но в Европе эта война стоила куда большей крови. Только в Священной Римской империи погибли в сражениях и умерли от причин, прямо связанных с войной, около 5 млн человек, то есть 20 % населения. Больше других пострадала Нижняя Австрия. Ее население, равнявшееся в 1600 г. 600 000 человек, через 50 лет сократилось на четверть, до 450 000. Среди жертв войны непропорционально большую долю составляли мирные обыватели: воюющие армии грабили и терроризировали население зоны военных действий, отравляли источники воды и без разбора обстреливали из артиллерии города, причем иногда – снарядами с ядовитым газом, получаемым из мышьяка и белены²³³.

Самая страшная бойня случилась 20 мая 1631 г. при штурме имперскими войсками оплота лютеран, независимого города Магдебург в нынешней немецкой федеральной земле Саксония-Анхальт. От огня и вследствие резни погибли предположительно до 30 000 человек. Один из выживших свидетелей произошедшего рассказывал, что солдаты императора «засовывали в огонь младенцев, как ягнят, насаживая их на копья; Господь свидетель, они ничем

²³⁰ Linda Heywood and John K. Thornton, *Central Africans, Atlantic Creoles, and the Foundation of the Americas, 1585–1660* (Cambridge, 2007), 151; Frederick A. De Armas, 'Numancia as Ganymede', in *Echoes and Inscriptions: Comparative Approaches to Early Modern Spanish Literatures*, ed. Barbara Simerka and Christopher B. Weimer (Lewisburg, PA, and London, 2000), 250–70 (255); также Hendrik J. Horn, 'The "Allegory of the Abdication of Emperor Charles V" by Frans Francken III', *RACAR: revue d'art Canadienne / Canadian Art Review*, 13 (1986), 23–30.

²³¹ José Eugenio Borao Mateo, *The Spanish Experience in Taiwan 1626–1642* (Hong Kong, 2009).

²³² Tonio Andrade, *How Taiwan Became Chinese: Dutch, Spanish, and Han Colonization in the Seventeenth Century* (New York and Chichester, Sussex, 2007).

²³³ Peter H. Wilson, *The Thirty Years War: Europe's Tragedy* (Cambridge, MA, 2011), 786–8.

не лучше турок или варваров». Командовавший победоносным войском Готфрид Паппенгейм сухо писал:

Полагаю, погибло больше 12 000. Будьте уверены, что более страшной битвы и Божьего наказания мир не видел со времен разрушения Иерусалима. Все наши солдаты стали богачами.

После падения Магдебурга в немецкий язык вошло новое слово – *Magdeburgisierung*, то есть «поступить, как с Магдебургом»²³⁴.

О разорении Магдебурга в самых шокирующих подробностях рассказывали сотни памфлетов, листовок и проповедей. Католики преподносили это событие как Божью кару и подчеркивали (справедливо), что пожар, уничтоживший город, начали сами магдебуржцы. Тем не менее репутацию Фердинанда II это не спасло, и на него пала тень «черной легенды» о дикости и жестокости Габсбургов. Как объяснял один из военачальников императора, после Магдебурга католическая сторона оказалась в политической изоляции, «заблудившись в лабиринте», который сама же и выстроила. Увенчав собой серию грубых ошибок, эта осада едва не стоила Габсбургам поражения в войне²³⁵.

Первые 10 лет войны, последовавшие за разгромом чешского восстания, прошли для Фердинанда II относительно успешно. Протестантские союзники Зимнего короля Фридриха Пфальцского были разгромлены, вторжение датской армии остановлено силами Католической лиги. Чтобы избавиться от политической зависимости от возглавляемой баварцами лиги, Фердинанд обратился к чешскому дворянину Альбрехту Вацлаву Эвсебиусу из Вальдштейна. Хотя родным языком Альбрехта был чешский, его имя больше известно в германизированной форме Валленштейн. Он происходил из незнатного рода, но быстро разбогател, женившись на состоятельной вдове и занявшись финансовыми операциями и скупкой задешево земель изгнанных протестантов. Гороскоп Валленштейну составлял Кеплер, и не один раз, но астроном допустил несколько ошибок в расчетах, а потому его выкладки относительно характера Валленштейна (гибкий, энергичный, безжалостный и т. д.) мы можем спокойно игнорировать. Куда лучше об этом человеке рассказывает сад, который он разбил при своем дворце в Праге. Симметричный геометрический орнамент, образованный цветочными клумбами, контрастирует здесь с огромной стеной из искусственных сталактитов и коварно ухмыляющихся физиономий, возле которой хозяин держал свою коллекцию сов²³⁶.

В 1625 г. Валленштейн предложил Фердинанду не полк, как приличествовало дворянину, а целую армию. Снабжать ее продовольствием предполагалось за счет реквизиций, а другие издержки покрывались гарантированными займами, которые собирались путем продажи облигаций. Вооружение частично вызвался поставить сам Валленштейн со своих заводов. Получив согласие Фердинанда, он сформировал армию, в итоге достигшую численности 100 000 бойцов. Она заставила выйти из войны Данию и осадила далекий Штральзунд в Померании, после чего Фердинанд пожаловал Валленштейну титул адмирала Северного и Балтийского морей, намекая таким образом на дальнейшие завоевания. Для покрытия военных расходов Фердинанд в 1628 г. даровал Валленштейну княжество Мекленбург на севере Священной Римской империи, которое отнял у бывших правителей за то, что они приняли сторону датчан.

Мекленбург стал вторым княжеством, которое Фердинанд передал новым владельцам: до того эта участь постигла Пфальц, отобранный у Фридриха V и подаренный Максимилиану

²³⁴ Об этих свидетельствах см. Hans Medick and Pamela Selwyn, 'Historical Event and Contemporary Experience: the Capture and Destruction of Magdeburg in 1631', *History Workshop Journal*, 52 (2001), 23–48 (30); Karl Wittich, 'Magdeburg als katholisches Marienburg. Eine Episode aus dem Dreissigjährigen Kriege', *HZ*, 65 (1890), 415–64 (432–3).

²³⁵ Wittich, 'Magdeburg als katholisches Marienburg', 461–2.

²³⁶ О гороскопе Валленштейна, составленном Кеплером, см. Klaudia Einhorn and Günther Wuchterl, 'Kepler's Wallenstein-Horoscopes', *Acta Universitatis Carolinae. Mathematica et Physica*, 46 Supp. (2005), 101–14.

Баварскому. Для оправдания этих конфискаций Фердинанд обратился не к римскому, а к феодальному праву. Князья Мекленбурга, как и курфюрст Пфальца, были «отъявленными мятежниками», и по этой причине, объяснял Фердинанд, он имеет право лишить их всех земель. Однако он лукавил. Конфискованные земли следовало передавать ближайшим родственникам низложенного правителя, к которым Валленштейн не относился. Более того, земли, конфискованные императором в обоих княжествах, представляли собой мозаику не только из ленов, но и из старинных аллодов, находившихся в безусловной собственности и потому неотчуждаемых. Распоряжаясь без разбора и теми и другими землями, Фердинанд показал, что не особо заботится о правомочности собственных действий²³⁷.

Вершиной его юридических махинаций стал пересмотр Аугсбургского мира 1555 г. Истолковав его условия в свою пользу, Фердинанд потребовал, чтобы все церковные земли, захваченные протестантами после 1552 г. (дата, указанная в исходном мирном договоре), вернулись католической церкви. Изданный им в 1629 г. Реституционный эдикт требовал возвращения католической церкви ее утраченных владений, тем самым угрожая крахом многим протестантским князьям, захватившим за последние десятилетия целых два архиепископства, 13 епископств и около 500 мужских и женских монастырей. Когда Фердинанд отказался отступить от своих требований, протестантские князья во главе с герцогом Саксонии начали объединяться «в целях обороны». В 1630 г. в Померании высадился шведский король, лютеранин Густав II Адольф. В тот момент, судя по тому, что король не взял с собой карт внутренних районов Германии, его целью был, вероятно, только захват части балтийского побережья. Однако, встреченный как «великий протестантский мститель и новый Полуночный лев Севера», Густав Адольф охотно принял предложенную ему роль²³⁸.

Реституционным эдиктом Фердинанд надеялся добиться полного восстановления католической церкви в Священной Римской империи, но он растерял все свое преимущество, поскольку за эдиктом последовало разорение Магдебурга. Поставленные перед фактом резни и неминуемого отчуждения земель протестантские правители больше не могли сохранять нейтралитет. Герцоги Бранденбурга, Саксонии и Мекленбурга (который Густав Адольф вернул законному владельцу) поспешили встать под знамена шведского короля. После серии блестящих побед протестантская коалиция продвинулась глубоко в Чехию, Силезию и Баварию, но тут положение спас Валленштейн. Перед этим Фердинанд отправил его в отставку из ревности к его успехам, но теперь вновь призвал на службу, и Валленштейн заставил протестантов отступить. Густав Адольф погиб в сражении при Лютцене (1632), что немедленно вызвало политический кризис в Швеции, потому что его единственной наследницей была шестилетняя дочь. Вместе с тем шведский канцлер и регент Аксель Оксеншерн не собирался складывать оружие, а разразившийся кризис тоже использовал к своей выгоде – чтобы убедить протестантских князей и французского короля финансировать шведскую армию.

Видя решимость Оксеншерны продолжать войну, Валленштейн решил, что демонстрация военной мощи должна сочетаться с дипломатическим натиском, и начал переговоры с врагом. Узнав об этом, Фердинанд II объявил Валленштейна «отъявленным бунтовщиком» и в феврале 1634 г. приговорил его к смерти. Неделью спустя полководца убили по распоряжению Фердинанда. Карманные публицисты императора оправдывали его действия в памфлете, озаглавленном «Пагуба измены и Ад неблагодарной души», но первый министр французского

²³⁷ Robert Bireley, *Ferdinand II, CounterReformation Emperor, 1578–1637* (Cambridge, 2014), 307. См. также Christoph Kampmann, *Reichsrebellion und kaiserliche Acht. Politische Strafjustiz im dreissigjährige Krieg* (Münster, 1992), 34, 94; Johann Moser, *Einleitung zu dem ReichshofRathsProcess*, vol. 3, part 6: *Von ReichsLehen* (Frankfurt and Leipzig, 1742), 406–7.

²³⁸ О масштабах секуляризации церковной собственности в протестантских княжествах см. Wilson, *The Thirty Years War*, 448.

короля Людовика XIII кардинал Ришелье выразился точнее: «Смерть Валленштейна останется чудовищным примером... жестокости его повелителя»²³⁹.

На место командующего вооруженными силами империи Фердинанд поставил сына (будущего императора Фердинанда III). Молодой принц показал себя ловким тактиком, способным командиром и умелым дипломатом. Однако император вскоре осознал, что Валленштейн был прав: войну не закончить без переговоров. Даже развертывание испанской армии в сердце Священной Римской империи и совместная победа молодого Фердинанда и испанского кардинал-инфанта Фердинанда в битве при Нёрдлингене (1634) не смогли переломить ситуацию. Пражский мир 1635 г. стал для Фердинанда II вынужденным компромиссом с германскими князьями и в сущности аннулировал Реституционный эдикт. В тексте мирного договора подчеркивается его цель: «чтобы кровопролитие остановилось раз и навсегда и любимая отчизна, благородная германская нация, не подверглась окончательному разрушению»²⁴⁰.

Фердинанд II умер от апоплексического удара в 1637 г. Его сердце отправилось прямоком в стенную нишу Лоретской часовни, а тело – в Грац, где более 20 лет для него строился мавзолей. Его преемником стал молодой Фердинанд, которого уже избрали королем римлян. Он продолжил начатый отцом поиск решения, которое остановит войну. После Пражского мира главными военными противниками Габсбургов стали Франция в союзе со Швецией. Тридцатилетняя война, в общем, утратила религиозный характер, превратившись в политический конфликт Франции и Габсбургов. На этом этапе войны французы помогли мятежникам в Каталонии, восставшим против испанского монарха Филиппа IV, и поспособствовали отделению Португалии (1640), бесповоротно ослабив испанскую державу Габсбургов.

Как ни странно, с началом мирных переговоров в конце 1630-х гг. пламя войны разгорелось еще сильнее: противники стремились захватить побольше земель, чтобы упредить развитие событий за переговорным столом. Как сформулировал один из участвовавших в переговорах дипломатов, «зимой мы договариваемся, летом сражаемся». В последний год войны шведские войска заняли Пражский Град – место, где за три десятилетия до того произошла дефенестрация, положившая начало этой войне. Шведы вывезли все, что осталось от кабинета редкостей Рудольфа II, и собрали по монастырским библиотекам ценные книги, которые были скопом отправлены в Стокгольм. Только поиски знаменитой «короны Навуходоносора» оказались тщетными: ее уже перевезли в Вену²⁴¹.

К 1648 г. Габсбурги были полностью истощены в военном отношении. Прага пала, и теперь шведы напрямую угрожали Вене. Фердинанд III спешно воздвиг в городе мраморную колонну в честь Девы Марии, которая исправно отвела шведскую армию в другую сторону. Баварию к 1648 г. французы захватывали дважды. Известны цифры, что в руках врага к тому моменту находились четыре пятых крепостей и укрепленных гарнизонных городов Священной Римской империи. Однако и враг не был един: Стокгольм и Париж то и дело не соглашались по стратегическим вопросам, да и вообще не доверяли друг другу. Пообещав французскому королю Людовику XIV свободу действий в Испании и свой нейтралитет в войне на Пиренеях, Фердинанд III сумел склонить к переговорам главного врага. Шведов удовлетворило обещание щедрой контрибуции²⁴².

²³⁹ Alberti Fridlandi Perduellionis Chaos sive Ingrati Animi Abyssus (1634); Geoff Mortimer, Wallenstein: The Enigma of the Thirty Years War (Basingstoke and New York, 2010), 252.

²⁴⁰ Tryntje Helfferich, The Ashgate Research Companion to the Thirty Years' War, ed. Olaf Asbach and Peter Schröder (London and New York, 2014), 151.

²⁴¹ «Зимой мы договариваемся, летом сражаемся...» – см. Geoffrey Parker, Thirty Years' War (London and New York, 1984), 179; B. Dudík, Schweden in Böhmen und Mähren 1640–1650 (Vienna, 1879), 294–5.

²⁴² Об успехах антигабсбургской коалиции см. Konrad Repgen, 'Ferdinand III.', in Die Kaiser der Neuzeit 1519–1918, ed. Anton Schindling and Walter Ziegler (Munich, 1990), 142–67 (151).

Вестфальский мирный договор, завершивший в 1648 г. Тридцатилетнюю войну, в основном касался деталей: как меняются границы, кому принадлежат те или иные земли, дозволено ли баварским герцогам носить титул курфюрстов, пожалованный им в благодарность Фердинандом II в 1623 г. Вместе с тем он подтвердил право князей Священной Римской империи выбирать свое вероисповедание, на этот раз включая и кальвинизм, и даровал их подданным свободу вероисповедания (с определенными оговорками). Споры о церковной собственности и о пределах свободы совести в будущем решено было разрешать в суде – и специально для этого был обновлен единый имперский суд, в составе которого уравнили число протестантов и католиков. Фердинанд III, однако, добился для себя важной оговорки: в своих землях он не был обязан вводить веротерпимость. Таким образом, ему не пришлось сворачивать меры, принятые для рекализации Чехии и австрийских герцогств.

Вестфальский договор должен был установить «всеобщий мир среди христиан», и по этой причине в нем видят «первую европейскую конституцию» и важнейший этап в эволюции Европы Нового времени. Но это был также и договор о мире во всем мире, содержащий положения об урегулировании конфликта между Габсбургской Испанией и Республикой Соединенных провинций «на морях, в других водах и на земле... в Ост-Индии и Вест-Индии, в Бразилии, а равно на берегах Азии, Африки и Америки». Завоевания сторон на момент подпи-

сания мира признавались на будущее, а голландцы получали преференции в торговле с испанскими колониями. Воспользовавшись Вестфальским миром, голландская Вест-Индская компания быстро прибрала к рукам и расширила торговлю рабами из Центральной Африки. За первые полвека после Вестфальского мира через голландский «распределительный центр» на южнокарибском острове Кюрасао прошли около 50 000 африканских невольников, которые отправились дальше, в американские или тихоокеанские колонии Испании. Вестфальский мир положил конец Тридцатилетней войне, но он же поспособствовал росту насилия в форме мировой торговли африканскими рабами, которая в конечном счете унесет более 12 млн жизней²⁴³.

---

²⁴³ Johannes Postma, *The Dutch in the Atlantic Slave Trade, 1600–1815* (Cambridge, 1990), 33–45. Текст мирного договора на латыни и немецком приводится в *Tractatus Pacis, Trigesimo Januarii, anno supra millesimum sexcentesimo quadragesimo octavo, Monasterii Westfalorum* (1648). Новейшие оценки см. в Johannes Arndt, 'Ein europäisches Jubiläum: 350 Jahre Westfälische Frieden', *Jahrbuch für Europäische Geschichte*, 1 (2000), 133–58.

14

НЕНОРМАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ И БИТВА ЗА ВЕНУ

Вестфальский мир 1648 г. остро поставил вопрос о том, что же такое Священная Римская империя. Вслед за французским философом Жаном Боденом (1530–1596) политическую власть в тот период начали понимать как неделимый суверенитет в пределах некоей территории. Но в чем заключается суверенитет империи, оставалось неясным: пытаясь разрешить эту загадку, один ученый (Иоганн Якоб Мозер) написал не менее 70 томов. Одни считали, что империя остается тем же, чем была всегда: иерархической пирамидой, на вершине которой восседает император, власть которого теоретически абсолютна. Другим же империя представлялась конфедерацией равных субъектов под коллективным управлением императора и князей, суверенитет в которой разделен. Поколения правоведов ломали головы над феноменом Священной Римской империи: была ли она монархией или аристократической олигархией, комплексом суверенных субъектов или же в самом деле явлением, не поддающимся категоризации, которое один влиятельный комментатор охарактеризовал как «ненормальное и причудливое»²⁴⁴.

Первый после Вестфальского мира рейхстаг собрался в 1653 г. в Регенсбурге. Юридические диспуты моментально вылились в споры о протоколе и придворном этикете. Герцог Вюртембергский был убежден, что располагает таким же суверенитетом, как любой другой из князей империи, и потому въехал в Регенсбург в сопровождении трубачей и военного литавщика – хотя прежде это было прерогативой курфюрстов. Император же Фердинанд III (1637–1657) придерживался противоположного мнения, считая, что Священная Римская империя должна сохранять строго иерархическую систему самодержавной власти. Поэтому он отказывался воспринимать посланцев князей как королевских послов и считал оскорбительным, когда князья вели себя так, будто они ему равня. Как недавно сформулировал один историк, началось соревнование «двух церемониальных грамматик» – монархической и аристократической, каждая из которых отражала свой взгляд на то, чем должна быть Священная Римская империя²⁴⁵.

Политически Фердинанд мог бы сосредоточиться на Австрии и соседних с ней королевствах Венгрии и Чехии. Рост французского влияния в долине Рейна, где многие князья вступили в союз с Людовиком XIV, не способствовал имперским амбициям. Но Фердинанд решил иначе. Сценарий его прибытия в Регенсбург был тщательно продуман, чтобы подчеркнуть величие монарха: он въехал в город через несколько триумфальных арок, восхваляющих его подвиги и свершения. Фердинанд был смысловым центром помпезных процессий и зрелищ, но умел планировать такие зрелища и сам: он построил в городе деревянный оперный театр и лично руководил демонстрацией Магдебургских полушарий – двух притертых друг к другу краями медных полусфер, из пространства между которыми был откачан воздух, так что их не могли разорвать даже две упряжи лошадей. Во время этой же сессии рейхстага состоялись пышные церемонии коронации жены Фердинанда как императрицы и его сына Фердинанда IV как короля римлян, но оба торжества омрачили перебранки князей о том, кто из них

---

²⁴⁴ Michael Stolleis, *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland*, vol. 1 (Munich, 2012), 234–6. Определение «ненормальное и причудливое» принадлежит Самуэлю Пуфендорфу (1632–94): *irregularis aliquod corpus et simile monstro*. Мой перевод избегает слова «чудовищное», как искажающего смысл. См. Hanns Gross, *Empire and Sovereignty: A History of the Public Law Literature in the Holy Roman Empire, 1599–1804* (Chicago and London, 1973), 321–6.

²⁴⁵ Barbara Stollberg-Rilinger, *The Emperor's Old Clothes: Constitutional History and the Symbolic Language of the Holy Roman Empire* (New York and Oxford, 2008), 130.

знатнее. (Младший Фердинанд умер в 1654 г., так и не став императором, но всегда упоминается с порядковым номером IV.)

Но не всего можно добиться церемониями и зрелищами. Как сформулировал один из самых ярких выразителей аристократической традиции, ритуал должен опираться на образы или подобия власти. Однако, если за ними не стоит реальная власть, это будут лишь «бессмысленные символы и напускная спесь». Обращение символов власти в ее реальное наполнение – именно этого смогли достичь Фердинанд III и его сын Леопольд I (1658–1705), сменивший отца на троне. За полвека после Вестфальского мира император вернул себе лидирующее положение в Священной Римской империи, как бы князья ни требовали равного и независимого от него суверенитета. Собственным тяжким трудом Фердинанд III превратил себя в политически необходимую фигуру – защищая мелкие княжества юго-запада империи от более могущественных и выступая арбитром в спорах между фракциями рейхстага. 18 месяцев кряду он лично председательствовал на заседаниях рейхстага 1653 г., отказываясь прерывать его работу даже во время обострений своей приведшей в итоге к смерти болезни желудка, хоть и «выглядел не лучше покойника». На своей последней исповеди в апреле 1657 г. он гордо заявлял, что проживет еще многие годы²⁴⁶.

Леопольд же преуспел на военном поприще: он защитил Священную Римскую империю и истинную веру от турок и французов, хотя поначалу и не подавал особых надежд. Его готовили к духовному сану, но после смерти старшего брата Фердинанда ему пришлось в юном возрасте взвалить на себя груз управления империей. Субтильный и хрупкий на вид, Леопольд был нерешительным и безвольным человеком, который с трудом отличал деятельность от ее цели; он вел дневник, куда маниакально заносил любые мелочи, от каждого отправленного письма до каждого проигранного в карты гроша. Как и отец, он был очень музыкален и, несмотря на аномально выдающуюся вперед нижнюю губу, виртуозно играл на флейте. Многих правителей превозносили за их композиторский талант. Леопольд выделяется среди них тем, что его сочинения исполняются и поныне.

Однако мягкость Леопольда не распространялась ни на протестантов, ни на евреев: первых он преследовал, а вторых грабил. Его первая жена Маргарита Тереза, приходившаяся ему также племянницей (все годы совместной жизни она звала его дядюшкой), – это милая белокурая девчушка, изображенная на картине Веласкеса «Менины». Воспитанная в Испании, она усвоила все предубеждения этой страны. Именно по ее наущению Леопольд изгнал всех евреев сначала из Вены, а затем, в 1671 г., из Нижней Австрии, присвоив себе все их имущество. Это едва не обрушило финансовое благополучие Священной Римской империи, поскольку ее казна зависела от займов, выдаваемых еврейскими банкирами. Леопольд не сумел извлечь урока из своей катастрофической ошибки. Даже разрешив нескольким богатейшим еврейским семьям вернуться в Вену, спустя несколько лет он вновь принялся их грабить. В итоге ему приходилось подолгу жить на голландские и британские субсидии²⁴⁷.

Империи грозили два врага. Во-первых, Франция, оправившаяся после дворцовых интриг и гражданской войны, которыми был отмечен период Фронды (1648–1653), названный так в честь праци (*fronde*) – оружия парижан, метавших камни в дома королевских министров. Людовик XIV вернулся к политике экспансии и старался подмять под себя города и княжества на левом берегу Рейна, дав повод для острот о том, что с чужими землями он ведет себя так же вольно, как с чужими женами. Людовик настойчиво преследовал свои цели, принуждая одних прирейнских князей к подчинению угрозами и завлекая других крупными денежными влива-

²⁴⁶ «Бессмысленные символы и напускная спесь...» – см. Hippolitus de Lapide (Bogislav von Chemnitz), *Dissertatio de Ratione Status*, 2nd ed. ('Freystadt' [= Amsterdam], 1647), 394–5. О Фердинанде III см. Mark Hengerer, *Ferdinand III. (1608–57). Eine Biographie* (Vienna, Cologne, and Weimar, 2012), 338–9, и Konrad Repgen, 'Ferdinand III.', in *Die Kaiser der Neuzeit 1519–1918*, ed. Anton Schindling and Walter Ziegler (Munich, 1990), 142–67 (163–5).

²⁴⁷ William O. McCagg Jr, *A History of the Habsburg Jews, 1670–1918* (Bloomington and Indianapolis, 1989), 15–18.

ниями. Леопольд организовывал сопротивление Франции: заключал союзы с иностранными монархами и убеждал рейхстаг ассигновать средства на борьбу с захватчиком. Таким образом он, по его собственному выражению, стоял за «Священную Римскую империю, свободу германской нации, интересы и благополучие всех ее членов»²⁴⁸.

Помимо французов империи угрожала Турция. Целый век после битвы при Лепанто (1571) Османская империя теряла позиции. Историки часто опасаются использовать термин «упадок», но именно так описывали состояние турецкой державы государственные деятели и незаинтересованные наблюдатели в самом Стамбуле. Многие из них предлагали вернуться к прошлому, оздоровив центральную власть, покончив с коррупцией и возобновив завоевательную политику Сулеймана Великолепного. Воплощение этой программы взяла на себя новая династия османских первых министров, или великих визирей. Полвека после 1656 г. среди великих визирей преобладали представители рода Кёпрюлю, которые занимали этот пост общим счетом 34 года. Их миссией стало преобразование пышной риторики, окружавшей султанскую власть, – «император всего мира», «тень Господа на земле» и прочее – в политическую реальность посредством войны против Габсбургов в Европе²⁴⁹.

По отношению к двойной военной угрозе советники Леопольда разделились на два лагеря: одни считали, что война с Людовиком важнее, другие настаивали на кампании против турок, которые по-прежнему хозяйничали в центральной части Венгрии. На деле два театра военных действий были связаны между собой. Людовик XIV подпитывал деньгами мятежи против габсбургской власти, разжигаемые из Трансильвании, которая долгое время оставалась вассалом султана. А пока имперская армия была занята на востоке, французы наседали на Габсбургов на западе, как на Рейне, так и в других точках, захватив в 1674 г. подвластные испанской линии династии графства Бургундию (Франш-Конте) и Шароле. В критический момент Леопольду пришлось остановить кампанию против турок и перебросить ресурсы с востока на запад, не только для защиты рейнских земель, но и для укрепления испанских границ на случай схватки за испанский трон.

В 1660-е гг. все, казалось, шло к тому, что Трансильвания перейдет в полное подчинение Турции. Изгнав непокорного трансильванского князя, султан заменил его своей марионеткой и ввел в княжество вооруженный контингент, что спровоцировало войну. Политическое влияние императора Священной Римской империи было таково, что Леопольд, выступив в поход против Османской империи, получил поддержку не только имперского рейхстага, что дало ему 20 000 солдат, но и нескольких крупнейших князей империи с их армиями. Однако из-за опасений, что Людовик XIV вот-вот вторгнется в Испанию, Леопольд после победы над турками при венгерском Сентготхарде (1664) не сумел развить успех. Спустя всего несколько недель он подписал с Турцией Вавшварский мир, восстановивший территориальный статус-кво.

Несколько влиятельных венгерских аристократов, недовольных условиями мира, составили заговор, намереваясь свергнуть Леопольда с помощью Людовика и султана. Заговор магнатов полностью провалился. Организаторы были не способны соблюдать секретность: они открыто принимали послов и распространяли пропагандистские листовки, а один из них доверил изобличающую заговорщиков переписку любовнику собственной жены. Кроме того, об их обращении к султану тут же сообщил Леопольду османский драгоман (должность где-то между официальным переводчиком и министром иностранных дел), получивший образование в Вене. Весной 1670 г. после нескольких предупреждений, которые не были услышаны, Леопольд послал в Венгрию войска. Главных заговорщиков схватили и отправили на эшафот, а их замки заняли имперские солдаты. Безжалостное следствие выявило еще 2000 подозреваемых.

²⁴⁸ Tim Blanning, 'The Holy Roman Empire of the German Nation Past and Present', *Historical Research*, 85 (2012), 57–70 (65).

²⁴⁹ Antony Black, *The History of Islamic Political Thought* (Edinburgh, 2011), 262–7.

Многих из них судили особые суды, которые прямо во время процесса фабриковали законы и автоматически приравнивали протестантизм к государственной измене²⁵⁰.

Леопольд задумал повторить в Венгрии то, что его дед Фердинанд II учинил в Чехии. Советники поддержали его в этом намерении: «Ваше императорское величество покорили Венгрию силою оружия, а значит, можете поставить любое удобное вам правительство». Победитель турок Раймондо Монтекукколи, командовавший войском Леопольда при Сентготхарде, высказывался резче: венгры, по его словам, — это хищные звери, которые выползают из нор, чтобы грабить и рушить. Они уважают только железные розги. Леопольд последовал этим советам, назначив в Венгрии правительство под руководством великого магистра Тевтонского ордена Иоганна Ампрингена, который должен был восстановить в стране порядок. По рекомендации главным образом Монтекукколи, не видевшего особой разницы между протестантами и мятежниками, Леопольд также поставил перед новым правительством задачу вернуть страну в лоно католической веры²⁵¹.

Церемония приведения правительства Ампрингена к присяге в 1672 г. сопровождалась такими возлияниями, что его немецкие члены, кажется, так и не смогли от них оправиться. Венгерская же часть правительства, возглавляемая архиепископом Селепчени, примасом Венгрии, рьяно взялась за религиозные чистки. По ее инициативе из городов изгоняли магистратов протестантского вероисповедания, закрывали протестантские храмы и отнимали здания школ. Но самое главное, в Венгрии запретили проповедь протестантизма, а поскольку кальвинистское и лютеранское духовенство игнорировало этот запрет, в 1674 г. правительство распорядилось схватить несколько сотен проповедников. На следующий год 40 из них были приговорены к рабству на галерах и отправлены на неаполитанские верфи.

Рвение архиепископа Селепчени оказалось Леопольду как нельзя более некстати. По всей протестантской Европе печатались гневные памфлеты и прокламации о страданиях проповедников на пути в Неаполь; начался сбор пожертвований на выкуп осужденных. При этом Леопольд нуждался в поддержке протестантов Соединенных провинций, Саксонии и Бранденбурга в войне с Францией, разразившейся в 1672 г. Советники увещевали Леопольда как можно скорее положить конец этой дипломатической катастрофе, но тот, как обычно, медлил и распорядился освободить заключенных лишь в марте 1676 г., когда несколько из них уже умерли от тягот своего положения. В следующем месяце выжившие протестанты прибыли в Неаполь, где их доставили к испанскому наместнику, который тут же передал освобожденных под защиту голландской флотилии. Однако по репутации Леопольда эта история уже ударила, и теперь в протестантской Европе его клеймили как «чинителя злодейств много худших и более возмутительных, чем самые суровые казни, творимые Диоклетианом» (Диоклетиан, римский император III в., прославился жестокими гонениями на христиан)²⁵².

После драматических злоключений осужденных пасторов Леопольд в 1681 г. распустил правительство Ампрингена и вернулся в Венгрии к политике веротерпимости. Впрочем, к этому времени в гонениях уже не было нужды. Энтузиазм венгерского католического духовенства вызвал в обществе столь крупные сдвиги, что большая часть знати вовсе отсеклась от протестантизма. Золоченое великолепие восстановленных католических храмов, многие из которых в этот период перестроили в стиле барокко, а также просвещение масс посредством мистерий, торжественных процессий и проповедей на разговорном языке очень помогли в деле

²⁵⁰ Georg Kraus, *Erdélyi Krónika 1608–1665*, ed. Sándor Vogel (Budapest, 1994), 504; John P. Spielman, *Leopold I of Austria* (London, 1977), 65–6.

²⁵¹ «Ваше императорское величество покорили Венгрию силою оружия...» — см. Árpád Károlyi, *A magyar alkotmány fölfüggesztése 1673ben* (Budapest, 1883), 10; *Ausgewählte Schriften des Raimund Fürsten Montecuccoli*, ed. Alois Veltzé, vol. 3 (Vienna and Leipzig, 1900), 447–50.

²⁵² Sándor Payr, *A magyar protestáns gályarabok* (Budapest, 1927), 41–2; Walter Wilson, *Memoirs of the Life and Times of Daniel De Foe*, vol. 1 (London, 1830), 91.

рекатолизации сельской местности. Примечательно, что самый знаменитый из сосланных на галеры проповедников, Ференц Фориш Отрокочи, впоследствии сам перешел в католичество и покинул свое убежище в Оксфорде, чтобы стать преподавателем католического университета в венгерской Трнаве²⁵³.

На промахах Леопольда строили свою успешную политику турки-османы. В турецкой части Венгрии, у будайского паши, находили приют религиозные диссиденты, совершавшие оттуда все более дерзкие набеги на позиции Габсбургов. Куруцы («крестоносцы», *kurucok*), как они себя называли, прибегали к зверским методам и практиковали казнь на колу, чтобы запугивать население. Их отряды пополнялись казаками, набранными в степях Северного Причерноморья, и турецкими ополченцами, а командование укреплялось французскими офицерами, командированными Людовиком XIV. Сохранилось донесение из занятого турками города в Центральной Венгрии, датированное 2 января 1678 г.: «Крестоносцы и французы пришли в Кечкемет, всего числом 1180 человек. Заставили многих горожан вступить в их войско, выпили без меры вина и натворили множество бед». В том же донесении упоминается проход через город турецких войск, отправленных в набег на Священную Римскую империю²⁵⁴.

Несмотря на Нимвегенские мирные договоры (1678–1679), завершившие развязанную Людовиком XIV в 1672 г. войну на западе, французские войска не прекратили продвижение к Рейну и в 1681 г. захватили Страсбург. Однако к этому моменту турецкая угроза на востоке была куда серьезнее. Новый визирь из дома Кёпрюлю, Кара Мустафа, не только отверг предложение Леопольда продлить Вашварский мирный договор, но и пожаловал лихому предводителю *куруцев* Имре Тёкёли титул короля Венгрии. В Буде паша короновал Тёкёли венцом, привезенным из султанской сокровищницы в Стамбуле. Коронацию посетил трансильванский князь Михай I Апафи, который пообещал привести свое войско на подмогу туркам и куруцам в их борьбе против Габсбургов. К концу 1682 г. куруцы захватили большую часть Северной Венгрии (ныне Словакия) и совершали набеги на Силезию и Моравию²⁵⁵.

В ответ Леопольд с папой римским собрали Священный союз, который привел на сторону Священной Римской империи Баварию и протестантскую Саксонию, а также отдал в руки Леопольда солидную часть церковного достояния. Треть церковной собственности в австрийских землях продали, чтобы финансировать поход союзников. А главное, Леопольд добился расположения польского короля Яна III Собеского – это его казаки прежде воевали за «крестоносцев». Польской 40-тысячной армии предстояло сыграть ключевую роль в последующих событиях. Рейхстаг Священной Римской империи проголосовал за то, чтобы собрать для Леопольда 60 000 воинов, но определять, сколько солдат выставит каждая территория, было решено оставить самим князьям. Опасения рассердить Людовика XIV и соблазн его денежных выплат привели к тому, что курфюрсты Пфальца и Бранденбурга, а с ними архиепископы Майнца и Кёльна к кампании не присоединились.

В начале апреля 1683 г. османская армия выдвинулась из места сбора в Эдирне к западу от Стамбула. Ее продвижение к Белграду наблюдали дипломаты Леопольда, потрясенно описывавшие ряды запряженных быками повозок, тысячи вооруженных тяжелыми мушкетами пехотинцев в красных мундирах, обоз с 16 000 голов скота, леопардами и соколами, а также отряд евнухов. Войско шло мимо наблюдателей целое утро. В начале июня армия султана приблизилась к границе с габсбургской частью Венгрии; к этому моменту с подошедшими подкреплениями она насчитывала более 100 000 бойцов²⁵⁶.

²⁵³ Graeme Murdock, 'Responses to Habsburg Persecution of Protestants in Seventeenth-Century Hungary', *AHY*, 40 (2009), 37–52 (50).

²⁵⁴ Tibor Iványosi-Szabó, *Irott emlékek Kecskemét XVII. századi nyílvántartásaiból (1633–1700)*, vol. 1 (Kecskemét, 2008), 521.

²⁵⁵ Dávid Manó, *Thököly viszonya a Portához* (Cluj, 1906), 24–5.

²⁵⁶ Giovanni Benaglia, *Relatione del viaggio fatta à Costantinopoli* (Venice, 1685), 139–47.

Силами империи командовал Карл Лотарингский, опытный полководец, сражавшийся вместе с Монтекукколи в Сентготхарде; однако для защиты Венгрии у него не доставало солдат и к тому же совсем не было карт местности. К июлю он отступал по всему фронту. Чтобы не попасть в окружение, он отвел большую часть своего войска на запад от Вены, к Линцу, где стал ждать подмоги. Леопольд тем временем укрылся в Пассау, поскольку даже в Линце уже было слишком опасно. Единственной защитой Вены, таким образом, остался ее гарнизон. Не встречая на своем пути сопротивления, турецкая армия в июле 1683 г. осадила Вену, полностью окружив ее. Падение города казалось неизбежным. Защитники десятикратно уступали осаждавшим в числе, а стены и бастионы давно обветшали. Казалось, великий визирь Кара Мустафа, лично сопровождавший армию, вот-вот получит в свои руки «золотое яблоко»: как город, носивший в турецком языке это имя, так и золотой шар, спрятанный, по турецкой легенде, в соборе Святого Стефана до той поры, пока колокольня собора не превратится в минарет²⁵⁷.

Осада продолжалась два месяца, и главные ее события разворачивались в лабиринте траншей, вырытых обеими сторонами у стен города, а также под землей, где отряды саперов неустанно рыли минные подкопы и контрподкопы. Голод и дизентерия косили защитников города и не успевших бежать обывателей. Скоро в Вене почти не осталось кошек и ослов. В первые дни сентября взрывы турецких мин проделали в городской стене несколько брешей, которые невозможно было заделать. Понимая, что конец близок, осажденные начали подавать сигнал бедствия ракетами с крыши собора Святого Стефана. В ночь с 7 на 8 сентября они увидели ответные вспышки в районе горы Каленберг, что на венской стороне Дуная. Карл Лотарингский, в своем неизменном напудренном парике и в ботфортах с отворотами, возвращался в Вену, но теперь он вел с собой армии Саксонии, Баварии и Польши.

Гордость короля Яна Собеского не позволила бы ему принять чье бы то ни было командование, так что это под его началом 12 сентября 1683 г. союзное войско разгромило турок у подножия горы Каленберг. Путь Собеского из Варшавы был непрост. У него тоже не было карт, более того, он даже отдаленно не представлял местность, где будет воевать. «Какие там горы? Есть ли открытые места? Какие там реки и как через них переправляться?» – спрашивал он в одном из писем к Карлу Лотарингскому. Но когда к вечеру в битве так и не намечилось перелома, именно Собеский возглавил самую массовую, как считается теперь, кавалерийскую атаку в истории. Во главе 18 000 всадников скакали польские гусары, на чьих доспехах были закреплены сделанные из орлиных и страусиных перьев крылья, завывавшие на ветру²⁵⁸.

Теперь настала очередь турок пережить унижение невольничьего рынка: пленных солдат и женщин из турецкого обоза продали в Вене с аукциона. Османская империя хотя и сохранила мощную военную машину, так и не оправилась от поражения под Веной. И уж точно не оправился от него визирь Кара Мустафа, задушенный за это поражение по приказу султана. Спустя три года войска Леопольда захватили Буду и в союзе с армиями Саксонии, Бранденбурга, Ганновера, Баварии и Швеции освободили большую часть Венгрии. Затем полки Габсбургов двинулись на юг, на Балканы, и даже ненадолго взяли город Скопье, нынешнюю столицу Северной Македонии, отстоящий всего на 200 км от побережья Эгейского моря²⁵⁹.

Однако война на западе вновь заставила Леопольда отвести войска, оставив все захваченные территории южнее Белграда. Тем не менее после недолгого сопротивления и в обмен на гарантии свободы совести перед Леопольдом капитулировала Трансильвания. Но она не была присоединена к Венгрии, а осталась, как и была, отдельной страной со своим правитель-

²⁵⁷ Karl Teply, *Türkische Sagen und Legenden um die Kaiserstadt Wien* (Vienna, Cologne, and Graz, 1980), 34.

²⁵⁸ «Какие там горы?» – см. John Stoye, *The Siege of Vienna* (London, 1964), 208.

²⁵⁹ О невольничьем аукционе в Вене см. Karl Teply, 'Türkentaufen in Wien während des Grossen Türkenkrieges 1683–1699', *Jahrbuch des Vereines für Geschichte der Stadt Wien*, 29 (1973), 57–87 (61–2).

ством, которое назначал император, и особой канцелярией, ведавшей ее делами из Вены. Имре Тёкёли, чьи отряды в кампанию 1683 г. сражались на стороне турок, безуспешно пытался противостоять захвату Трансильвании Габсбургами и остался союзником султана до своей одинокой смерти на побережье Мраморного моря близ Стамбула (1705).

Воспользовавшись победой над султаном, Леопольд вынудил присмирившее венгерское государственное собрание признать Габсбургов наследственными монархами Венгрии. Вместе с тем Венгрия сохранила свое обычное право, то есть решения и законы, принимаемые государственным собранием, не имели обязательной силы, пока не подтверждались судебной практикой. Это не умаляет победы Леопольда, которому при освобождении Венгрии удалось заручиться поддержкой князей и рейхстага Священной Римской империи, казалось бы, в своей частной династической войне. Протестантские князья, например курфюрст Бранденбурга, прежде опасавшийся, что Леопольд намерен исподтишка вернуть империю в католичество, заняли сторону императора. Так же поступил и правитель Баварии – несмотря на традиционное соперничество его семьи с Габсбургами. Имперский рейхстаг выделял средства и организовывал вербовку войск в помощь Леопольду, а с 1663 г. заседал непрерывно и потому мог принимать решения быстрее. С этих позиций Леопольд начал новый тур противостояния с Францией.

В 1688 г. Людовик XIV, воспользовавшись продвижением Леопольда на Балканах, вторгся в рейнские земли империи и скоро захватил почти весь Пфальц. Леопольд и штатгальтер Республики Соединенных провинций Вильгельм Оранский (ставший в тот же год английским королем Вильгельмом III) собрали коалицию, которая вскоре объединила большинство князей Священной Римской империи, а также правителей Савойи и Испании. Как и в Тридцатилетнюю войну, военные действия охватили заморские владения испанских Габсбургов: французские корабли нападали на испанские колонии в Карибском море и на суда с ценными грузами. В 1697 г. Рейсвейкский договор установил между враждующими сторонами перемирие, но не мир. После смерти в 1700 г. испанского монарха Карла II, не оставившего наследников по мужской линии, война разгорелась заново. Леопольд и Людовик сражались за владения Карла, а прочие европейские державы в ужасе думали о том, что французский король может заполнить Испанию и ее заморские территории.

В Войне за испанское наследство (1701–1714) Людовику XIV удалось склонить на свою сторону Баварию и разжечь мятеж в Трансильвании, который вскоре охватил и Венгрию. Леопольд между тем возобновил союз с Британией и Голландией. В 1704 г. британский полководец герцог Мальборо и глава имперского Военного совета Евгений Савойский в битве при Блиндхайме, что на Дунае, нанесли франко-баварскому альянсу решающее поражение. Это сражение чаще называют на английский манер – Бленхеймским – и обычно причисляют к победам британского оружия. На самом деле армия, которую вел герцог Мальборо, вовсе не была «пунцовой гусеницей» облаченных в красные мундиры британских солдат, которая, по выражению Уинстона Черчилля, проползла к победе через весь Европейский континент: британскую форму носили лишь 9000 бойцов 40-тысячного войска. Как и в случае Евгения Савойского, основу армии герцога Мальборо составляли полки, набранные либо в Голландии, либо в княжествах Священной Римской империи.

Бленхейм стал триумфом и для Леопольда. Он вновь продемонстрировал, что император все же способен вести за собой и оказывать – дипломатическими или военными средствами – то влияние, которое придает смысл его титулу. Военные подвиги Леопольда воспевались в пьесах и гравюрах. Одержав верх над турками, он уже превратился в австрийского Геракла, сокрушившего азиатские орды. Теперь же Леопольда, вставшего на пути Людовика, изображали либо германским Ахиллом, либо Одиссеем, чья Пенелопа – сама Священная Римская империя. Все эти образы, однако, отражали более глубинные сдвиги. Вне зависимости от казуистики юристов и столкновений «церемониальных грамматик» император из рода Габсбургов

снова был первым лицом Священной Римской империи. Благодаря собственному упорству и умениям своих генералов Леопольд восстановил ту связь между династией и императорской короной, которая и позволяла Габсбургам претендовать на величие²⁶⁰.

---

²⁶⁰ Anton Schindling, *Die Anfänge des Immerwährenden Reichstags zu Regensburg* (Mainz, 1991), 224.

15

НЕВИДИМЫЕ ИСПАНСКИЕ МОНАРХИ И СМЕРТЬ ОКОЛДОВАННОГО КОРОЛЯ

Единственным Габсбургом, когда-либо посетившим колонии династии в Новом Свете, был францисканский миссионер, незаконный сын императора Максимилиана I брат Петр Гентский (ок. 1480–1572). Его забота о духовном и земном благополучии мексиканцев отмечена статуей на постаменте памятника Колумбу в центре Мехико. Статуя создавалась в 1870-х гг., и ее автор Шарль Кордье, не имея никакого представления о том, как выглядел брат Петр, вылепил его голову с бюста греческого философа Сократа, лишь добавив к нему тонзуру (которую францисканцы не выбривали)²⁶¹.

Но по крайней мере статуя, воздвигнутая в честь брата Петра, напоминает о человеке, который действительно побывал в Мексике. В заморских владениях Габсбургов, куда ни разу не заглянул ни один правящий представитель династии, изображения подменяли собой реальность, и физическое отсутствие монарха восполнялось образами, репрезентирующими его фигуру. Реальное и воображаемое сливалось в симулякр идеального короля, в иконографию, акцентирующую величие и могущество далекого правителя. Но формируемые так образы не только обозначали отсутствующего короля. Они маскировали его отсутствие, подменяя изображением предмет и материю, но одновременно обращаясь к той самой идее королевской власти, которая и делала монарха монархом²⁶².

Канон такой репрезентации сложился после смерти Карла V в 1558 г. По всем его владениям тогда прошли имитации его похорон с шествиями, черными полотнищами на зданиях и многоярусными погребальными помостами в соборах, богато украшенными изображениями императора, его владений и его побед. Установленные в центре помоста портрет, корона или урна символизировали тело Карла, уже преданное земле в монастыре Юсте (откуда его позже перенесут в Эскориал). Помосты так ярко освещались плотными рядами свечей, что в сумраке соборного нефа возникало впечатление «комнаты света». Печатались траурные альбомы, в которых для потомков описывалось устройство погребальных помостов, сценарии торжеств и достоинства почившего императора²⁶³.

Помосты представляли собой временные сооружения из дерева, ткани и штукатурки. По окончании траурных ритуалов их обычно разбирали, хотя от соседства с таким множеством свечей иные успевали сгореть. Траурные альбомы, однако, сохраняли для будущих поколений правила проведения погребальных торжеств, показывали, как устраивать помосты, приводили наиболее подходящие для их украшения эмблемы и панегирики, расписывали порядок организации процессий и «живых картин» (*tableaux vivantes*). А еще они разжигали соперничество. Города по всей Габсбургской Испании соревновались в пышности и размере погребальных помостов, которые зачастую достигали высоты 30 метров и украшались портретами, гобеленами, геральдическими символами и зловещими изображениями смерти.

В Новом Свете помосты строились не менее великолепные, чем в самой Испании. В часовне Сан-Хосе-де-лос-Натуралес в Мехико в 1559 г. для Карла V соорудили 15-метровый крестообразный в плане помост, увенчанный символической короной, над которой висела огромная лампада с изображением имперского двуглавого орла и надписью «Plus Ultra», девиз-

²⁶¹ Francisco de la Maza, 'Iconografia de Pedro de Gante', Artes de México, 150 (1972), 17–32 (28).

²⁶² Jean Baudrillard, Simulacra and Simulation, trans. S. H. Glaser (Ann Arbor, MI, 1994), 5–7.

²⁶³ Minou Schraven, Festive Funerals in Early Modern Italy: The Art and Culture of Conspicuous Commemoration (Abingdon and New York, 2016), 53–83.

зом усопшего монарха. Этот помост был меньше, чем его аналог в Лиме, но богаче украшен, в том числе картинами, изображавшими победы Карла, античных героев и сцены испанского завоевания Мексики. Работали над ним главным образом местные художники индейского происхождения, собранные братом Петром Гентским. Их воззрения отражала ведущая на помост лестница из девяти ступней, напоминавшая девять террас пирамид ацтеков и майя. Весьма вероятно, что так называемые халдейские буквы, которые, по дошедшим до нас сведениям, украшали эту лестницу, были ацтекскими иероглифами²⁶⁴.

Не менее пышными церемониями обставлялся в Новом Свете приход к власти следующего монарха. После нескольких месяцев траура зачитывалась прокламация о преемнике и под золотым балдахином выставляли его портрет или штандарт. Отсрочка в чествовании нового короля была целиком искусственным приемом, поскольку новость о смерти прежнего монарха и прокламация его преемника обычно прибывали на одном корабле. Улицы украшались яркими шелками и парчой, устанавливалась праздничная атмосфера, появлялись прилавки с мороженым, шоколадом и марципанами. Таким же оживлением сопровождались в Новом Свете и иные добрые вести из метрополии: о браках царственных особ, рождениях и обрядах крещения в их семьях, именинах королев и прочих радостных событиях²⁶⁵.

Но имелась там и живая имитация монарха. Вице-короли колоний по своему статусу лишь немного уступали королю, которого замещали. Как писал один перуанский клирик, «справедливо будет сказать, что вице-король – это и есть королевская персона, потому что король живет в нем в силу переноса». Нового вице-короля, следовавшего под балдахином, приветствовали как настоящего монарха: чередой триумфальных арок, оформленных как античными, так и ацтекскими или инкскими сюжетами, которые зачастую забавно переплетались – и возникал, например, Одиссей с попугаем на плече. Инаугурация вице-короля становилась поводом для целой недели празднеств, принимавших карнавальнй характер, поскольку во главе процессий выступали отпущенные на волю преступники, проститутки и паяцы. В Маниле прибытие губернатора, которой выполнял функции вице-короля, отмечали фейерверками, а также, как обозначено в одной афишке тех времен, «официальными торжествами и спонтанными развлечениями»²⁶⁶.

Как «представитель и живой образ Его Величества», вице-король должен был держаться царственно – что означало степенные движения, суровое выражение лица и отсутствие излишеств вроде пера на шляпе. С другой стороны, как суррогат монарха он должен был часто показываться на публике. Поэтому в Лиме и Мехико вице-королевские дворцы стояли на главной городской площади, где вице-короли при стечении публики выполняли свои главные церемониальные задачи: присутствовали при аутодафе, приносили ежегодные должностные приношения, принимали поздравления ко дню своего рождения. В обоих дворцах на верхних этажах были устроены высокие окна, через которые вице-король должен был показываться толпе на площади. Для этой же цели в мексиканском дворце имелось не менее 12 балконов²⁶⁷.

Между тем сама публичность вице-короля парадоксально изобличала несоответствие этого симулякра настоящему венценосцу. На протяжении XVI в. по всей Европе монархи все реже показывались народу. Отчасти это было следствием перехода вслед за бургундским двором на новый изысканный этикет, задачей которого было избавлять правителя от назойливо-

²⁶⁴ Cervantes de Salazar, *Título Imperial* (Mexico City, 1560), fols 4v, 14r; Elizabeth Olton, 'To Shepherd the Empire: the Catafalque of Charles V in Mexico City', *Hispanic Issues On Line*, 7 (2010), 10–26.

²⁶⁵ Isabel Cruz de Amenábar, 'Arte Festivo Barocco: Un Legado duradero', *Laboratorio de Arte*, 10 (1997), 211–31 (224).

²⁶⁶ «Справедливо будет сказать, что вице-король – это и есть королевская персона...» – см. Alejandro Cañeque, *The King's Living Image: The Culture and Politics of Viceregal Power in Colonial Mexico* (New York and London, 2004), 238; Patricio Hidalgo Nuchera, 'La entrada de los gobernadores en Manila', *Revista de Indias*, 75 (2015), 615–44 (626).

²⁶⁷ Christoph Rosenmüller, *Patrons, Partisans, and Palace Intrigues: The Court Society of Colonial Mexico, 1702–1710* (Calgary, 2008), 35–6.

сти подданных. Придворные и непридворные, прежде толкавшиеся в королевской спальне и (как жаловался один французский король) одалживавшие королевскую одежду, теперь отступали от монарха на почтительное расстояние, а доступ к нему регулировался строгими правилами. Близость к королю с этого момента зависела от статуса и сама превратилась в показатель высокого положения. Например, блюдо с едой по дороге с кухни на стол монарха могло пройти через 24 пары рук: каждому следующему участнику этой цепочки было дозволено чуть ближе подойти к венценосной особе. Как сухо подметил Евгений Савойский, такое отдаление имело по меньшей мере то преимущество, что королю стало труднее тискать служанок²⁶⁸.

Однако другим истоком отдаления от подданных была идея, что королевская власть исходит от Бога и потому монарх должен сохранять соответствующую отстраненность. Подобно богу, он был, как гласило одно описание того времени, «совершенным... неизменным в своем величии... вездесущим и столь непостижимым, что никто не может проникнуть в его тайны». Начиная с 1580-х гг. к испанским королям из династии Габсбургов было принято обращаться словом *Señor*, «Господин» – именно так обращались в молитвах к Богу. Более того, монарх считался не только богоподобным, но и воплощением солнца: король Филипп IV (правил в 1621–1665 гг.) был известен как «король-солнце» задолго до того, как этот титул присвоил себе Людовик XIV. Согласно этой метафоре, и двор, и дворец испанского короля строились как подобие Вселенной, в соответствии с принципами небесной гармонии и механической предсказуемости, так что каждая из малых сфер вращалась согласно своему месту в астрономической иерархии. В этой системе все занятия венценосца были также предопределены и рассчитаны до такой степени, что, по словам одного посетившего испанский двор французского аристократа, «король точно знал, что будет делать в любой из дней всей своей жизни»²⁶⁹.

Бургундский придворный этикет, по описаниям современников, сочетал в себе «обожествление, удаление и строгость», но в действительности дело обстояло сложнее. В XV в. бургундские герцоги ценили отстраненность, но отнюдь не хотели терять связь с подданными. Поэтому последний герцог Карл Смелый три вечера в неделю посвящал выслушиванию жалоб от бедняков, к вящей досаде присутствовавших при этом придворных. Формальное принятие бургундского дворцового этикета в Испании, состоявшееся в 1548 г. после нескольких недель переобучения дворцового штата, перенесло этот принцип в испанский королевский протокол. Даже в XVII в. короли Испании несколько раз в неделю выслушивали петиции подданных, а стража у дворцовых ворот была обязана беспрепятственно пропускать всех жалобщиков²⁷⁰.

Были и другие случаи, по которым королю приходилось показываться на людях: бои быков, выступления наездников, религиозные процессии. Но эти появления режиссировались так, чтобы под королевской мантией нельзя было разглядеть никаких признаков живого человека. Все движения короля были напряженными и вычурными, лицо – застывшим в торжественной суровости; он сохранял полное молчание. Даже наедине со своими министрами в спокойной дворцовой обстановке Филипп IV знаменитым образом придерживался этих правил. Однажды он отчитал жену за то, что та смеялась над трюками паяца, а в другой раз остался невозмутим и недвижим, когда на заседании совета один из министров рухнул замертво, пораженный апоплексическим ударом. Как проникательно замечал некий испанский юрист, придворный этикет превращал самого монарха «в одну только церемонию»²⁷¹.

²⁶⁸ *Memoirs of Prince Eugene of Savoy Written by Himself*, ed. F. Shoberl (London, 1811), 198.

²⁶⁹ «Совершенным... неизменным в своем величии... вездесущим...» – см. Salvador de Mallea, *Rey Pacifico y Gobierno de Principe Catolico* (Genoa, 1646), 2. «Король точно знал, что будет делать в любой из дней всей своей жизни...» – см. J. H. Elliott, 'The Court of the Spanish Habsburgs: A Peculiar Institution?' in *Politics and Culture in Early Modern Europe*, ed. Phyllis Mack and Margaret C. Jacob (Cambridge, 1987), 5–24 (13, высказывание Антуана де Брюнеля).

²⁷⁰ Carlos Gómez-Centurión Jiménez, 'Etiqueta y ceremonial palatino durante el reinado de Felipe V', *Hispania*, 56 (1996), 965–1005 (973–4). О приеме жалоб в Бургундии см. Richard Vaughan, *Charles the Bold: The Last Valois Duke of Burgundy*, 2nd ed. (Woodbridge, 2002), 182–3.

²⁷¹ По словам Эдварда Герберта (1583–1648), см. *Life of Lord Herbert, of Cherbury* (London 1856), 252. О министре

Росла и дистанция между монархом и правительством. Филипп II был, как это называется теперь, микроменеджером: он настолько тщательно вникал в дела и определял мельчайшие детали, что министры и чиновники чувствовали себя без него беспомощными. В такой маниакальной внимательности современники Филиппа усматривали заботу о стране и стремление править по справедливости. Его сын Филипп III (правил в 1598–1621 гг.) сначала пытался подражать отцу: собирал комиссии, составлял планы захвата Ирландии и вторжения в Африку. Но когда все грандиозные проекты провалились, Филиппа охватили неуверенность и апатия, и с тех пор он препоручал государственные заботы советникам или, все чаще, своему *valido* – доверенному лицу – герцогу Лерме. *Валидо*, что-то среднее между фаворитом короля и первым министром, выполнял основной объем королевских обязанностей, а в случае герцога Лермы использовал свое положение еще и для личного обогащения. Но и такой валидо был полезен правителю, и не только как рабочая лошадка. На него всегда можно было свалить вину, если политический курс оказывался неудачным²⁷².

Valimiento, то есть «правление валидо», продолжилось и в царствование Филиппа IV – его осуществлял граф-герцог де Оливарес, а затем, с середины 1640-х гг., дон Луис де Аро. Их мастерство в деле управления государством позволяло Филиппу IV выполнять церемониальные функции короля, заказывать великие произведения искусства и заниматься тем, что у него получалось лучше всего, – делать внебрачных детей, которых в итоге родилось не меньше 30. Между интрижками Филипп вел активную переписку с левитирующей аббатисой и мистиком Марией Агредской, исповедуясь в грехах плоти и получая советы по государственным вопросам. Мария убеждала его взять бразды правления в свои руки, удалив фаворитов. Ей вторили гранды, которым казалось, что они лишились влияния при дворе. Филипп внял этим увещаниям и в 1643 г. сместил Оливареса, однако вскоре поставил на его место Луиса де Аро.

Общепринятым в то время было мнение, что король должен править сам, а не передоверять свои обязанности другим. Один из советников Филиппа замечал, что «валимиенто – бич нашей эпохи», потому что порождает интриги, недовольство, измену и разорение. Король получил власть от Бога и должен, следуя Божественному примеру, править лично. Такие обращения к небесному порядку были типичны для испанской монархической литературы. Как объяснял один юрист, монарх является «подобием Бога на земле, и он должен следовать действиям Бога и подражать им». Следовательно, он не может делить свои полномочия с третьими лицами, а должен осуществлять «абсолютную королевскую власть» (*poderio real absoluto*)²⁷³.

Термин «абсолютизм» возник после Французской революции для описания того типа монархического правления, который имелся во Франции до 1789 г., но прилагательное «абсолютный» восходит к Средним векам. Происходившее от латинского *absolutus* («дозволенный»), оно употреблялось преимущественно в сфере юриспруденции, описывая власть, которая не ограничена никакими законами. Эта концепция перекликалась с римским правом, полагавшим монаршую волю источником законодательных полномочий, и делала «абсолютную» власть испанской короны высшей правовой инстанцией. Во всяком случае некоторые из королевских чиновников приходили именно к такому заключению. Отсюда возникшие во второй половине XVII в. максимы «Приказ короля – закон», «Его Величество – абсолютный повелитель, любые распоряжения которого должны исполняться немедленно и без обсуждения» и «Королю сле-

Филиппа IV см. Alistair Malcolm, *Royal Favouritism and the Governing Elite of the Spanish Monarchy, 1640–1665* (Oxford, 2017), 42.

²⁷² Patrick Williams, 'Philip III and the Restoration of Spanish Government, 1598–1603', *The English Historical Review*, 88 (1973), 751–69 (753–6).

²⁷³ «Валимиенто – бич нашей эпохи...» – см. Alistair Malcolm, *Royal Favouritism and the Governing Elite of the Spanish Monarchy, 1640–1665* (Oxford, 2016), 13. «Подобием Бога на земле...» – см. Sara Gonzalez, *The Musical Iconography of Power in Seventeenth Century Spain and Her Territories* (London and New York, 2016), 93.

дует повиноваться как безусловному и самовластному (*despótico*) господину наших жизней и имущества»²⁷⁴.

Но это были лишь мнения юристов, поскольку королевская власть была ограничена и в теории, и на практике. Во-первых, все понимали, что законотворчество монарха ограничивают ранее принятые законы и сложившиеся традиции: пренебрежение ими ставило бы под удар гармонию в королевстве, которую монарх обязан охранять. Для иллюстрации этого тезиса королевскую власть часто сравнивали с арфой, струны которой приходится натягивать и ослаблять, чтобы получить мелодичное созвучие всех подданных. Другие авторы уподобляли монархию часовому механизму, который король должен поддерживать в постоянном движении. Ему следует не переизобретать этот механизм, но лишь обслуживать и ремонтировать его.

Отсюда делался вывод, что король обязан считаться с историческими испанскими парламентами – кастильскими кортесами и арагонскими генеральными кортесами. Габсбургские короли Испании никогда не признавали, что налогообложение должно зависеть от того, насколько благосклонно монарх отвечает на жалобы депутатов, но право кастильских кортесов утверждать налоги не оспаривали. На деле монарх и кортесы работали настолько слаженно, что король доверял депутатам следить за королевскими расходами и более того – определять, на что именно тратить казенные деньги. Даже в непокорном Арагоне королевское правительство стремилось к согласию, а не к раздорам, несмотря на то что генеральные кортесы настаивали на пактизме (*pactismo*) – принципе, по которому Арагон повинуетсся королю лишь до тех пор, пока тот действует по правилам, установленным самими кортесами²⁷⁵.

Конечно, во второй половине XVII в. и кастильские, и арагонские кортесы утратили былое влияние и созывались довольно редко. Долгие перерывы были на руку Филиппу IV, поскольку таким образом он экономил немалые средства, необходимые на проведение заседаний, – одни подушки (для удобства депутатов) стоили немислимых денег. Устраивало такое положение и кастильские города: им не нравилось платить жалованье депутатам, которые все равно брали взятки. Вместе с тем стремление к консенсусу и общему благу все же доминировало, так как король или его фавориты договаривались с более мелкими комиссиями, делегациями или властями отдельных городов страны. Да, декорации поменялись, но исходная посылка, что власть короля осуществляется путем обсуждений и соглашений, оставалась неизменной. Здесь помогал пример французского короля Людовика XIV: даже непокорным арагонским дворянам его непомерные запросы напоминали, что возможны и другие типы монаршего правления, которые могут понравиться им еще меньше²⁷⁶.

Когда сложившиеся методы коллегиального принятия решений не работали, как это было при графе-герцoge Оливаресе в 1620–1630-х гг., разлад в обществе воспринимался как закономерный результат. Оливарес стремился повысить налоги и расширить воинскую повинность в некастильских областях Испании, заявляя, что они недоплачивают положенного, но его презрение к историческим правам и процедурам вызвало в 1640 г. мятеж в Каталонии и отделение Португалии. Критики Оливареса не замедлили отметить, что он «пренебрег мудростью и знаниями предков, приобретенными долгим опытом и горькими уроками» и тем самым расстроил «арфу королевств и сообществ»²⁷⁷.

Падение Оливареса показало пределы возможностей правительства. Испанским королям не доставало сил навязывать свою волю, потому что немалые области государства оставались неподконтрольными монарху. Для пополнения казны правители из поколения в поколе-

²⁷⁴ I. A. A. Thompson, 'Castile', in *Absolutism in Seventeenth Century Europe*, ed. John Miller (Basingstoke and London, 1990), 69–98, 239–43 (241).

²⁷⁵ Xavier Gil, 'Parliamentary Life in the Crown of Aragon: Cortes, Juntas de Brazos, and Other Corporate Bodies', *Journal of Early Modern History*, 6 (2002), 362–95 (372).

²⁷⁶ Christopher Storrs, *The Resilience of the Spanish Monarchy 1665–1700* (Oxford, 2006), 204.

²⁷⁷ Gonzalez, *The Musical Iconography of Power*, 69.

ние торговали государственными должностями, налоговыми льготами и правами на земли и замки. Большей частью все это доставалось важнейшим городам и представителям верхнего слоя «титированной» знати, которые обладали практически неограниченной властью в своих обширных владениях. Для защиты целостности таких владений их превращали в майораты, делая невозможным дробление имущества при передаче по наследству. К XVII в. четыре пятых территории Кастилии принадлежало короне, титулованной знати, городам или церкви. Свободные крестьяне теснились на оставшейся земле и постепенно превращались в обремененных долгами арендаторов-издольщиков. Похожим образом мелкие дворяне (*hidalgos*) часто вынуждены были идти на службу к грандам – фактически на роль челяди.

Та же картина сложилась и в Новом Свете. Американские и тихоокеанские вице-короли и губернаторы располагали властью, которая рассматривалась как абсолютная, и вершили, как считалось, Божественную волю. Единственная формальная разница между вице-королем и его венценосным господином состояла в том, что первый не мог подписывать документы словами «Я, король» («Yo, el rey!»). И хотя вице-королям не нужно было искать компромисса с парламентами, договариваться приходилось и им. Влиятельные муниципальные советы в больших и малых городах, составленные главным образом из потомственных городских чиновников, саботировали распоряжения правителя. В 1609 г. в ответ на предложение Филиппа III учредить кортесы в Лиме вице-король писал, что это приведет только к лишнему беспокойству и что городские советы и без того причиняют ему довольно хлопот²⁷⁸.

Испанское население Нового Света по большей части концентрировалось в крупнейших городах. В Мексике около 1600 г. почти 60 % европейцев жили в 11 городах, каждый из которых имел планировку типа решетки, с центральной площадью и улицами, пересекающимися под прямым углом. Сельская же местность представляла собой «республику индейцев» – жила по собственным законам, имела свою аборигенную аристократию и не прекращала совмещать католичество и завезенные из Европы манеры с традициями ацтеков и майя. Священники и монахи в меру сил старались защищать туземцев от притеснений со стороны «республики испанцев», но они не могли спасти их от вербовки на плантации или в шахты, расположенные в принадлежащих испанцам поместьях, так называемых асьендах (*haciendas*). Туда, где местная рабочая сила была в дефиците, испанские поселенцы завозили чернокожих рабов из Африки. Во многих частях Нового Света асьенды образовали как бы мини-королевства, не зависящие от габсбургских вице-королей и губернаторов. А в Парагвае и в глубине амазонских джунглей свои теократические государства устраивали миссионеры-иезуиты, снаряжавшие собственные армии и сгонявшие туземцев в крупные деревни, чтобы их легче было контролировать и обращать в истинную веру²⁷⁹.

Общество в испанских колониях было весьма неоднородным. В Новом Свете идея «чистоты крови» (*limpieza de sangre*), вывезенная из Испании, приобрела еще большую важность. Раса определяла статус. Только испанские иммигранты первого поколения (*peninsulares*) и их чистокровные потомки (*criollos*, креолы) имели право учиться в университетах, состоять на государственной службе, вступать в большинство гильдий и получать налоговые послабления. Со временем градация становилась все более тонкой, люди со смешанной кровью делились на множество неравноценных категорий, в зависимости от степени смешения и от того, кто в нем участвовал: абориген-индеец или африканский раб. Чем выше стояла группа в этой иерархии, тем больше у ее представителей было возможностей подняться благодаря деньгам или браку в как бы недоступный класс креолов. Чтобы каждый безошибочно знал свое место, художники писали подробные «кастовые портреты» представителей всех 16 существовавших

²⁷⁸ Alejandra B. Osorio, *Inventing Lima: Baroque Modernity in Peru's South Sea Metropolis* (Basingstoke and New York, 2008), 52–3.

²⁷⁹ John Leddy Phelan, *The Kingdom of Quito in the Seventeenth Century: Bureaucratic Politics in the Spanish Empire* (Madison, WI, 1967), 33–7.

в теории смешанных рас с их разными цветами кожи, изображая людей с более «нечистой» кровью оборванцами и моральными уродами.

Габсбургские колонии в Новом Свете не меньше, чем метрополия, почитали святую церковь и проявляли не меньшее благочестие. Но вопросы расы и касты накладывали свои особенности даже на религиозную практику. Демонстративное поклонение евхаристии и Деве Марии, которое Габсбургская монархия диктовала своим подданным, в Новом Свете происходило на фоне сегрегации церквей, приходов и праздничных процессий. Религиозные карьеры тоже приспосабливались к «пигментократии». В женские монастыри обычно принимали только чистокровных испанок, поэтому считалось признаком высокого статуса иметь дома портрет родственницы в монашеском облачении либо в образе послушницы, украшенной гирляндами цветов. На портретах зачастую можно было встретить родовые гербы или надпись внизу холста, перечисляющую предков изображенного и тем самым подтверждающую расовую чистоту и его рода, и того дома, где висит портрет²⁸⁰.

Портреты послушниц в цветах были так же нереальны, как изображения королей на погребальных помостах. Впрочем, и то и другое призвано было служить отражением установленного Богом порядка, когда на вершине пирамиды располагается расово чистая элита и государь, обладающий, как подобие Бога на земле, неограниченной властью. Однако пропасть между образом монархии и реальностью становилась все глубже. В 1665 г. после смерти Филиппа IV трон перешел к его малолетнему сыну Карлу II (1661–1700). Жалкий и слабоумный Карл долго поражал современников тем, что продолжал жить. Наследников он не оставил, так как был явно неспособен совершить половой акт. Его первая супруга, с которой он вступал в жалкое подобие близости, после 10 лет брака не могла наверняка сказать, утратила ли девственность. Вторая супруга Карла больше интересовалась разграблением его дворцов, отсылая мебель и картины своим нуждающимся родителям в Пфальц. Современники объясняли недуги короля порчей, поэтому Карл получил прозвище Околдованный (*El Hechizado*) и не раз подвергался обряду экзорцизма. Поскольку заниматься государственными делами он был очевидно не способен, от его имени правили его вдовая мать, вторая жена и сменявшие друг друга валидо.

Свои последние месяцы немый и неухоженный Карл провел в блужданиях по лесам, в забавах с волшебным фонарем, показывавшим истории благочестивого содержания, и в рассматривании останков своих предков в усыпальнице Эскориала. Единственной его задачей оставалось назначение преемника. Государственный совет во главе с кардиналом Портокарреро убеждал Карла назвать имя внука Людовика XIV Филиппа Анжуйского (в будущем – испанского короля Филиппа V). Совет руководствовался стратегическими соображениями сохранения мира на Пиренейском полуострове и защиты заморских владений Испании, но свою роль сыграли и денежные подношения французов. 28 сентября 1700 г. Карл в последний раз причастился. Три дня спустя он подписал поднесенное кардиналом Портокарреро завещание, горько вздохнув при этом: «Я больше никто». Но и после этого он, к изумлению врачей, прожил в мучительной агонии еще месяц.

Вскрытие почившего монарха обнаружило «очень маленькое сердце, изъеденные легкие, гноящийся и омертвевший кишечник, три крупных камня в одной почке, одно яичко, черное, как уголь, и водянку головного мозга». Нынешние медики из этого описания заключают, что «Карл страдал задней гипоспадией, монорхизмом и атрофией яичка. Вероятно, его организм не был ни мужским, ни женским, с половыми органами промежуточного типа и с врожденной единственной почкой, пораженной камнями и инфекцией». Иными словами, у Карла была одна почка и одно яичко, а уретра выходила на нижнюю сторону недоразвитого пениса. Уче-

²⁸⁰ James M. Córdova, *The Art of Professing in Bourbon Mexico: Crowned Nun Portraits and Reform in the Convent* (Austin, TX, 2014), 169–70.

ные также предполагают у него «синдром ломкой Х-хромосомы», как правило, вызывающий задержку умственного развития и ненормально длинное лицо, – это заболевание может объясняться близкородственными браками во многих поколениях дома Габсбургов²⁸¹.

Для современников трагическая судьба Карла стала символом заката королевской власти в Испании и упадка самого королевства. Пороки нации отождествлялись с личными пороками Карла, а физические недуги монарха уподоблялись бедам государства. Стилизованный текст на смерть Карла, написанный в год его кончины, воспекает славу, которую король принес Австрийскому дому, и его заслуги перед «двойной империей Старого и Нового Света». Однако после смерти Карла II власти Габсбургов в Испании пришел конец, а с ней – и габсбургскому владычеству в Америке и на Тихом океане. С тех пор владения Габсбургов ограничивались их европейскими землями. «Империя Старого и Нового Света» перестала существовать²⁸².

---

²⁸¹ *European Urology Today*, 27, no. 2 (March/May 2015), 4.

²⁸² Antonio Cánovas del Castillo, *Historia de la Decadencia de España* (Madrid, 1910), 617; Pedro Scotti de Agoiz, *El Cenotafio: Oracion Funebre en la Muerte del Senor Rey Don Carlos II* (Madrid, 1700), 45.

16

ТЕАТР БАРОККО

Барокко – художественный стиль, связанный с восстановлением в Центральной Европе католицизма и власти Габсбургов, а конкретнее – с царствованиями императора Леопольда I (1658–1705) и двух его сыновей, Иосифа I (1705–1711) и Карла VI (1711–1740). Но кроме того, это и универсальный образный язык, распространенный Габсбургами по всему миру. Термин *барокко* происходит от слова *baroco*, которое в XVI в. обозначало громоздкие силлогизмы аристотелевой логики вроде такого: «Каждый дурак упрям; некоторые люди не упрямы: следовательно, не все люди – дураки». Один из первых авторов, описавших искусство и архитектуру барокко, жаловался на его «исключительную странность, избыточность и смехотворность». Последующие комментаторы высказывались не менее скептически. Для итальянского философа Бенедетто Кроче (1866–1952) барокко было «формой художественного уродства... художественным извращением, в котором доминирует стремление ошеломлять»²⁸³.

То барокко, о котором говорит Кроче, – помпезный стиль богато украшенной архитектуры, в частности архитектуры церковной. В обрамлении напоминающей свадебный торт лепнины кувываются херувимы и путти (выглядят они одинаково, но лишь херувимы святы), ангелы возносят на небеса праведников, а сияющие лучи отраженного света бьют от алтаря. Барокко любит использовать оптические эффекты: зеркальные поверхности, удваивающие объем зданий, и *обманки* (*trompe l'oeils*), из-за которых наблюдателю чудятся отсутствующие внутренние пространства, а занавеси оказываются высеченными из мрамора. В живописи, в том числе портретной, барокко стремится к размаху, размещая на огромных холстах гигантские, выступающие из полутьмы фигуры людей, нередко согнувшиеся в неестественных позах или с выразительно укороченными перспективой телами. Неудивительно, что в наши дни барокко стало любимым стилем многих диктаторов. Его богатство декоративных деталей и величественные позы были перенесены, хотя и без ангелов и святых, во дворец Саддама Хусейна в Багдаде, резиденцию генерала Норъеги в Панаме и прочие очень далекие от Европы точки земного шара.

Но барокко задумывалось не с целью создавать роскошный антураж для тиранов. Оно вульгарно, но в прежнем значении этого слова – в том смысле, что призвано будоражить воображение толпы. Барокко возникло из вычурного и напряженного маньеризма эпохи Ренессанса. Но основной толчок к развитию этого стиля дал Тридентский собор середины XVI в., провозгласивший, что искусство должно служить религии и вызывать к чувствам зрителя – вплоть до того, чтобы создавать для него «видение рая». Архитектура и искусство должны повергать в трепет, но почитание Богородицы и святых (чье посредничество, подтвердил собор, способствует спасению души) позволяет преодолеть пропасть между земным и небесным. В этом смысле барокко было еще одним способом славить милость Спасителя, искупившего грехи человечества²⁸⁴.

Барокко разговаривает зашифрованными посланиями. Но если символический язык алхимии нужен для того, чтобы путать и скрывать, барокко использует знаки, которые может понять каждый. Главный прием тут – аллегория, нередко сведенная к эмблеме или пиктограмме, суммирующей некоторое отношение, действие или какой-либо аспект человеческого

²⁸³ «Исключительная странность, избыточность и смехотворность...» – см. Marco Bussagli and Matthia Reiche, *Baroque and Rococo* (New York, 2009), 11, где приведены слова историка искусства Франческо Милиции (1725–1798). О Кроче см. René Wellek in *Dictionary of the History of Ideas*, ed. Philip P. Wiener, vol. 1 (New York, 1973), 188–95.

²⁸⁴ Peter Hersche, *Musse und Verschwendung. Europäische Gesellschaft und Kultur im Barockzeitalter*, vol. 1 (Freiburg, Basle, and Vienna, 2006), 583.

бытия. Часто в барочном искусстве такая эмблема сопровождалась стихами, поясняющими ее смысл. Так теннисные мячики могут рассказывать о том, как Бог играет судьбами королей, а могут иллюстрировать козни дьявола, отправляющего души на вечную погибель. Сопутствующие строки подскажут, как именно понимать ту или иную аллегорию. Барокко прежде всего инструмент обучения, а учить на языке, который не понятен твоей аудитории, просто не имеет смысла²⁸⁵.

Барочные церковные интерьеры насыщены аллегориями и эмблемами. Солнечные лучи, бьющие с вершины алтаря, исходят из круга или сферы, совершенная геометрическая форма которых символизирует Всевышнего. Изображения пламени и объятых пламенем святых рассказывают о сиянии Святого Духа и об усердии католической церкви на ниве обращения неверных. Вогнутое зеркало, которым можно сфокусировать солнечные лучи и поджечь огонь, соединяет эти две эмблемы в одном аллегорическом образе. Монстранцию, в которой прихожанам показывались Святые Дары, могли украшать изысканные серебряные детали, изображающие – в память победы при Лепанто – тонущие галеры со сломанными мачтами и порванными снастями. Не было забыто и рождение Христа: первые аллегории Рождества представляли собой резные деревянные панно – это были предтечи современных рождественских вертепов. Самые ранние такие панно были выставлены в 1562 г. в Праге. За следующие 20 лет этот обычай достиг Испании²⁸⁶.

Фрески на потолках барочных церквей нередко создавали иллюзию, будто крыши вовсе нет и неф открывается прямо в небо, где парят, сияя, ангелы, святые и мученики. Изображения небесного Иерусалима служили отличным фоном для «апофеоза» – картин, на которых души святых в сопровождении ангелов возносятся в рай. Приближаясь к Святой Троице, святые все как один раскидывают руки и разевают рты в предвкушении экстаза. Это тот же акт самоотречения, что и у Святой Терезы, изваянной Бернини, хотя та, пронзенная копьем Христа, охвачена еще и «сладостной мукой». Вокруг святых кувыркаются херувимы, дуют в трубы или вздымая цветочные гирлянды и лавровые венцы – символы триумфа. Но сами херувимы суть иллюзия – это ангелы, то есть духи, ненадолго принявшие человеческий облик, чтобы глаза смертных могли их увидеть²⁸⁷.

Ниже часто размещали напоминания о человеческой бренности – надгробия, выложенные черепами, канделябры, сделанные из ребер, пляску смерти. В XVII в. в Центральной Европе у аристократов и клириков вошло в моду покупать «катакомбных святых» – целые человеческие скелеты, извлеченные из римских подземелий и считавшиеся останками первых христианских мучеников. Специальная контора в Риме давала каждому скелету вымышленное имя и выписывала свидетельство о подлинности, после чего его выставляли на продажу. За дополнительную плату заказчику могли найти тезоименного мученика. На месте назначения доставленные кости собирали в целый скелет и выставляли в ящике со стеклянной стенкой рядом с церковным алтарем. Монахи и монашки наряжали такой скелет в богатые одежды, вставляли в его глазницы цветное стекло и унижали кости пальцев перстнями; в конце концов мученика обычно устраивали полулежа на боку, лицом к пастве²⁸⁸.

От молящихся, однако, требовалось больше, чем просто глазеть и ужасаться. Барокко предполагало участие зрителей – в форме процессий, публичных покаяний и паломничеств. В городах и деревнях членам светских братств, посвященных тому или иному святому, было положено заниматься благотворительностью, а заодно чаще обычного исповедоваться и прича-

²⁸⁵ Mario Praz, *Studies in Seventeenth Century Imagery*, 2nd ed. (Rome, 1975), 16.

²⁸⁶ О солнечных лучах см. Evonne Levy, *Propaganda and the Jesuit Baroque* (Berkeley, Los Angeles, and London, 2004), 160.

²⁸⁷ Christian Kleinbub, 'At the Boundaries of Sight: the Italian Renaissance Cloud Putto', in *Renaissance Theories of Vision*, ed. J. S. Hendrix and C. H. Carman (Farnham and Burlington, VT, 2010), 117–33 (117–9).

²⁸⁸ Trevor Johnson, 'Holy Fabrications: the Catacomb Saints and the Counter-Reformation in Bavaria', *Journal of Ecclesiastical History*, 47 (1996), 274–97.

щаться. Места, через которые пролегал путь паломников, освящались благодаря придорожным статуям святых, часовням и распятиям. Для вовлечения паствы богослужения теперь включали молитвы Богородице по четкам; прихожане могли всякий раз заново проживать Страсти Христовы, поочередно преклоняя колени около «стояний крестного пути», устроенных по периметру храма²⁸⁹. Ранее подобный тип поклонения святыням практиковался Габсбургами как часть зрелищ, которыми они демонстрировали свое почитание евхаристии, Честного креста и Пресвятой Девы. Теперь же приверженность династии символам католической веры выливалась в акты коллективной набожности, причем простому народу вменялось в обязанность в них участвовать. Набожность правящего дома превратилась в «австрийскую набожность», которая свидетельствовала, что земля и народ Австрии благословенны, как никакие другие.

Особенно ярко барочный католицизм проявлялся в духовной драме. Орден иезуитов, созданный ради миссионерской и образовательной деятельности, одним из первых превратил театр как в средство наставления, так и в способ обучения ораторскому искусству. По всем габсбургским землям (и в Европе, и в Новом Свете) иезуитские школы и коллегииумы ставили десятки тысяч пьес – как правило, в конце учебного года, когда родители приезжали забирать детей. Играли преимущественно ученики старших классов и преподаватели, а спектакли обычно продолжались по несколько часов, нередко заканчиваясь уже при свете факелов. Часто это были слабые постановки, вроде той, где 36 актеров, изображающих венгерских королей разных эпох, один за другим обращаются с нудными славословиями к Фердинанду II по случаю его коронации в Братиславе в 1618 г.²⁹⁰

Другие, однако, были куда более сложными произведениями театрального искусства, в которых античные мифы и герои смешивались с аллегориями христианских добродетелей и обреченных на скорое поражение человеческих пороков. Так, например, отвагу мог изображать Геракл в львиной шкуре, любовь – Купидон со стрелами, жадность – скупец, вцепившийся в кошель, и т. д. (издавалось множество наставлений, помогающих с выбором образов). Парад аллегорических персонажей иногда занимал всю первую половину пьесы, сокращая собственно действие до пары актов. Сценографическое решение тоже становилось все изощреннее и теперь включало несколько порталных арок, создающих иллюзию глубины. Задники постоянно менялись, подчас – по несколько раз за один акт, а на сцене устанавливались бутафорские фонтаны, гроты и триумфальные колесницы. Между актами пел хор или ставились пантомимы. Все больше школ и коллегииумов обзаводилось собственными театральными залами, иногда (например, в Вене) вмещавшими несколько тысяч зрителей²⁹¹.

Нововведения иезуитской драмы подхватили придворные театры, с тем отличием, что в их постановках тексты все чаще пелись, а в антрактах выступали профессиональные танцоры, исполнявшие так называемые маленькие танцы или балеты – развившиеся впоследствии в особый вид искусства. Придворные театры поражали богатой оркестровкой, роскошью декораций и частой их сменой, но их целью было прославление императора и демонстрация его добродетелей как светоча благочестия, героя на поле брани и устроителя гармонии. Большей частью такие пьесы ставились в помещениях, а не на свежем воздухе. Первый венский театр открылся в 1650-х гг. рядом с Хофбургским дворцом. Построенное из сплавленного по Дунаю дерева здание вскоре начало гнить. Следующий театр, тоже деревянный, воздвигли между Хофбургом и городской стеной (Theater auf der Cortina, «Театр у стены»), и он вмещал тысячу зрителей.

²⁸⁹ Marc R. Forster, *Catholic Revival in the Age of Baroque: Religious Identity in SouthWest Germany, 1550–1750* (Cambridge, 2004), 127–9.

²⁹⁰ *Apparatus regius, serenissimo ac potentissimo Ferdinando II* (Vienna, 1618). См. также *Pietas Victrix – Der Sieg der Pietas*, ed. Lothar Mundt and Ulrich Seelbach (Tübingen, 2002), xii.

²⁹¹ Franz Lang, 'Imagines symbolicae', *Dissertatio de Actione Scenica* (Munich, 1727), 107–54; см. также Cesare Ripa, *Iconologia* (Siena, 1613); Philippo Picinello, *Mundus Symbolicus* (Cologne, 1687). Более общую информацию см. в *The Sopron Collection of Jesuit Stage Designs*, ed. Éva Knapp and István Kilián (Budapest, 1999).

Более масштабные постановки с пиротехническими эффектами и морскими сражениями по необходимости проходили под открытым небом.

Для музыкального сопровождения использовались самые разные инструменты – флейты, гобои, трубы, скрипки и клавесин (постепенно вытесненный органом); это стало началом современных оркестров. Гармоническое звучание и постоянная мелодия придавали действию целостность, а главную тему подхватывал то один, то другой солирующий инструмент. Динамичные вариации создавали контраст между спокойными музыкальными фрагментами и мощными пассажами *forte*. Композиторы, впрочем, нередко рассчитывали, что под их музыку будут танцевать, и потому чередовали медленный и быстрый темпы. Танцоры могли быть и с копытами, поскольку любимым придворным развлечением стал конный балет (*Rossballett*). Чтобы музыка была слышна по всему обширному манежу поверх брэнчания упряжи, требовались десятки духовых и добрая сотня струнных инструментов²⁹².

Леопольда I часто упрекают в том, что он много тратил на оперу, но недостаточно – на архитектуру, однако это несправедливо. Вена по-прежнему оставалась открыта ударам турецких армий, так что строить приходилось главным образом внутри городских стен, а это ограничивало архитектурные возможности и оборачивалось путаной планировкой улиц. Немногим аристократам доставалось место для дворца внутри городских стен, тогда как большинство довольствовалось загородными резиденциями. Евгений Савойский сумел обзавестись и тем и другим: его Бельведер с богато украшенными фасадами, пышными садами и зеркальной гладью бассейнов – вершина центральноевропейского светского барокко. Леопольд, однако, смог расширить Хофбург, соединив первоначальную крепость длинным Леопольдовым крылом с небольшим дворцом, построенным для одного из братьев Рудольфа II. А на главной улице города он распорядился воздвигнуть 20-метровую мраморную колонну в благодарность Господу от живущих за избавление Вены от Великой чумы 1679 г. На одной из граней постамента размещен горельеф с коленопреклоненным в молитве Леопольдом. Справа от него панель с изображением Христа в виде Агнца Божия, слева – карта мира.

Образный ряд венской Чумной колонны – квинтэссенция барокко. Прежде всего барокко – это искусство возрождающейся католической церкви XVII и XVIII вв. Даже в светских сооружениях оно использует стилистику, символы и мотивы храмовой архитектуры, и, хотя протестантское барокко тоже существует, оно скромнее в декоре и проще в формах, чем его католический аналог. Далее, барокко охватило весь мир и стало первым художественным и архитектурным стилем, перешагнувшим границы континентов – это, как свидетельствует панель на цоколе Чумной колонны, «мировая система». Наконец, это искусство Габсбургов. В первую очередь именно их примером и попечением барокко распространилось по миру. В новых землях оно вбирало в себя местные художественные традиции, и самым впечатляющим из таких гибридов стал андский стиль, или *mestizo*, сложившийся в габсбургском Перу. Здесь Божьего Агнца заменяет морская свинка, окруженная выгнутыми и перекрученными геометрическими элементами, вырезанными на плоских поверхностях. Но даже в таком преломлении архитектура Лимы остается откровенно барочной, что отражает планетарный масштаб габсбургской державы²⁹³.

Мировая держава Габсбургов перестала существовать в 1700 г. с уступкой Карлом II Испании и ее заморских владений французскому принцу Филиппу из дома Бурбонов. Центральноевропейская ветвь Габсбургов, однако, посчитала своим долгом воспрепятствовать такой передаче трона. Предвидя скорую смерть Карла, император Леопольд вел с Британией и Францией переговоры о мирном разделе владений недужного монарха. Впрочем, по мнению

²⁹² Charles E. Brewer, *The Instrumental Music of Schmelzer, Biber, Muffat and Their Contemporaries* (Farnham and Burlington, VT, 2011), 49–50.

²⁹³ Peter Davidson, *The Universal Baroque* (Manchester and New York, 2007), 2; Gauvin Alexander Bailey, *The Andean Hybrid Baroque: Convergent Cultures in the Churches of Colonial Peru* (Notre Dame, IN, 2010), 18–20, 322–31.

Леопольда, большую часть испанского наследия должна была получить центральноевропейская ветвь Габсбургов, и в расчете на это он назвал младшего сына Карлом. Леопольд намеревался, ни много ни мало, восстановить монархию Карла V, объединявшую Испанию, Новый Свет и Священную Римскую империю. Кроме того, император присвоил себе главенство в ордене Золотого руна, до тех пор возглавляемом испанскими монархами, и еще при жизни Карла II принялся посвящать в него новых рыцарей²⁹⁴.

После трагической кончины Карла II в Испанию не замедлили слететься стервятники. Сын Леопольда эрцгерцог Карл прибыл через Англию и Португалию с намерением захватить корону, ради которой он получил свое имя. По пути в Испанию Карл выступил в голландском парламенте, Генеральных штатах, и сыграл в Виндзоре в карты с английской королевой Анной. И Британия, и Республика Соединенных провинций опасались превращения Испании в придаток Франции и приняли сторону Карла. Тот провозглашал, что намерен чтить испанские традиции, но британские войска, которые он привел с собой, заставили многих усомниться в его искренности. К тому же командовал войсками Карла французский протестант, а вот главнокомандующим у Филиппа V был безупречный католик Джеймс, герцог Бервик, незаконно рожденный сын Якова II Английского (Якова VII Шотландского).

Первые годы Войны за испанское наследство оказались удачными для Леопольда и его старшего сына Иосифа, который унаследовал титул императора в 1705 г. Но в Испании победа ускользала от эрцгерцога Карла. Его признали Арагон, Каталония и Валенсия, но в остальных областях он получил лишь слабую поддержку. В Маниле Карла признали пятеро монахов, а испанский остров Гуам в Тихом океане на три недели приютил британский пиратский флот, снабжая корсаров ямсом и кокосами. Холодный прием в испанских колониях убедил Карла, что ситуация ему не благоприятствует. После смерти старшего брата Иосифа от оспы (1711) Карл покинул Испанию и принял корону Священной Римской империи, став императором Карлом VI. С его отъездом прогабсбургское движение в Испании рассыпалось, и примерно 16 000 беженцев устремились с Пиренейского полуострова в другие земли Габсбургов. По условиям окончательного мира, подписанного в Раштатте в 1714 г., Карл получил Испанские Нидерланды, Южную Италию и Милан, но Испания и ее колонии бесповоротно отошли к его сопернику Филиппу V²⁹⁵.

Карл, однако, не оставил мечты о возрождении вселенской империи Карла V, объединяющей Центральную Европу, Испанию и Новый Свет. По возвращении в Вену он занялся строительными проектами, воссоздающими архитектуру и символику утраченного испанского наследия. Он дополнил Хофбург пристройкой Испанской школы верховой езды и Имперской канцелярии, а также соединил все части комплекса в единое целое. На этом этапе реконструкции дворца за новыми фасадами практически полностью исчезла из виду Старая крепость.

Как и в Дворцовой библиотеке, возведенной в его честь, в новых постройках Карла присутствовали двойные колонны, символ Габсбургской Испании. Карл намеревался пойти еще дальше и перестроить монастырь Клостернойбург неподалеку от Вены в копию Эскориала, но на этот проект не хватило средств. Так что самым грандиозным памятником ему стала церковь Святого Карла Борромео (Карлскирхе), выстроенная сразу за венской городской стеной. Здание, сочетающее общее барочное решение с куполом, напоминающим римскую базилику Святого Петра, с фасада украшено двумя массивными колоннами. Хотя спиральные рельефы на колоннах изображают сцены из жития святого Карла, обе они увенчаны коронами и орлами, символами габсбургской державы.

²⁹⁴ Leopold Auer, 'Der Übergang des Ordens an die österreichischen Habsburger', in *Das Haus Österreich und der Orden von Goldenen Vlies* (Graz and Stuttgart, 2007), 53–64.

²⁹⁵ Robert F. Rogers, *Destiny's Landfall: A History of Guam* (Honolulu, 1995), 77; William O'Reilly, 'Lost Chances of the House of Habsburg', *AHY*, 40 (2009), 53–70 (61).

Впрочем, активнее всего Карл строил не в Вене, а в Венгрии. В панегирике 1730-х гг., посвященном архитектурным достижениям Карла, о Венгрии говорится больше, чем о любом другом из его владений. В 1703–1711 гг. это королевство охватил мятеж. Венгерское дворянство было недовольно жестким правлением Леопольда, а французские дипломаты и французские деньги всячески способствовали обострению ситуации. Трансильванский магнат Ференц Ракоци, уличенный в тайных сношениях с Людовиком XIV, поднял восстание среди крестьян, обещая облегчить их тяготы. Среди его лозунгов был такой: «Народ – не чернь, его нужно уважать, как епископов». Однако, несмотря на высокие слова, восстание Ракоци обернулось хаосом и бойней. Скоро ему пришлось спешно отступить и засесть в своих крепостях на польской границе, откуда его не могли выбить еще несколько лет²⁹⁶.

В 1711 г. Карл заключил великодушный мир, пообещав всем сразу все. Через пять лет габсбургский полководец Евгений Савойский исполнил обещание Карла освободить от турок оставшуюся часть Венгрии. Он занял турецкую провинцию Тимишоара и двинулся на юг, взяв Белград и захватив Шумадию с большей частью нынешней Центральной Сербии. На освобожденной территории, как и в соседней Трансильвании, Карл строил прорезанные поперек горных склонов дороги и мощные крепости, спрямлял русла рек и превращал болота в пастбища. Для заселения отвоеванной венгерской земли он вербовал крестьян и ремесленников по всем своим владениям – в основном немцев, но также итальянцев, испанцев, фламандцев и даже сколько-то армян. Эта приблизительно равная по площади Бельгии область, которая известна как Банат, сегодня разделена между Сербией и Румынией, но остается одним из самых многонациональных регионов Европы²⁹⁷.

В Трансильвании Карл обещал сохранить свободу вероисповедания, но это не помешало ему отнимать у протестантов храмы и насаждать католицизм. Собор Святого Михаила в Клуже, из которого изгнали унитариев, стал католическим храмом, а в Сибиу новая католическая церковь заслонила старый лютеранский собор со стороны главной городской площади. В соседней Альба-Юлии Карл выступил еще решительнее, приказав построить огромную крепость в форме звезды. Занявшая территорию 140 гектаров крепость была призвана в равной мере запугивать Трансильванию и отпугивать турок.

Иезуитская церковь в протестантском прежде Клуже относится к стилю барокко и представляет собой типичный проект эпохи Карла VI. Хотя интерьер ее на удивление прост, позолоченные святые и херувимы на месте. Церковь освящена в честь Святой Троицы, но усердно славит и Богородицу, чью икону «Плачущая Дева Мария» тут выносили во время крестных ходов и почитали как чудотворную. Рядом с церковью располагалась иезуитская академия, где были осуществлены некоторые из самых крупных драматических проектов Центральной Европы, в которых было занято до 200 актеров. И на фасаде церкви, и в оформлении ее алтаря доминируют двойные колонны, напоминающие об испанском наследстве, утраченном Карлом VI, и о безуспешном стремлении этого монарха воссоздать мировую державу своих предков. Даже далекая Трансильвания служила подмостками, с которых властитель из дома Габсбургов мог посредством универсальной архитектуры барокко объявить о своем предназначении и наследственных правах²⁹⁸.

Несмотря на разницу в масштабах, и иезуитская церковь в Клуже, и венская Карлскирхе относятся к последней волне католического барокко в габсбургской Центральной Европе.

²⁹⁶ Anton Höller, *Augusta Carolinae Virtutis Monumenta* (Vienna, 1733); о лозунге Ракоци см. Imre Wellmann, 'Az ónodi országgyűlés történetéhez', in Wellmann, 18. századi agrártörténelem. Válogatás Wellmann Imre agrár és társadalomtörténeti tanulmányaiából (Miskolc, 1999), 391–421 (395).

²⁹⁷ Об истории Баната см. Irina Marin, *Contested Frontiers in the Balkans: Habsburg and Ottoman Rivalries in Eastern Europe* (London, 2013).

²⁹⁸ Paul Shore, *Jesuits and the Politics of Religious Pluralism in Eighteenth Century Transylvania* (Aldershot and Burlington, VT, 2007), 117–20; Zoltán Ferenczi, *A kolozsvári színház és színház története* (Cluj, 1897), 49.

После расцвета рококо, для интерьеров которого характерна массивная бело-золотая лепнина, убранство церквей обратилось к более сухому и холодному классицизму, в Венгрии заявившему о себе новыми соборами в Ваце и Сомбатхее. Габсбурги не утратили своей набожности и после Карла, однако с приходом классицизма в их религиозной практике становилось все меньше публичных церемоний и демонстрации барочной духовности. Их понимание династической миссии также изменилось. Мифотворчество и сложные сплетения аллюзий остались, но само видение стало более светским, скорее включая теперь определенное понимание государства и задач правительства. Тем не менее послышки, положенные в его основу, были не менее дерзновенными, чем прежде: под благотельной властью Габсбургов, осуществляемой специально созданной корпорацией чиновников, сделать жизнь людей упорядоченной, счастливой, добродетельной и продуктивной. Но сначала центральноевропейским Габсбургам нужно было биологически выжить как династии. В последние десятилетия правления Карла VI все чаще казалось, что это им не удастся и что участь испанской ветви постигнет и их.

17

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ, АВТОМАТЫ И ЧИНОВНИКИ

Дочь Карла VI Мария Терезия вступила в свои наследственные права в 1740 г. и правила владениями Габсбургов до самой смерти в 1780 г. Ее муж Франц Стефан в 1745 г. был избран императором, благодаря чему Мария Терезия получила титул императрицы. Весной 1770 г. в зале аудиенций Шенбруннского дворца, что в окрестностях Вены, она любезно приняла Вольфганга фон Кемпелена с его удивительным шахматным автоматом. Человеческая фигура в натуральную величину, одетая турком – в тюрбан и свободный халат, сидела перед тумбой, на которой стояла шахматная доска. Кемпелен не спеша открыл дверцы тумбы и раздвинул халат турка, продемонстрировав скрытые внутри шестерни и пружины, а заодно показав, что внутри не прячется человек. Затем особым ключом он торжественно завел автомат. Оживший турок устремил взор на доску, дымя трубкой с длинным чубуком, и придворным было предложено попробовать силы в игре против машины. На доске выставили случайную эндшпилевую позицию, и начался первый матч. Напряженное внимание игроков и аудитории отвлекал только Кемпелен, время от времени заводивший своего турка. Через несколько ходов автомат объявил сопернику мат.

Обман Кемпелена был изощренным. В тумбе сидел карлик на вертящемся стуле. Стул поворачивался, когда изобретатель поочередно открывал дверцы тумбы, и скрывал сидящего из виду, показывая взамен внушительного вида шестерни и блоки. Дело довершала система зеркал, магниты и потайной продух для выпуска дыма от свечей, при свете которых работал запертый шахматист. Об этом трюке догадывались, но Кемпелена так и не разоблачили, так что его турок почти столетие озадачивал зрителей. Очевидно, безымянные игроки, сидевшие внутри автомата, были мастерами своего дела – один даже поставил мат Наполеону, уличив его перед этим в жульничестве. Успех этого фокуса держался в равной степени на способностях невидимого шахматиста и на инженерном таланте Кемпелена²⁹⁹.

Автоматы забавляли людей не одну сотню лет, но к середине XVIII в. они стали больше, чем просто игрушками. Машина символизировала победу человека над природой и одновременно – упорядоченностью своих движений – подчинение природы законам механистичной Вселенной, открытым Ньютоном. Человеческий организм, таким образом, тоже мог быть описан в терминах механики – как, согласно одному опусу тех лет, «самозаводящаяся машина, живая картина вечного движения». Один за другим философы (Кант, Гердер, Руссо, Бентам) поддавались иллюзии, что сам человек может оказаться заводным механизмом и, более того, что нет такой области, где не были бы применимы решения из области механики, будь то муштра солдат, организация больниц, строительство тюрем, управление фабриками и т. д. Термины *усилие*, *мощность*, *тяга* и *аппарат* стали частью философского словаря XVIII в.³⁰⁰

Общество в целом также все шире понималось философами и всеми прочими как объект, который можно чинить и настраивать, подобно механизму. Шестерни и рычаги, движущие населением, находились в руках правительства и предполагали единственное понимание государства – как находящейся в полном распоряжении правителя и его агентов машины управления и надзора, сигналы в которой посылаются сверху вниз. Как замечал один из самых известных адептов теории «государства – часового механизма», «должным образом упорядоченное

²⁹⁹ Tom Standage, *The Mechanical Turk: The True Story of the ChessPlaying Machine That Fooled the World* (London, 2002), 105–7.

³⁰⁰ «Самозаводящаяся машина, живая картина вечного движения...» – см. La Mettrie, *Machine Man and Other Writings*, ed. Ann Thompson (Cambridge, 1996), 7 (впервые опубликовано в 1747 г.); Geraint Parry, 'Enlightened Government and Its Critics in Eighteenth-Century Germany', *The Historical Journal*, 6 (1963), 178–92 (185).

государство должно быть точным аналогом машины, в которой все колесики и шестерни идеально подогнаны друг к другу; правитель же должен быть механиком, ходовой пружиной или душой... которая все приводит в движение»³⁰¹.

В эту теорию верили и Мария Терезия, правившая владениями Габсбургов в Центральной Европе с 1740 по 1780 г., и ее сын Иосиф II, в 1756 г. ставший императором и соправителем матери, а с 1780 по 1790 г. правивший единолично. Их подход к государственной деятельности характеризовался упорядоченностью, регулярностью, постоянным надзором, подотчетностью и командным стилем управления, а равно и презрением к общественным институтам, пытавшимся сдерживать «верховного механика». Достижения Марии Терезии и Иосифа грандиозны: масштабные военная и финансовая реформы, а также учреждение институтов, которые доносили волю правителя до самого низа посредством вновь созданных местных властей и округов. Более того, при них началось превращение крестьян из зависимых держателей земли в свободных фермеров, крестьянских детей обязали посещать школу, а привилегии дворян урезали. Но чтобы «государство – часовой механизм» работало как следует, требовалась полная реорганизация общества в строго определенный набор винтиков и пружин.

Автомат Кемпелена – метафора своей эпохи, но важен и турецкий костюм, в который изобретатель облачил механического шахматиста. В XVII в. турки ассоциировались с жестокостью и насилием. Теперь же, после их поражения, все турецкое стало экзотикой и почти модой. Венские аристократы одевали слуг в кафтаны и тюрбаны, пили кофе и передвигались в паланкинах, которые несли настоящие турки. Неудивительно, что залом аудиенций, где Мария Терезия принимала Кемпелена, оказался Зал миллионов (названный так позже), украшенный восточными орнаментами и изображениями. После нескольких веков противостояния Османская империя больше не представляла угрозы, и борьба с ней выродилась в уютные шахматные баталии да, как мы вскоре увидим, в потешные схватки на турнирах. Но вместо турок-османов появился новый и неожиданный враг. Им был выдающийся механик прусский король Фридрих II Великий – по определению Мишеля Фуко, «мелочно-дотошный король маленьких машин, вымуштрованных полков и долгих упражнений»³⁰². Именно ему предстояло поставить Габсбургов на колени³⁰³.

До конца XVII в. Габсбургам сопутствовало биологическое везение: в каждом поколении у них рождались наследники мужского пола. А если не рождались, всегда находились кузены или племянники. Генетическая удачливость подарила Габсбургам Бургундию, Испанию, Венгрию и Чехию, а в 1580 г. – и Португалию. Но их род начал угасать, как и должен был по законам статистики. Более того, постоянный инбридинг привел к бесплодию и высокой детской смертности. Участь, постигшая в 1700 г. испанских Габсбургов, теперь угрожала центрально-европейской ветви династии, поскольку у Карла VI родились только дочери, которые не могли законно наследовать императорский трон, и ни у кого из его родственников не было сыновей. Перед Габсбургами замаячила опасность вымирания.

Перед вступлением в брак в 1708 г. Карл VI не преминул удостовериться, что его невеста, ослепительная красавица Елизавета Кристина Брауншвейгская, не бесплодна, для чего подверг ее перед венчанием унизительному гинекологическому осмотру. В супружестве он неустанно опаивал ее красным вином, чтобы способствовать зачатию. Но беременности не случилось почти 10 лет, а потом Елизавета родила одну за другой трех дочерей. После этого у нее снова не было беременностей. Современники винили в этой беде неискреннее обращение Елизаветы (лютеранки по рождению) в католичество, но скорее причиной было вино, которое

³⁰¹ Parry, 'Enlightened Government and Its Critics', 182, цит. Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти.

³⁰² Пер. В. Н. Наумова.

³⁰³ Elizabeth Bridges, 'Maria Theresa, "the Turk", and Habsburg Nostalgia', *Journal of Austrian Studies*, 47 (2014), 17–36 (27–8); Michael Yonan, *Empress Maria Theresa and the Politics of Habsburg Imperial Art* (University Park, PA, 2011), 135–6; Michel Foucault, *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (New York, 1979), 136.

она пила для плодovitости, ведь оно превратило некогда ослепительную Белую лилию (Weisse Liesl) в тучную алкоголичку.

Карл VI еще до рождения дочерей принял меры на случай, если у него родятся только девочки. В 1713 г. он придумал схему, позволявшую его дочери наследовать престол, и ознакомил с ней своих министров. С появлением на свет четыре года спустя первой дочери Марии Терезии Карл обнародовал этот план и потребовал его одобрения сословными съездами всех своих владений. Они покорно согласились с изложенным в документе, который получил громкое название «Прагматическая санкция», то есть основополагающий закон. Но этот закон не просто регулировал престолонаследие. Он спаял габсбургские земли в Центральной Европе в одно целое, дав им первый общий акт публичного права с единой схемой престолонаследия для всех австрийских герцогств, Чехии, Венгрии, Хорватии и владений Габсбургов в Италии. «Неделимая и единая» – эту формулу Фердинанд II придумал еще в 1621 г., а теперь она стала девизом земель и королевств, собранных в нерушимый государственный союз под эгидой Прагматической санкции. Однако соответствующий герб, визуальными средствами выражающий идею этого союза, появился лишь в 1915 г.³⁰⁴

На примере Испании и из собственного полученного там опыта Карл VI знал, что оспариваемое престолонаследие может стать поводом для иностранного вторжения. Поэтому он стремился, чтобы европейские государства также признали Прагматическую санкцию, но большинство из них согласилось с неохотой и лишь в обмен на территориальные и торговые уступки. Например, Франции Карл согласился отдать Лотарингию, принадлежавшую герцогу Францу Стефану – жениху, а с 1736 г. мужу Марии Терезии. Но даже эти невеликие достижения Карл умудрился растерять, ввязавшись в Войну за польское наследство (1733–1738), которая обернулась для него международной изоляцией и потерей лишь недавно присоединенных Сицилии и Неаполя. Единственным настоящим союзником Карла оставалась Россия, что заставило его взять сторону императрицы Анны Иоанновны в бесславной войне на Балканах, в результате которой он лишился Сербии с Белградом и был вынужден подписать унижительный сепаратный мир с турками.

Внезапная смерть Карла в октябре 1740 г. положила конец мужской линии Габсбургов в тот самый момент, когда их империя оказалась наиболее уязвимой для вторжения. Баварский курфюрст Карл Альбрехт тут же заявил свои права на наследство Карла, апеллируя к родству своей жены Марии Амалии с умершим императором, приходившимся ей дядей. И хотя у Карла Альбрехта хватило влияния в конце концов избраться императором, завладеть габсбургскими землями, доставшимися Марии Терезии, он не смог. А вот молодому королю Пруссии и курфюрсту Бранденбурга Фридриху II не терпелось испробовать свою удачу и свою армию. Не прошло и двух месяцев со смерти Карла VI, как Фридрих вторгся в Силезию.

Никаких прав на эту область у него не было. Когда его дипломаты нашли для захвата историческое обоснование, обратившись к некоему договору, заключенному два столетия назад, Фридрих поздравил их с завершением работы, «достойной отличного шарлатана». Но бесстыдная агрессия Фридриха воодушевила и других: к грабежу поспешили присоединиться Франция, Саксония, Бавария и бурбонская Испания. Оккупированными оказались Чехия, Верхняя Австрия и Тоскана, которую герцог Франц Стефан получил в компенсацию за Лотарингию. Параллельно составлялись детальные планы раздела наследства молодой королевы, по которым ей оставались лишь Венгрия и Трансильвания, не интересовавшие никого из захватчиков³⁰⁵.

³⁰⁴ August Fournier, 'Zur Entstehungsgeschichte der pragmatischen Sanktion Kaiser Karl's VI.', HZ, 38 (1877), 16–47; Peter Berger, 'Die österreich-ungarische Dualismus und die österreichische Rechtswissenschaft', *Der Donauraum*, 13 (1968), 156–70 (167).

³⁰⁵ «Достойной отличного шарлатана...» – см. Tim Blanning, *Frederick the Great, King of Prussia* (London, 2015), 78.

Но именно из Венгрии и пришла помощь. Мария Терезия, занявшая трон этой страны в июне 1741 г., вскоре после коронации встретилась в Братиславе с венгерским государственным собранием. Чистая правда, что она плакала с короной на челе, прижимая к груди трехмесячного сына (будущего Иосифа II), что присутствовавшие венгерские дворяне обещали ей «свою жизнь и кровь» и что, запутавшись в конституционных тонкостях, они обращались к ней как к «своему королю» (или, возможно, «государю»). Правда и то, что государственное собрание дало гораздо меньше, чем обещало, и при этом не очень торопилось, но все равно такой прием ободрил королеву и воодушевил ее полководцев. Оставив Фридриху Силезию, она ударила по баварцам, в 1742 г. отвоевав Чехию, а через несколько месяцев взял Мюнхен, столицу Карла Альбрехта. В наказание чехам за их заигрывания с Фридрихом Мария Терезия вlepила в центр моравского города Оломоуца внушительное здание арсенала, занявшее собой всю рыночную площадь³⁰⁶.

В 1741 г. в Братиславе Мария Терезия играла роль девы в беде. Теперь, после победы, она переключилась на амплу грозной амазонки. В январе 1743 г. она побаловала свой двор зрелищем «дамской карусели». Шестнадцать придворных дам, возглавляемых королевой в треуголке, проскакали по улицам Вены – кто верхом, кто в карете, паля в воздух на скаку. В манеже Испанской школы они устроили потешный турнир, кульминацией которого стала схватка Марии Терезии с графиней Ностиц, после которой королева нанизала на копье несколько глиняных голов, увенчанных турецкими тюрбанами. Дамы изумили зрителей тем, что сидели в седле «на мужской манер». Королева, впрочем, скакала в дамском седле, и тому были веские причины. Мария Терезия, которой исполнилось всего 25 лет, была беременна шестым ребенком – всего меньше чем за два десятилетия она родит 16 детей.

«Женские» качества Марии Терезии – беззащитность, чадолюбие – в сочетании с «мужскими» упорством и храбростью сделали ее самым популярным из европейских монархов. В Британии ее портреты размещали на вывесках пивных для привлечения клиентов. Как вспоминал один британский шутник о борьбе за габсбургское наследство, «лицо венгерской королевы имелось почти на каждой улице, и всю войну мы дрались и пили за собственный счет под ее знаменем». Знай она об этом, юная Мария Терезия, несомненно, ответила бы любезностью на любезность – невзирая на беременности, она ночи напролет проводила за вином, танцами и картами. Только на четвертом десятке, приблизительно к одиннадцатой беременности, Мария Терезия приобрела привычку ложиться в десять³⁰⁷.

Война за австрийское наследство продолжалась до 1748 г. Хотя Мария Терезия прокланала условия мира, победа была за нею. Да, почти всю Силезию пришлось уступить Фридриху, но в остальном она сумела переиграть противников и вернула все земли, захваченные врагом. Более того, умелыми переговорами она добилась того, что после смерти неудачливого Карла Альбрехта (императора Священной Римской империи Карла VII) в 1745 г. титул перешел к ее мужу Францу Стефану Лотарингскому. Выборщики проголосовали единогласно, и даже Фридрих II Прусский высказался за кандидатуру Франца Стефана. Сама Мария Терезия короноваться одновременно с ним императрицей отказалась, якобы из-за дороговизны, и во Франкфурте наблюдала торжественную процессию с балкона частного дома. Тем не менее это не помешало ей потом титуловаться императрицей. На портретах царственной четы тоже всегда доминирует Мария Терезия. Даже династия не сменила название на Лотарингскую: семейные обозначения Франца Стефана и его супруги просто соединили и появился Австрийско-Лотарингский (впоследствии Габсбург-Лотарингский) дом.

Ахенский договор, в 1748 г. завершивший Войну за австрийское наследство, был скорее перемирием, чем миром. Мария Терезия тут же принялась выстраивать новые союзы в без-

³⁰⁶ О титуловании королевы Венгрии см. Emericus Kelemen, *Historia Juris Hungarici Privati* (Buda, 1818), 440.

³⁰⁷ «Лицо венгерской королевы...» – см. Letter by A. B., *The Town and Country Magazine* (September 1769), 456.

успешных попытках выбить Фридриха из Силезии. До тех пор Франция была главным врагом Габсбургов. Теперь, однако, императрица поняла: «что бы кто ни думал о Франции, но прусский король куда более опасный наследственный враг Австрийского дома». И потому согласилась с графом (впоследствии князем) Кауницем, ее главным представителем в Ахене, а затем – первым министром, который в 1749 г. рекомендовал разорвать союз с морскими державами Британией и Республикой Соединенных провинций, а вместо этого попытаться прийти к соглашению с Людовиком XV. Французский король отнесся к авансам Австрии с объяснимым подозрением, но влияние его фаворитки мадам де Помпадур и вспыхнувшая война с Англией в Северной Америке изменили отношение Людовика к «дипломатической революции»³⁰⁸.

Впрочем, Фридрих, верный себе, первым нарушил мир. Ошибочно полагая, что саксонский курфюрст вступил в союз против него, Фридрих в 1756 г. вторгся в Саксонию. В последовавшей за этим Семилетней войне (1756–1763) Габсбурги должны были одержать победу. Помимо Франции Мария Терезия могла рассчитывать на помощь Швеции, России и большинства князей Священной Римской империи, так что численность союзных армий достигала полумиллиона штыков – вдвое больше, чем мог выставить Фридрих. Однако все успехи, включая взятие Берлина венгерскими гусарами в 1757 г., оказались упущены, так как военачальники императрицы были обучены вести только оборонительную войну и не решались переносить боевые действия на территорию противника. В итоге Берлин был оставлен в обмен на контрибуцию, включавшую две дюжины пар перчаток для императрицы. Людовика XV между тем отвлекли успехи Британии в Северной Америке и Индии, и ему пришлось перенаправить ресурсы из Европы на заморские театры военных действий. Наконец, отступничество России, разорвавшей в 1762 г. союз с Габсбургами, заставило императрицу искать мира и вновь согласиться с потерей Силезии³⁰⁹.

«Дипломатическая революция» Кауница ненароком превратила Британию в главную мировую державу и подтвердила упадок французской военной мощи, но не принесла никаких выгод Марии Терезии. По иронии судьбы свои основные территориальные приобретения та получила, действуя заодно с Фридрихом II. В 1770 г. она с согласия Фридриха захватила польскую пограничную область Спиш, а двумя годами позже вместе с Россией и Пруссией поучаствовала в первом разделе Речи Посполитой (далее последуют еще два раздела, в 1793 и 1795 гг., которые сотрут это государство с карты Европы). Мария Терезия понимала, что ее политика «безнравственна», да и Кауниц считал ее «постыдной», но, как говорил об императрице сам Фридрих, «она берет с плачем и, чем горше плачет, тем больше берет». В самом деле, Мария Терезия выиграла от этого раздела Польши больше, чем и Фридрих, и российская императрица Екатерина Великая, добавив к своим владениям территорию в 83 000 кв. км с населением 2,6 млн человек. К концу правления население ее центральноевропейских земель достигло почти 20 млн³¹⁰.

Примерно половину своего царствования Мария Терезия вела войны. Для военных успехов были жизненно необходимы финансовая реформа и эффективное распределение ресурсов. Послушав одаренного управленца графа Гаугвица («Воистину, этого человека мне послали небеса!»), императрица повысила налоги, связала сословные съезды своих владений десятилетним договором, чтобы с ними не приходилось торговаться ежегодно, и заодно отобрала у них многие финансовые функции. На ропот депутатов она отвечала жестко. Недовольным членам ландтага Крайны она писала о налогах так: «Корона положительно приказывает вам одобрить эту сумму добровольно». В конституции, которая в 1775 г. была дарована аннексированной ею части Речи Посполитой – теперь громко называемой Королевством Галиции и

³⁰⁸ «Что бы кто ни думал о Франции...» – см. С. А. Macartney, *Maria Theresa and the House of Austria* (London, 1969), 82.

³⁰⁹ János Barta, *Mária Terézia* (Budapest, 1988), 166.

³¹⁰ Banning, *Frederick the Great*, 293–4.

Лодомерии, императрица точно так же отказала сейму в праве влиять на налогообложение. Когда от них требуют денег, объясняла императрица, депутаты не должны спрашивать: «Нужно ли?» – они должны только думать, где взять³¹¹.

Сословные съезды слабели во всех владениях Марии Терезии. Либо они превращались в чистую церемонию, собираясь лишь на несколько часов в году, либо становились подразделениями центрального правительства, решавшими мелкие административные вопросы, наблюдавшими за условиями жизни в сельской местности и отвечавшими на бесчисленные декреты, циркуляры и распоряжения, поступавшие из центра. Даже венгерское государственное собрание не созывалось после 1765 г. ни Марией Терезией, ни ее сыном и наследником Иосифом II. Политика опустилась на одну ступень ниже, в местные администрации округов. Хотя и они могли проявлять упрямство, обычно чиновники в округах и городские магистраты делали, что приказано, зная, что чрезмерное сопротивление чревато прибытием войск и инспекторов. Пожалуй, из всех габсбургских королевств только в Венгрии еще правили не чиновники, а дворяне, но и те уже нервно оглядывались через плечо³¹².

На вершине административной пирамиды располагался стремительно растущий центральный бюрократический аппарат, во главе со «сверхминистерством», объединившим ряд институтов, прежде путавших свои обязанности и дублировавших друг друга. Этот орган, впервые учрежденный Гаугвицем в Чехии и Австрии в 1749 г., получил название «Директория администрации и финансов». Впоследствии эти две задачи разделили, так что финансы вернулись в ведение имперского казначейства, а Директорию переименовали в Объединенную чешско-австрийскую придворную канцелярию. Ниже располагался второй ярус управленцев, провинциальные администрации или губернаторства, и третий – администрации округов. Сходились все нити предположительно в руках Государственного совета, учрежденного Кауницем в 1760 г. Семь членов совета должны были заниматься более масштабными вопросами государственной политики и заботиться об «общем благе». В Венгрии и Трансильвании сохранялись собственные канцелярии. С 1690-х гг. обе они располагались в Вене, в помещении над одной из городских таверн³¹³.

Правительство по-прежнему пребывало в зачаточном состоянии, а его ведомства были разбросаны по столице. До 1770-х гг. в большинстве из них не было установленного режима работы, и многие чиновники работали из дому (позже появились – хотя скорее на бумаге – рабочие часы с восьми утра до семи вечера семь дней в неделю с трехчасовым перерывом на обед, начинавшимся в полдень). Под влиянием Иосифа II управленческие действия и процедуры все больше формализовались. Он многого требовал от чиновников: они должны были класть жизнь на алтарь государственной службы, печься об общем благе, чураться взяток и иной личной выгоды, а также ежегодно проходить аттестации. За это они получали небольшое, но регулярное жалованье, пенсию после отставки, медали и форменные мундиры – темно-зеленые с золотым или серебряным шитьем. В действительности работа чиновника зачастую выглядела совсем не так, как задумывал Иосиф. Несколькими десятилетиями позднее драматург и чиновник Франц Грильпарцер (1791–1872) описывал свой день на государственной службе так: «В контору к полудню. Никаких дел нет. Читал Фукидида»³¹⁴.

Государственный аппарат оставался относительно небольшим – около тысячи чиновников в столице. Но эти чиновники все глубже вгрызались в габсбургское общество. Войны Марии Терезии потребовали трехкратного роста численности армии. Прежде набор в армию был смешанным: добровольцы и рекруты, собираемые провинциальными властями по повин-

³¹¹ J. C. Bisinger, *Generalstatistik des österreichischen Kaiserthumes*, vol. 2 (Vienna and Trieste, 1808), 162.

³¹² István M. Szijártó, *A diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792* (Budapest, 2005), 361–2.

³¹³ P. G. M. Dickson, *Finance and Government Under Maria Theresia*, vol. 1 (Oxford, 1987), 233.

³¹⁴ Waltraud Heindl, *Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich, 1780 bis 1848*, 2nd ed. (Cologne and Vienna, 2013), 229, 246.

ности. Случались обычные глупости типа насильственной вербовки хромоногих странников или прусских пленных, которых заставляли воевать на стороне врага. С 1760 г. вступила в силу новая система «кантонного набора», устроенная по прусскому образцу. Армию Габсбургов теперь питали военные округа, в каждом из которых специальная комиссия из военных рекрутеров и штатских чиновников вела списки годных к службе жителей. Она выбирала наименее ценных для местной экономики мужчин, которых следовало отправить в армию, и посылала за ними отряды вербовщиков.

Для функционирования такой системы потребовалась всеобщая перепись населения, которая на случай войны включала также и учет тягловых животных. Кауница все эти меры повергала в ужас, поскольку они для него означали полную милитаризацию общества, «то есть худший вид рабства и зверства, который и делает прусский режим таким омерзительным», но помешать реформе он был не в силах. Спустя несколько лет переписчики включили в сферу своих интересов нумерацию домов, поскольку нет смысла составлять списки рекрутов, не зная, где потом искать этих людей. Был установлен и способ нумерации: черные цифры три дюйма (7,5 см) высотой, размещаемые над главным входом или сбоку от него. Жалобы на вторжение в частную жизнь чиновники опровергали тем, что правила нумерации распространялись и на императорские дворцы. Но как бы то ни было, смысл и переписи, и нумерации были ясны всем. Возник новый бюрократический режим, при котором, по чванливому заявлению одного прусского деятеля, «каждый человек есть деталь или шестеренка в машине государства»³¹⁵.

---

³¹⁵ «Худший вид рабства и зверства, который и делает прусский режим таким омерзительным...» – см. Franz A. J. Szabo, *Kaunitz and Enlightened Absolutism 1753–1780* (Cambridge, 1994), 279. «Каждый человек есть деталь или шестеренка...» – см. Barbara Stollberg-Rilinger, *Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats* (Berlin, 1986), 121. См. также Anton Tantner, 'Addressing the Houses: the Introduction of House Numbering in Europe', *Histoire & Mesure*, 24, no. 2 (2009), 7–30 (14–16).

18

ТОРГОВЦЫ, БОТАНИКИ И МАСОНЫ

Шенбруннский дворец построили в первые десятилетия правления Марии Терезии. С самого начала он задумывался как ответ Версалею, однако между ними было немало отличий. Шенбрунн не был отдан под квартиры для прирученного дворянства, и в отличие от Версалея он не был открыт для публики. Вместо этого Шенбрунн оставался укромной летней резиденцией императорской семьи, и личные покои занимали в нем гораздо большее место, чем в Версале. В сердце дворца находилась супружеская спальня Марии Терезии и Франца Стефана. Она никогда не служила для многолюдных утренних приемов, но оставалась «рабочей спальней», где супруги уединялись для сна, близости и (время от времени) семейных ссор. Посетителей направляли в анфилады залов для аудиенций и гостиных, задачей которых было производить впечатление, но большая часть дворца, как и сегодня, была недоступна для посторонних.

Сады возникли одновременно с дворцом; своими расположенными в строгом геометрическом порядке клумбами, скульптурами и фонтанами они должны были выражать «согласие природы и искусства». На холме за главным садом по сей день возвышается задуманная как центр композиции гладиаторской арены, оформленная в виде увенчанного орлом храма. У подножия холма, прямо напротив дворца, устроен фонтан с мраморными изваяниями в двойную величину. Скульптуры Нептуна, полурыб-тритонов, морских коньков и nereid напоминают о морских ветрах, по воле Нептуна несших Энея в Италию, и таким образом – о древнеримском происхождении и Габсбургов, и самой имперской идеи. На случай, если аллегория окажется не слишком ясна, рядом из разбитых статуй и поваленных колонн соорудили «руины Карфагена» – залог величия Рима³¹⁶.

Впрочем, к середине XVIII в. бог моря Нептун уже не был символом могущества Габсбургов и их океанских владений. Королевства Марии Терезии почти не имели выходов к морю, а присоединение польской Галиции расширило сухопутные, но не морские границы ее земель. Лишившись огромной колониальной империи, которой они владели благодаря Испании, Габсбурги утратили всякие шансы на мировое господство. Их реальность сжалась до всего одного угла Европы, причем и там гегемонии Габсбургов теперь угрожало возвышение Пруссии. В пространственном отношении династия сдавала свои позиции.

В 1775 г. в Вену прибыл англо-немецко-голландский авантюрист Виллем Болст, также известный как Уильям Болст. Равно бесчестного в торговых делах и неспособного Болста с позором уволили из Британской Ост-Индской компании, аттестовав как «вполне бесполезного и никчемного служащего», в чем перечне проступков значилось и разглашение коммерческой тайны. И вот теперь он явился к Иосифу II с проектом создания Австрийской Ост-Индской компании. В 1764 г. Иосифа избрали королем римлян, а через год он автоматически унаследовал императорский титул отца и одновременно стал соправителем матери в Австрии, Чехии, Венгрии и польской Галиции. Болст хотел, чтобы Иосиф дозволил ему отправлять в восточные моря суда под императорским флагом с целью продавать там металлы и оружие, которые правительство поставит ему в долг, и закупать чай. Князь Кауниц рекомендовал Иосифу поддержать проект – о чем позже жалел, и вскоре Австрийская Ост-Индская компания была учреждена³¹⁷.

³¹⁶ Beatrix Hajós, *Schönbrunner Statuen 1773–1780. Ein neuer Rom in Wien* (Vienna, Cologne, and Weimar, 2004), 12.

³¹⁷ «Вполне бесполезный и никчемный служащий...» – см. William Bolts, *Considerations on Indian Affairs*, vol. 2 (London, 1775), 123–4. См. также Franz A. J. Szabo, *Kaunitz and Enlightened Despotism, 1753–1780* (Cambridge, 1994), 144–5.

В 1776 г. из тосканского порта Ливорно вышел корабль компании «Иосиф и Тереза». Этот трехмачтовик водоизмещением 500 тонн (то есть значительно крупнее и «Дискавери» Джеймса Кука, и «Баунти» капитана Блая) прежде носил имя «Граф Линкольн» и был лишь недавно списан Британской Ост-Индской компанией. Приобретая по пути дополнительные суда, Болст основал фактории на побережье Мозамбика и на Никобарских островах к северо-западу от Суматры, подняв над ними флаг империи. Эти фактории просуществовали недолго, перейдя под контроль португальцев и датчан соответственно. Но один из Никобарских островов до сих пор носит имя Тересса – в честь австрийской императрицы.

На побережье Индии успех тоже не удалось развить: деятельности Болста там препятствовала Британская Ост-Индская компания – не в последнюю очередь потому, что Болст ей задолжал. В итоге в 1779 г. «Иосиф и Тереза» с еще тремя судами вернулись в Ливорно с не особенно интересным грузом, тогда как пятый корабль, «Князь Кауниц», привез шелка, чай и диковины из Кантона (Гуанчжоу). И корабли, и товар тут же забрали за долги кредиторы Болста, в числе которых теперь было и австрийское правительство, поставившее товары на экспорт. Попытка кредиторов преобразовать Австрийскую Ост-Индскую компанию в Императорскую компанию Триеста и Антверпена оказалась равно несчастливой и обернулась одним из самых громких банкротств XVIII в., разорив банк Пьетро Проли в Антверпене. Сам Иосиф II потерял 50 000 дукатов³¹⁸.

Неудача не смутила Болста, и в 1782 г. он представил императору новый проект. Прочитав неофициальные отчеты о последней тихоокеанской экспедиции Джеймса Кука, Болст предложил основать коммерческое поселение в заливе Нутка на острове, сегодня известном как Ванкувер, чтобы скупать у индейцев шкуры и пушнину, которые затем менять на чай, фарфор и шелк в Японии и Китае. Но Иосифа эта схема не заинтересовала. Двумя годами раньше в его шенбруннской оранжерее случайно погибла коллекция редких тропических растений, а партия купленных на замену ростков не выдержала транспортировки. Иосиф хотел снарядить научную, ботаническую, а не коммерческую экспедицию, хотя, как он сам признавал, эти цели можно было объединить и прийти к компромиссу, при котором Болст получил бы прибыль, а Иосиф – новые образцы растений.

Это был удивительный момент. Император из дома Габсбургов жертвовал всеми выгодами от заморской торговли и колоний в обмен на заполнение своих оранжерей ботаническими редкостями со всего света. Впрочем, это было созвучно мировоззрению его деда Карла VI, каким оно предстает в оформлении Дворцовой библиотеки и в избранном им для себя образе Геракла, предводителя муз. Габсбургское видение империи сплеталось из множества нитей и никогда не исчерпывалось территориальными претензиями. Мифологические, религиозные и исторические мотивы, соединяясь, порождали устремления, выходившие за рамки обогащения или пространственной экспансии. Многочисленные значения шифра AEIOU, который богини несут на потолке Дворцовой библиотеки, выражают философию величия, состоящую из многих смысловых уровней. Образцы растений были такой же частью габсбургской идеи, как народы и территории.

Общение Иосифа с Болстом лишь наиболее яркий эпизод в более длительном культурном процессе, который к тому времени уже сделал Габсбургов поборниками накопления и распространения знаний. Эти знания отличались от знаний алхимиков тем, что должны были распространяться, а отнюдь не храниться в секрете. Они также не были особенно связаны с возникшей в те годы модой на зоопарки, среди которых самым великолепным в Европе стал зверинец, устроенный в 1752 г. в Шенбрунском дворце. Зоопарки служили главным образом для развлечения, а шенбруннский был еще и местом, где иногда завтракала императорская семья. В 1778 г. зоопарк Шенбрунна открыли для публики, но от посетителей требовалось

³¹⁸ Mary Lindemann, *The Merchant Republics: Amsterdam, Antwerp, and Hamburg, 1648–1790* (Cambridge, 2015), 288–9.

подобаяще одеваться. К счастью, этот зоопарк никогда не напоминал версальский зверинец Людовика XIV, где тигров ради забавы короля натравливали на слонов.

Напротив, ботаника по причине своей тесной связи с медициной требовала строгих научных методов, упор в которых делался на наблюдение, достоверные зарисовки и классификацию. Директор основанного Максимилианом II венского ботанического сада Карл Клузиус (Шарль де Леклюз, 1526–1609) задал стандарты в этой области своими детальными описаниями и гравированными изображениями многих видов, среди которых были привезенные из Османской империи тюльпан и конский каштан. Иллюстрациями Клузиуса ученые пользовались даже три столетия спустя. На протяжении всего XVII в. описывались и классифицировались все новые виды растений не только из Азии, но и из Нового Света: американская рябина, девичий пятилистковый виноград, виргинский можжевельник³¹⁹.

Поток новых ботанических образцов, особенно американских, покончил с былой определенностью. «Энциклопедизм» и «коллекции всего» утратили смысл, поскольку стало ясно, что мир содержит много больше, чем «20 000 достойных упоминания фактов», уместяющихся в 30 книг, как это представлял себе в I в. Плиний Старший. Каталог всего одной коллекции конца XVI в. занимает четыре сотни томов, составленных ее единственным куратором. Даже идея, что ученый мудрец, знакомый с герметическим знанием, способен различить некое скрытое общее за поверхностными различиями вещей, тоже разбилась об огромное разнообразие необыкновенных примеров. Чтобы понять, упорядочить и объяснить явления, нужны были новые категории и новая таксономия. Растительный мир одним из первых обрел такую систему – «фитософические таблицы», описывающие метод классификации растений, прежде размещавшихся в атласах в случайном порядке³²⁰.

Но и знание как таковое нуждалось в новой структуре, выходящей за рамки стандартного деления на «естественное», «рукотворное» и «чудесное» (*naturalia*, *artificialia*, *mirabilia*). Среди первых классификаций были по-настоящему причудливые, как, например, одна система середины XVII в., разнотившая все явления по столь разнородным категориям, как магнетизм, мумии, универсальные и искусственные языки, астрономия, оптика и т. д. Тем не менее бывшие в ходу у коллекционеров системы, как и категории, использовавшиеся ими в практических целях, помогли при организации первых музеев, где отдельные витрины отводились, например, для монет, медалей с портретами выдающихся людей, геологических образцов, бабочек и новорожденных уродов (коллекцию последних Иосиф II подарил медицинскому факультету Венского университета)³²¹.

До XVIII в. габсбургские правители систематически собирали только животных, которых содержали в разных зверинцах, впоследствии объединенных в зоопарк Шенбрунна. Карл VI, однако, специализировался на коллекционировании монет и медалей и к своей смерти успел собрать несколько десятков тысяч экспонатов. В их числе знаменитая «медаль алхимиков», отчеканенная в 1677 г. в память о якобы состоявшемся первом преобразовании неблагородного металла в золото. За недостатком места коллекция Карла размещалась в Хофбурге, в бильярдной Леопольдова крыла. Но самые ценные свои сокровища Карл держал при себе, в «нуммотеке» – переносном ящике-витрине для монет и медалей, изготовленном в форме книги³²².

³¹⁹ Verhandlungen des zoologischbotanischen Vereins in Wien, 5 (1855), 27 (Abhandlungen); Alfred Lesel, 'Neugebäude Palace and Its Gardens: the Green Dream of Maximilian II', *Ekistics*, 61, nos 364–5 (1994), 59–67 (62–3).

³²⁰ Paula Findlen, *Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy* (Berkeley, CA, 1996), 30.

³²¹ Findlen, *Possessing Nature*, 80; Markus Oppenauer, 'Soziale Aspekte der Anatomie und ihrer Sammlungen an der Wiener Medizinischen Fakultät, 1790–1840', *Sudhoffs Archiv*, 98 (2014), 47–75 (52).

³²² Bernhard Koch, 'Das Münzkabinett des Kunsthistorischen Museums', *Österreichs Museen stellen sich vor*, 9 (1978), 49–62 (52).

Однако решительный шаг от искусства коллекционирования к созданию того, что станет венским Музеем естествознания, сделал зять Карла, муж Марии Терезии Франц Стефан. Историки спорят о том, где в Европе появился первый современный музей, но значимость естественно-научной коллекции – или «кабинета» – Франца Стефана заключается в способе ее организации, со временем ставшем примером для других музеев. Привычные нам разделы естествознания – геология, палеонтология, позвоночные, беспозвоночные, насекомые, доисторические люди и т. д. – берут начало в классификации, впервые опробованной в Вене. Практику иллюстрировать развитие человека чучелами представителей «более примитивных» племен, сохранявшуюся в европейских музеях еще даже в прошлом веке, также ввели в 1790-е гг. венские музейные хранители³²³.

Основу естественно-научной коллекции Франца Стефана составили 30 000 образцов минералов, морской фауны, кораллов и раковин моллюсков, которые он купил в 1748 г. у итальянского дворянина франко-голландского происхождения Жана де Байю. При этом Франц Стефан не просто купил витрины с экспонатами – он нанял самого Байю, сделав его директором императорского кабинета естествознания в Хофбурге. Вместе с Николаусом Жакеном, впоследствии профессором ботаники в Венском университете, Байю распространил классификацию Карла Линнея на американскую флору, применив к ней линнеевскую бинарную номенклатуру, где каждое растение обозначается двумя словами, как правило латинскими. Кабинет пополнялся находками, которые Жакен привозил из экспедиций по Западной Европе, на Карибские острова и в Венесуэлу. Под собрание отвели несколько комнат в том крыле, где размещалась и Дворцовая библиотека³²⁴.

Кроме залов естествознания там имелись две комнаты с астрономическими инструментами и пять, где размещались принадлежащие Францу Стефану коллекции резьбы по драгоценным камням, монет, а также египетских и азиатских древностей. Отдельные коллекции монет Франца Стефана и Карла VI со временем были объединены и каталогизированы. В дальнейшем к собранию добавились птицы и млекопитающие, привезенные из американской экспедиции, которую Иосиф II планировал вместе с Болстом, но в итоге осуществил без участия этого авантюриста. В 1795 г. последовала полная реорганизация всего музея, после которой он стал называться Императорским и королевским кабинетом точных наук и астрономии, изобретений, естественных наук и зоологии (k. k. Physikalisches und astronomisches Kunst- und Natur-Tier-Cabinet).

Музей естествознания (если использовать менее громоздкое название) был детищем Франца Стефана. Именно император выделял на него средства и лично занимался этим проектом. Он даже ставил там научные опыты, в ходе одного из которых случайно (и к своему немалому убытку) доказал, что алмаз под воздействием высокой температуры превращается в графит. Но главное, он собрал вместе ученых, которые стали первыми директорами музея, и создал международную сеть сотрудников и корреспондентов, огромное подспорье в музейной работе. Безусловно, императорский титул оказывался при этом кстати, но, вероятно, еще больше налаживанию связей помогало то, что Франц Стефан был масоном³²⁵.

Масонские степени ученика и подмастерья Франц Стефан получил в 1731 г. на собрании в Гааге, где председательствовал британский посол граф Честерфилд. В том же году в некой лондонской ложе Франца возвели в степень мастера, и он участвовал в масонском собрании в Хоутон-холле, норфолкском поместье британского премьер-министра сэра Роберта Уолпола.

³²³ Günther Hamann, *Die Geschichte der Wiener naturhistorischen Sammlungen bis zum Ende der Monarchie* (Vienna, 1976), 18–20.

³²⁴ Gerbert Frodl and Marianne Frodl-Schneemann, *Die Blumenmalerei in Wien* (Vienna, 2010), 10; Santiago Madriñán, Nikolaus Joseph Jacquin's American Plants (Leiden and Boston, 2013), 49–50; C. F. Blöchingen vom Bannholz, Chevalier Jean de Baillou. Ein Beitrag (Vienna, 1868), 28.

³²⁵ Renate Zedinger, Franz Stephan von Lothringen. Monarch, Manager, Mäzen (Vienna, Cologne, and Weimar, 2008), 241–58.

Таким образом, масонская репутация Франца Стефана была безупречной. Он был связан с первой масонской ложей Вены, основанной в 1742 г. и носившей имя «Три орудия» (Zu den drei Kapopen). К тому времени католическая церковь уже осудила масонство, и на следующий год в ложу нагрянули военные, тогда как Франц Стефан, по всей видимости, бежал через черный ход. Его дальнейшие связи с масонством не ясны, но современники подозревали, что они не прерывались, и есть даже портрет, где император изображен с масонскими символами³²⁶.

Возникшее в Англии в XVII в. масонство ни в коей мере не было единым, как организационно, так и идейно. В самой своей основе оно мыслилось как вселенское братство – по более позднему определению одного масона, «храм блага всего человечества, союз, объединяющий добрых людей всех классов, народов и стран мира». Так, Анджело Солимана из Западной Африки, несмотря на его расу, приняли в венскую ложу «Истинное согласие» (Zur Wahren Eintracht), где он участвовал в церемониях посвящения (то есть, очевидно, достиг степени мастера). Другие ложи, однако, были не столь терпимы. В Хорватии и Триесте отношения между итальяноязычными и немецкоязычными жителями сложились не самые безоблачные, и потому для них создавались отдельные ложи. К тому же масонство оставалось в значительной степени увлечением элиты: в ложи вступали дворяне, высокопоставленные чиновники и люди со средствами. Цена церемониального облачения, а также размер членских взносов и добровольных пожертвований отпугивали представителей низших сословий³²⁷.

Позже критики масонства, ссылаясь на эгалитаризм этого движения, обвиняли братьев в распространении революционных идей. Однако большинство лож сторонилось сомнительных начинаний, посвящая все время ритуалам, сочинению уставов и лекциям на такие безобидные темы, как, например, «Был ли Христос масоном». Связи с баварским тайным обществом иллюминатов располагали к политическому утопизму, но масонов больше занимала тайна «неизвестных мастеров» на вершине иерархии иллюминатов, чем участие в какой-либо подрывной деятельности. В тех венгерских ложах, которые следовали так называемому обряду Драшко-вича, часто обсуждались острые темы – например, положение крестьянства, дворянские привилегии и законодательные реформы. Это, впрочем, несколько не мешало там показательным проявлениям патриотизма и верности венгерским королям из династии Габсбургов³²⁸.

Связь масонства с занятиями наукой была очень тесной – настолько, что в чем-то эти виды деятельности совпадали. Некоторые ложи финансировали лекции о паровых двигателях, забивании свай и электричестве, а также основывали научные библиотеки. Венская ложа «Истинное согласие» издавала собственный журнал, посвященный «наблюдениям за делами природы, дабы определить ее законы и использовать их для улучшения общества». Неудивительно, что масонство привлекало многих крупных специалистов по естественным наукам, в том числе и директоров Венского музея естественной истории. Первым великим магистром ложи «Истинное согласие» стал придворный хирург Игнац Фишер, а следующим – геолог и директор музея Игнац фон Борн. Вероятно, членом ложи был и Герард ван Свитен, который служил не только личным врачом Марии Терезии, но и заведующим Дворцовой библиотекой, а кроме того, немало сделал для создания музея³²⁹.

Ложа «Истинное согласие» была самой прославленной из шести десятков масонских лож габсбургской Центральной Европы и поддерживала связи со всей Европой – от Лондона до

³²⁶ Gilbert Daynes, 'The Duke of Lorraine and English Freemasonry in 1731', *Ars Quatuor Coronatorum*, 37 (1924), 107–32 (109); 300 Jahre Freimaurer. Das wahre Geheimnis, ed. Christian Rapp and Nadia Rapp-Wimberger (Vienna, 2017), 37.

³²⁷ «Храм блага всего человечества...» – см. L. Lewis, *Geschichte der Freimaurerei in Österreich* (Vienna, 1861), 4. См. также Ludwig Abafi, *Geschichte der Freimaurerei in Österreich-Ungarn*, vol. 2 (Budapest, 1891), 262.

³²⁸ Die Protokolle der Wiener Freimaurerloge 'Zum wahren Eintracht' (1781–1785), ed. Hans-Josef Irmen (Frankfurt a/M, 1994), 167, 312; Sándor Domanovszky, *József nádor élete*, vol. 1, part 1 (Budapest, 1944), 132–42.

³²⁹ «Наблюдения за делами природы...» – см. R. William Weisberger, *Speculative Freemasonry and the Enlightenment: A Study of the Craft in London, Paris, Prague, and Vienna* (Boulder and New York, 1993), 128.

Санкт-Петербурга. Игнац фон Борн даже думал превратить ее в академию, призванную распространять научные знания, по образцу Лондонского королевского общества (тоже имевшего масонские корни). Но она вовсе не была уникальной. Пражские ложи «Три звезды и корона» и «Три орла» также содействовали развитию естествознания, в особенности геологии, а в трансильванском городе Сибиу великим магистром ложи «Три кувшинки» был губернатор провинции эрудит Самуэль фон Брукенталь. Он покровительствовал естественным наукам и помог вступить в ложу своему личному врачу и нумизмату Самуэлю Ганеману, отцу гомеопатии.

Принимая в братство нового члена, его вводили не только во храм, но и, как гласила клятва одной из инсбрукских лож, «в сообщество граждан» (*in der bürgerlichen Gesellschaft*). Что касается «публичной сферы», в смысле пространства, где граждане могли собираться, дискутировать и влиять на политические процессы, то в габсбургской Центральной Европе масонские ложи оставались едва ли не единственной формой такой общественной самоорганизации. Читательских клубов, патриотических обществ, реформаторских кружков и литературных движений, которые задавали и продвигали повестку перемен в Британии и Франции, в Центральной Европе до 1780-х гг. не было, точно так же как и кофейен, в которых лежали газеты и вывешивались политические карикатуры. Все эти «малые отряды», как определил их англичанин Эдмунд Берк, составляющие основу независимого и стабильного общественного уклада, заменялись тут ложами. Кроме них в «публичной сфере» габсбургской Центральной Европы имелись, пожалуй, только учреждения для простонародья – пивные залы и уличные театры, где австрийский арлекин по имени Ганс Вурст («Иван Колбаса») выступал со скабрёзными импровизациями в жанре социальной сатиры. Остается, однако, неясным, тормозили ли масонские ложи формирование гражданского общества или расцвели ввиду его отсутствия³³⁰.

И все же масонство в габсбургской Центральной Европе никогда не служило противовесом правительству и государству, как не стало оно фундаментом гражданского общества и публичной сферы, способных бросать вызов сложившемуся порядку. Представители образованных слоев, которыми и пополнялись ряды масонов, в подавляющем большинстве работали в государственных учреждениях. То же самое относилось и к ученым, читавшим лекции и проводившим опыты на собраниях лож. Таким образом масонство скорее укрепляло бюрократическую вертикаль власти и способствовало распространению мнения, что перемены должны инициироваться сверху и осуществляться благородными и образованными масонами, которым поручено исполнять волю государя. На первый взгляд масонство в габсбургских землях было похоже на то, что один историк называл школой гражданской ответственности, а сами ложи напоминали «микроскопические гражданские общества». При более внимательном рассмотрении они, однако, оказываются отражением правящего режима, средоточием всех предрассудков и убеждений зарождающегося класса государственных чиновников. Масонство было «замкнутой системой», изнутри которой не просматривались никакие пути преобразования общества, кроме реформ, проводимых самим правительством³³¹.

Более века после Франца Стефана ни один из старших Габсбургов не вступал в масонские ложи. Не исключено, что масоном был племянник Иосифа II эрцгерцог Иоганн – он сыграл заметную роль в создании одного из псевдорыцарских орденов, заменивших ложи после запрета масонства в 1793 г. Определенно сочувствовала масонскому братству и сестра Иосифа II горбатая Мария Анна. Будучи настоятельницей монастыря в столице Каринтии Клагенфурте, она приютила масонскую ложу рядом со своим дворцом, собирала собственную коллекцию минералов и насекомых, а также проводила научные эксперименты в компании Игнаца

³³⁰ О «сообществе граждан» см. Ludwig Rapp, *Freimaurer in Tirol* (Innsbruck, 1867), 20.

³³¹ Margaret C. Jacob, *Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth Century Europe* (New York and Oxford, 1991), 12, 20; Eckhart Hellmuth, 'Why Does Corruption Matter? Reforms and Reform Movements in Britain and Germany in the Second Half of the Eighteenth Century', *Proceedings of the British Academy*, 100 (1999), 5–23 (17–9).

фон Борна. Масонская ложа в Клагенфурте называлась в ее честь, но состояла ли сама эрцгерцогиня в какой-нибудь из женских «адоптивных лож», неизвестно³³².

Это, в общем, и не столь важно. Сменявшиеся габсбургские монархи могли, подобно Иосифу II, отвергать масонство, видя в нем лишь «шарлатанство» (*Gaukelei*), но и при дворе, и в правительстве их окружали масоны. Сам Шенбруннский парк красноречиво свидетельствует о том, какое влияние имели эти люди. У подножия холма, на котором стоит глорietta, восточнее Нептуна высится фонтан, увенчанный подобием древнеегипетского обелиска. На нем вырезаны псевдоиероглифы, будто бы описывающие триумфы Габсбургов (настоящие египетские иероглифы в то время еще не расшифровали). Но у основания стелы архитектор Иоганн Хётцендорф фон Хозенберг, сам бывший масоном, поместил ряд символов братства: долото, молот, циркуль и наугольник. Подобно изображениям на обелиске, элитарные убеждения центральноевропейских масонов глубоко врезались в ткань габсбургской идеологии, еще больше закрепив принцип, согласно которому любые изменения должны спускаться сверху и осуществляться добродетельными членами бюрократического аппарата³³³.

---

³³² Friedrich Weissensteiner, *Die Töchter Maria Theresias* (Vienna, 1994), 33–56.

³³³ Julia Budka, 'Hieroglyphen und das Haus Habsburg: Der Dekor des neuzeitlichen Obeliskens in Schönbrunner Schlosspark', *Kemet*, 15, no 4 (2006), 58–62 (61).

19

ВАМПИРЫ, ПРОСВЕЩЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

В первой половине XVIII в. вампиры стали по-настоящему модной темой. В газеты и медицинские журналы просочились официальные документы, описывающие поверья о вампирах, распространенные в недавно занятых Габсбургами сербских областях. Почерпнутые из этих документов рассказы о пожирающей людей нежити, о вырытых из могил телах, сочащихся кровью своих жертв, об осиновых кольях и обезглавливании воспроизводились в кошмарных подробностях и смешивались со старинными быличками про оборотней и нахцереров (поедающих свои похоронные саваны мертвецов). Позже Вольтер вспоминал, что в Париже «с 1730 по 1735 г. все только и говорили, что о вампирах и о том, как на них охотятся, вырезая им сердца и сжигая их тела. Они были как мученики прежних времен: чем больше их жгли, тем больше их обнаруживалось»³³⁴.

Из Сербии сообщения о вампирах распространились по Венгрии и Трансильвании. Необычные смерти и происшествия, вспышки чумы, а также находки мумифицировавшихся, а не разложившихся трупов всегда объяснялись одной причиной, после чего люди принимались за раскапывание могил. Изучением феномена вампиризма занимались многие образованные авторы, которые обнаруживали, что фактического подтверждения у этих историй нет, однако зачастую они подавали свои в целом взвешенные рассуждения в нарочито сенсационном виде. Михаэль Ранфт, автор впервые опубликованного в 1725 г. здорового исследования о том, жуют ли мертвецы свои саваны, через 10 лет доработал этот труд, добавив к нему подробный рассказ о сербских вампирах, и издал его в составе объемного «Трактата о мертвецах, жующих и гложущих в могилах, в котором раскрывается истинная природа венгерских вампиров и кровососов» (Ранфт полагал, что Сербия находится в Венгрии)³³⁵.

Сообщения о вампирах приходили и из Моравии. В 1755 г. с согласия церковных властей крестьяне вырыли, обезглавили и сожгли тело некоей женщины, объяснив это тем, что по ночам ее труп нападает на жителей деревни. Это была четвертая за 30 лет эксгумация, разрешенная епископом Оломоуца, считая эпизод 1731 г. с выкапыванием из могил и сожжением тел семерых детей. Узнав об этом последнем случае, Мария Терезия отправила двух медиков провести расследование, но сама формулировка задания не оставляла сомнений в том, чего хотела от них императрица. Их отчет станет «большой услугой человечеству», напутствовала Мария Терезия своих посланцев, если поможет развеять заблуждения «легковерных людей»³³⁶.

Результаты этого расследования передали Герарду ван Свитену, который обобщил их и впоследствии издал в виде брошюры. Ван Свитен совмещал при дворе Марии Терезии должности библиотекаря, личного врача и цензора. Рационалист до мозга костей, он отрицал сверхъестественное по той же причине, что отказывался носить парик: ни тому ни другому не было логического объяснения. Неудивительно, что ван Свитен объяснил моравское происшествие слухами и недоразумениями сродни страху перед черными кошками, в которых живут бесы, или вере в волшебные зелья и колдунов. Ван Свитен писал, что случаи обнаружения неразложившихся тел можно объяснить естественными причинами, в первую очередь холодной погодой. Аналогичным образом необычные симптомы часто оказываются проявлением хорошо

---

³³⁴ Voltaire, Dictionnaire Philosophique, vol. 6 (Oeuvres complètes, vol. 38, Paris, 1838), 449 (впервые опубликовано в 1764 г.).

³³⁵ Michael Ranft, Tractat von dem Kauen und Schmatzen der Todten in Gräbern, worin die wahre Beschaffenheit derer Hungarischen Vampyr und BlutSauger gezeigt (Leipzig, 1734).

³³⁶ Ferencz Xavier Linzbauer, A magyar korona országainak nemzetközi egrességügye (Buda, 1868), 110.

известных болезней. Он сокрушался, что тела ни в чем не повинных людей выкапывали из могил, без нужды усугубляя скорбь их близких³³⁷.

В 1755 г. Мария Терезия, ознакомившись с выводами ван Свитена, издала циркуляр, запрещающий церковным властям одобрять эксгумацию по причине «загробной магии». Как поясняла императрица, такие обвинения почти всегда продиктованы суеверием или корыстью. Священникам отныне вменялось в обязанность сообщать гражданским властям о подобных скандалах (а равно и о любых случаях явления призраков, ведовства или одержимости бесами) для их расследования медиками. Тем же циркуляром императрица заодно запретила и предсказывать выигрышные номера в лотерее³³⁸.

Реакция Марии Терезии на слухи о вампирах – линза, через которую мы можем рассмотреть Просвещение и его влияние на политику в Центральной Европе. В первую очередь Просвещение означало разум и объяснение любых событий на основе законов природы и человеческого поведения. Назначение на расследование вампиризма в Моравии двух докторов, передача их отчета для окончательного анализа ван Свитену, а равно и выводы ван Свитена и императрицы – признаки просвещенного образа мысли, предпочитающего рациональное объяснение сверхъестественному. Мария Терезия охотнее объясняла слухи о вампирах не происшествиями дьявола, а естественными причинами или злым умыслом вполне реальных людей.

Просвещение, однако, не было универсальным явлением и по-своему проявлялось в разных регионах. В Британии и Северной Америке оно скорее склонялось к расширению народо-власти, ограничению полномочий правительства и новой «науке свободы», целями которой мыслились свобода личности и закрепление за ней неотчуждаемых прав. Центральноевропейское Просвещение тяготело к другому полюсу – к всеобщей регламентации, к «науке государства» или «науке порядка», к подчинению интересов личности интересам общества, какими их видит государь. Один из самых видных представителей центральнооевропейского Просвещения писал так: «Обязанности народа и подданных можно свести к следующей формуле: послушанием, верностью и усердием содействовать всем мерам, которые правитель принимает ради их собственного счастья»³³⁹.

Склонность к бюрократическим методам и уверенность, что властям виднее, ярко проявились в той роли, которую Мария Терезия отвела в расследовании моравского дела государственным служащим. К тому времени медицинская практика уже регулировалась правительством, а многие врачи превратились в чиновников территориальных санитарных служб. Именно этим новоиспеченным чиновникам теперь было доверено расследовать все якобы сверхъестественные происшествия, в том числе и на кладбищах, прежде безраздельно контролировавшихся церковью. Просвещение в Центральной Европе не имело антиклерикальной направленности, но оспаривало особые права духовенства и особый статус церкви в государстве. Разрешение врачам работать на кладбищах стало одним из практических выражений этой тенденции³⁴⁰.

Мария Терезия заботилась о благополучии своих подданных. Меры против «загробной магии» – типичный пример ее патернализма или скорее матернализма: Мария Терезия с удовольствием носила прозвище Мать народа. Ради его собственного блага она нянчилась с народом и увещевала его хорошо себя вести: не позволяла трубить в почтовый рожок по ночам, приказывала оснащать курительные трубки крышками, распоряжалась не зажигать свечи в амбарах, запрещала рекламу мышьяка и т. д. Что важнее, она покончила с пытками и судами над ведьмами, а также положила начало процессу просвещения крестьянства, объявив об обя-

³³⁷ Gerhard van Swieten, *Vampyrismus* (Augsburg, 1768). Перевод французского оригинала, изданного в 1755 г.

³³⁸ Joseph Linden, *Abhandlungen über Cameral und fiskalämliche Gegenstände* (Vienna, 1834), 191–3.

³³⁹ Peter Gay, *The Enlightenment: The Science of Freedom* (New York and London, 1968), 489.

³⁴⁰ Teodora Daniela Sechel, 'The Emergence of the Medical Profession in Transylvania (1770–1848)', in *Cultural Dimensions of Elite Formation in Transylvania (1770–1950)*, ed. Victor Karady and Borbála Zsuzsanna Török (Cluj, 2008), 95–114 (99–101).

зательном шестилетнем обучении для всех детей. Ради спасения душ своих подданных она, кроме того, депортировала несколько тысяч протестантов из австрийских земель в Трансильванию и на время изгнала венских евреев, заявив, что считает их присутствие в городе нежелательным. Во многих отношениях Мария Терезия была удивительно непросвещенной.

В основе бесцеремонного вмешательства Марии Терезии в жизнь подданных лежало убеждение, что бог дарует монарху власть ради всеобщего блага. К этому добавлялись и принципы «естественного права», к XVIII в. возобладавшие и в университетах, и в образованных слоях общества. Теория естественного права опиралась на два постулата, усвоенных центральноевропейским Просвещением. Первый состоит в том, что общественный уклад и коллективизм свойственны человеку по его природе. Второй – что правительство существует для блага общества. Монархи правят не только по Божественному установлению – их власть оправдывается целью, которая есть сообщество их подданных.

Впрочем, разум, естественное право и широкая идея «общественного блага» не очень-то помогали в решении большинства задач, стоящих перед правительством. В политике ключевую роль играли не они, а «наука казны», так называемый камерализм (от *Kammer*, то есть «казенная палата»). Он представлял собой учение о том, как государство и его институты могут максимизировать свои доходы с целью самозащиты и роста материального и духовного благополучия граждан. Степень предполагаемой вовлеченности государства разные авторы оценивали по-разному. Некоторые считали, что достаточно создать условия для счастья, поскольку индивид имеет право сам решать, как ему взаимодействовать с внешним миром. Но большинство полагало, что заботу о наилучшем порядке нельзя доверить отдельным людям и что благосклонное правительство должно их опекать и направлять, пусть даже в ущерб индивидуальной свободе.

Камералисты нередко выступали, в сущности, за «регулирование всего и вся». При таком подходе интересы общества в целом ставятся выше прав отдельного человека. А тогда, если рост населения – это благо, следует запретить аборт и не допускать в общественные места людей с физическими уродствами, чтобы не провоцировать выкидыши у испуганных женщин. Свежий воздух полезен деятельным умам, а значит, в университетах должны иметься парки и студентов надо заставить там гулять. Поскольку финал «Ромео и Джульетты» Шекспира может повергнуть зрителей в тоску и апатию, его следует переписать на более счастливый. А поскольку слугам и придворным нельзя доверять, правители должны устраивать в своих дворцах потайные двери, коридоры и проемы, чтобы незаметно подслушивать частные разговоры³⁴¹.

В своем наихудшем виде камерализм превращается в примитивный утилитаризм и требует исключить из университетского курса литературу, философию и астрономию, потому что они «бесполезны». В другой крайности он чреват социальной революцией. Привилегии дворян, старинных сословных собраний и церкви коренятся в традиции и не имеют никакого оправдания с точки зрения общественной пользы. Значит, ради общего блага их следует отменить. Как выразился один из советников императорского двора, «любая традиция, не имеющая разумного обоснования, должна быть безоговорочно упразднена». Однако Мария Терезия не довела камерализм до его логического предела, считая сохранение установившейся иерархии тоже одной из своих обязанностей. А вот ее сын без колебаний начал революцию сверху. Этим он продемонстрировал презрение к традициям и существующим институтам, которое могло сравниться разве что с его уверенностью в том, что в конечном итоге он всегда прав³⁴².

³⁴¹ Andre Wakefield, *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice* (Chicago and London, 2009), 14.

³⁴² «Любая традиция, не имеющая разумного обоснования...» – см. Т. С. W. Blanning, *Joseph II and Enlightened Despotism* (London, 1970), 3.

Короткое десятилетнее правление императора Иосифа II (1780–1790) отмечено поразительным разнообразием начинаний: церковная реформа, отстаивание новых социальных и экономических приоритетов, а также искреннее стремление улучшить положение подданных путем вмешательства в их жизнь на уровне бытовых мелочей. Кроме того, Иосиф желал соединить все свои владения в «единую систему, управляемую единообразно». Можно спорить о том, что представляет собой государство, но единообразие управления и согласие подданных подчиняться некоему общему порядку, безусловно, являются важными компонентами этого понятия. Иосиф стремился прежде всего обеспечить первый, вероятно, полагая, что второй приложится. Во всяком случае на это надеялся влиятельный камералист, ректор Венского университета Йозеф фон Зонненфельс: он считал, что государство, обеспечившее подданным благополучие, автоматически получает в ответ их любовь и преданность. Государственное строительство, понимаемое как создание единой однородной системы, оставалось главной задачей и Иосифа, и его преемников. Но «государственный патриотизм», на который так рассчитывал Зонненфельс, оказался все-таки труднодостижимым³⁴³.

В государственных делах Иосиф II был таким же, как в постели, – напористым и настолько безудержным, что время от времени сам мечтал о периодах воздержания в деревне, где «выбирать приходится из уродливых крестьянок и жен сокольников» (близости со своей второй женой он избегал: по его словам, все ее тело покрывали волдыри). Столь же неразборчивый в приеме просителей, за свою жизнь он пообщался, возможно, с миллионом подданных. Российская императрица Екатерина Великая считала, что Иосиф «подорвал свое здоровье вечными аудиенциями». Когда Иосиф не выслушивал просителей, он готовил декреты – бывало, по несколько в день. Чиновники не успевали выполнять вал указаний, поступающих от монарха, не говоря уже о том, чтобы контролировать их эффективность. Среди них были указы, ограничивающие количество свечей в церквях и продолжительность проповедей, предписывающие использование многоразовых гробов с фальшивым дном (для экономии древесины), запрещающие целовать мертвых (чтобы не распространять болезни), постановляющие заменить анатомические образцы точными восковыми копиями и т. д.³⁴⁴

К середине XVIII в. большинство мыслителей Просвещения соглашались, что ни одна религия объективно не может иметь монополии на истину, а значит, веротерпимость должна лечь в основу нового рационального общества, которое они стремились построить. Камералисты, в свою очередь, считали экономически вредным исключать по религиозному признаку значительную часть населения из квалифицированной рабочей силы. Став самостоятельным правителем, Иосиф одним из первых своих решений (1781) приостановил действие эдиктов Марии Терезии о преследовании некатоликов и объявил политику веротерпимости. С этого момента лютеране, кальвинисты, православные и (годом позже) евреи могли открыто исповедовать свою религию, занимать государственные должности, вести профессиональную деятельность и посещать университеты. Несколько лет спустя Иосиф сделал брак гражданским договором, так что все тяжбы о происхождении детей и бракоразводные процессы перешли из ведения духовных судов в юрисдикцию светских.

Личная преданность Иосифа католической церкви не давала ему объявить полную свободу вероисповедания. В связи с этим право строить храмы получили только крупнейшие протестантские общины, причем некатолические церкви не должны были выходить фасадом на главные улицы и городские площади. К тому же эдикт Иосифа о веротерпимости не распро-

³⁴³ Teodora Shek Brnardić, 'Modalities of Enlightened Monarchical Patriotism in the Mid-Eighteenth Century Habsburg Monarchy', in *Whose Love of Which Country? Composite States, National Histories and Patriotic Discourses in Early Modern East Central Europe*, ed. Balázs Trencsényi and Márton Zsázkaliczky (Leiden, 2010), 629–61 (640–5).

³⁴⁴ «Выбирать приходится из уродливых крестьянок и жен сокольников...» – см. Derek Beales, *Joseph II: Against the World 1780–90* (Cambridge, 2009), 430. О «вечных аудиенциях» см. Beales, *Joseph II: Against the World*, 147; Paul von Mitrofanov, *Joseph II. Seine politische und kulturelle Tätigkeit*, vol. 1 (Leipzig, 1910), 275.

странялся на «сектантов», не относивших себя ни к лютеранам, ни к кальвинистам: унитариев, баптистов, меннонитов и т. д. Этот законодательный пробел означал, что протестантов все равно преследовали, если они не вписывались в дозволенные конфессии. Еще в 1830-х гг. четыре сотни протестантов изгнали из тирольской долины Циллерталь за «сектантство». И тем не менее сразу после обнародования эдикта о веротерпимости владения Габсбургов стали, пожалуй, самыми безопасными для религиозных неконформистов частями Европы³⁴⁵.

Преданность Иосифа католической вере не означала преданности церковным институтам. Монастырскую жизнь он, как и большинство деятелей Просвещения, считал почти совершенно бесполезной тратой времени. «Они поют, едят и переваривают» – так резюмировал монашеское призвание Вольтер. В Вене Игнац фон Борн опубликовал свою знаменитую «Монахологию», где классифицировал монахов в соответствии с принципами Линнея. Утверждая, что обнаружил «новый вид между человеком, самым совершенным из живых существ, и обезьяной, самым глупым из животных», он разбивает монашество на категории в соответствии с облачением и поведением. Бенедиктинец у него «всеяден, посты держит редко... западает деньги», кармелит «агрессивен и похотлив... любит потасовки и ссоры» и т. д. Ослабление Иосифом цензурных запретов (1781) вызвало волну памфлетов, осуждающих монастыри и церковное стяжательство. Немалую часть этой литературы анонимно издавали министры Иосифа³⁴⁶.

В 1770-е гг. новая антимонастырская политика Габсбургов была опробована в Ломбардии и Галиции. Как соправитель своей матери Иосиф закрыл в этих областях около 250 монастырей, сославшись на испорченность тамошних нравов или их умозрительную направленность (это значило, что насельники только молятся и не делают ничего полезного). Весной 1782 г. в отчаянной попытке предотвратить неизбежное папа Пий VI поспешил в Вену, став первым за почти три века понтификом, преодолевшим Альпы. Иосиф разместил гостя в Хофбурге, но нашел его общество «утомительным и неприятным». Кроме того, он посмеялся над угрозами папы отлучить его от церкви, заметив одному из своих советников: «Недавно открыли, что отлучение не мешает прекрасно есть и пить». Первые обители в Австрии Иосиф приказал закрыть еще до приезда Пия, и папский визит никак не замедлил процесс роспуска монастырей³⁴⁷.

Под удар новой политики попали монастыри, не выполнявшие никакой общественной миссии, то есть не содержавшие ни госпиталей, ни школ. Из 2000 обителей закрылись 700, а 14 000 монахов и монахинь оказались на улице. Монастырские постройки и земли распродавались, причем прибыль от их продажи переводилась в особый фонд, задачей которого было устройство новых семинарий для обучения духовенства, хотя большая часть денег пошла на пенсии бывшим монахам и монахиням. Предпринимались определенные попытки сохранить книжные собрания распущенных монастырей, распределив их между университетами, школами и Дворцовой библиотекой. Однако библиотекарям при этом дали указание не беспокоиться о «книгах, не имеющих ценности, старых изданиях XV в. и тому подобном», и все они были утрачены вместе с иным имуществом, которое сочли не стоящим расходов на транспортировку. Обычно их либо бросали гнить, либо топили в озерах. В этом величайшем за всю донацистскую историю Европы истреблении книг погибло общим счетом около 2,5 млн томов³⁴⁸.

³⁴⁵ Wilfried Beimrohr, *Die Zillertaler Protestanten oder Inklinanten und ihre Austreibung 1837* (Innsbruck, 2007).

³⁴⁶ *Monachologia or Handbook of the Natural History of Monks arranged according to the Linnaean System by a Naturalist* (Edinburgh, 1852), 3, 47–8, 64 (впервые издано на латыни в 1783 г.). См. также Elisabeth Kovács, 'Der Besuch Papst Pius' VI. in Wien im Spiegel josephinischer Broschüren', *Archivum Historiae Pontificiae*, 20 (1982), 163–217 (171–4).

³⁴⁷ Beales, Joseph II: *Against the World*, 233.

³⁴⁸ О «книгах, не имеющих ценности» см. S. Laschitzer, 'Die Verordnungen über die Bibliotheken und Archiven der aufgehobenen Klöster in Oesterreich', *MIÖG*, 2 (1881), 401–40 (431).

Первые меры Иосифа в целом не вызывали возражений, так как не противоречили господствующему интеллектуальному климату и общепринятым предрассудкам. Однако его земельные реформы осуществлялись при куда меньшем одобрении, да и мотивированы были не в последнюю очередь стремлением «смирить и разорить вельмож» (то есть дворянство). Ответвление камерализма, известное как физиократия, считало сельское хозяйство залогом национального благополучия и видело задачу правительства в том, чтобы устранять препятствия, сдерживающие аграрное производство и обмен его продукцией. Бремя земледельцев следует облегчать, а финансовую систему перестроить, установив для всех единый земельный налог. Несмотря на свою явную ошибочность – она отвергала торговлю как «экономически бесплодную» деятельность, не приносящую реального богатства, физиократия производила впечатление своими сложными таблицами и длинными алгебраическими формулами. Иосиф стал ее адептом и сделал ее теоретической основой своего наступления на привилегированные классы.

Начав в 1781 г. с Чехии, Иосиф отменил во всех своих землях крепостное право. В свойственной ему манере он позаимствовал из совершенно иного контекста термин «пожизненная зависимость» (*Leibeigenschaft*), которым описывал предположительно деспотическую власть землевладельца над крестьянином, и заявил, что ее отмена продиктована «любовью к разуму и человечностью». По декрету Иосифа II крестьяне теперь могли покидать свои наделы и вступать в брак без разрешения господина. На самом деле к этому времени почти все они уже имели эти права. Далее император повелевал, чтобы крестьянам позволили полностью выкупать землю, которую они обрабатывали, и гасить повинности бывшему землевладельцу единократным денежным платежом. Чтобы ускорить перемены, 30 000 трансильванских крестьян восстали в 1784 г. и убили своих господ, поверив, что осуществляют тем самым волю императора. Зачинщиков беспорядков схватили, пытали и казнили колесованием – растянув на тележном колесе, раздробили им кости и черепа³⁴⁹.

Иосиф, не смутившись таким поворотом дела, заменил все крестьянские повинности денежным оброком и равномерно распределил налоговое бремя. Он установил единый земельный налог и отменил все льготы для дворян. Чтобы налогообложение было справедливым, Иосиф приказал провести во всех своих землях новую картографическую съемку, установив владельца каждого участка и рассчитав, кто сколько должен платить. В Венгрии это немедленно обернулось кризисом. Прежде всего венгерские дворяне считали свободу от налогов своей исторической привилегией, а любое посягательство на их статус и благосостояние вызывало у них негодование. Во-вторых, они испокон веку прирезали себе земли соседей или короны, а потом радовались, что иски хозяев пылятся в судах. Дворяне опасались, что картографирование земель возобновит забытые тяжбы и они погрязнут в долгих и дорогостоящих судебных баталиях.

Отношения с венгерским дворянством и без того были натянутыми. Но не подчинив Венгрию и не разрушив ее исторических институтов, Иосиф не мог осуществить свой план построения единого государственного аппарата, объединяющего все земли империи. Поэтому в 1780-е гг. Иосиф объявил официальным языком Венгрии немецкий вместо латыни, упразднил местную власть, заменив выборных глав округов назначенными комиссарами, и ни разу не созывал государственное собрание. Самое возмутительное, он отказался короноваться королем Венгрии, чтобы не клясться оберегать ее свободы, а венгерскую корону Святого Стефана вывез из братиславского Града и поместил в свою сокровищницу как еще одну безделушку среди многих подобных.

³⁴⁹ «Любовь к разуму и человечность...» – см. Renate Blickle, *Politische Streitkultur in Altbayern* (Berlin and Boston, 2017), 105.

Действия Иосифа вызвали рост патриотических настроений по всей Венгрии. Многие дворяне сочли своей обязанностью повести себя по-венгерски, что в их понимании значило громкую брань и демонстративные плевки. Другие, неверно поняв «Общественный договор» Руссо, рассуждали о некоем соглашении между домом Габсбургов и венгерским дворянством, которое погрел тиран Иосиф. Сношения с Пруссией указывали на то, что для защиты своих сомнительных свобод венгерская фронда готова просить иностранной поддержки. Тем временем в Австрийских Нидерландах началась гражданская война, в ходе которой консерваторы и прогрессисты заключили непростой союз, чтобы свергнуть правительство Иосифа в Брюсселе. А к западу от Тироля запылали Форарльберг, где крестьяне восстали в защиту католической церкви³⁵⁰.

В этот критический момент рухнула и внешняя политика Иосифа. Мария Терезия договаривалась с немецкими князьями Священной Римской империи, так что они выступили на стороне Австрии и в Войне за австрийское наследство, и в Семилетней войне. Несмотря на свой пол, Мария Терезия оставалась лидером Священной Римской империи и умела уговаривать князей брать ее сторону в противостоянии опасным амбициям Пруссии. Иосиф, наоборот, оскорбил их чувства, вмешавшись в назначение нового кельнского архиепископа и попытавшись обменять Австрийские Нидерланды на Баварию. Сделка выглядела разумной: обменять далекую провинцию, отделенную чужими землями, на ту, что прямо примыкает к территории Австрии, но из-за его манеры вести переговоры князь Священной Римской империи увидел в Иосифе главную угрозу установившемуся порядку вещей. Катастрофически неудачная война против турок, которую Иосиф начал в 1787 г. в союзе с Россией, заставила его просить войск в Венгрии. Цена этого оказалась невероятно высокой: отмена всех реформ, кроме самых ранних – введения веротерпимости и освобождения крестьян от крепостной зависимости.

В феврале 1790 г. после нескольких мучительных лет кровавой рвоты Иосиф II умер от туберкулеза. Одним из последних распоряжений императора было написать на его надгробии: «Здесь лежит Иосиф, потерпевший неудачу во всех своих начинаниях». Несмотря на то что и это не было исполнено, такая эпитафия справедлива лишь отчасти. Конечно, Иосиф свернул свой грандиозный камералистско-физиократический эксперимент и отступился от интеграции Венгрии в единую систему управления. Но он продемонстрировал, о чем можно мечтать. Благоклонное правительство, действующее ради общей пользы, еще могло разработать такие меры и задачи, которые сделают подданных счастливее. С этой целью государственный аппарат можно было преобразовать в некое подобие машины, где бюрократы, исполняя распоряжения сверху, подчиняют монаршей воле сочтенное, мобилизованное и организованное население ради его же блага. Благодаря масонству габсбургские чиновники как правящая элита и интеллектуальное сообщество уже не сомневались в своем превосходстве. Теперь Иосиф II подарил им миссию – совершенствование общества. Это видение отличалось от АЕΙΟΥ и культа евхаристии, но благодаря опоре на новую науку о государстве не уступало им в величии замысла.

---

³⁵⁰ Информация о громкой брани и демонстративных плевках получена автором от покойного Домокоша Кошари. ГЛАВА 20. ЭРЦГЕРЦОГИНИ И ГАБСБУРГСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ

20

ЭРЦГЕРЦОГИНИ И ГАБСБУРГСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ

В конце 1760-х гг. Мария Терезия распорядилась полностью переделать Зал гигантов (Riesensaal) в инсбрукском дворце Габсбургов в Тироле. Ей никогда не нравились гигантские фрески с Гераклом, давшие название залу, так как «на них то тут, то там слишком много наготы». На обычной для нее смеси французского и немецкого императрица писала: «П у auga der Familiensaal anstatt deren risen», то есть: «Вместо гигантов здесь должен быть семейный зал». Зал переделали в соответствии с ее пожеланиями, скрыв фрески обоями и развесив по стенам портреты членов императорской семьи, но название у него осталось прежним³⁵¹.

Обновленный Зал гигантов воспевал плодовитость Марии Терезии. В его дальнем конце висит портрет императрицы с мужем, императором Францем Стефаном, и наследником Иосифом II. А вдоль стен – огромные портреты их остальных 15 детей, причем умершие в младенчестве изображены вместе, парящими над облаками в сопровождении полупрозрачного херувима. Над детьми разместилась галерея из портретов 20 ее внуков – с пробелами для тех, что еще родятся, – и нескольких особенно знатных зятьев. В большинстве фамильных галерей развешаны изображены предков, но Зал гигантов обращен в будущее – к династии, которая пережила угрозу угасания и теперь полнится потомками стараниями без усталости рожающей королевы-императрицы.

Из 16 детей Марии Терезии 11 были девочками, три из которых умерли в младенчестве. Восемь выживших изображены в Зале гигантов цветущими и прекрасными, в нарядах из самого дорогого дамаста. Некоторые написаны со щенками – символом верности – у ног. Хотя их уже выдали замуж, они показаны завидными невестами, способными добавить блеска репутации супруга и родить детей, которые со временем также станут достойными женами и мужьями. На мужских портретах в противоположность женским героини принимают воинственные позы, а фоном им зачастую служат сцены сражений.

Основным предназначением женщин из рода Габсбургов было рожать наследников мужского пола. Удача, если эта женщина красива: красота делает задачу мужа менее обременительной, тем более что матку, как тогда считалось, нужно чаще орошать, чтобы она не сохлась. Карл VI описывал в дневнике, каким облегчением было для него увидеть, что внешность его невесты Елизаветы Кристины (Белой лилии) оправдала все ожидания: «Прибыла королева... королева мила, красива, добра». А еще от королев ожидали набожности и скромности, продемонстрировать которые можно было паломничествами, участием в крестных ходах, омовением ног бедняков (к счастью, предварительно вымытых), а во вдовстве – доживанием века в уединении при каком-нибудь монастыре. Неспособность родить наследника часто объясняли недостатком духовности, так что плодовитость и набожность были связаны³⁵².

Образование женщин из рода Габсбургов соответствовало тем ожиданиям, которые на них возлагались. Обучали их в первую очередь языкам, так как большинству девушек предстояло выйти замуж за иностранцев. Поэтому кроме латыни им преподавали итальянский, французский и испанский. В каком-то объеме преподавался и немецкий, но габсбургские женщины, как и их компаньонки-аристократки, обычно говорили на диалекте «не менее вульгарном, чем у судомойки» (немецкий Марии Терезии был особенно грубым). Кроме языков девочек учили музыке, танцам, живописи и рукоделию. А вот с мужскими дисциплинами – географией,

³⁵¹ Benedikt Sauer, *The Innsbruck Hofburg* (Vienna and Bolzano, 2010), 45.

³⁵² Charles W. Ingrao and Andrew L. Thomas, 'Piety and Patronage: the Empresses-Consort of the High Baroque', *German History*, 20 (2002), 20–43 (21).

геральдикой и камерализмом – их не знакомили. Удивительно, но, даже зная, что Мария Терезия унаследует власть, император Карл VI не внес никаких изменений в ее образование. Впоследствии императрица жаловалась, что восхождение на престол далось ей непросто: «Отец не изволил хоть как-то посвятить меня в правила управления государством или международных отношений». Несмотря на это, для своих дочерей она тоже не пожелала расширить круг изучаемых дисциплин, советуя им держаться в стороне от политики³⁵³.

Среди женских портретов в Зале гигантов есть один особенный. Это эрцгерцогиня Мария Анна – старшая из доживших до зрелости дочерей Марии Терезии, сподвижница Игнаца фон Борна, а впоследствии светская аббатиса и, предположительно, масонка. Тому, кто захотел бы взять ее в жены, пришлось бы где-то разместить ее научную коллекцию из 7923 минералов, 195 образцов жуков и 371 бабочки на булавах. Ее портрет – предостережение возможным женихам: Мария Анна изображена у письменного стола, на котором груды бумаг, книги и глобус. Она указывает на лежащее на столе перо. Это синий чулок, предупреждает зрителя художник Мартин ван Майтенс: интересы этой женщины не ограничиваются браком и детьми, они распространяются на другую сферу устремлений Габсбургов – научное познание.

Пример Марии Анны показывает, что машина для размножения и образец набожности не единственные возможные роли габсбургской женщины. Оставались и другие призвания, самым частым среди которых было политическое. Габсбургские правители отдавали своим родственникам посты наместников и губернаторов. Здесь, как и во многом другом, тон задал Максимилиан I, в 1507 г. поставивший править Бургундией и Нидерландами вместо себя свою овдовевшую дочь. Но сказывались, впрочем, и испанские связи: в Арагоне и Кастилии женщинам без особых препятствий дозволялось править и на равных с мужчинами участвовать в разделе наследства. Знатные испанки вплоть до конца XVIII в. сидели на полу по-турецки, скрестив ноги, но это не мешало им занимать самые высокие посты. В XVI в. Карл V сделал красавицу-жену Изабеллу Португальскую своим регентом в Испании. От лица последнего в испанской линии Габсбургов, несчастного Карла II, правила в статусе регента и «куратора» его вдовья мать Марианна Австрийская, которая манипулировала юным монархом столь же безжалостно, сколь дурно разбиралась в государственных делах³⁵⁴.

По заведенному порядку наместниками Нидерландов могли быть только члены правящего дома, однако на эту роль не всегда хватало законных наследников мужского пола – именно поэтому управление страной пришлось отдать бастарду дону Хуану. Женщины тоже брали огонь на себя. Большую часть XVI в. наместниками Габсбургских Нидерландов были они: Маргарита Австрийская, Мария Венгерская и Маргарита Пармская – одновременно и женщина, и *bâtarde*. В 1598 г. Филипп II полностью уступил власть над Испанскими Нидерландами своей дочери Изабелле и ее мужу Альбрехту, приходившемуся Филиппу племянником по обоим родителям. Всю совместную жизнь Изабелла называла Альбрехта кузеном. Филипп рассчитывал, что потомки Альбрехта и Изабеллы станут суверенными герцогами Нидерландов, но этот брак оказался бесплодным. После смерти Альбрехта в 1621 г. Изабелла убрала из брюссельского дворца своих попугаев и карликов, остригла волосы и надела монашеское облачение. При этом вплоть до самой смерти в 1633 г. она продолжала править, но уже не как суверенная эрцгерцогиня, а от имени Филиппа IV Испанского. После этого наместниками Нидерлан-

³⁵³ «Отец не изволил хоть как-то посвятить меня в правила управления государством...» – см. С. А. Macartney, *The Habsburg and Hohenzollern Dynasties in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* (New York, 1970), 97; *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Part 3, 2nd ed., ed. Werner Besch et al. (Berlin and New York, 2003), 2974; Karl Vocelka, *Die Familien Habsburg und Habsburg-Lothringen. Politik, Kultur, Mentalität* (Vienna, Cologne, and Weimar, 2010), 106; Elisabeth Kovács, 'Die ideale Erzherzogin. Maria Theresias Forderungen an ihre Töchter', *MIÖG*, 94 (1986), 49–80 (50–1, 74).

³⁵⁴ Mercedes Llorente, 'Mariana of Austria's Portraits as Ruler-Governor and Curadora' in *Early Modern Habsburg Women*, ed. Anne J. Cruz and Maria Galli Stampino (Abingdon and New York, 2016), 197–224.

дов назначались то родственники-мужчины испанского короля, то, если таковых не случалось, кастильские и португальские гранды³⁵⁵.

В состав Испанских Нидерландов входило 10 провинций, располагавшихся приблизительно на территории современных Люксембурга и Бельгии, но разделенных посередине независимым епископством Льежа. У каждой из провинций были особые «права, свободы, привилегии, обычаи и традиции», уважать которые клялся каждый новый наместник. Писанный свод этих прав и обычаев имелся, однако, только в Брабанте, что обеспечивало правителям определенную свободу в их толковании. И тем не менее принцип, требовавший при обложении населения новым налогом получить согласие его представителей, всегда оставался незыблемым, что существенно ограничивало власть наместника.

В Испанских Нидерландах испанская культура соединялась с фламандской. В городах часто ставились испанские пьесы, как в оригинале, так и в переводе: у одного только Лопе де Веги на фламандский было переведено 19 произведений. Испанские ценители искусства, и не в последнюю очередь сам король, покупали картины фламандских художников, а Альбрехт и Изабелла заказывали Рубенсу работы и для своего брюссельского дворца Куденберг, и для различных храмов в Испании. Обычно это были картины религиозного содержания, в которых преломлялись главные темы габсбургского благочестия – почитание евхаристии и культ Девы Марии. Более приземленный культурный обмен состоял, например, в том, что в период с 1638 по 1647 г. более ста фламандок вышли замуж за испанских военных антверпенского гарнизона. Даже во фламандском языке стали появляться кое-какие испанские заимствования.

Скрепляющим раствором тут была религия. Разделение Нидерландов в конце XVI в. на протестантский север и католический юг согнало с насиженных мест огромные массы людей: из 10 южных провинций, оставшихся под властью Испании, ушли около 150 000 беженцев. Испанские Нидерланды прониклись духом и формой барочного католицизма, обзаведясь самой густой в Европе сетью придорожных распятий, часовен и статуй святых. Монашеские ордена, особенно иезуиты, не только обратили всех жителей в католичество, но и привили им глубокую религиозность. К 1640-м гг. во «Фламандско-бельгийской провинции» ордена иезуитов насчитывалось почти 900 священников: по восемь на каждые 10 000 жителей, тогда как в Испании этот показатель равнялся пяти, а во Франции всего одному. Местные семинарии готовили святых отцов не только для самих Испанских Нидерландов, но и для иезуитских миссий в Латинской Америке, Анголе и Китае³⁵⁶.

Во время Войны за испанское наследство Испанские Нидерланды сначала захватила Франция, а затем, ненадолго, – союзные силы Республики Соединенных провинций и Британии. По итогам переговоров 1713–1714 гг. эти земли отошли Карлу VI, однако Раштаттский мир обязывал императора чтить права и свободы провинций теперь уже Австрийских Нидерландов. Маркиз де Прие, бесчестный сардинец на службе у Карла, принимал от имени своего господина присягу за присягой в ходе пышных церемоний, для которых развешивал гобелены с изображениями военных побед императора, а вместо положенного в таких случаях городского ополчения демонстративно выстраивал отряды фузилеров и гренадеров. Каждой такой инаугурации, однако, предшествовали ожесточенные переговоры с сословным съездом провинции, которые ограничивали реальную власть габсбургского правительства. Согласовывать приходилось даже стоимость праздничного фейерверка. Несмотря на демонстрацию Карлом VI военной силы, править Австрийскими Нидерландами по-прежнему нужно было на принципах общественного согласия, как и при испанском владычестве³⁵⁷.

³⁵⁵ Luc Duerloo, *Dynasty and Piety: Archduke Albert (1598–1621) and Habsburg Political Culture in an Age of Religious Wars* (London and New York, 2012), 519.

³⁵⁶ Geoffrey Parker, 'New Light on an Old theme: Spain and the Netherlands 1550–1650', *European History Quarterly*, 15 (1985), 219–36.

³⁵⁷ Klaas Van Gelder, 'The Investiture of Emperor Charles VI in Brabant and Flanders', *European Review of History: Revue*

Подобно своим испанским предшественникам, Карл VI и Мария Терезия назначали наместниками Нидерландов своих родственников, в том числе и женщин. Тридцать из 80 лет австрийского правления во главе Нидерландов стояли эрцгерцогини. К этому сроку можно прибавить еще 20 лет (1754–1773), когда от лица герцога Карла Александра Лотарингского (наместник в 1744–1780 гг.) в статусе *madame royale* правила его сестра (и соответственно золовка императрицы Марии Терезии) Анна Шарлотта, светская настоятельница аббатства Сен-Водру в Монсе. Сменявшие друг друга правительницы были настроены вполне реформаторски, но вместе с тем умели учитывать интересы многочисленных групп влияния Австрийских Нидерландов. При этом они действовали в целом независимо и нередко блокировали деятельность уполномоченных, присланных из Вены для общего надзора. Ни Карл VI, ни Мария Терезия при этом не хотели ссориться со своими наместниками и нарушать статус-кво. Нидерланды с лихвой обеспечивали себя в финансовом отношении, да еще и вносили деньги в «тайный фонд», откуда оплачивалась покупка голосов, благодаря которым сын Марии Терезии Максимилиан был избран архиепископом Кельна³⁵⁸.

Австрийское правление способствовало развитию торговли и промышленности. Строительство дорог и каналов расширило международный товарообмен и удвоило доходы от таможенных пошлин. При поддержке своей сестры-аббатисы Карл Александр Лотарингский финансировал недавно основанную Академию наук, курировал продление канала Лёвен – Диль и содействовал некоторым из первых научных опытов в области электричества, атмосферного давления и термодинамики. Как и его брат Франц Стефан, Карл Александр был масоном. А еще – неисправимым распутником, который делил любовницу с Казановой. До нас дошел его «язык жестов» – описание системы знаков, которыми можно было соблазнять куртизанок в театре: поправляя шейный платок, показываешь, что хочешь увидеться наедине, понюхав табак, приглашаешь в свою ложу и т. д.³⁵⁹

При всем этом прогрессе экономика Австрийских Нидерландов оставалась преимущественно аграрной, и во времена Иосифа II аристократы-землевладельцы к его неудовольствию по-прежнему задавали тон во многих провинциальных собраниях и городских советах. В религиозном отношении Австрийские Нидерланды тоже оставались своего рода музеем. «Католическое Просвещение» стремилось примирить католицизм с научным методом, поддерживать правителей в борьбе со злоупотреблениями клириков и возвращать в людей веру через личное благочестие, а не коллективные ритуалы. Правительницы Австрийских Нидерландов и слышать ни о чем подобном не желали. В 1730-х гг. эрцгерцогиня Мария Елизавета боролась с распространявшимся по Европе янсенизмом. Это учение о том, что спасение души целиком зависит от Божьей милости и даруется немногим, призывало упростить религию и очистить ее от пышных церемоний. Карл VI рекомендовал Марии Елизавете действовать осторожно, но та санкционировала арест священников-янсенистов. Кроме того, она не исполнила повеление императора отменить право искать убежища в церквях, несмотря на то что им широко злоупотребляли дезертиры³⁶⁰.

Католическое Просвещение особенно не одобряло иезуитов, считая их богословие чересчур догматичным. Но в Австрийских Нидерландах Карл Александр с сестрой не вняли призывам ограничить влияние ордена и вывести из его ведения образование священников. В свои личные духовники оба они тоже неизменно выбирали иезуитов. Цензура религиозных текстов и сочинений янсенистов в Нидерландах постоянно ужесточалась, тогда как в Вене ее

européenne d'histoire, 18 (2011), 443–63 (453–4, 460).

³⁵⁸ Derek Beales, Joseph II: Against the World 1780–90 (Cambridge, 2009), 137.

³⁵⁹ Michèle Galand, Charles de Lorraine, gouverneur général des Pays-Bas autrichiens (1744–80), (Brussels, 1993), 28–30; Heinrich Benedikt, Als Belgien österreichisch war (Vienna and Munich, 1965), 109.

³⁶⁰ Sandra Hertel, Maria Elisabeth. Österreichische Erzherzogin und Statthalterin in Brüssel (1725–1741), (Vienna, Cologne, and Weimar, 2014), 222–33.

все больше ослабляли. Монастыри по-прежнему купались в роскоши, не ведая янсенистской строгости. Даже в 1789 г. монахи аббатства Святого Петра в Генте поминали своего почившего настоятеля большим выбором мясных и рыбных блюд, включая осетрину, десертом из ананасов, дынь и груш, кофе и ликерами, а потом еще и устрицами³⁶¹.

Набожная Анна Шарлотта умерла в 1773 г., после чего Карл Александр тут же возвел свою любовницу в статус консорта и зажил как хотел, уже не боясь упреков. Как и большинство высокопоставленных распутников, в народе Карла Александра искренне любили. Даже обычно скупые провинциальные собрания одобрили установку его бронзовой статуи, открывал которую сам герой, облаченный в тогу римского императора. Сохранился дневник принца, где описаны праздные дни, занятые долгими обедами, охотой, популярными пьесками и карточными проигрышами. Умер Карл Александр в 1780 г. Едва он скончался, на сонные Австрийские Нидерланды вихрем налетел Иосиф II³⁶².

Родившаяся в именины своей матери, Мария Кристина была любимой дочерью императрицы Марии Терезии. В начале 1760-х гг. юная Мими близко сошлась с первой женой Иосифа II Изабеллой Пармской. Возможно, она не воспринимала эту связь как сексуальную, но ее письма к Изабелле недвусмысленно говорят о физическом влечении: «Я люблю тебя бешено и жажду целовать тебя... целовать тебя, и чтобы ты меня целовала... целую твою ангельскую попку (ertzenglishes arschel!)» и т. д. Изабелла умерла от оспы в 1763 г., и, чтобы оправиться от горя утраты, Мими вышла замуж за безземельного Альбрехта Саксонского. Мария Терезия осыпала молодого принца титулами, в основном ничего не значащими, однако один из них – герцога Тешинского – имел вполне материальное выражение в виде земель в оставшейся у Габсбургов части Силезии³⁶³.

Чтобы Мими была поближе, Мария Терезия назначила Альбрехта своим регентом в Венгрии (более подходящую должность *палатина* пришлось бы утверждать в венгерском государственном собрании, а созывать его императрица избегала). Пятнадцать лет Альбрехт прилежно правил Венгрией из столичной Братиславы, расположенной всего в двух днях конного пути от Вены. Любовь Альбрехта к жене могла сравниться лишь с его преданностью масонству. После смерти Мими в 1798 г. он выразил обе свои страсти в мраморном надгробии поразительной эксцентричности, воздвигнутом в венской церкви Святого Августина. Изваянная Кановой композиция включает фигуры скорбящих, входящих в гробницу в виде масонской пирамиды, однако вместо масонского всевидящего ока расположен медальон с профилем Мими. Еще больше изумляет в этом надгробии полное отсутствие христианских символов.

В 1780 г. Иосиф II поставил Альбрехта и Мими управлять Австрийскими Нидерландами, но при этом направил туда своим министром-посланником графа Бельджойозо, приказав ему воплощать императорский план всестороннего реформирования церкви и государственного управления. Таким образом, фигуры наместников превращались в чисто декоративные. Так или иначе, незадолго до прибытия в Нидерланды новых правителей Иосиф побывал там лично. Он путешествовал без помпы, останавливаясь в гостиницах, но находил время принимать просителей и допрашивать чиновников, а в Генте приказал убрать прочь алтарные панели кисти ван Эйка с обнаженными Адамом и Евой (впоследствии срамные части прародителей закрашили). Иосиф пробыл в Нидерландах неполных два месяца, но не сомневался в непогрешимости своих наблюдений, а советами Альбрехта и Мими не особенно интересовался. Он без

³⁶¹ Derek Beales, *Prosperity and Plunder: European Catholic Monasteries in the Age of Revolution, 1650–1815* (Cambridge, 2003), 215.

³⁶² Benedikt, *Als Belgien österreichisch war*, 110–11; Michèle Galand, 'Le journal secret de Charles de Lorraine, gouverneur-général des Pays-Bas autrichiens', *Revue belge de Philologie et d'Histoire*, 62 (1984), 289–301.

³⁶³ «Я люблю тебя бешено...» – см. Friedrich Weissensteiner, *Die Töchter Maria Theresias* (Vienna, 1994), 72–3; Krisztina Kulcsár, 'A helytartói státus. Albert szász herceg (1738–1822) kinevezése és évtizedei Magyarországon', *Aetas – Történettudományi Folyóirat* (2002), 51–66 (57).

обиняков заявил им, что министров выбирают за таланты и умения, а для наместников единственный критерий – высокий титул³⁶⁴.

В Австрийских Нидерландах Иосиф развернул те же церковные реформы, что и везде: насаждал веротерпимость и гражданский брак, закрыл 160 монастырей, запретил большинство религиозных праздников и сосредоточил все духовное образование в единственной на всю страну семинарии. Заведовать ею Иосиф поставил бескомпромиссного янсениста Фердинанда Штёгера, чьи изыскания в области ранней церковной истории привели его к отрицанию большей части католического богословия. Студенты отказались записываться в семинарию, устроили демонстрацию и повесили чучело Штёгера. По приказу графа Бельджойозо демонстрантов разогнали войска. Иосиф, ничуть не смутившись, гнул свою линию и в 1787 г. упразднил в Нидерландах исторические провинции, заменив их на девять округов под управлением назначаемых им интендантов, и закрыл за ненадобностью многие местные суды.

Реформы Иосифа били почти по всем общественным институтам и классам. Слухи о повышении налогов и призыве в армию довершили дело. 30 мая 1787 г. толпа заполнила центр Брюсселя, пошли известия об убийствах и грабежах. Появившись глубокой ночью на балконе над главной городской площадью, Альбрехт и Мими успокоили народ, обещав отменить все реформы Иосифа. Мятежники разошлись, в церквях зазвонили колокола, и наутро карету наместников встречали на улицах приветственными криками. Камергер брюссельского двора полагал, что хладнокровие Мими спасло положение, но сама Мария Кристина предчувствовала недоброе, и не напрасно. «Сохрани Бог, – писала она в дневнике, – чтобы эта проявляемая к нам любовь не обернулась нашей гибелью»³⁶⁵.

Министры Иосифа II одобрили поступок наместников, но сам император резко осудил его как возмутительную капитуляцию. Он пошел на некоторые уступки, в частности отозвал Бельджойозо, но затем восстановил почти все реформы и начал стягивать в Австрийские Нидерланды войска. Генералу, находившемуся на месте событий, Иосиф писал: «Не бойтесь учить их страхом, от угроз всегда переходите к действию и ни в коем случае не стреляйте поверх голов или холостыми». Но войска, которые Иосиф намеревался ввести в Нидерланды, пришлось перебрасывать на другой конец Европы на войну с турками, что оставило страну без всякой защиты³⁶⁶.

Революция, до сих пор консервативная, направленная на восстановление религиозного и политического статус-кво, радикализировалась. «Демократические» политики, все более вдохновляясь событиями по ту сторону французской границы, выдвинули такую программу социальных реформ, которую Иосиф не мог бы и вообразить. В 1789 г. консервативная и радикальная революции слились воедино, и ополченцы обоих лагерей смели австрийскую армию. В начале следующего года делегаты провинций провозгласили Соединенные штаты Бельгии, и это было первое в истории официальное употребление слова «Бельгия». Альбрехт и Мими в этот момент уже находились в изгнании, а Иосиф лежал на смертном одре.

Свое последнее письмо Иосиф адресовал Мими. Оно было коротким, но теплым – он обнимал ее на расстоянии и прощался навсегда. По правде говоря, Иосиф так и не простил Мими того, что она отняла у него привязанность матери, а затем и первой жены Изабеллы, которую он любил всем сердцем. Однако, случись ему узнать про тайные литературные занятия покойной Изабеллы, Иосиф был бы шокирован. Среди рассуждений о смерти, философии и коммерции там есть короткое эссе, озаглавленное «Трактат о мужчинах». В этой диатрибе она клеймит мужской пол как «бесполезных животных», которые тщеславны, своекорыстны, себялюбивы и не обладают разумом, присущим только женскому полу. Мужчины ценны лишь тем,

³⁶⁴ Beales, Joseph II: Against the World, 504.

³⁶⁵ Hanns Schlitter, Die Regierung Josefs II. in den österreichischen Niederlanden, vol. 1 (Vienna, 1900) 92.

³⁶⁶ «Не бойтесь учить их страхом...» – см. Т. С. W. Blanning, Joseph II (Harlow, 1994), 174.

что своими пороками подчеркивают женскую добродетель, и Изабелла верила, что угнетенное положение женщин однажды сменится их господством. В другом сочинении она жалуется на судьбу принцессы: безрадостность существования, вечная зависимость, оковы придворного этикета³⁶⁷.

Жалобы Изабеллы можно понять. Она воспитывалась при чопорном пармском дворе, где женщинам предписывалось вести себя как легкомысленным, но, по определению певца-кастрата Фаринелли, «совершенно безмятежным нимфам». Нимфы они или нет, их фигуры искажали закрепленные на бедрах огромные фижмы, призванные демонстрировать плодovitость владелицы и обилие дорогих тканей в ее семье. В Вене и собственно при габсбургском дворе мода была той же, но отношения – несколько иными. Эрцгерцогини, жены и вдовы то и дело вырывались там за пределы женской сферы, ограниченной воспитанием детей и церковью, в традиционно мужскую область общественной жизни. Со своих портретов эти женщины смотрят на зрителя сверху вниз – сидя в уверенных позах за письменными столами, на которых громоздятся короны, глобусы, а иногда и документы³⁶⁸.

Однако в Вене того времени такое нарушение границ ни в коей мере не считалось посягательством на установленный порядок вещей или подрывом основанной на гендере властной иерархии. Младшая дочь Марии Терезии Мария Антуанетта (Мария Антония) вывезла во Францию убежденность, что женщины могут играть заметную роль в жизни общества. Она позволяла себе не замечать гендерных границ, что давало французским недоброжелателям повод обвинять ее в попирании любых ограничений и соответственно позволяло приписывать ей любые преступления: лесбийскую любовь, инцест, пагубное влияние на политиков через будуар. Даже ее тело, как говорили, не подчинялось правилам: за пышными юбками будто бы скрывались гротескные уродства. О женщинах из дома Габсбургов подобные истории морального и физического разложения никто до сих пор не сочинял, да и власть, которой иные из них обладали, вплоть до императорской, не считалась противоестественным извращением. Для габсбургских женщин источником власти и ее законности была династия, величие которой перевешивало биологические различия³⁶⁹.

³⁶⁷ Josef Hrazky, 'Die Persönlichkeit der Infantin Isabella von Parma', *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv*, 12 (1959), 174–239 (194–5, 199).

³⁶⁸ О «совершенно безмятежных нимфах» см. *The Feminist Encyclopedia of Italian Literature*, ed. Rinaldina Russell (Westport, CT, and London, 1997), 203.

³⁶⁹ Marie Antoinette: *Writings on the Body of a Queen*, ed. Dena Goodman (New York, 2003).

21

ЦЕНЗОРЫ, ЯКОБИНЦЫ И «ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА»

Изначально цензура была прерогативой католической церкви, и осуществляли ее епископы, обычно прибегавшие к помощи комиссий, составленных из иезуитов. В Вене функцию цензора исполнял университет, то есть цензуру осуществляли те же иезуиты, работавшие там. Задолго до упразднения ордена папой Клементом XIV в 1770-х гг. Мария Терезия ограничила влияние иезуитов, решительно выступив против их пышных процессий и монополии в различных сферах общественной жизни. В 1752 г. она сместила иезуитов с профессорских и цензорских постов в университете, доверив проверку публикаций комиссии из 10 человек, возглавленной Герардом ван Свитеном. Список запрещенных книг, составляемый комиссией, распространялся и имел силу во всех габсбургских владениях.

Влияние ван Свитена на императрицу было огромно. Как ее личный врач, он имел весьма близкий доступ к ее физическому телу и использовал свое положение доверенного лица, чтобы подчинять себе членов цензурной комиссии. Таким образом в конце концов увидели свет трактат Монтескье «О духе законов», сочинения Монтеня, Лессинга и Дидро. В основном ван Свитен подвергал цензуре сочинения «сверхъестественного», религиозного содержания, французскую порнографию и лишь самые яростные выпады против государственного строя и католической церкви. И все равно экземпляры запрещенных книг сохранялись и по особому запросу предоставлялись ученым для работы – лишь считанные сочинения запрещались безоговорочно³⁷⁰.

Иосиф II пошел еще дальше, отменив после 1780 г. большую часть ограничений. Если при Марии Терезии под запретом числилось около 5000 изданий, при Иосифе это число сократилось до 900 (кажется, что это много, но одно сочинение нередко выходило под несколькими разными названиями). Также Иосиф смягчил надзор за новостной печатью. Результатом стал расцвет публицистики и бурление общественных дискуссий. Прежде в Вене выходили лишь две газеты по два номера в неделю у каждой – недолго просуществовавшая *Gazette de Vienne* и *Wienerisches Diarium* (переименованная в *Wiener Zeitung*, она выходит и теперь, претендуя на титул старейшей из существующих газет). Обе без каких-либо комментариев сообщали зарубежные новости и перепечатывали дворцовые коммюнике. Теперь появились новые ежедневные или выходящие дважды в неделю газеты, печатавшие светские новости, политические мнения и репортажи о (в буквальном смысле) заставлявших шевелиться волосы опытах с электричеством, магнитами и янтарем. Тихоокеанские экспедиции капитана Кука тоже исправно обеспечивали газетчиков отличным материалом³⁷¹.

Около 70 венских кофеен были удобными местами для чтения и обсуждения новостей: кофейня на улице Кольмаркт по соседству с Хофбургом выставляла 80 дополнительных стульев прямо на узкой мостовой. Вена приобретала то, чего у нее до сих пор не было, – публичную сферу, не связанную с государством и критически его оценивающую. Из кофеен представители новой прослойки «праздных» (*Müssigganger*) отправлялись кочевать по салонам, ложам, театрам, паркам и собраниям ученых обществ. Многообразие и обилие подобных мест изумили одного посетившего Вену французского аристократа. Открывались и библиотеки. Публику уже обслуживали и Дворцовая, и Университетская библиотеки, но теперь и знать сделала

³⁷⁰ Необычные сведения об отношениях ван Свитена и императрицы см. в Stephan Rössner, 'Gerard van Swieten 1700–1772', *Obesity Reviews*, 14 (September 2013), 769–70.

³⁷¹ Leslie Bodi, *Tauwetter in Wien. Zur Prosa der österreichischen Aufklärung 1781–1795*, 2nd ed. (Vienna, Cologne, and Weimar, 1995), 51.

свои личные собрания доступными для посторонних. В книжных лавках и типографиях тоже можно было взять книги на время.

Была у Вены и неприглядная сторона. В городе с населением 200 000 человек работало 10 000 «обычных проституток» и 4000 «изысканных» куртизанок; 12 000 человек болели сифилисом, а детская смертность составляла 40 %. Панель (Strich), вдоль которой, зазывая клиентов, стояли проститутки, тянулась от собора Святого Стефана по улицам Грабен и Кольмаркт, дальше до городской стены и до самого Хофбурга. Вдоль этого маршрута имелось множество церквей с темными уголками внутри. Более дешевые проститутки работали в парках. По приказу Марии Терезии проституток-рецидивисток высылали в Венгрию, где, как сформулировал один остряк, «они смогут развращать только турок и неверных». Иосиф, впрочем, действовал мягче: велел выкорчевать кусты в парках, а церкви запирали на замок. Осужденных уличных женщин он заставил убирать улицы. Им брили головы, а широкие юбки на обручах, служившие знаком их ремесла, конфисковывали³⁷².

Нравственности придавалось большое значение. Мария Терезия учредила Комиссию по целомудрию (Keuschheitskommission), которая боролась с проституцией в Вене и ее окрестностях, но дело обернулось посмешищем – теперь гуляющие женщины, передвигаясь в одиночку, перебирали четки, будто порядочные дамы, идущие к обеду. Тем не менее суд нравов при городском совете просуществовал в Вене вплоть до начала XIX в. Театры тоже заботили и Марию Терезию, и ее сына. Актрис считали распутными по самому роду занятий, а странствующие исполнители внушали подозрение своей неукорененностью. Мало того, власти верили, что театр транслирует простые мысли, влияющие на впечатлительную публику. Особенно вредными признавались непристойные, зачастую импровизированные монологи паяца Ганса Вурста – смесь сальных намеков с социальной сатирой³⁷³.

Если пресса становилась все свободнее, то театр столкнулся с ужесточением цензуры. Йозеф фон Зонненфельс, служивший некоторое время цензором, считал, что театр должен быть источником «приличий, этикета и хорошего языка», таким образом распространяя ценности Просвещения. Другой долгие годы специализировавшийся на спектаклях цензор, Карл Франц Хегелин, тоже определял театр как «школу манер и вкуса». Это значило, что цензура исправляла сюжет пьесы, если та кончалась не так, как должно. Самый знаменитый пример тут – череда драматургов, которые, чтобы удовлетворить цензоров, переписывали шекспировского «Гамлета», предлагая не столь кровавый, более вдохновляющий финал. Скажем, Гертруда, умирая, исповедуется в том, что участвовала в убийстве первого мужа, и тем спасает свою душу, а Гамлет, хоть и закалывает Клавдия, не вступает в смертельный поединок с Лаэртом и становится датским королем³⁷⁴.

В других постановках просто выбрасывались строчки и ремарки, так чтобы влюбленные не встречались без сопровождающих, добродетель героини не подвергалась испытанию в спальне, а дурное поведение ни в коем случае не вознаграждалось. Политические ограничения тоже были: такие слова, как *свобода*, *равенство*, *деспотия* и *тиран*, вымарывались. В «Свадьбе Фигаро» Моцарта, прежде чем цензура дозволила ее ставить, пришлось убрать строчку «Думаете, что если вы – сильный мира сего, так уж, значит, и разумом тоже сильны?»³⁷⁵. Финал

³⁷² «Они смогут развращать только турок...» – см. The Life of David Hume, ed. E. C. Mossner, 2nd ed. (Oxford, 1980), 211. См. также Rüdiger Nolte, 'Die josephinische Fürsorge und Gesundheitspolitik', Geschichte in Köln. Zeitschrift für Stadt und Regionalgeschichte, 21 (1987), 97–124 (117–20); F. S. Hügel, Zur Geschichte, Statistik und Regelung der Prostitution (Vienna, 1865), 68–9; A Traveller, 'Some Account of the Famous Commission of Chastity, Instituted at Vienna by the Late Empress', *Edinburgh Review* (November 1785), 275–6; The Imperial Style: Fashions of the Hapsburg Era, ed. Polly Cone (New York, 1980), 38; однако см. Wilhelm Kisch, Die alten Strassen und Plätze Wien's und ihre historisch interessanten Häuser (Vienna, 1883), 33–4.

³⁷³ О четках см. Giacomo Casanova, The Story of My Life, trans. Stephen Sarterelli and Sophie Hawkes (London, 2001), 193–4.

³⁷⁴ О «школе манер и вкуса» см. W. E. Yates, Theatre in Vienna: A Critical History, 1776–1995 (Cambridge and New York, 1996), 9–10.

³⁷⁵ Пер. Н. М. Любимова.

первого акта моцартовского «Дон Жуана», премьера которого прошла в Вене в 1788 г., тоже изменили, поставив вместо важной строки «Будем свободно жить!» беззубое «Будем беспечно жить!».

Поначалу в Вене было всего два театра. «Бургтеатр» («Замковый театр») в Хофбурге был преемником старого деревянного театра, построенного Леопольдом I, но с тех пор не раз менял помещения и наконец обосновался в перестроенном здании теннисного корта. «Кертнертортеатр» («Театр у Каринтийских ворот»), на месте которого теперь стоит отель Sacher, стал придворным после пожара 1761 г. Репертуар у этих двух театров заметно различался. В «Бургтеатре» ставили в основном французскую и итальянскую оперу, а в «Кертнертортеатре» – более популярные легкие вещицы и балеты. Хотя в выборе жанров театры отчасти совпадали, комедии шли почти исключительно в «Кертнертортеатре». В 1770-х гг. лицензии получили еще несколько частных театров. Они ставили преимущественно комедии и подвергались той же цензуре, что и два других.

Известно, что дети любят, чтобы им читали одну и ту же сказку. Венцы тоже предпочитали видеть в популярном театре один повторяющийся сюжет: герой в сопровождении слуги-шута переживает различные приключения в волшебной стране. С помощью магических предметов и слуги герой оставляет врагов с носом, после чего и он, и шут находят себе невест. В роли слуги мог появляться Ганс Вурст, Пульчинелла (родич Панча) или мастер по зонтам Штаберль – главное, чтобы он был грубияном и пройдохой, смешно одетым простолудином, оттеняющим главного героя. Что касается оформления, публике нравилось, чтобы декорации менялись как можно чаще и представляли какие-нибудь экзотические места. Из-за сценической машинерии, при помощи которой двигались декорации, этот жанр получил прозвище «машинная комедия» (Maschinenkomödien).

Премьера «Волшебной флейты» Моцарта состоялась в 1791 г. в театре «Ауф дер Виден», расположенном прямо за городской стеной. Эта типичная «волшебная опера» еще и укладывается в жанровую схему немецкого зингшпиля, соединявшего пение с диалогом. Действие разворачивается в Древнем Египте вокруг загадочного братства, во главе которого стоит некий Зарастро, по всем признакам – злодей. Однако в финале это братство оказывается благотельным, а Зарастро – добрым и мудрым. На протяжении двух действий герой, принц Тамино, сопровождаемый компаньоном, птицеловом и шутом Папагено, проходит различные испытания, доказывая в итоге, что достоин принцессы, которую ради ее же безопасности прячет Зарастро. Благодаря своей волшебной флейте Тамино преодолевает все препятствия и получает руку принцессы. Его невеста – дочь Королевы Ночи, которая безуспешно старается помешать свадьбе. Папагено тем временем завоевывает Папагену, силой волшебства превращенную из уродливой старухи в девушку «18 лет с двумя минутами». Дуэтом они поют знаменитое аллегро «Па-па». Королева Ночи пытается разрушить храм Зарастро, но проваливается в недра земли (обычно для этого используется люк в сцене). На заре Зарастро празднует победу над тьмой и приветствует новый век мудрости и братства.

Сюжет замысловат и однообразен, но в нем несложно разглядеть аллегорическое изложение масонских ритуалов и идей, кое-как связанное воедино в нестройное, но прелестное целое. У героев всего по одной-две арии, поскольку их индивидуальность менее важна, чем те идеи, которые заложены в самой опере. Храмы (света, природы и мудрости), пирамиды, обряды посвящения, жрецы и другие масонские символы имеются тут в изобилии, а несколько персонажей, видимо, можно отождествить с реальными членами масонского братства – так, Зарастро, судя по всему, был портретом наставника эрцгерцогини Марии Анны Игнаца фон Борна. Сюжет так переусложнен, потому что Моцарт и автор либретто Эмануэль Шиканедер хотели,

чтобы популярные мотивы немецкой волшебной оперы и зингшпиля сочетались в спектакле с впечатляющим зрелищем и завуалированными идеями масонства³⁷⁶.

Партитура оперы тоже кишит отсылками к масонству. Число три, главный ключ к масонским обрядам, обозначается тремя громкими аккордами, открывающими увертюру, и тремя бемолями в тональности ми-бемоль. Пары лигатурных нот соответствуют цепи масонского братства; гармония выражается использованием параллельных терций и квинт, кажущиеся противоположности примиряются за счет контрапункта или одновременного исполнения двух мелодий. В состав оркестра с полным диапазоном инструментов включен и кларнет, обычный в масонских ритуалах. Как объяснял Моцарт своему товарищу по масонской ложе Йозефу Гайдну, «если каждый инструмент не будет учитывать права и особенности других инструментов во взаимосвязи со своими собственными правами... цели, которая есть красота, не достигнешь». Таким образом масонские идеи равенства и братства имели значение как в партитуре, так и в оркестровой яме³⁷⁷.

Отсылки к масонству есть не только в «Волшебной флейте», но и в «Свадьбе Фигаро», и в сочинениях других драматургов и композиторов того времени. Это вполне ожидаемо, поскольку в масонских ложах состояли многие сочинители и владельцы театров, включая соавтора Моцарта Шиканедера (он же пел партию Папагено на премьере). Драматурги в поисках вдохновения нередко обращались к волшебным романам Кристофа Виланда, который тоже был масоном – собрание его сочинений, изданное в Лейпциге в 1794–1811 гг., насчитывает 45 толстых томов. В уступчивости цензоров, легко пропускавших масонские тексты, также нет ничего странного. Зонненфельс, Хегелин и, вероятнее всего, ван Свитен тоже состояли в братстве вольных каменщиков³⁷⁸.

Иосиф II масоном не был и считал масонские ритуалы чепухой. Однако он осознавал, что секретность лож может служить прикрытием для бунтовщиков, и потому требовал, чтобы списки членов братства передавались в полицию. Он упростил структуру лож, заставив многие из них объединиться, так что 13 столичных превратились в три. Провинциальные ложи Чехии, Трансильвании, Венгрии и австрийских земель он отдал в подчинение венской Великой ложе. Как отмечал тогда один из магистров, реформы Иосифа «объединили все масонские ложи австрийской монархии в одну упорядоченную и управляемую систему». По иронии судьбы самым успешным опытом унификации учреждений стала для Иосифа реорганизация масонского братства, над которым он потешался, а не государственного аппарата, перед которым он преклонялся³⁷⁹.

Во второй половине 1780-х гг. реформы Иосифа II сталкивались со все большими проблемами, а оппозиция его курсу усилилась, так что он ужесточил цензуру и в газетах, и в театре. Он запретил комические импровизации, ввел налог на прессу и дал полиции указание выявлять неблагонадежных, которые стремятся «расшатывать религию, мораль и общественный порядок». Уголовный закон он тоже перекраивал по собственному произволу: санкционировал применение наказаний задним числом и ввел «превентивное заключение» – способ бросить человека в тюрьму без суда. Полиция стала отдельным министерством, а ее права устанавливались декретами, которые не подлежали публикации. «Хорошо отлаженное государство», к которому стремились реформаторы, в последние годы правления Иосифа превратилось в полицейское.

³⁷⁶ Joscelyn Godwin, 'Layers of Meaning in "The Magic Flute"', *Musical Quarterly*, 65 (1979), 471–92 (473–4).

³⁷⁷ Katharine Thomson, 'Mozart and Freemasonry', *Music and Letters*, 57, (1976), 25–46 (43).

³⁷⁸ Francesco Attardi, *Viaggio intorno al Flauto Magico* (Lucca, 2006), 50; Sándor Domanovszky, *József nádor élete*, vol. 1, Part 1 (Budapest, 1944), 136; Ludwig Lewis, *Geschichte der Freimaurerei in Österreich* (Vienna, 1861), 27.

³⁷⁹ Karlheinz Gerlach, 'Österreichische und preussische Freimaurer im Jahrhundert der Aufklärung', in *Aufklärung, Freimaurerei und Demokratie im Diskurs der Moderne*, ed. Michael Fischer et al. (Frankfurt a/M, 2003), 1–32 (28).

Наследовал Иосифу II в 1790 г. его брат Леопольд II (1790–1792). Циничный и хитрый, он сумел убедить и современников, и поколения историков, что вполне разделял идеи Просвещения, рассказывая всем, кто готов был слушать, о своем стремлении способствовать счастью подданных и «действовать в интересах человечества». Да, занимая с 1765 по 1790 г. трон великого герцога Тосканы, он отменил смертную казнь и сам проводил химические опыты с целью найти новые соединения, полезные в промышленности (его покрытый пятнами верстак и сегодня выставлен во флорентийском Музее истории науки). Но сколь бы серьезно он ни обсуждал конституционные проекты, никакой конституции в Тоскане не появилось, а его обещания дать полный отчет о расходах герцогства обернулись публикацией бюджета лишь за один год. Описывая свое правление в Тоскане, Леопольд хвалил себя за дальновидное погашение государственного долга, но достиг он этого исключительно путем аннулирования трех четвертей казначейских облигаций. В то же время его категоричная приверженность свободной торговле загубила на корню большую часть нарождавшегося во Флоренции промышленного производства³⁸⁰.

Леопольд развернул жесткое наступление на оппозицию. Он заключил мир с турками, вернув им Белград, а высвободившиеся войска использовал, чтобы восстановить власть своей сестры Мими и ее мужа в Нидерландах. Для усмирения венгров он пригрозил разделом их страны, подсластив эту пилюлю заявлением, что «Венгрия будет свободным королевством, независимым в своем законном управлении, неподвластным никакому иному королевству или народу и имеющим собственную политическую систему и конституцию». После этого Леопольд учредил в венгерском государственном собрании 10 комиссий, поручив им установить, в чем конкретно состояла венгерская конституция. Перепутав конституцию с законодательством, комиссии подготовили 10 томов законов, которые сочли основополагающими или просто желательными, но ни один из них не получил юридической силы до 1830-х гг.³⁸¹

Французскую революцию Леопольд поначалу приветствовал, рассчитывая, что она установит во Франции конституционную монархию, но пришел в ужас от ее сползания в демагогию и разгула насилия. Вожаки революции отобрали у германских князей в Эльзасе все оставшиеся права, что было прямым нарушением условий Вестфальского мира, а сестру Леопольда Марию Антуанетту, в сущности, посадили под замок. Братская привязанность к ней и забота о благоденствии Священной Римской империи толкнули Леопольда на союз с прусским королем Фридрихом Вильгельмом II, который увидел в ситуации удобный случай напасть на Францию, расширив свои владения на Рейне. В августе 1791 г. Леопольд и Фридрих Вильгельм встретились в Пильнице, неподалеку от Дрездена. К двум королям присоединился курфюрст Саксонии, и вместе они провозгласили, что судьба французской монархии является заботой всех царствующих домов и что, если национальная ассамблея в Париже не восстановит Людовика XVI в его правах, европейские монархи применят силу.

Пильницкая декларация вызвала во Франции бурю протестов и привела к власти «партию войны», жирондистов. Один из депутатов этой фракции воскликнул: «Маски сброшены. Теперь мы знаем, кто наш враг: это император». Французский министр иностранных дел потребовал от Леопольда заверений, что он «желает жить в мире» с Францией, но князь Кауниц в Вене не отреагировал на это требование. Тем временем бежавшие из Франции аристократы, не таясь, собирались в Рейнской области, что лишь усиливало военную горячку в Париже. 1 марта

³⁸⁰ «Действовать в интересах человечества...» – см. Adam Wandruszka, Leopold II., vol. 2 (Vienna and Munich, 1965), 193–7; о Леопольде и промышленном производстве во Флоренции см. Wandruszka, Leopold II., vol. 2, 245.

³⁸¹ «Венгрия будет свободным королевством...» – см. C. A. Macartney, The Habsburg and Hohenzollern Dynasties in the Seventeenth and Eighteenth Centuries (New York, 1970), 141; Martyn Rady, Customary Law in Hungary: Courts, Texts, and the Tripartitum (Oxford, 2015), 216–9.

1792 г. Леопольд внезапно скончался от апоплексического удара, и трон занял его юный сын Франц II (правил в 1792–1835 гг.). Не прошло и месяца, как Франция объявила войну³⁸².

Вихрь Французских революционных войн втянул в себя большую часть Европы и привел к более чем 20-летнему кровопролитию. Революционное переосмысление понятий «государство», «страна» и «народ» оказалось не менее головокружительным процессом, увлекая в свой водоворот и идеалистов, и бунтарей. Одни были просто наивны, как пасторский сын со швейцарской границы, который в праздничном наряде встретил французских захватчиков речью, воспевающей достоинства республики, – французы не замедлили избавить оратора от карманных часов, сапог и жилета. Другие, например «клубисты» и «цизрейнцы» Рейнской области и Майнца, представляли собой реальную опасность, так как плели заговоры с целью учреждения революционных республик и приветствовали – как они это называли – «благодатное счастье, принесенное нам французским оружием». Таким же было национальное и революционное движение карбонариев в Италии. Опираясь, подобно масонам, на некие вымышленные «ритуалы углежогов», карбонарии хотели превратить Италию в «Авзонскую республику», освободив ее от иностранного владычества и любой тирании³⁸³.

Европейские правительства твердо верили, что французский революционный дух, известный под обобщающим названием «якобинство», представляет собой серьезную угрозу. Особенно шокировала их казнь на гильотине Людовика XVI и Марии Антуанетты (1793): она показала, чего можно ждать от якобинского правления. Но у властей европейских государств не было способа оценить, насколько велика внутренняя угроза им самим. Во владениях Габсбургов полиция преувеличивала масштабы недовольства, не делая различий между «критиканским зудом» и подрывной деятельностью. Из заговоров, которые она раскрывала, немалую долю она сама и составляла с целью заманить потенциальных заговорщиков. Другие представляли собой экстравагантную выдумку любителей привлечь внимание. Тем не менее Франц II и его министры усилили полицейский аппарат, разрешили арест без суда и развернули огульную цензуру, которая не пощадила в итоге ни «Путешествие пилигрима» Джона Баньяна, ни «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, ни «Франкенштейна» Мэри Шелли.

Полицейская инструкция от 1793 г. предписывала запрет всех «тайных собраний», на основании чего были ликвидированы масонские ложи. Немногие ложи уцелели, притворяясь клубами, но пышные названия зачастую выдавали их истинную природу. В правительстве то и дело вспыхивала паника, когда масонские ложи обнаруживались в тех местах, которые считались уже очищенными от них. Предполагаемый разгром масонства в 1790-е гг. тем более примечателен на фоне возрождения и расцвета лож сначала в 1848 г. и затем в 1860-х гг., когда надзор ослаб. Вероятно, в действительности масонство не искоренили, и оно, как это точно было, например, в Трансильвании, просто свернуло активную деятельность³⁸⁴.

Вместе с тем заговоры против монархии, безусловно, составлялись. Редкие австрийские и венгерские якобинцы напрямую сносились с французами, хотя большинство ограничивалось сочинением манифестов и вульгарных песенок вроде такой:

Народ не подтирка и думать умеет.
Не усвоишь манер, так вздернут, дубину.

³⁸² «Маски сброшены...» – см. Alphonse de Lamartine, *History of the Girondists*, vol. 1 (New York, 1849), 356.

³⁸³ «Благодатное счастье, принесенное нам французским оружием...» – см. Amir Minsky, 'In a Sentimental Mood': German Radicals and the French Revolution in the Rhineland, 1792–1814, PhD thesis (University of Pennsylvania, 2008), 42; Joachim Whaley, *Germany and the Holy Roman Empire*, vol. 2 (Oxford, 2012), 583; R. John Rath, 'The Carbonari: their Origins, Initiation Rites, and Aims', *American Historical Review*, 69 (1964), 353–70.

³⁸⁴ OeStA/HHStA, Kabinettsarchiv. Kabinettskanzleiakten, Karton 20, 1809: 1020; *ibid.*, Karton 48, 1821: 137; 300 Jahre Freimaurer. Das wahre Geheimnis, ed. Christian Rapp and Nadia Rapp-Wimberger (Vienna, 2017), 94; Tudor Sălăgean, 'Repere pentru o istorie a francmasoneriei în Transilvania în epoca modernă', *Țara Bârsei*, 9 (2010), 214–221 (217–8).

Кровь за кровь, а ну, на гильотину!
Будь она здесь, сколько знати бы поплатилось³⁸⁵.

Один из первых заговоров предполагал распространение прокламаций силами «ста тысяч специально обученных собак» (даже правительство не приняло его всерьез). Другое тайное общество планировало строительство боевой машины с шипами на вращающейся оси, которую крестьяне смогут применять против кавалерийских атак. Поскольку никаких связей с крестьянами у заговорщиков не было, машину так и не построили, не говоря уже о том, чтобы пустить в ход. В 1794 г. несколько десятков самых видных якобинцев арестовали и судили. К общей неловкости, выяснилось, что нескольких подсудимых писать революционные памфлеты подрядил Леопольд II – для запугивания венгерской аристократии. Одного заговорщика казнили в Вене, семерых – в Венгрии. Большую же часть подсудимых оправдали или помиловали. Длительные сроки заключения, к которым приговорили немногих, впоследствии сократили³⁸⁶.

Какой бы пустячной ни была опасность этих заговоров, суды над якобинцами имели серьезные последствия: они подтвердили, что определенная подрывная деятельность ведется, и оправдали ужесточение цензуры и расширение полномочий полиции. Спорить о политике с тех пор стало опасно. Столичный свет с его культом хороших манер и искусства беседы утонченно обсуждал музыку, литературу, философию и театр. Там допускались сплетни о политических фигурах, но не острые политические суждения. Публичная сфера не исчезла, но, лишившись компонента общественной критики, утратила энергию и интеллектуальную требовательность.

Образованное общество отвернулось от салонов и обратилось к уюту и бесхитростности бидермаера (стиля, названного в честь вымышленного мелкого буржуа) с песнями Шуберта под фортепианный аккомпанемент, простой мебелью, яркими жилетами и невинными развлечениями. Все французское, долгое время почитавшееся за свою утонченность и интеллектуальность, уступило место немецкой повседневности, а семейные пикники в парке по выходным и походы в кондитерские пришли на смену дням, напролет проведенным в кофейнях, библиотеках и клубах. Кроме всего прочего, начавшаяся в 1792 г. война с Францией обернулась падением доходов всего населения, притом что цены на аренду в Вене за 1780-е и 1790-е гг. выросли более чем в три раза. Это, впрочем, не остановило умножения числа венских проституток, которых к 1820 г. в городе насчитывалось уже 20 000³⁸⁷.

Сама монархия тоже превратилась в степенный средний класс. Если Иосиф II показывался подданным только в военном мундире, император Франц уже ходил за покупками в сюртуке, а императрица Каролина Августа создавала себе образ рачительной домохозяйки. Придворные художники уловили смену стилистики и писали императорскую семью на отдыхе, с младенцами, кувыркающимися у ног родителей, и старшими детьми, занятыми опасными научными опытами без присмотра. На картине Петера Фенди «Эрцгерцогиня София за молитвой» невестка императора Франца собирает детей перед распятием, а по полу разбросаны игрушки. Традиции благочестия Австрийского дома, очищенные от барочных прикрас, тоже стали частью стиля бидермаер.

Изменился и театр, обратившись к романтической опере, что ознаменовалось постановкой «Вольного стрелка» Карла Вебера в 1821 г. – в том же году, когда в Берлине состоялась его премьера. Также успехом пользовалась итальянская опера, в частности Россини. Моцарт между тем вышел из моды, несмотря на то что пресса по-прежнему восхваляла его как «Шекспира в музыке». В 1790 г. опера Моцарта «Так поступают все женщины» собрала самую большую кассу в сезоне. В новом столетии ее исполняли редко, и после восстановления в 1840 г.

³⁸⁵ Inge Stephan, *Literarischer Jakobinismus in Deutschland (1789–1806)* (Stuttgart, 1976), 173–4.

³⁸⁶ Martyn Rady, *The Habsburg Empire: A Very Short Introduction* (Oxford, 2017), 69–70.

³⁸⁷ Werner Sabitzer, 'Geschichte der Prostitution. Von "unzüchtigen Weibspersonen"', *Öffentliche Sicherheit*, 11–12 (2000).

она выдержала всего семь спектаклей. Даже «Волшебная флейта» утратила былую популярность. В 1827 г. ее исполнили в «Кертнертортеатре» после четырехлетнего перерыва – но лишь потому, что отменилась постановка другой оперы. Впрочем, к этому времени вряд ли хоть кто-то в зале понимал аллегории, спрятанные в ее либретто и партитуре. Цензура и полицейщина лишили величайшую оперу Моцарта и смысла, и первоначальной задачи³⁸⁸.

---

³⁸⁸ Yates, *Theatre in Vienna*, 143.

22

МЕТТЕРНИХ И КАРТА ЕВРОПЫ

Клеменс фон Меттерних стал министром иностранных дел Австрии в 1809 г. Уроженец прирейнского Кобленца, лишившийся всего из-за Французской революции и Наполеона, в момент назначения он имел долгов на 1,25 млн гульденов. Его господин, император Франц II (1792–1835), также был банкротом. Не имея возможности выкупить выпущенные им государственные облигации, Франц держался на плаву только за счет печатного станка да изъятия у подданных столового серебра в обмен на лотерейные билеты. В 1809 г. долг имперского казначейства равнялся 1,2 млрд гульденов, причем к этой сумме следовало бы прибавить еще миллиард – номинал ничем не обеспеченных банкнот. Через два года Франц объявит о банкротстве, отказавшись от 80 % государственного долга, и разорит тем самым множество промышленных и сельскохозяйственных предприятий³⁸⁹.

Территориальный капитал Франца тоже сократился. Во время долгой Войны первой коалиции (1792–1797), в которой Австрия участвовала в союзе с Великобританией, Пруссией и Республикой Соединенных провинций, имперские войска под командованием брата императора эрцгерцога Карла неплохо держались, приняв на себя основной натиск сухопутных сил противника. Хотя в итоге Габсбургам пришлось уступить Австрийские Нидерланды и Ломбардию, по условиям Кампоформийского мира (1797) к ним отошла Венеция с ее материковыми владениями: Венето, Истрией и Далмацией. Вместе с тем стратегически важные венецианские острова в Ионическом и Адриатическом морях достались Франции, в том числе и остров Керкира, крепость на котором стала теперь самой крупной в Европе. Ее расширение предвещало обширную экспансию Франции в Восточное Средиземноморье, которая привела к вторжению Наполеона в Египет в 1798 г.

В 1799 г. Наполеон стал первым консулом Французской Республики, а пять лет спустя – императором французов. Он стремился расширить Францию за пределы ее естественных границ, потом окружить буфером государств-сателлитов, а на периферии сохранять кордон из слабых и покорных стран. Во исполнение своих планов он не жалел территории, принадлежавшие Габсбургам. Как прозорливо заметил в 1805 г. британский премьер-министр Уильям Питт – младший, услышав о поражении русской и австрийской армий под Аустерлицем, «сверните эту карту, лет десять она нам не понадобится». После того как Франц II выступил против Наполеона в Войнах второй (1798–1802) и третьей (1803–1806) коалиций и в обоих был вынужден вскоре просить о мире, Габсбурги лишились почти всего, что приобрели после Кампоформийского мира, и сдали Тироль союзнику Наполеона Баварии, а остатки австрийских владений в старинном Швабском герцогстве (Переднюю Австрию) – Бадену и Вюртембергу. Единственной компенсацией стал Зальцбург, аннексированный Францем в 1805 г.³⁹⁰

Франц не стал ввязываться в Войну четвертой коалиции (1806–1807), но в надежде воспользоваться проблемами Наполеона в Испании, где тот завяз в долгой изматывающей кампании, возобновил борьбу в апреле 1809 г. в союзе с Британией. Наполеон, однако, ответил быстрым захватом Вены. Затем, наведя понтонную переправу через Дунай, он застал эрцгерцога Карла врасплох и вынудил его принять бой без подготовки. Ваграмская битва, продолжавшаяся более двух суток в июле 1809 г. на фронте протяженностью 24 км, не закончилась разгромом, поскольку эрцгерцогу удалось организованно отступить, но на нее ушли все имевшиеся у

³⁸⁹ О долгах Меттерниха см. Wolfram Siemann, Metternich. Stratege und Visionär, Eine Biografie, 2nd ed. (Munich, 2017), 742–4.

³⁹⁰ «Сверните эту карту...» – см. J. Holland Rose, William Pitt and the Great War (London, 1911), 580.

Габсбургов ресурсы, что вынудило Франца просить о мире. Условия Шенбруннского мирного договора были для Австрии ужасны. Хорватия с Триестом, Горица, Крайна и часть Каринтии по его условиям были преобразованы в Иллирийские провинции, которые Наполеон присоединил к Французской империи. Западную Галицию, приобретенную Францем в результате Третьего раздела Речи Посполитой (1795), поглотило марионеточное Варшавское герцогство, а другая часть Галиции отошла к новому союзнику Наполеона, русскому царю Александру I.

Но в борьбе с Наполеоном Франц лишился не только земель. В мае 1804 г. в Париже Наполеон короновал себя императором французов. Чтобы, как он объяснял, быть на равных с Наполеоном, Франц провозгласил себя императором Австрии, таким образом добавив наследуемый титул к выборному титулу императора Священной Римской империи. Это был разумный ход. Спустя каких-то два года Наполеон учредил Рейнский союз, объявив себя его протектором. Бавария, Вюртемберг, Баден и 13 меньших княжеств тут же вышли из состава Священной Римской империи, чтобы войти в новый союз. Император Франц, отметив, что «сложившаяся ситуация делает невозможным исполнение обязательств, взятых мной при избрании», официально объявил, что его связь с «государственными образованиями Германской империи расторгнута».

Лишившись правителя, тысячелетняя Священная Римская империя прекратила свое существование. Но даже декрет об отречении Франца начинался с перечисления всех исторических титулований, включая и фразу «во все времена приумножитель империи». К счастью для Габсбургов, учрежденный ранее титул императора Австрии позволил Францу остаться императором. Однако нумерация монархов была начата заново. Император Священной Римской империи Франц II стал австрийским императором Францем I, его наследник носил имя Фердинанда I, а не Фердинанда V и т. д.³⁹¹

Тем не менее Франц сохранил за собой двуглавого имперского орла, бывшего в ходу с XV в., и имперские цвета, черный и желтый, превратив их в династические символы Габсбургов. Занятно, что желтый стал еще и цветом Бразилии. В 1817 г. дочь Франца Леопольдина (1797–1826) вышла за принца Педру Португальского, семья которого в тот момент находилась в изгнании в Бразилии. Леопольдине выпало придумать для Бразилии флаг, когда в 1822 г. Педру объявил о независимости страны. Она исправно соединила желтый с габсбургского флага и зеленый с герба бразильско-португальского правящего дома Браганса. Бразильская сборная и поныне выходит на поле в цветах Габсбургов³⁹².

Меттерних, будучи послом во Франции, предостерегал императора от новой войны с Наполеоном, считая ее безрассудством. Неудивительно, что, когда в 1809 г. правота Меттерниха была доказана поражением при Ваграме и жесткими условиями навязанного Наполеоном мира, император Франц назначил его министром иностранных дел. Главной заботой Меттерниха в этот момент было выиграть время, ради чего он настаивал на мирной политике в отношении Франции. Император согласился – и даже принес в жертву свою дочь, отдав ее в жены простолюдину-корсиканцу. Хуже того, она была для Наполеона лишь третьим вариантом, поскольку прежде он сватался к двум русским великим князьям, но первая ему отказала, а второй не удалось получить согласие отца.

Утонченный денди, Меттерних равно свободно чувствовал себя в будуаре и на международных переговорах. Однако его любовные связи открывали ему не только будуары. Записной, безудержный сплетник, он заодно вел торговлю секретами. А если требовалось узнать больше, он просто приказывал вскрыть дипломатическую почту. Особенно замечательно, что после 1808 г. Меттерних контролировал Талейрана, бывшего министра иностранных дел и великого камергера Франции. Информация, которую передавал Талейран, в том числе о дислокации

³⁹¹ *Wiener Zeitung*, 15 August 1804; *Wiener Zeitung*, 9 August 1806.

³⁹² Karl H. Oberacker, *Kaiserin Leopoldine. Ihr Leben und ihre Zeit (1797–1826)* (São Leopoldo, 1980), 343–4.

воинских соединений, поступала напрямую императору Францу как сведения, полученные от «месье Икс»³⁹³.

С марта по сентябрь 1810 г. Меттерних оставался в Париже, официально – как участник делегации, прибывшей на бракосочетание Наполеона. Пользуясь случаем, он пытался прощупать намерения корсиканца, не раз засиживаясь с ним до четырех утра, пока тот упражнял свой государственный гений. Меттерних хорошо видел, что Наполеон еще не удовлетворил своего честолюбия, но дальнейшие его шаги были загадкой. 20 сентября во дворце Сен-Клу император раскрыл свой замысел победить Россию. «Наконец-то все прояснилось, – вспоминал позже Меттерних. – Цель моего пребывания в Париже была достигнута». Четыре дня спустя он выехал в Вену³⁹⁴.

Меттерних подошел к делу с осторожностью. Исход русско-французской войны был неясен, так что стать на чью-либо сторону, как и не стать ни на чью, было чревато опасностями. Поэтому Меттерних выбрал третье – «вооруженный нейтралитет»: Австрия поддержит Наполеона, но только против России и без участия в основном ударе. Закулисно он уведомил Александра I, что габсбургская армия будет играть лишь вспомогательную роль. В реальности австрийский контингент под началом князя Шварценберга показал себя столь хорошо, что царь направил императору Францу протест.

Для кампании 1812 г. Наполеон собрал армию, которая на тот момент стала самой многочисленной в истории войн – около 600 000 человек, из которых под командованием Шварценберга состояло только 30 000. Хотя французы дошли до Москвы, в октябре они уже отступали по всему фронту, поедая мясо своих лошадей. Дело довершили генералы Январь и Февраль. После отступления Наполеона от Москвы его враги вновь объединили силы, создав в 1813 г. шестую коалицию. И хотя Наполеону удалось собрать новую армию, под Лейпцигом в так называемой Битве народов он потерпел решительное поражение от русско-прусско-шведско-габсбургского союза (в середине сражения, длившегося четыре дня, Саксония и Вюртемберг оставили Наполеона и перешли на сторону побеждающего противника).

Пока союзная армия входила во Францию с востока, из Испании наступали британские войска. В Париже инициативу взял в руки Талейран. Возглавив то, что осталось от французского сената, он объявил себя главой временного правительства, а Наполеона – низложенным. Затем он провозгласил восстановление династии Бурбонов народом Франции «по его собственной свободной воле». Людовик XVIII оспорил трактовку Талейрана, так как считал, что правит по воле Божьей, независимо от желания или нежелания народа, но Меттерниха такая реставрация Бурбонов удовлетворила вполне. Русские войска стояли в Кале, в виду британского берега, и Меттерних уже различал в России ведущую континентальную державу, так что сильная и стабильная Франция была нужна ему как противовес.

Карту Европы перерисовали на грандиозном международном конгрессе, проходившем с ноября 1814 г. по июль 1815 г. в Вене. Венский конгресс стал во всех отношениях апогеем влияния Габсбургов, как бы много усилий ни было приложено другими монархиями в ходе долгих войн с Францией. На несколько месяцев конгресс приостанавливал работу из-за Ста дней, когда Наполеон бежал с Эльбы (как и предсказывал Меттерних) и ненадолго вновь захватил власть во Франции. В Венском конгрессе участвовали два императора, четыре короля, 11 владетельных князей и две сотни полномочных послов. Ежедневно в Хофбурге или в канцелярии Меттерниха устраивались банкеты, чередой шли балы, охоты, групповые позирования для портретов, оперные представления и концерты. Бетховен лично дирижировал своей 7-й симфонией – это было своего рода извинением за 3-ю, «Героическую», которую он десятью годами ранее посвятил Наполеону.

³⁹³ Siemann, Metternich, 278–9.

³⁹⁴ Prince Clemens von Metternich, Metternich: The Autobiography (Welwyn Garden City, 2004), 139.

Многие желания Меттерниха сбылись. Большую часть территорий Габсбурги получили назад, и хотя Нидерландов они лишились, зато в компенсацию получили Ломбардию и Венето, которые вместе образовали Ломбардо-Венецианское королевство в составе Австрийской империи. Вместе с Венето Австрия получила Дубровник и другие владения Венеции на Адриатическом побережье. Тоскана и Модена, хотя и не присоединенные к владениям Габсбургов, по-прежнему управлялись эрцгерцогами из Габсбургского дома, а Парма досталась дочери Франца Марии Луизе, покинутой жене Наполеона. Кроме того, конгресс признал аннексию Зальцбурга и отдал Австрии часть территории Баварии. Вернулись под власть Габсбургов и Галиция с Лодомерией, хотя и с некоторыми территориальными изменениями, например за вычетом Кракова, который стал вольным городом.

Примечательно также, что Франция не понесла никакого наказания, вернувшись в границы 1792 г., а Саксонию не принесли в жертву Пруссии. Священную Римскую империю тоже не восстановили. Вместо нее возник включающий в себя австрийские земли Германский союз под председательством Габсбургов. Правители Саксонии, Баварии и Вюртемберга сохранили королевские титулы, пожалованные им Наполеоном, и такой же титул конгресс даровал правителю Ганновера. Конгресс позволил крупным германским княжествам сохранить земли мелких, поглощенные ими во время недавней войны, сократив таким образом число участников союза до 34 (еще несколько добавятся позже). Поступая так, Меттерних хотел, чтобы у Германского союза было достаточно сил противостоять внешним посягательствам Франции и России, а также сдерживать вошедшую в его состав Пруссию³⁹⁵.

Общим итогом Венского конгресса стала новая Австрийская империя, занимавшая целостную часть Центральной Европы и имевшая огромное влияние на севере, в Германском союзе, и на юге, в Италии. Этого было достаточно, чтобы развести Францию и Россию, позволив Австрии поддерживать равновесие между ними. Карта Европы была перекроена виртуозно. Благодарный император Франц II пожаловал Меттерниху замок Иоганнисберг в Рейнской области. Еще в 1813 г. Меттерних удостоился почетного титула князя, а в 1821 г. он получит не менее почетную должность канцлера.

Меттерних неизменно отличался изворотливостью. Известно, что своим послам за границей он отправлял по три письма: первое содержало политические установки, второе сообщало, кому следует открыть содержание первого, а в третьем описывалась политика, которой нужно придерживаться на самом деле. Меттерних все время твердил о своих принципах, о стремлении поддерживать власть законных государей, о том, как важны для него прочный мир и равновесие сил в Европе. Как и во многом остальном, настоящие цели у него были иными. Его задачей было сохранять авторитет своего монарха и недавно провозглашенной Австрийской империи, особенно в Германском союзе и Италии. Прикрываясь разговорами о законности, Меттерних старался удержать выгодный для Австрии расклад, которого он добился. Когда речь заходила о законных правах Испании на мятежные латиноамериканские колонии, или поляков на их историческое королевство, или города Кракова на независимость (в 1846 г. его оккупировала Австрия), Меттерних оставался глух³⁹⁶.

Меттерних был неизменно близок с императором, в целом держа его в курсе всех актуальных событий и решений, хотя нередко отсеивал и приукрашал информацию с тем, чтобы снискать одобрение монарха. Он преподносил ситуацию так, будто они с императором – политические близнецы. «Небеса поставили меня рядом с человеком, который словно бы создан для меня, как и я для него, – говорил он. – Император Франц знает, чего хочет, и его желания никогда и ни в чем не расходятся с тем, чего больше всего хочу я». Франц как будто не спорил

³⁹⁵ Enno E. Kraehe, *Metternich's German Policy*, vol. 2 (Princeton, 1983), 368, 392–93.

³⁹⁶ О тройных письмах Меттерниха см. Mark Jarrett, *The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy After Napoleon* (London and New York, 2013), 315. Апелляции Меттерниха к законности как прикрытие усилий сохранить статус-кво пронизательно отмечает Джулиан Шмидт в Julian Schmidt, *Die Grenzboten*, vol. 7 (Leipzig, 1848), 542.

с этими заявлениями, хотя и отмечал, что Меттерних из них двоих добрее. В действительности у Франца имелись заботы поважнее, чем корпеть над депешами. Ему было интереснее изучать сургуч, которым они запечатаны. Этот энтузиаст сургучного производства, как считается, не вскрывал писем от Наполеона, пока детально не изучит использованный для их запечатывания материал. Кроме того, время у императора отнимало изготовление птичьих клеток, расписных шкатулок и ирисок, а также наблюдение за оранжереями Шенбрунна³⁹⁷.

«Большую четверку» Венского конгресса составляли царь Александр, Меттерних, князь Гарденберг со стороны Пруссии и британец лорд Каслри, но определенное влияние имел и Талейран, причем оно нередко оказывалось решающим. По завершении конгресса эти четверо решили собираться периодически «с целью совещания об общих интересах... ради покоя и процветания народов и поддержания мира в Европе». Русский царь добавил к этому свой план братства народов, основанного на «высших истинах» христианства. Меттерних знаменитым образом описывал получившийся Священный союз как «пустой и трескучий», но он же ловко подправил текст царя, заменив союз народов на союз государей, чтобы лишний раз закрепить в Европе монархический статус-кво³⁹⁸.

Ради сохранения этого порядка и защиты прав законных правителей четыре державы и Франция обязались вмешиваться в случае возникновения где-то угрозы революции. Это устраивало Меттерниха, так как позволило Австрии в 1821 г. вторгнуться в Пьемонт и Неаполь для защиты их монархов и тем самым расширить влияние Габсбургов на Апеннинском полуострове. Однако британские и французские политики были недовольны тем, что оказались обязанными поддерживать существующие режимы, включая и сопротивлявшиеся даже самым незначительным реформам. Попытки Меттерниха распространить гарантии Священного союза и на османскую Турцию подтвердили опасения британцев: как предрекал лорд Каслри, «всеевропейская полиция» создавалась для «вооруженной охраны любых престолов»³⁹⁹.

Между 1818 и 1822 гг. конгрессы собирались четырежды: в Ахене, Опаве (Троппау), что в австрийской Силезии, Любляне (Лайбахе) и в итальянской Вероне. Последние три прошли на территории Австрийской империи, что свидетельствовало о высоком авторитете Меттерниха и облегчало для него просмотр чужой дипломатической почты. Но в отличие от России Британия и Франция были все менее склонны участвовать в защите непопулярных правителей от их подданных. Основные державы не сошлись в вопросе об отношении к интервенциям, и система конгрессов распалась. Однако она стала определенным прецедентом, показывающим, что международные кризисы иногда эффективнее разрешать путем созыва конференций, а не военного противостояния.

После 1822 г. Меттерних все больше опирался на помощь Пруссии и России, укрепляя непростой союз трех «северных дворов»: венского, берлинского и петербургского (в ту эпоху Европу делили скорее на Северную и Южную, чем на Западную и Восточную). В 1833 г. на встречах в Мнихово-Градиште (Мюнхенгреце) и Берлине император Франц, царь Николай I и прусский кронпринц Фридрих Вильгельм договорились сохранять «консервативную систему как непререкаемую основу своей политики» и вновь подтвердили, что каждый из правителей может обращаться к остальным за военной помощью.

С приобретением Венеции и ее адриатических владений Габсбурги получили и венецианский военно-морской флот, на 1814 г. состоявший из 10 многопушечных линейных кораблей и девяти фрегатов. Поначалу эта небольшая флотилия хирела в небрежении, используясь в основном для доставки почты и перевозок отдыхающей публики вдоль побережья. Однако

³⁹⁷ «Небеса поставили меня рядом с человеком...» — см. Alan Sked, *Metternich and Austria: An Evaluation* (Basingstoke and New York, 2008), 116; E. Vehse, *Memoirs of the Court, Aristocracy, and Diplomacy of Austria*, vol. 2 (London, 1856), 472.

³⁹⁸ «С целью совещания об общих интересах...» — см. Jarrett, *The Congress of Vienna*, 168.

³⁹⁹ C. K. Webster, *The Foreign Policy of Castlereagh 1815–23: Britain and the European Alliance* (London, 1925), 304, 309.

постепенно новые хозяева разглядели ее ценность: в 1817 г. корабли доставили в Бразилию эрцгерцогиню Леопольдину, а через несколько лет помогли заключить новое торговое соглашение с Китаем. Китайцы настолько отвыкли от габсбургских судов, что не признали красно-белого морского штандарта, учрежденного Иосифом II, и обязали австрийского капитана поднять вместо него старый черно-желтый флаг Священной Римской империи с изображением двуглавого орла⁴⁰⁰.

Этот же флот доказал свою эффективность в 1821 г., поддержав с моря вторжение в Неаполь. Затем его развернули против греческих пиратов, грабивших торговые суда с целью финансировать восстание на Пелопоннесе. К концу 1820-х гг. уже более 20 кораблей Габсбургов патрулировали Эгейское море и восточную часть Средиземноморья. Но особую ценность флот внезапно приобрел из-за марокканского пиратства. В 1828 г. султан Марокко отказался от обязательства не препятствовать морской торговле Габсбургов и начал нападать на суда, шедшие Средиземным морем в Бразилию. За экипаж захваченного ими по пути из Триеста в Рио-де-Жанейро корабля «Велоче» марокканские пираты потребовали выкуп. Для спасения людей Меттерних отрядил к марокканским берегам два корвета и два двухмачтовых брига с несколькими сотнями солдат на борту. Экспедиция оказалась очень успешной, увенчавшись обстрелом порта Лараш. Вскоре после этого султан восстановил договор с императором Францем⁴⁰¹.

И все же военно-морской флот Австрии оставался небольшим, в 1837 г. насчитывая всего четыре однопалубных фрегата, пять корветов, один колесный пароход и несколько малых судов. Торговый флот, напротив, состоял из пяти сотен крупных судов, базировавшихся в Венеции, Триесте и Риеке (Фиуме), и доминировал в морской торговле с Турцией и Северной Африкой. Многие из этих судов принадлежали одной из двух компаний, в создании которых принимал участие сам Меттерних: «Дунайской пароходной компании», основанной в 1829 г., или «Австрийскому Ллойд», учрежденному в 1836-м⁴⁰². И та и другая вели торговлю в Черном море и Восточном Средиземноморье, причем Меттерних убедил турецкого султана даровать австрийским коммерсантам преференции в экспорте хлопка и шелка. В 1839 г., когда египетский паша Мохаммед Али напал на османскую Сирию, австрийский флот по приказу Меттерниха присоединился к британским кораблям, пришедшим на помощь султану, в обстрелах Бейрута и блокаде устья Нила. Паша в итоге согласился открыть свою территорию для европейской торговли, и первыми там обосновались австрийцы.

Австрийские коммерсанты не только экспортировали шелк и хлопок, но и контролировали значительную долю торговли внутри Восточного Средиземноморья, включая перевозку зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Также они активно участвовали в работорговле, перевозя невольников из египетской Александрии на рынки в Стамбул и Измир (Смирну). Хотя оценить объемы этой коммерции можно лишь предположительно, считается, что на протяжении XIX в. в страны Восточного Средиземноморья было вывезено около миллиона африканцев. Десятки тысяч из них доставили корабли «Австрийского Ллойда». Строго говоря, расследование, предпринятое уже в 1870-х гг., установило, что ни одно судно «Австрийского Ллойда», ходившее из Александрии в Стамбул, не осталось в стороне от работорговли. Некоторые невольники попадали и в Вену, где жили в слугах, считаясь «персонами без определенного правового статуса»⁴⁰³.

⁴⁰⁰ Lawrence Sondhaus, *The Habsburg Empire and the Sea: Austrian Naval Policy, 1797–1866* (West Lafayette, IN, 1989), 49.

⁴⁰¹ J. L. 'Eine oesterreichische See-Expedition gegen Marokko vor fünfzig Jahren', *Oesterreichische Monatsschrift für den Orient*, 5, no 6 (1879), 118–9.

⁴⁰² Miroslav Šedivý, *Metternich, the Great Powers and the Eastern Question* (Pilsen, 2013), 452–6, 606–11.

⁴⁰³ Alison Frank, 'The Children of the Desert and the Laws of the Sea: Austria, Great Britain, the Ottoman Empire, and the Mediterranean Slave Trade in the Nineteenth Century', *AHR*, 117 (2012), 410–44.

Торговая экспансия Австрии в Восточном Средиземноморье была колониализмом без захвата территорий. Она имела многие характерные признаки обычных колониальных империй, от экономической эксплуатации туземных ресурсов до патерналистского рвения координировавших этот процесс дипломатов и предпринимателей. Они приходили не только основывать торговые фактории, но и обращать в истинную веру, а вслед за католическими миссионерами вверх по Белому Нилу поднималась стальная канонерка. Поскольку габсбургский император еще и выступал защитником католиков в Египте и Судане, распространение католичества повышало его политический авторитет в этих странах. Венское географическое общество в 1857 г. с удовлетворением констатировало, что австрийский флаг водружен всего тремя градусами севернее экватора, и выражало надежду на уверенное развитие «христианства и цивилизации» под его сенью⁴⁰⁴.

Продвигаясь по Африке на юг, габсбургские негоданты обнаружили, что местное население не интересуется промышленными товарами, тканями и зонтами, которые они везли на продажу. Тогда вместо этого они стали торговать валютой, в основном массивными серебряными монетами, известными как талеры Марии Терезии. Их начали чеканить в 1741 г., но дизайн и состав монеты были окончательно определены в 1783-м, а на самих талерах стояла дата «1780», год смерти императрицы. Со своим высоким содержанием серебра и эффективным оформлением талеры Марии Терезии стали основным платежным средством Эфиопии, Африканского Рога и всего Индийского океана; на них покупались золото, слоновая кость, кофе, цибет (секрет анальных желез цивет, применяемый для изготовления духов) и рабы. Как выразилась в 1830-х гг. одна юная эфиопская невольница, это была монета, «годная для покупки детей и взрослых», но, будучи нанизанными на нитку, талеры заодно становились ожерельем или средством, при помощи которого местные царьки собирали налоги. В Эфиопии талер Марии Терезии оставался официальным платежным средством до 1945 г., в Маскате и Омане – до 1970 г., а неофициально он до сих пор ходит в таких далеких от Австрии странах, как Индонезия⁴⁰⁵.

Сам Меттерних замечал: «Может, Европой я иногда и правил, но Австрией – никогда». Его основной сферой ответственности была международная политика и – поскольку эти страны считались почти зарубежными – Венгрия и Ломбардо-Венецианское королевство. Предложенных князем проектов административной реформы для Австрии император не поддержал. Больше всего Меттерниху мешали государственные комитеты, которые анализировали предлагаемые меры в мельчайших деталях и решали вопросы голосованием. Куда удобнее, считал он, был бы кабинет министров, обладающих реальной властью и договаривающихся об общей политике. Но император Франц с ним не соглашался. Фразы «я не хочу перемен, у нас разумные законы, которых нам хватает» и «момент не располагает к нововведениям» были типичными комментариями консервативного монарха⁴⁰⁶.

Франц и Меттерних соглашались в том, что угроза революции существует – и для самой Австрийской империи, и для порядка, сложившегося в Европе. Они ошибались лишь в одном: революцию не координировал тайный совет в Париже, как думали они, да и многие другие государственные мужи. Она распространялась менее организованно, почти как нынешние террористические «франшизы». Многие революционные вожаки в Италии, Испании, российской Польше, на Балканах и в Латинской Америке были знакомы, сражались под началом друг друга, обменивались проектами конституций и черновиками манифестов. Они действовали через

⁴⁰⁴ Helge Wendt, 'Central European Missionaries in Sudan: Geopolitics and Alternative Colonialism in Mid-Nineteenth Century Africa', *European Review*, 26 (2018), 481–91 (483–4).

⁴⁰⁵ Adrian E. Tschoegl, 'Maria Theresa's Thaler: A Case of International Money', *Eastern Economic Journal*, 27, no 4 (2001), 113–62.

⁴⁰⁶ Tagebücher des Carl Friedrich Freiherrn Kübeck von Kübau, ed. Max von Kübeck, vol. 1 (Vienna, 1909), 438, 508. «Может, Европой я иногда и правил, но Австрией – никогда...» – см. Sked, Metternich and Austria, 116.

тайные ячейки и так называемые общества друзей, которые заимствовали у масонов ритуалы посвящения, систему паролей и воинственные клятвы⁴⁰⁷.

Главенство Австрии в Германском союзе Меттерних использовал, чтобы развернуть на всей его территории систему цензуры, под которую не попадали только издания толще 320 страниц, поскольку считалось, что это уже слишком утомительно и для читателей, и для цензоров (не 20 страниц, как нередко утверждают историки, а 20 *Bogenseiten* – то есть неразрезанных тетрадей в 16 печатных страниц каждая). Кроме того, Меттерних заставил германских правителей ограничить политические общества, демонстрации и представительные учреждения, посягающие на монаршую власть. В Австрийской империи между тем цензура была нерегулярной, потому что 25 работавших в Вене цензоров должны были просматривать 10 000 изданий в год. Либеральные газеты *Allgemeine Zeitung*, печатавшаяся в Аугсбурге, и *Die Grenzboten*, выходившая в Лейпциге, свободно распространялись, и лишь отдельные их номера изымались цензурой. Официальная *Wiener Zeitung* публиковала международные новости подробно и без предвзятости⁴⁰⁸.

В целом репрессии были умеренными, потому что Меттерних предпочитал не препятствовать формированию мнений, а отслеживать их через осведомителей и общий надзор. Он с нежностью вспоминал своего школьного наставника, «из лучших людей, известных мне», который стал революционером-республиканцем, и не видел смысла наказывать за неверные убеждения. В империи были политические заключенные, но по большей части их вина состояла не просто во вредных взглядах, а в каких-либо действиях: принадлежности к тайному обществу или активной подготовке бунта. Даже в Ломбардо-Венецианском королевстве, рассаднике революционных заговоров, чиновники Меттерниха больше полагались на Ла Скала, чем на полицию, считая, что опера сделает итальянцев покладистее так же, как цирки укрощали нравы древних римлян. В Венгрии и Трансильвании Меттерних в 1837 г. арестовал и отправил в заключение лидеров либеральной оппозиции Лайоша Кошута, Ласло Ловашши и Миклоша Вешшеленьи по обвинению в подстрекательстве к бунту. Однако условия содержания в замке Шпильберк на юге Моравии были довольно комфортными, и через три года все трое оказались помилованы⁴⁰⁹.

Однако с наиболее решительной оппозицией Меттерних столкнулся внутри самой системы управления. Бюрократия по-прежнему горела реформистским пылом и стремилась совершенствовать общество. Как бы император ни противился нововведениям, бюрократия достигла немалых успехов: новый уголовный кодекс (1803); гражданский кодекс, упразднивший особый правовой статус аристократии (1811); новые инженерные и горно-инженерные институты; государственная поддержка передовых коммерческих и промышленных начинаний, в частности строительства железных дорог и прокладки телеграфных линий. Обязанные ежегодно приносить клятву, что не состоят в тайных обществах, государственные чиновники использовали в качестве обходного пути «читательские клубы», где с разрешения полиции можно было читать иностранные газеты и запрещенные книги. В Вене из приблизительно 1000 высших чиновников около 200 были членами Общества юридического и политического чтения, где они знакомились с трудами Руссо, работами ранних швейцарских коммунистов и даже газетой *Il Progresso*, рупором революционеров из «Молодой Италии»⁴¹⁰.

⁴⁰⁷ Maurizio Isabella, *Risorgimento in Exile: Italian Émigrés and the Liberal International in the PostNapoleonic Era* (Oxford, 2009), 42–64; см. также Richard Stites, *The Four Horsemen: Riding to Liberty in PostNapoleonic Europe* (Oxford, 2014).

⁴⁰⁸ О числе страниц см. Siemann, Metternich, 682.

⁴⁰⁹ Siemann, Metternich, 92; Alan Sked, 'Metternich and the Ficquelmont Mission of 1847–48: the Decision Against Reform in Lombardy-Venetia', *Central Europe*, 2 (2004), 15–46 (20).

⁴¹⁰ Waltraud Heindl, *Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848* (Vienna, Cologne, and Weimar, 1990), 139, 289; Friedrich Engel-Jánosi, 'Der Wiener Juridisch-Politische Leseverein', *Mitteilungen des Vereines für Geschichte der Stadt Wien*, 4 (1923), 58–66.

Чиновничество настаивало на отмене крестьянских повинностей и на передаче земли в собственность арендаторам, которые ее обрабатывают. Но это означало выплаты компенсаций землевладельцам, что оттянуло бы средства, направляемые на армию. Внешняя политика Меттерниха опиралась на готовность к интервенции, и поэтому он выступал за большой военный бюджет. Соответственно, чиновничество связывало свои надежды с оппонентом Меттерниха в правительстве, графом Коловрат-Либштейнским, который курировал финансовую сферу. Коловрат не был реформатором, но не был и простаком. Однажды он сказал Меттерниху: «Ваши методы – это сила оружия и негибкое сохранение нынешнего положения. На мой взгляд, они ведут к революции». Урезав военные расходы, Коловрат ненадолго сбалансировал бюджет 1830–1831 гг., отчего его политический авторитет непомерно возрос⁴¹¹.

В 1835 г. Франца II сменил на троне его сын Фердинанд I. Детский рахит привел у него к деформации черепа и эпилепсии, но его несостоятельность как правителя объяснялась прежде всего полным безразличием к государственным делам. Как и нескольких его предков, Фердинанда увлекала ботаника – род тропических цветковых растений *Ferdinandusa* назван в его честь. На смертном одре Франц напутствовал сына «управлять, ничего не меняя», но, помимо этого, он предусмотрительно учредил регентский совет, или Тайную государственную конференцию, действовавшую от имени Фердинанда. Государственная конференция стала учреждением, где Коловрат постоянно мешал Меттерниху, блокируя увеличение военных расходов, но при этом не решаясь облегчить положение крестьян из опасения обрушить имперский бюджет. После кровопролитного бунта в Галиции, где крестьяне истребляли своих землевладельцев, загружая их головами целые телеги, вопрос об аграрной реформе стоял с особенной остротой, но Тайная государственная конференция, погрязнув в препирательствах, оказалась неспособной принять какое-либо решение.

В правление Фердинанда (1835–1848) Меттерних утратил влияние во внутренней политике до такой степени, что многие репрессивные меры этого периода были введены не им, а Коловратом и его ближайшими союзниками по Тайной государственной конференции. Однако это не мешало общественному мнению винить Меттерниха и во всех просчетах правительства, и в международных проблемах. В романе Стендаля «Красное и черное» (1830) изгнанник граф Альтамира бросает на балу красавицу Матильду ради беседы с перуанским генералом, потому что «потерял надежду на Европу после того, как Меттерних завел в ней свои порядки»⁴¹². В политической поэме Антона фон Ауэршперга «Прогулки венского поэта» (1831) австрийский народ колотит в дверь Меттерниха, умоляя дать ему свободу. Фактически к 1848 г. Меттерних стал в общественном мнении «самым ненасытным из всех министров-кровососов», «злым демоном», который «заглатывает деньги и пьет народную кровь»⁴¹³.

И все же достижения Меттерниха видны на карте Европы. Разодранную Наполеоном, Меттерних восстановил ее и обеспечил новой Австрийской империи господствующее положение в центре, откуда она могла засыпать талерами Марии Терезии даже Африку. Границы, которые стараниями Меттерниха были прочерчены в 1814–1815 гг. в Вене и о незыблемости которых он заботился, оказались устойчивыми и в целом составляли основу европейской политической географии вплоть до 1914 г. При стабильности ядра конфликты европейских держав «выносились на периферию», на восток, к Османской империи, или на юг, превращаясь в колониальные споры. Между 1815 и 1914 гг. Европа пережила всего четыре войны, причем все они были краткими, тогда как между, например, 1700 и 1790 гг. на континенте произошло по меньшей мере 16 крупных войн, в которых участвовали две или более из его сильней-

⁴¹¹ «Ваши методы – это сила оружия...» – см. Kübeck, Tagebücher, vol. 2 (Vienna, 1909), 626; Isabella Schüler, Franz Anton Graf von KolowratLiebsteinsky (1778–1861), (Munich, 2016), 295–6.

⁴¹² Пер. С. П. Боброва и М. П. Богословской-Бобровой.

⁴¹³ Schüler, Franz Anton Graf von KolowratLiebsteinsky, 232–43; Siemann, Metternich, 810–1; R. John Rath, The Viennese Revolution of 1848 (Austin, TX, 1957), 114–6.

ших держав. Меттерних не установил в Европе мир, но он дал ей такую систему, при которой государственные деятели могли, если хотели, жить в мире. Под руководством Меттерниха Австрийская империя избавилась от маргинального статуса, навязанного ей Наполеоном, и, став главным европейским арбитром, почти 40 лет противостояла революционному хаосу⁴¹⁴.

---

⁴¹⁴ Т. W. C. Blanning, *The Origins of the French Revolutionary Wars* (London and New York, 1986), 37.

23

1848 ГОД: ДНЕВНИК ФОН НОЙМАНА И «МАРШ РАДЕЦКОГО»

Барон Филипп фон Нойман был австрийским дипломатом, скроенным по лекалам Меттерниха. Напомаженной шевелюрой и крупным носом он даже внешне напоминал своего патрона. Больше 30 лет он служил советником и секретарем австрийского посольства в Лондоне. После длинной череды романов фон Нойман в 60 с небольшим женился на леди Огасте Сомерсет, внучатой племяннице герцога Веллингтона. В конце 1844 г. они вместе отбыли во Флоренцию, куда его назначили послом. Но в феврале 1848 г. он услышал о разразившейся во Франции революции не во Флоренции, а неподалеку, в Модене. Записи в его дневнике, обычно состоявшие из перечисления посещенных приемов и встреченных там важных людей, с распространением по Европе волнений становятся все тревожнее:

[1 марта] Во Франции революционеры провозгласили республику.

[3 марта] Сообщают, что и в Бельгии республика, и король Леопольд покинул Брюссель. [6 марта] Полиция сообщает, что на завтра запланировано восстание в Модене, Реджо и Парме. [14 марта] Дурные вести из Германии, где распространяется революционное движение.

Наконец, фон Нойман получает известие, которого страшился: «[18 марта] Эрцгерцог [герцог Модены] вызвал меня и сообщил крайне печальные новости из Вены...»⁴¹⁵

Дневник фон Ноймана свидетельствует: сколь бы ни были ожидаемы революционные волнения в Вене, это не смягчило потрясения. По мере того как по всей Европе сыпались правительства и троны, уязвимые места существующего порядка обнажались, требования реформ становились все оглушительнее, а восстания по образцу соседей все вероятнее. Когда 13 марта в новом великолепном дворце в центре Вены собрался ландтаг Нижней Австрии, все ожидали потрясений, и многие постарались увидеть происходящее своими глазами. События того дня в значительной степени были спланированы. Захватив здание и разогнав депутатов, студенты обратились с балкона к собравшейся у дворца толпе. Хулиганские банды, набранные из жителей пригородов, превратили шумную демонстрацию в бунт. Командовавший охраной здания эрцгерцог Альбрехт, кузен императора Фердинанда, умолял народ разойтись, но получил в ответ удар по голове. Несколько часов его отряды стояли под градом камней, пока часть итальянских солдат не нарушила приказ и не открыла огонь по толпе. Четверо демонстрантов погибли от пуль, один студент-юрист – от удара штыком; толпа в панике затоптала пожилую женщину.

К вечеру Вену объял хаос. В пригородах группы мародеров грабили магазины и фабрики, нападали на состоятельных горожан, взламывали пекарни и табачные лавки. В центре Вены мятежники валили фонарные столбы, чтобы таранить ими двери, а вырывавшийся из разорванных труб газ поджигали на уровне мостовой, озаряя улицы огненными факелами. Возле Хофбурга в темноте клубилась странная толпа, кричавшая «Ура!» императору. Но внутри дворца разворачивалась своя драма. Враги Меттерниха из числа членов императорской семьи несколько дней вынашивали планы использовать любые волнения в Вене как повод для его отстранения от власти. Теперь, руководимые снохой (женой брата) императора Фердинанда эрцгерцогиней Софией, они слаженно перешли к делу, вынуждая Меттерниха подать в отставку. Когда политический союзник Меттерниха эрцгерцог Людвиг, дядя императора,

---

⁴¹⁵ The Diary of Philipp von Neumann, ed. E. Beresford Chancellor, vol. 2 (London, 1928), 276–8.

тоже занял сторону Софии (опасаясь, как бы мятежники не ворвались в Хофбург), Меттерних неохотно уступил. В девять вечера он написал прошение об отставке, а на следующий день выехал в Лондон поездом с венского Северного вокзала. За спиной князя горел его летний дворец на окраине Вены⁴¹⁶.

Неожиданно ситуацию изменил император Фердинанд, выразившийся просто: «Я государь, и решать мне. Скажите народу, что я согласен на все». Министры взяли под козырек. 14 марта Фердинанд вернул солдат в казармы и поручил охрану порядка ополчению, набранному из бюргеров и студентов, причем вооружать его не было нужды: арсенал уже взломали и оружие разошлось по рукам. Одновременно Фердинанд объявил об отмене цензуры. За несколько часов книготорговцы выложили на витрины припрятанные прежде запасы запрещенной литературы. На следующий день глашатай в костюме как на игральной карте объявил перед Хофбургом, что Фердинанд обязуется дать стране конституцию и парламент. После этого император проехал по центру столицы в открытой карете, провожаемый бурными восторгами толпы⁴¹⁷.

Тем временем его министры, подхватив язык реформ, решили, что должны сформировать «ответственное правительство», подразумевая под этим, что им нужно взять на себя ответственность за все государственные решения (а не доверять их всякому, кто найдет возможность внушить свое мнение императору). Различные административные комиссии и комитеты преобразовались в министерства, что в большинстве случаев заключалось только в смене таблички. Решения, однако, как и прежде, принимались во дворце – преимущественно братом и дядей императора, эрцгерцогами Францем Карлом и Иоганном, которые отдавали распоряжения от лица монарха, не затрудняясь их согласованием в министерствах⁴¹⁸.

Но революция на этом не кончилась. По всей Австрийской империи разные группы принялись составлять петиции и проекты конституций, а также требовать реформ местной власти. Меттерних пал, и все, что составляло его режим, теперь считалось отжившим. Активисты в городах применяли насилие, буквально выкидывая чиновников из ратушных зданий или вынуждая их оставить посты непрерывными воплями и пронзительной игрой на дудках под окнами их домов – эту какофонию называли «кошачий концерт», Katzenmusik. В более деловитом настроении реформаторы учреждали комитеты, которым поручались многочисленные задачи самого разного толка, по каждой из которых готовилось верноподданническое обращение к монарху. Даже пациенты клиник для душевнобольных принялись строчить петиции и сочинять конституции.

Требования зачастую были самыми элементарными: так, крестьяне одной деревни в Буковине (на востоке Галиции) не хотели впредь заготавливать так много леса для армии. Другие были посложнее. За прошедшие десятилетия многие идеи либерализма – с его напором на верховенство закона, свободу печати, политическое представительство и гражданские права – обрели огромное число последователей. То же касалось и национализма, который ставил во главу угла нацию. В то время понятие нации опиралось преимущественно на язык и в меньшей степени на религию. Хотя в идеологическом плане они противоречили друг другу, либеральный индивидуализм и националистический коллективизм работали в паре и предлагали схожие социальные программы, выстроенные вокруг освобождения крестьянства. Всеохватность требований, выдвигаемых реформаторами, отражал флаг венского студенчества, раскрашенный во все цвета радуги⁴¹⁹.

⁴¹⁶ Wolfram Siemann, Metternich. Strategie und Visionär, Eine Biografie, 2nd ed. (Munich, 2017), 833–5; Friedrich Rückert, Liedertagebuch 1848–1849 (Göttingen, 2002), 478.

⁴¹⁷ «Я государь, и решать мне...» – см. C. A. Macartney, The Habsburg Empire, 1790–1918, 2nd ed. (London, 1971), 330.

⁴¹⁸ Thomas Kletečka, 'Einleitung', in Die Protokolle des österreichischen Ministerrates, Abt. 1: Die Ministerien des Revolutionsjahres 1848, ed. Kletečka (Vienna, 1996), ix – xlviii (x)

⁴¹⁹ Deutscher Kalender für die Bukowina für das Jahr 1935 (Chernivtsi, 1935), 51–63; Theodor Gomperz, Essays und

Правительства империи уходили в отставку одно за другим, поскольку были не в силах убедительно решать те проблемы, которые обнажились после падения Меттерниха. Вернувшись в Вену, Филипп фон Нойман застал там полный хаос. В конце марта 1848 г. он писал: «Вся государственная канцелярия расстроена до основания; всюду царят неизвестность и смятение; только Богу ведомо, какое будущее уготовано моей стране». Граф Коловрат, назначенный министром-президентом 20 марта, продержался месяц. Его преемник – не дольше того. Тем временем министр внутренних дел Франц фон Пиллерсдорф опубликовал проект конституции, который предполагалось обсудить в новом имперском парламенте, рейхстаге: он должен был состоять из выборных представителей и собраться в конце июня⁴²⁰.

Однако события опрокинули планы Пиллерсдорфа. В мае выборная ассамблея, куда вошли и представители австрийских земель, собралась во Франкфурте для разработки конституции новой Германии – страны, которая объединит всех, кто говорит по-немецки. В следующем месяце в Праге собрался самопровозглашенный Славянский съезд, где делегаты славянских народов империи – чехов, словаков, поляков, русинов (или украинцев) и т. д. – обсуждали создание «конфедерации народов». Повсюду шли процессы, не сулящие империи ничего хорошего. В начале апреля Фердинанд дал согласие на то, что у Венгрии будет собственное правительство, после чего новоназначенные венгерские министры принялись продавать государственные облигации, набирать армию и проводить собственную внешнюю политику. Между тем власть в Ломбардии и Венеции захватили мятежники, провозгласившие собственные демократические республики и вынудившие габсбургские войска отступить к северу.

Габсбургской империи грозил распад: немецкоязычные австрийские земли могли присоединиться к новой Германии, Чехия – образовать ядро нового славянского государства, а отпавшее Ломбардо-Венецианское королевство – слиться, например, с Пьемонтом. Существенно уменьшившаяся Венгрия стала бы тогда независимым государством. К середине 1848 г. все выглядело так, будто судьба государства Габсбургов предрешена. На улицах Вены между тем контроль захватило все более радикализирующееся ополчение, чьи ряды существенно пополнились за счет «бородатой колонны» (борода тогда считалась отличительным признаком революционера). В мае из-за новой волны беспорядков императорская семья бежала из столицы в Инсбрук⁴²¹.

Министры в Вене погрязли в проблемах, отчаянно пытаясь добыть средства распродажи государственных активов и выпуском облигаций с двойной процентной ставкой. Поначалу правительство склонялось к тому, чтобы уступить давлению улицы, и даже развернуло программу общественных работ, в рамках которой многим тысячам безработных платили за бессмысленный труд в городских парках. Без такой программы большинство из этих людей проводили свои дни в безделье, а ночи в грабеже. Однако постепенно власти заняли более твердую позицию, в основном благодаря силе убеждения военного министра генерала Латура. На заседаниях правительства Латур все чаще брал слово первым и говорил дольше всех. Генерал выступал против уступок и твердо верил, что хаос можно преодолеть военными средствами. Он оказался прав.

Но шокирующие новости, достигшие Вены в 3:45 утра 13 июня, не имели к Латуру никакого отношения. Многолетний главнокомандующий расквартированными в Чехии войсками генерал Виндишгрец сообщил по телеграфу, что его полки подверглись нападению в Праге, что в городе революция, на улицах баррикады и он принимает экстренные меры. Министров в Вене депеша Виндишгреца привела в ужас, но им оставалось лишь ждать новых телеграмм. Утром 16 июня очередное сообщение прислал сам телеграфист: «Прага охвачена мятежом. Я больше

Erinnerungen (Stuttgart and Leipzig, 1905), 19.

⁴²⁰ «Вся государственная канцелярия расстроена до основания...» – см. *Diary of Philipp von Neumann*, vol. 2, 281.

⁴²¹ *Die Protokolle des österreichischen Ministerrates*, Abt. 1, 273.

не могу здесь оставаться». Однако тем же вечером он сумел отправить еще одну телеграмму: «Прага охвачена огнем». Вскоре после этого министры поняли, что связь прервалась⁴²².

Пражский мятеж бы отчасти делом рук самого Виндишгреца. Раздосадованный приказом Латура направить часть чешского контингента в Италию, он разместил войска в вызывающей близости к Праге. В этой напряженной обстановке необычная литургия под открытым небом в ознаменование единства всех славян, которую вечером 12 июня отслужил сербский священник на старославянском языке, вылилась в восстание и вооруженное нападение на австрийский гарнизон. Толпа, собравшаяся у дома Виндишгреца, выкрикивала оскорбления. Затем началась стрельба, и одна из пущенных по окнам пуля убила жену генерала. С невероятной отвагой Виндишгрец вышел к мятежникам со словами: «Моя жена лежит в крови, но все же я добром прошу вас разойтись и не вынуждать меня обратить против вас имеющиеся у меня силы и полномочия». Распоясавшиеся негодяи потащили старого генерала к фонарному столбу, намереваясь повесить, но солдаты его отбили⁴²³.

Верный своему слову, Виндишгрец начал обстрел Праги. Под прикрытием артиллерийского огня по улицам и площадям Старого города продвигалась пехота, снося на своем пути баррикады. После трех дней боев сопротивление было сломлено. Виндишгрец распустил Славянский съезд, упразднил правительство Чехии, отменил следующее заседание сейма и объявил военное положение. Под давлением эрцгерцогини Софии, политической единомышленницы Виндишгреца, император Фердинанд задним числом – указом, датированным маем 1848 г., – санкционировал своеволие генерала, наделив его всей полнотой военной и гражданской власти в случае чрезвычайной ситуации.

В Ломбардо-Венецианском королевстве власть Габсбургов уже практически пала. В марте после пятидневных боев командующий контингентом в Италии 80-летний фельдмаршал Радецкий оставил Милан. 22 марта взбунтовавшиеся работники венецианского арсенала раздали оружие восставшим и склонили на свою сторону гарнизон, состоявший преимущественно из итальянцев. Король Пьемонта Карл Альберт, который был одинаково нерешителен и как военачальник, и как конституционный монарх, объявил войну Австрийской империи и вторгся в Ломбардию, которая на плебисците проголосовала за объединение с Пьемонтом. Радецкий был достаточно опытен, чтобы трезво оценить шансы на победу. Не получив подкрепления, он благоразумно отступил в Квадрилатеро, квадрат крепостей южнее озера Гарда, где и закрепился.

Правительство в Вене считало, что в Италии власть Габсбургов удержать невозможно. Министры не отваживались совсем уйти из Ломбардо-Венецианского королевства только лишь из опасения, что его примеру последуют и другие территории. Между тем к концу мая Латур сумел направить в Квадрилатеро первые подкрепления. Даже после этого правительство просило Радецкого не выводить войска из казарм, одновременно пытаясь заключить перемирие с Пьемонтом. Радецкий сухо отвечал через Латура, что ему будет затруднительно соблюдать условия любого перемирия, которое заключит венское правительство. Не выжидая далее, он выступил из Квадрилатеро и в июне занял Венецию, после чего двинулся на запад, на Карла Альберта. В конце июля после продолжавшейся несколько дней битвы при Кустоце Радецкий заставил Карла Альберта отступить, а затем просить мира. Венеция, однако, сопротивлялась больше года и подверглась первой в истории воздушной бомбардировке: Радецкий запустил к городу несколько сотен нагруженных взрывчаткой беспилотных воздушных шаров⁴²⁴.

Новость о победе Радецкого при Кустоце вызвала в Вене бурное ликование, и в августе в честь этого события впервые прозвучал «Марш Радецкого» Иоганна Штрауса. Тем временем

⁴²² Die Protokolle des österreichischen Ministerrates, Abt. 1, 417, 440.

⁴²³ William H. Stiles, *Austria in 1848–49*, vol. 1 (New York, 1852), 385.

⁴²⁴ Die Protokolle des österreichischen Ministerrates, Abt. 1, 505.

в Ломбардии было разогнано демократическое правительство и объявлено военное положение. В сельской местности воцарился террор. Габсбургские солдаты выискивали повстанцев и сочувствующих, отдавая их на публичное истязание и казнь через повешение. Любителям классической музыки, аплодирующим и притопывающим под «Марш Радецкого» в наше время, недурно бы помнить, чему они радуются⁴²⁵.

В Вене продолжались волнения. Несмотря на это, в июне начались выборы в обещанный монархом рейхстаг. В немецкоязычных землях империи уже прошли выборы в германское национальное собрание, собиравшееся во Франкфурте, и в многочисленные местные собрания, которые расширили круг имеющих право голоса с тем, чтобы полнее представлять население, так что все необходимые процедуры были к этому моменту разработаны и хорошо известны. Выборы прошли, соответственно, по двухступенчатой схеме, при которой избиратели сначала собираются на ассамблеи, где (преимущественно в мирной обстановке) голосуют за своих представителей. Затем группы представителей выбирают из своего числа депутата, так чтобы каждый депутат представлял приблизительно 50 000 избирателей первой ступени. Такая двухступенчатая система наряду с избирательным цензом, дававшим право голоса только домовладельцам старше 24 лет (и мужского пола), гарантировали, что большинство депутатов имели весьма умеренные политические взгляды⁴²⁶.

Рейхстаг собрался в Вене в июле и первым делом попросил о возвращении императора из Инсбрука, что вскоре и произошло. Далее депутаты занялись проектом конституции и условиями освобождения крестьян. Хотя Фердинанд еще в апреле обещал отменить крестьянские повинности, не было согласия в том, сколько земли должны получить крестьяне в собственность и какая компенсация положена прежним землевладельцам. Между тем германское национальное собрание во Франкфурте избрало имперским викарием дядю императора Фердинанда, эрцгерцога Иоганна. И хотя оставалось неясным, кому в новой Германии, которую как бы представлял франкфуртский парламент, достанется титул императора, выбор именно Иоганна подсказывал, что на эту роль хорошо подойдет представитель династии Габсбургов.

Чехию привели к покорности, в Ломбардии восстановили власть Габсбургов, император вернулся в столицу, Габсбург стал викарием в Германии, а в Вене заседал рейхстаг. Таким образом, посреди хаоса уже начал вырисовываться новый порядок. Но Венгрия упрямо держалась курса на независимость и разрыв с Австрийской империей. На ней теперь и сосредоточили свое внимание имперские генералы. Виндишгрец, недруг любых представительных институтов, планировал сначала силой усмирить революционную Вену, а затем атаковать Венгрию. Чтобы добиться своего, в конце августа он добавил к списку своих задач еще один пункт – замену императора его племянником, юным Францем Иосифом. Виндишгрец считал, что Фердинанд уже согласился на слишком большие уступки и ему пора освободить трон. Юный Франц Иосиф, пылкий сторонник армии и генералитета, виделся Виндишгрецу очевидным кандидатом на роль преемника.

В апреле 1848 г. Фердинанд признал конституцию Венгрии, получившую название «Апрельские законы». По ней в Венгрии создавалось независимое правительство, в компетенции которого находились все внутренние дела королевства, включая военные и финансовые. В Вене еще верили, что Венгрия неразрывно связана с Австрийской империей и составляет часть «общего государства». Но венгерские лидеры считали, что обязаны хранить верность только венгерскому королю, который по чистой случайности оказался еще и императором Австрии. Закономерным образом они вели себя так, будто Венгрия независима, и отвечали отказом на требования Австрии направить войска и деньги на войну в Италию⁴²⁷.

⁴²⁵ Alan Sked, Radetzky: Imperial Victor and Military Genius (London and New York, 2011), 176.

⁴²⁶ Thomas Stockinger, 'Die Urwahlen zum konstituierenden Reichstag des Jahres 1848', *MIÖG*, 114 (2006), 96–122.

⁴²⁷ Die Protokolle des österreichischen Ministerrates, Abt. 1, 155, 192–3.

Венгерское королевство было многонациональным, и по-венгерски в нем говорило менее половины населения. Оставшуюся часть составляли в основном румыны, сербы, словаки, немцы, русины и хорваты. Степень осознания собственной национальной идентичности и оценка ее важности в политическом смысле варьировали у разных этнических групп. Множество жителей королевства, включая мадьяроязычных, на вопрос о своей национальности отвечали, что они католики или просто «здешние». Словаки на севере Венгрии отождествляли себя либо со своим регионом, либо с более широкой славянской общностью. Многие русины на северо-востоке страны уверенно именовали себя венграми, ни слова не зная по-венгерски, а румынская интеллигенция в Банате предпочитала считать себя «румыноязычными венграми»⁴²⁸.

События 1848 г. ускорили процессы, которые побуждают каждого отдельного человека выбирать, кто он и какому сообществу принадлежит. Многие жители Венгрии не признали власти венгерского правительства, относя себя к более широкой общности австрийцев, или искали отдельного физического пространства для выбранной ими национальности: автономии или вовсе независимого государства. Протоколы первого заседания венгерского правительства, состоявшегося 12 апреля, свидетельствуют, до какой степени обострились такие конфликты. Были заслушаны сообщения о волнениях в Братиславе и словацких горах, начавшихся не без помощи сербских и хорватских агитаторов и разжигаемых, как сообщалось, российской правительственной пропагандой. Тем временем из Хорватии доносили, что ее *бан* барон Йосип Елачич, превысив свои полномочия, собрал в Загребе национальную ассамблею, сабор. Члены правительства согласились, что туда нужно отправить лояльные венгероязычные части, но таких нашлось совсем немного. Какой-то контингент, как выяснили министры, можно было перебросить из Линца, но только если найти пароход⁴²⁹.

Стенограмма этого первого заседания показывает испуг членов венгерского правительства и их жесткую реакцию на любую нелояльность. Компромиссы, безусловно, были возможны, но недоверие все дальше разводило формирующиеся национальные сообщества, так что конфронтация становилась неизбежной. Политическая конкуренция сталкивала венгров с сербами, румынами и словаками, банатских румын с сербами, трансильванских немцев с венграми и т. д. К июлю 1848 г. по всей Венгрии полыхала настоящая война. Первый министр страны граф Лайош Баттяни, не желая остаться бессильным перед лицом мятежников, распорядился начать создание национальной армии. Чтобы финансировать это начинание, министр финансов Лайош Кошут ввел в оборот венгерские банкноты.

Таким образом Баттяни и Кошут сделали еще один важный шаг в сторону независимости. И хотя их действия не противоречили Апрельским законам, венский двор упорно стоял на том, что «существование Венгерского королевства вне Австрийской империи следует признать политически невозможным»⁴³⁰. Для обуздания Венгрии правительство отдало генералу Ференцу Ламбергу приказ подчинить себе все вооруженные формирования на территории страны. К его прибытию в Пешт по городу распространились листовки в виде полицейских объявлений о его розыске. 28 сентября Ламберга, узнанного толпой, изрубили косами на понтонном мосту из Пешта в Буду.

Хорватский бан Йосип Елачич был способным пианистом, средней руки поэтом и плохим генералом. А еще – убежденным хорватским националистом, твердо намеренным разорвать исторические связи Хорватии с Венгрией. В предшествующие десятилетия венгерское

⁴²⁸ Alex Drace-Francis, 'Cultural Currents and Political Choices: Romanian Intellectuals in the Banat to 1848', *Austrian History Yearbook*, 36 (2005), 65–93 (90).

⁴²⁹ Kossuth Lajos összes munkái, ed. Aladár Mód et al. vol. 12 (Budapest, 1957), 22–34.

⁴³⁰ «Существование Венгерского королевства вне Австрийской империи следует признать политически невозможным...» – см. Martyn Rady, 'Lajos Kossuth, Domokos Kosáry and Hungarian Foreign Policy, 1848–49', in 'Lajos Kossuth Sent Word...' *Papers Delivered on the Occasion of the Bicentenary of Kossuth's Birth*, ed. László Péter et al. (London, 2003), 105–17 (111).

государственное собрание постепенно утвердило венгерский в качестве официального языка всего королевства, не обращая внимания на то, что большая часть населения им не владела. Апрельские законы закрепили эту ситуацию, объявив венгерский единственным языком, допустимым при выступлении на государственном собрании, тем самым притеснив и оскорбив хорватских депутатов, которые до того использовали там латынь. Елачич потребовал, чтобы венгерские власти пожаловали Хорватии собственную конституцию и парламент, где все дела будут вестись на хорватском. Венгерские политики встретили хорватские претензии с характерным презрением, а Кошут совсем уж вопиющим образом заявил, что не может найти на карте никакой Хорватии⁴³¹.

Однако при императорском дворе тоже нашлись силы, недовольные программой Елачича, и под их давлением Фердинанд объявил, что «никогда не позволит ничьему своеволию и односторонним решениям ослабить законные связи между землями Венгерской короны». Это означало, что Елачич должен повиноваться распоряжениям венгерского правительства. Однако тот продолжал набирать войска, осуществлял на территории Хорватии диктаторские полномочия и возвращал нераспечатанными все письма от венгерских министров. 10 июня Фердинанд лишил Елачича всех должностей и объявил его изменником. Но у Елачича были друзья в высших сферах. Эрцгерцогиня София писала ему, призывая к твердости, а Латур посылал деньги из имперского военного бюджета на содержание армии. В конце августа венгерское правительство в полной панике предложило Елачичу независимость Хорватии. «Только, – писал Кошут, – будем добрыми друзьями». Однако было уже поздно. 11 сентября Елачич перешел Драву и вторгся в Венгрию⁴³².

С этого момента все пошло по плану Виндишгреца. Венгерское правительство пало, ему на смену пришел Комитет национального спасения под руководством Кошута. Он твердо намеревался защищать независимость Венгрии военными средствами, тем самым подарив Виндишгрецу войну, которой тот и хотел. Фердинанда, возмущенного убийством Ламберга, убедили восстановить Елачича в прежней роли и тем самым одобрить начатую им войну с Венгрией. Несмотря на постоянный приток солдат и денег из Вены, в военном отношении Елачич не преуспел. Преследуемый венгерской армией, он отступил на запад, в Нижнюю Австрию. В октябре запыхала и сама Вена, когда толпа попыталась сорвать отправку солдат на фронт, разобрав железнодорожные пути. Отряды рабочих и студентов ворвались в военное министерство, где шло заседание правительства, вынудив министров бежать. Генерал Латур отказался покинуть свой пост, после чего толпа выволокла его на улицу и растерзала, а тело повесила на фонарном столбе. Революционеры вломились и в Испанскую школу, где заседал австрийский рейхстаг, и угрожали депутатам огнестрельным оружием.

Следуя заранее подготовленному плану, Виндишгрец вывез императорскую семью в моравский город Оломоуц (Олмюц). Рейхстаг был эвакуирован в замок Кромержиз (Кремзир), тоже в Моравии. Призвав законопослушных венцев покинуть город, 26 октября Виндишгрец начал артиллерийский обстрел столицы. К этому обстрелу, унесшему около 2000 жизней, с упоением присоединился Елачич, наконец дождавшийся победы, которая ускользнула от него в Венгрии. На пятый день осажденный город прекратил сопротивление. Виндишгрец вступил в Вену, объявил военное положение и приступил к арестам, казнив несколько десятков революционеров. Одновременно он рассеял в Швехате венгерскую армию, которая двигалась к Вене на помощь восставшим.

⁴³¹ László Péter, *Az Elbától keletre. Tanulmányok a magyar és keleteurópai történelemből* (Budapest, 1998), 75.

⁴³² «Никогда не позволит ничьему своеволию и односторонним решениям...» – см. Macartney, *The Habsburg Empire*, 385; Istvan Deak, *The Lawful Revolution: Louis Kossuth and the Hungarians 1848–1849* (London, 2001), 139. «Будем добрыми друзьями...» – см. Zoltán I. Tóth, 'The Nationality Problem in Hungary in 1848–1849', *Acta Historica* (Budapest), 4 (1955), 235–77 (237).

Осенью 1848 г. Филипп фон Нойман снова был в Англии – погостил в Чатсуорте у герцога Девонширского, наведлся в Хоув к Меттерниху (Лондон показался князю слишком дорогим), с удовольствием посетил прием в Ричмонде. Из-за венских новостей его дневник становится все более горячее:

[8 октября] Кошмарное убийство произошло в Пеште. [13 октября] Из Вены сообщают страшное: революция... Латура забили тесаками и молотками и повесили тело... Правительство в панике. [6 ноября] Похоже, Виндишгрец 1 ноября занял Вену... Императорский дворец и библиотека горели.

Но 9 декабря фон Нойман пишет уже без эмоций: «Сегодня получил известие об отречении второго числа нашего императора в пользу эрцгерцога Франца Иосифа, сына эрцгерцога Франца Карла, отказавшегося от своих прав на корону. Бывший император удалился в Прагу»⁴³³.

Описанные фон Нойманом события, в сущности, представляли собой военный переворот. Для разрешения венгерской проблемы император Фердинанд должен был уйти, поскольку он признал Апрельские законы. К тому же он явно не умел править железной рукой, как того требовали суровые времена. Так считали Виндишгрец и его зять князь Шварценберг, занявший в ноябре пост министра-президента. Шварценберг был политическим единомышленником Радецкого и Елачича, и эти генералы теперь задавали тон в имперской политике. Публиковавшиеся в Вене сатирические памфлеты трактовали императорское WIR («Мы») как аббревиатуру из фамилий генеральского триумvirата – Windischgrätz, Jelačić, Radetzky.

Двор Фердинанда после бегства из Вены находился в Оломоуце. Накануне 2 декабря его приближенные получили приглашение собраться в этот день в архиепископском дворце, где остановилась императорская семья. Там, в зале аудиенций, они стали свидетелями беспрецедентного в габсбургской истории события. Сначала император Фердинанд с огромным достоинством официально отрекся от престола. Затем следующий по старшинству Габсбург, брат Фердинанда Франц Карл, отказался от своих прав на престол. Этот порядочный человек с либеральными симпатиями не особенно ладил с генералами, и к тому же его жена, вездесущая эрцгерцогиня София, настаивала на таком решении. В итоге корона досталась сыну Франца Карла, 18-летнему Францу Иосифу. На дошедшей до наших дней акварели мы видим, как этого подростка выводят вперед мать и тетка, пока Фердинанд и Франц Карл держатся чуть позади. Вокруг импровизированного трона стоят Шварценберг, Елачич и Виндишгрец. Как заметил Шварценберг, своим своеволием генералы спасли Австрийскую империю. Теперь именно они, вместе с призраком убитого Латура, определяли порядок престолонаследия⁴³⁴.

---

⁴³³ Diary of Philipp von Neumann, vol. 2, 297–302.

⁴³⁴ Eugene Bagger, Franz Joseph. Eine Persönlichkeitsstudie (Zurich, Leipzig, and Vienna, 1928), 136.

ИМПЕРИЯ ФРАНЦА ИОСИФА, СИСИ И ВЕНГРИЯ

6 октября 1849 г. во двор главной тюрьмы Пешта вывели бывшего первого министра Венгрии графа Лайоша Баттяни. За то, что он сделал ради независимости Венгрии, австрийский военный суд приговорил его к повешению как изменника, но несколькими днями раньше приговоренный попытался перерезать себе горло. По этой причине суд заменил повешение расстрелом. Баттяни был так слаб, что к месту казни его несли; он умер, обмякнув на стуле. Несколькими часами раньше, в половине шестого утра, в замке Арад казнили, в основном через повешение, 13 генералов бывшей армии независимой Венгрии, также обвиненных в государственной измене. Такая казнь на виселице была мучительной, потому что смерть наступала не от моментального перелома шеи, а от медленного удушения. Кроме того, она была унижительной, поскольку жертва извивалась в агонии, а в последний момент обычно происходило опорожнение кишечника.

Казни графа Баттяни и венгерских генералов обозначили конец кровавой войны между Венгрией и Габсбургами, начавшейся вторжением Елачича. Венгрия сопротивлялась почти год: Кошут мастерски мобилизовал на оборону все ресурсы и венгероязычное население страны, а его армией командовали умелые военачальники. Вместе с тем только в апреле 1849 г. венгерское правительство формально объявило Венгрию независимой, низложив «клятвопреступный дом Габсбургов» и назначив Кошута правителем-президентом. До того момента венгерские политики придерживались убеждения, что действуют в своем праве согласно Апрельским законам, признанным императором Фердинандом.

Наконец, в июне 1849 г. по просьбе нового австрийского императора Франца Иосифа (1848–1916) в Венгрию вторглась русская армия. Под натиском российского генерала Паскевича, ударившего с севера, и австрийского генерала фон Гайнау, наступавшего с запада, сопротивление было сломлено. Кошут тем временем бежал в Турцию. Остаток своей долгой жизни (умер в 1894 г.) он посвятил обличению габсбургского правления в Венгрии, пленяя своим ораторским искусством целые залы в Великобритании и США. Его утверждение, будто английский он выучил, читая Шекспира в тюрьме, необязательно соответствовало действительности, но вызывало уважение к оратору и способствовало делу свободной Венгрии. В 1851 г. Кошуту устроили восторженный прием в Англии. В каждом городе, где он выступал, его приветствовали десятки тысяч людей. Когда же в Лондон приехал генерал фон Гайнау, возчики пивоварни Barclay and Perkins подкараулили его, забросали навозом и прогнали по всей Боро-Хай-стрит⁴³⁵.

Казнь Баттяни и генералов была делом рук молодого Франца Иосифа, отвергшего предложение собственных министров о широкой амнистии. По мнению императора, время «эшафотов и резни», как описал тот момент один бывший министр-президент, еще не прошло, так что он предоставил фон Гайнау полную свободу действий на территории Венгрии. За этим последовала добрая сотня казней и несколько тысяч приговоров к длительным срокам заключения. Даже после указания австрийского министра-президента князя Шварценберга воздерживаться от казней, фон Гайнау не остановился, пока его наконец не отправили в 1850 г. в отставку. Он был достаточно бестактен, чтобы после отставки купить себе поместье в Венгрии, и так и не смог понять, почему соседи не приглашают его в гости⁴³⁶.

⁴³⁵ Tibor Frank, 'Marketing Hungary: Kossuth and the Politics of Propaganda', in 'Lajos Kossuth Sent Word...' Papers Delivered on the Occasion of the Bicentenary of Kossuth's Birth, ed. László Péter et al. (London, 2003), 221–49.

⁴³⁶ Ágnes Deák, *From Habsburg NeoAbsolutism to the Compromise 1849–1867* (Boulder, CO, and New York, 2008), 75–6; об «эшафотах и резне» см. Joseph Redlich, *Emperor Francis Joseph of Austria: A Biography* (London, 1929), 64; Róbert Hermann,

Чрезвычайный порядок управления сохранялся в Венгрии до 1854 г., а некоторые виды преступлений еще несколько лет после этого подпадали под юрисдикцию военных судов. В довершение всего деление страны на комитаты было упразднено в пользу системы административных округов, управляемых чиновниками австрийского министерства внутренних дел. Хорватия, Трансильвания и Банат вместе с соседней Воеводиной подчинялись теперь напрямую Вене как коронные земли. Все органы самоуправления были упразднены, а языком делопроизводства стал немецкий. Задачи, прежде решавшиеся комитатами и дворянами-землевладельцами, отошли в ведение чиновников, в немалой части набранных из других областей Австрийской империи.

Деление Венгрии на округа, управляемые из Вены, было частью плана, который Шварценберг (или кто-то из его приближенных) составил еще в декабре 1848 г. В других областях империи процесс не был столь упорядоченным. Одним из первых своих указов Франц Иосиф распустил рейхстаг, заседавший в Кромержиже. Ранним утром 7 марта 1849 г. солдаты с прикнутыми штыками вошли в замок, где проходили заседания, и перекрыли входы, после чего прочесали город, арестовав нескольких наиболее радикальных депутатов. Вместо разработанного рейхстагом проекта конституции Франц Иосиф ввел свою, более соответствующую, как он пояснял, духу времени и не столь проникнутую чуждыми Австрии отвлеченными идеями⁴³⁷.

В каком-то смысле мартовский указ о введении конституции был прогрессом. Он служил централизации государства, так как предполагал один выборный парламент для всей Австрийской империи, включая Венгрию, единое правительство и одну коронацию. Император сохранял значительную власть, но при этом предусматривалось несколько уровней выборных институтов, которым передавались определенные полномочия. Новая конституция, кроме того, подтверждала отмену крестьянских повинностей, ранее объявленную рейхстагом, равенство граждан перед законом и то, что «все национальные группы равны и каждая из них имеет неотъемлемое право сохранять и развивать свой национальный язык и культуру»⁴³⁸.

Но при всех ее достоинствах эта конституция была циничной уловкой. Франц Иосиф намеревался войти в историю, и его манила мечта Шварценберга соединить Австрийскую империю с Германским союзом, создав в Центральной Европе крупное территориальное образование, политическое главенство в котором будет за габсбургским императором. Чтобы склонить германских князей к этой идее, Францу Иосифу нужно было показать себя конституционалистом, готовым ограничить свою власть законом. Однако к середине 1851 г. стало ясно, что германские правители не пойдут на слияние с Австрийской империей, но предпочтут сохранить Германский союз, учрежденный в 1814 г. после поражения Наполеона. К этому времени Франц Иосиф уже бросал завистливые взгляды на Наполеона III, который, согласно восторженному описанию австрийского императора, «решительно взял бразды правления в свои руки» и стал «чем-то значительно большим, чем машиной для подписания бумаг»⁴³⁹.

Мартовская конституция вводилась в действие черепашим темпом, а ее положения о выборном местном самоуправлении подверглись решительному урезанию. Наконец, в последний день 1851 г. Франц Иосиф обнародовал серию распоряжений, известную впоследствии как «патент Сильвестра» (Silvesterpatent; 31 декабря – День святого Сильвестра, патент – тип императорского указа). Эти документы полностью отменяли мартовскую конституцию и передавали всю законодательную власть в руки самого императора. Переворот завершился после смерти

⁴³⁷ 'Haynau tábornagy', Múlt és jövő, no. 2 (1999), 89–107 (103).

⁴³⁸ HHStA Kabinettsarchiv. Kabinettskanzlei Geheimakten. Nachlass Schwarzenberg, Karton 10, fasc. 4, no. 200, fols. 97–108 (16 December 1848); *Allgemeine Zeitung* (Augsburg), 12 March 1849, 1085; *Wiener Zeitung*, 8 March 1849.

⁴³⁹ Reichsverfassung für das Kaiserthum Österreich (Vienna, 1849).

⁴⁴⁰ Rudolf Kiszling, Fürst Felix Schwarzenberg. Der politische Lehrmeister Kaiser Franz Josephs (Graz and Cologne, 1952), 128–9.

Шварценберга в апреле 1852 г., когда Франц Иосиф объявил себя еще и министром-президентом.

Патент Сильвестра положил начало десятилетию неоабсолютизма (или неоцезаризма), на протяжении которого Франц Иосиф правил как диктатор. Оба эти термина возникли много позже, а в то время тип правления, установленный им, называли просто абсолютизмом или, более четко, бюрократическим абсолютизмом, поскольку свою волю император навязывал посредством административного аппарата. Однако у бюрократов при этом были и собственные политические задачи, состоявшие в выполнении программы реформ Иосифа II, с ее верой в мудрое государственное управление и направляемый сверху социально-экономический прогресс. Они даже нашли себе соответствующее название – «партия Просвещения»⁴⁴⁰.

В 1850-х гг. число государственных служащих в габсбургской империи составляло около 50 000 человек, но это с учетом младших и вспомогательных должностей. Около 10 000 из них принадлежали к более высокому «политическому составу» (Konzeptdienst), почти всегда с университетским образованием, преимущественно юридическим. Чиновники на верхних уровнях иерархии в огромном большинстве обладали либеральными взглядами и наклонностями, почти поголовно состояли в читательских клубах, а в ходе событий 1848 г. относились к лагерю политических реформаторов. Их либерализм заключался в идее расширения возможностей отдельной личности за счет системы образования, равенства перед законом, свободы печати, свободы собраний и устранения экономических ограничений. Сильное государство в их глазах служило проводником либеральных реформ, и они были готовы идти ему на уступки – одной из первых таких уступок стала свобода печати. Однако приветствуя всестороннее вмешательство государства, чиновники «раскармливали» его, превратив в Левиафана, уничтожившего все личные свободы, за которые они, как либералы, должны были выступать⁴⁴¹.

Бюрократический абсолютизм достиг немалых успехов: он, по выражению одного историка, «осуществил мечты иозефизма». Появлялись новые научные учреждения, на шахтах и фабриках вводились правила безопасности, возникла почтовая служба с использованием марок, строились шоссе, телеграфные линии и железные дороги. К 1854 г. было уложено 1000 км путей, а построенную в 1832 г. линию Линц – Ческе-Будеёвице (Будвайс) перевели с конной тяги на паровую. На сооружение шоссе всего за три года пошло почти 10 млн кубометров породы. Специалисты из Комиссии по общественным работам Лондона помогли углубить и спрямить русла Дуная и Тисы. Развитию инфраструктуры способствовал бурный рост угольной и сталелитейной промышленности, формирование крупного банковского сектора и снятие внутренних таможенных барьеров, превратившее Австрийскую империю в единый рынок. Преобразилась и сама Вена: старые городские стены срыли, а на их месте проложили широкую Рингштрассе, где начали селиться представители нового класса промышленников и предпринимателей, порожденного экономической модернизацией⁴⁴².

Иосиф II освободил крестьян лишь в том смысле, что они могли покидать свою землю и вступать в брак без согласия земельного собственника. Но их наделы по-прежнему оставались в собственности этого лица, так что крестьяне должны были платить ему ренту и отбывать трудовые повинности. В первые месяцы революции венгерский парламент твердо пообещал отдать землю работающим на ней крестьянам, но в других частях империи крестьяне получали лишь расплывчатые и половинчатые посулы, а условия освобождения должны были проясниться только после созыва рейхстага. Трудность состояла в том, что собственни-

⁴⁴⁰ J. F. Faber, Joseph II. und Franz Joseph I. Eine historische Parallel (Stuttgart, 1863), 51; *Allgemeine Zeitung* (Augsburg), 15 January 1868, 212; Waltraud Heindl, *Josephinische Mandarine. Bürokratie und Beamte in Österreich* (Vienna, Cologne, and Weimar, 2013), 36.

⁴⁴¹ Gyula Szekfű, *Három nemzedék. Egy hanyatló kor története* (Budapest, 1920), 239, 258–60.

⁴⁴² «Осуществил мечты иозефизма...» – см. Robin Okey, *The Habsburg Monarchy c. 1765–1918: From Enlightenment to Eclipse* (Basingstoke and London, 2001), 166.

кам земли нужно было как-то компенсировать ее потерю, а участки, которые обрабатывали крестьяне, имели разный юридический статус: одни на протяжении многих поколений представляли собой наследственные крестьянские владения, другие арендовались у феодала по договору, третьи были общинными; некоторые поля ныне живущие крестьяне расчищали и распахивали своими руками.

Рейхстаг уклонился от обязанности обеспечить освобождение крестьян, спрятавшись за общими фразами. Однако после 1849 г. правительство решительно взялось за проблемы, связанные с отменой крестьянских повинностей. Наследуемые земли полностью передавались в собственность крестьянам, и никакой выплаты за них помещику не назначалось. За прочие земли прежние хозяева получали компенсацию, основную долю которой брало на себя государство, которое выпускало и постепенно распространяло целевые облигации. Условия компенсации прорабатывали особые комиссии, для чего новые землевладельцы-крестьяне должны были вносить в земельный кадастр детальные описания своих наделов. В кадастр вносились и сведения об обременениях – сдана ли собственность в аренду или заложена; все эти данные зачастую оспаривались соседями, родственниками или арендаторами. Только в Венгрии во второй половине XIX в. суды редко разбирали меньше 300 000 земельных споров в год, а число ожидавших рассмотрения исков обычно превышало 1 млн⁴⁴³.

Прежде мелкие тяжбы такого рода рассматривались в первой инстанции манориальными судами, но с исчезновением феодальных пережитков исчезли и эти суды вместе с их безвозмездным вкладом в управление сельской местностью. Заполняя эту брешь, государству пришлось учредить 1500 новых судов и надзорных учреждений по всей империи. В деревни командировали чиновников, которые должны были следить за исполнением директив центра. Работа эта была непростой. Министр внутренних дел Александр Бах распорядился, чтобы в Венгрии гражданские чиновники носили неудобную униформу, сшитую по образцу венгерского кавалерийского обмундирования, но она обходилась в полугодовое жалование чиновника и вызывала насмешки над «гусарами Баха». Убогий быт и нехватка средств к существованию скоро заставляли такого чиновника понять, что в реалиях современной деревни исполнение его должностных обязанностей невозможно. Один из «гусар Баха», прибыв на место службы, обнаружил, что в этом венгерском селении нет тюрьмы, а осужденные содержатся без охраны на постоялом дворе, получая ежедневное пособие на еду⁴⁴⁴.

В своих инструкциях для гражданских чиновников Бах подчеркивал важность стабильности, рутины и предсказуемости работы юридического и административного аппарата. Для этого в 1850-х гг. действие австрийского гражданского права распространили на всю территорию Австрийской империи, заменив им путаные и по большей части неписанные обычные законы Венгрии и Трансильвании. Но любой закон приходилось адаптировать к местным условиям, что-то в нем меняя, отчего право теряло универсальность и систематичность. Хуже этого, при той мешанине служебных циркуляров, справочников, разъяснений, эдиктов и поправок, что непрерывно поступали из центра, закон еще более утрачивал определенность и его применение в каждом отдельном случаях давало непредсказуемые результаты. Озадаченные чиновники нередко обращались за разъяснениями наверх, так что даже пустяковые дела попадали на стол к Баху и не получали никакого разрешения⁴⁴⁵.

Но и на самом верху также не было никакой определенности. Франц Иосиф не был подотчетен никому; его власть не ограничивалась ни конституцией, ни какими-либо государственными институтами. Он оказался не очень способным правителем, но был уверен в собственной мудрости. В начале 1852 г., к изумлению британского посла, он, несмотря на гололед,

⁴⁴³ Lajos Králik, *A magyar ügyvédség. Az ügyvédi kar*, vol. 1 (Budapest, 1903), 265–8.

⁴⁴⁴ Anon. (Josef Witzdalek), *Acht Jahre Amtsleben in Ungarn von einem k. k. Stuhlrichter in Disponibilität* (Leipzig, 1861), 15, 23.

⁴⁴⁵ Heindl, *Josephinische Mandarine*, 56; MNL OL O142 Justizministerium. Akten-Ungarn, fasc. 1–2, passim.

настоял на проведении кавалерийского парада на мостовой перед Шенбруннским дворцом, хотя его предупреждали, насколько это опасно. Лошади, поскальзываясь, падали, и два кирасира погибли. Во внешней политике шаги Франца Иосифа были не менее губительными. Он не поддержал царя Николая I во время Крымской войны (1853–1856), подведя союзника, который пришел ему на помощь в 1849 г., но не встал и на сторону его врагов, Англии и Франции. Оказавшись в дипломатической изоляции, император стал легкой добычей Наполеона III. В 1859 г. французская армия легко захватила Ломбардию, которую Наполеон присоединил к королевству Пьемонт в обмен на Ниццу и Савойю. Совсем не на пользу делу пошло то, что в самый разгар кампании Франц Иосиф лично занял пост главнокомандующего. Его распоряжения напрямую привели к бойне в битве при Сольферино. Еще через два года король Пьемонта захватил управлявшиеся Габсбургами герцогства Пармское, Моденское и Тосканское, после чего провозгласил себя королем Италии⁴⁴⁶.

В апреле 1859 г. рухнул Австрийский национальный банк, отказавшись обеспечивать собственные банкноты. Франц Иосиф считал банк «большой государственной казной», брал из него сколько хотел и просто не понял, что происходит, когда несколькими месяцами раньше его представителям отказали в займе на лондонском финансовом рынке. Банкиры не собирались кредитовать не подотчетного никому монарха. Ансельм Ротшильд высказался без обиняков: «Нет конституции – нет денег». Министр финансов Франца Иосифа Карл Людвиг фон Брук развил эту мысль. Он писал, что абсолютистский эксперимент не оправдал ожиданий и не смог направить энергию Австрийской империи в нужное русло. Централизацию, по его мнению, следовало «придержаться» и дать стране конституцию – «разумную и устойчивую», но не такую, чтобы она воскрешала отжившие обычаи прошлого⁴⁴⁷.

Конечно же, Франц Иосиф сделал именно то, от чего его предостерегал Брук. Небрежно сообщив матери, что «у нас теперь появится кое-какой парламентаризм», он возродил старинное учреждение – рейхсрат, или имперский совет, наполнив его своими приятелями-аристократами в надежде, что это сойдет за парламент. Чтобы обман вышел убедительнее, Франц Иосиф снова созвал ландтаги. Они должны были направить в рейхсрат своих представителей – но лишь тех, кого одобрит император. В октябрьском дипломе 1860 г. (диплом – торжественный декрет, более важный, чем патент), Франц Иосиф объявил, что его бутафорская конституция «вечна и незыблема», но банкиры по-прежнему отказывали ему в кредитах. Сменивший фон Брука на посту министра финансов Игнац фон Пленер занял твердую позицию. Финансовая стабильность, объяснял он императору, может быть достигнута лишь там, где правительство не вмешивается в работу национального банка, а заимствование средств контролируют по-настоящему выборные органы власти⁴⁴⁸.

Франц Иосиф уступил. Забыв про «вечную и незыблемую» конституцию из октябрьского диплома, он обнародовал так называемый февральский патент 1861 г. Формально он был пояснением к октябрьскому диплому, но на деле учреждал в Австрийской империи настоящий парламент, хотя и сохранивший старое название «рейхсрат». Совет состоял из двух палат: верхней, в которой заседали аристократы и представители церкви, и нижней, состоявшей из делегированных ландтагами депутатов, чье одобрение было необходимо для любого законопроекта. Новые правила, обнародованные тогда же, определили порядок выборов в ландтаги, распространив избирательное право на почти четверть взрослого мужского населения и введя сложную систему голосования, обеспечивающую преимущество немецкоязычному населению.

⁴⁴⁶ О сообщении британского посла см. Jonathan Steinberg, *Bismarck: A Life* (Oxford, 2011), 152.

⁴⁴⁷ *The Bankers' Magazine and Statistical Register*, vol. 15 (New York, 1860–61), 720; Pieter Judson, *Exclusive Revolutionaries: Liberal Politics, Social Experience, and National Identity in the Austrian Empire, 1848–1914* (Ann Arbor, MI, 1996), 75; совет фон Брука впоследствии опубликован как Anon., *Die Aufgaben Österreichs* (Leipzig, 1860), 39, 70.

⁴⁴⁸ Fritz Fellner, 'Das Februarpatent von 1861', *MIÖG*, 63 (1955), 549–64 (552); речь Пленера о работе национального банка изложена в *Pressburger Zeitung* от 20 декабря 1861 г.

Февральский патент сохранил за императором значительный объем власти: среди прочего в его ведении остались армия и внешняя политика. Но главное – он лично формировал правительство и министры были ему подотчетны. На министерские посты Франц Иосиф неизменно ставил бюрократов, а не политиков. Имея опыт работы в административном аппарате, они с большей вероятностью оставались лояльными императору. Кроме того, профессионализм Франц Иосиф ставил выше политической позиции. Таким образом, большую часть важных политических решений по-прежнему принимала бюрократическая элита. В дополнение ко всему новые законы нередко принимались в форме административных декретов, которые вообще не проходили через парламентское рассмотрение. Бюрократический абсолютизм уступил место не демократическим институтам, а бюрократическому конституционализму⁴⁴⁹.

У руля бюрократической машины остался человек, называвший сам себя «первым чиновником» своей империи. Он принимался за работу в пять утра: разбирал бумаги, вносил исправления в документы правительства, а зачастую и вовсе переписывал их наново. Эта деятельность прерывалась совещаниями с министрами и, дважды в неделю, аудиенциями, на которые имел право прийти любой подданный. Здесь очень пригождались его бюрократические навыки: особая картотека позволяла императору отслеживать всех просителей – обращался ли он ранее, а если да, то с какой просьбой и что было для него сделано. Весь день Франц Иосиф поддерживал себя виргинскими сигаретами и кофе, лишь к старости заменив их слабыми сигарами и чаем. Знания, которые он накопил о государственных делах, были необъятны, но хранились в его памяти безо всякой системы; зачастую в первую очередь ему вспоминались какие-то протокольные мелочи⁴⁵⁰.

Франц Иосиф крайне дорожил главенством Австрии в Германском союзе, потому что оно служило инструментом распространения габсбургской власти до Балтийского и Северного морей, а также символизировало династическую преемственность с бывшей Священной Римской империей. Еще в 1863 г. Франц Иосиф надеялся, что ему предложат германскую императорскую корону. Но на лидерство в Германии претендовала и Пруссия, о чем с характерным пылом заявлял ее посол при Германском союзе Отто фон Бисмарк. В 1862 г., накануне своего назначения первым министром Пруссии, Бисмарк в Лондоне рассказывал британскому консерватору Бенджамину Дизраэли, как он намерен реорганизовать прусскую армию. А затем, продолжил он, «я под первым же предлогом объявлю войну Австрии, распушу Германский союз, обуздаю мелкие немецкие государства и объединю их в великую Германию, предводительствуемую Пруссией. Я прибыл, чтобы сообщить об этом кабинету Ее Величества». Но Бисмарк сообщил об этом не только британскому правительству – наряду с Дизраэли в комнате находился посол Австрии⁴⁵¹.

В случае с Францем Иосифом предупрежденный так и не вооружился. В 1866 г. Пруссия, ухватившись за самый ничтожный предлог, объявила Австрийской империи войну и в молниеносной кампании за семь недель разбила армию Габсбургов. Союзник Пруссии итальянский король тоже оказался в выигрыше, хотя его флот и потерпел поражение в морском бою у адриатического острова Лисса (Вис), где впервые были применены броненосные корабли. Италия получила Венецию, а все немецкие государства к северу от реки Майн Бисмарк собрал в новый Северогерманский союз, возглавленный Пруссией. Не прошло и пяти лет, как южногерманские государства тоже уступили, присоединившись к провозглашенной Бисмарком Германской империи. Древняя, как сама династия, связь Габсбургов с немецкими землями, пережившая и Наполеона, и 1848 год, все же была разорвана.

⁴⁴⁹ László Péter, 'The Hungarian Dietalis Tractatus and the Imperial Constitutional Systems: A Comparison', *Central Europe*, 6 (2008), 47–64 (57).

⁴⁵⁰ Jean-Paul Bled, *Franz Joseph* (Oxford and Cambridge, MA, 1992), 200–2.

⁴⁵¹ Steinberg, *Bismarck*, 174; A. J. P. Taylor, *Bismarck: The Man and the Statesman* (London, 1968), 39.

Менее чем за 20 лет Франц Иосиф потерял Ломбардию, Венецию и Германский союз. От Австрийской империи осталось только ее центральноевропейское ядро. А в довершение всего ей грозила еще одна крупная потеря: Венгрия вовсе не смирилась. Там постоянно ходили раздуваемые Кошутом из-за границы слухи о восстании. Вся суровость австрийского владычества отразилась в одном жесте правителя Венгрии эрцгерцога Альбрехта. Когда в 1858 г. делегация граждан попросила его восстановить старинную венгерскую конституцию, он выхватил шпагу и провозгласил: «Вот вам моя конституция!» Неудивительно, что созданное в 1861 г. государственное собрание, которое должно было избрать депутатов в рейхсрат, решительно отказалось это делать и даже подняло вопрос о том, законно ли Франц Иосиф занимает венгерский трон. Таким образом, в рейхсрате, собравшемся во временном деревянном здании на Рингштрассе, не хватало 85 депутатов. В надежде сломить сопротивление венгров Франц Иосиф ужесточил меры принуждения, но в ответ получил массовый отказ от уплаты налогов⁴⁵².

Удержать Венгрию Габсбургам помогло вмешательство двух политиков. Первым был адвокат и политик Ференц Деак. По мнению Деака, венгерское законодательство имело два источника – Апрельские законы 1848 г., закрепившие независимость Венгрии, и Прагматическую санкцию Карла VI, которая провозгласила Венгрию «неотъемлемой и неделимой» частью габсбургских владений. Потому необходим был компромисс, примиряющий два этих документа, и Деак его нашел. Вторая фигура, выступившая на стороне Венгрии, была более неожиданна: это жена Франца Иосифа императрица Елизавета, вышедшая замуж всего в 16 лет в 1854 г.

По словам камердинера Франца Иосифа, Елизавета, или, как ее называли, Сиси, была «далеко не идеальной супругой». Своенравная и эгоистичная, она упивалась собственной красотой. Исполнив свой долг с рождением наследника, она пустилась путешествовать, перемещаясь между модными курортами, Англией и островом Керкира. Она часто заезжала в Монте-Карло, где играла в казино, и совершала длительные круизы по Средиземноморью, в память о чем сделала на своем плече татуировку в виде якоря. Рассказывают о ней и немало неправды. Большую часть жизни она сохраняла диаметр талии 42 см, но не была ни слишком худой для обычных в то время корсетов, ни анорексичкой. Хотя время от времени она придерживалась диеты, обычно Сиси плотно завтракала, запивая еду вином, на обед ела мясо, но почти не ужинала, потому что к вечеру кофе и сигареты отбивали у нее аппетит (курила она не переставая, даже в парадной императорской карете). Однако при этом Сиси ревностно занималась физическими упражнениями, имела в Хофбурге свой гимнастический зал, где доньше сохранились ее перекладина и кольца, и была прекрасной наездницей. В английском Нортгемптоншире она участвовала в псовой охоте, но вряд ли – несмотря на многозначительную обмолвку в дневнике одной из ее дочерей – имела роман с шотландским наездником по имени Бэй Миддлтон. Камердинер Франца Иосифа также намекал на ее интрижки, и ей действительно случалось держаться с мужчинами накоротке, но, кроме этого, нам ничего не известно⁴⁵³.

В родной Баварии Сиси не получила систематического образования: у ее отца была странная уверенность, что со временем девочка поступит в цирковую труппу, и поэтому постигать науки ей приходилось в основном самостоятельно. Она свободно говорила на английском, венгерском и новогреческом, а также писала изящные романтические стихи в духе Гейне, чье творчество она, по общему мнению, прекрасно изучила. Франц Иосиф, напротив, был скучным субъектом. Неправда, что он читал только списки армейских офицеров – император просмат-

⁴⁵² «Вот вам моя конституция!» – см. Péter, 'The Hungarian Dietalis Tractatus', 56.

⁴⁵³ О «далеко не идеальной супруге» см. Cissy Klastersky, *Der alte Kaiser wie nur Einer ihn sah* (Vienna, 1929), 37–8; Sabine Fellner and Katrin Unterreiner, *Morphium, Cannabis und Cocain. Medizin und Rezepte der Kaiserhauses* (Vienna, 2008), 108–17; Exhibition 'Tabak beim Hof', Frastanz bei Feldkirch, 6–21 October 2007; John Welfare, *The Sporting Empress: The Story of Elizabeth of Austria and Bay Middleton* (London, 1975), 133; Marie Valérie von Österreich. *Das Tagebuch der Lieblingstochter von Kaiserin Elisabeth*, ed. Martha and Horst Schäd (Munich, Berlin and Zurich, 2005), 141.

ривал и военные приложения к газетам. Он фанатично придерживался этикета, в основном потому, что иначе не знал, как себя вести. Хотя слухи, будто в брачную ночь он предстал перед невестой в парадном офицерском обмундировании, скорее всего, лживы, на охоты, устраиваемые женой, Франц Иосиф выезжал в традиционных баварских Lederhosen. У Франца Иосифа случались увлечения, но вряд ли был роман с грузной актрисой фрау Шратт, которую многие считают его любовницей. Он предпочитал замужних дам из среднего класса, которых навещал у них дома, платя мужьям за потворство.

Письма Франца Иосифа к Сиси (они сохранились, а вот ее к нему нет) проникнуты огромной нежностью и привязанностью. Он называет жену «мой ангел небесный», «моя драгоценная» и «светлая душа», а подписывается «твой малыш» или «карлик» (Männeken): он был ниже ее ростом. Они обсуждали семейные новости и слухи, у них были свои шутки, а фрау Шратт они называли «подружка» или, за ее приступы ярости, «военный министр». В своем кабинете император повесил портрет жены в свободном платье, с волосами, волнами спадающими к талии, и лишь тенью улыбки на губах. (В жизни ее волосы достигали лодыжек, и, улыбаясь, она никогда не размыкала губ, боясь показать кривые зубы.) При этом встречи Франца Иосифа и Сиси нередко принимали бурный и даже буйный характер, с метанием предметов мебели. Очевидно, лучше всего отношения супругов складывались на расстоянии⁴⁵⁴.

Венгрию Сиси впервые посетила в 1857 г. – и пришла в восторг от отсутствия жесткого этикета. Свободная от всякого надзора, она могла резвиться там с цыганами и циркачами, наслаждаясь внимательной галантностью венгерских дворян. Она познакомилась с самым влиятельным аристократом страны, графом Андраши, и с адвокатом Ференцем Деаком: оба они хотели вступить в переговоры с Францем Иосифом. Сиси рекомендовала их императору. Хотя Андраши лишь недавно был помилован как участник Венгерской войны за независимость, Сиси сумела убедить мужа встретиться с ним. К собственному удивлению, император увидел в графе «отважного, благородного и богато одаренного» человека. Также по настоянию Сиси Франц Иосиф тайно встретился с Деаком, а потом в зашифрованном послании сообщил жене содержание разговора. Больше года императрица выполняла миссию посредника между венгерскими политиками и императором и укрепила в обеих сторонах решимость прийти к соглашению. Не выходя на авансцену, она уговаривала императора проявить гибкость, особенно в своих письмах, где прямо говорилось, как ему поступать⁴⁵⁵.

Вмешательство Сиси не стало решающим, так как Францу Иосифу все равно со временем пришлось бы договариваться с Венгрией, но императрица устраивала встречи, которые помогли найти решение, и поработала над тем, чтобы ее муж стал лучше относиться к венгерским лидерам. Итогом стал Австро-венгерский компромисс 1867 г. Разработанное Деаком соглашение давало Венгрии независимость, оставляя ее в составе Габсбургской империи и тем самым примиряя Апрельские законы с Прагматической санкцией. Компромисс давал королевству собственное правительство и парламент с аристократической верхней палатой и выборной нижней, однако назначал правительство император – как венгерский король. Для удовлетворения требований венгров в состав королевства полностью включалась Трансильвания, а австрийский гражданский кодекс заменялся венгерскими законами. В июне 1867 г. Франца Иосифа и Елизавету короновали королем и королевой Венгрии, по очереди возложив им на головы священную корону Святого Стефана, причем Елизавете тоже вручили скипетр и державу. До того дня королевы Венгрии подобной чести не удостоивались⁴⁵⁶.

В том же 1867 г. Франц Иосиф обнародовал конституции для обеих половин империи. С этого момента империя Габсбургов состояла из двух равноправных частей – Венгрии и осталь-

⁴⁵⁴ Briefe Kaiser Franz Josephs an Kaiserin Elisabeth 1859–1898, ed. Georg Nostitz-Rieneck, 2 vols. (Vienna and Munich, 1966).

⁴⁵⁵ Briefe Kaiser Franz Josephs, vol. 1, 38, 41.

⁴⁵⁶ Sándor Márki, Erzsébet Magyarország királynéja 1867–1898 (Budapest, 1899), 57–8.

ных земель, куда входили Австрия, Чехия, польская Галиция, Адриатическое побережье и т. д. У второй половины не было очевидного названия, поэтому официально она именовалась «Земли и королевства, представленные в рейхсрате», а неофициально – Цислейтанией (то есть «этим берегом Лайты»: по реке Лайте проходила западная граница Венгрии). При этом части оставались «неразделимыми и неделимыми» в понимании Прагматической санкции. Внешняя политика и оборона считались «общими вопросами» и управлялись «общими министерствами»: иностранных дел и военным, к которым добавилось третье – министерство финансов, задачей которого было финансирование двух первых. Во всем остальном два правительства были самостоятельны, и для первого министра Венгрии его венский коллега был всего лишь «высокопоставленным иностранцем». Поскольку у Венгрии теперь было свое правительство, название империи изменилось: Австрийская империя превратилась в Австро-Венгерскую (или кратко: Австро-Венгрию). Эпитет «императорско-королевский» (*kaiserlich-königlich*, или сокращенно *k. k.*) также сменился на «императорский и королевский» (*kaiserlich und königlich*, или *k. u. k.*), в соответствии с новым статусом Венгрии.

Над правительствами стоял коронный совет: три общих министра, первый министр Венгрии, министр-президент Цислейтании плюс любые фигуры, которых император сочтет нужным в него включить. Коронный совет был инструментом, позволяющим императору контролировать внешнюю политику и армию. В новой Австро-Венгерской империи (или «двойной монархии») были парламенты, и «по эту сторону Лайты» сохранялись ландтаги, но не было парламентского правления. Император самостоятельно вел внешнюю политику и руководил армией – при самом незначительном парламентском надзоре. У Франца Иосифа с некоторыми оговорками сохранялось и право вводить законы своими декретами, то есть он мог пренебрегать парламентскими процедурами или подменять их. В сложные моменты он даже имел право приостановить полномочия рейхсрата в Вене (но не венгерского государственного собрания) и назначать министров без одобрения депутатов. По меньшей мере в этом смысле абсолютизм сохранялся.

Но важнее было то, что сохранилась империя, и дело было не только в том, что удалось найти политическую формулу, удовлетворяющую желания Венгрии. Франца Иосифа в Венгрии не любили, в первую очередь не забыв ему казнь своих генералов, но обаяние Сиси и ее пламенное увлечение Венгрией примирили венгров с властью Габсбургов. Она стала их королевой – говорила на их языке, одевалась в их национальное платье и охотилась в их полях. В 1866 г. Сиси попросила мужа купить для нее дворец Гёдёллэ в пригороде Пешта. Он отказал, брюзжа о трудных временах и необходимости на всем экономить. На следующий год новое венгерское правительство во главе с графом Андраши выкупило для Сиси этот дворец как подарок от всей страны по случаю коронации⁴⁵⁷.

Андраши прекрасно понимал, что Сиси сделала для соглашения 1867 г. между императором и Венгрией. Однако к другим народам новой Австро-Венгерской империи императрица не проявляла особого интереса, а чехов и итальянцев открыто презирала. Впрочем, ее непоследовательность и взбалмошность не должны заслонять того, как ее участие в решении венгерского вопроса вписывалось в более общую модель поведения монархини. Из-за королевы Виктории (1837–1901), императрицы Марии Терезии и императрицы Екатерины Великой (1762–1796) XVIII и XIX века часто кажутся нам эпохой доминирования женщин-правительниц. На самом же деле в это время правящих королей было меньше, чем в более ранние столетия, а в бурбоновских Франции и Испании, а также в Швеции (после 1720 г.) и Пруссии женщины были официально лишены возможности наследовать престол⁴⁵⁸.

⁴⁵⁷ Об отказе императора приобрести дворец Гёдёллэ см. *Briefe Kaiser Franz Josephs*, vol. 1, 58.

⁴⁵⁸ Мнение Андраши см. в Egon Cesar Corti, *Elisabeth, die seltsame Frau* (Graz, 1953), 162. ГЛАВА 25. МАКСИМИЛИАН, МЕКСИКА И МОНАРШИЕ СМЕРТИ

Поэтому королевы в основном влияли на политику, оставаясь консортами – направляя ход событий из-за кулис и радикально меняя образ монархии. Тон тут задавала Леопольдина Бразильская, которая не просто придумала флаг независимой Бразилии, но и подтолкнула своего осторожного мужа объявить страну независимой. Впрочем, в некоторых отношениях больше других на Сиси походила королева Александра, супруга английского короля Эдуарда VII (правил в 1901–1910 гг.). Утонченная, обладающая яркой внешностью и активно вмешивавшаяся в политику, Александра тоже была женой монарха, которого в начале царствования считали одним из самых бесперспективных, но реабилитированного и в итоге признанного не в последнюю очередь благодаря репутации своей королевы.

25

МАКСИМИЛИАН, МЕКСИКА И МОНАРШИЕ СМЕРТИ

Мальчиком Франц Иосиф обожал свой игрушечный замок с солдатиками и миниатюрными пушками. На всю жизнь он сохранил очарование армией, военной формой и парадами. Его младшие братья получили почти такое же воспитание и образование, но выросли очень разными людьми. У Карла Людвиг не обнаружилось никаких талантов, кроме ревностного благочестия. Он получил прозвище Выставочный эрцгерцог, потому что без нареканий умел делать только одно: представлять правителя на официальных мероприятиях. Людвиг Виктор (Луизи-Вузи) больше всего прославился открытой гомосексуальностью и страстью к переодеванию в женскую одежду. Он предпочитал шелковые платья, а в конце концов был признан душевнобольным. Максимилиан (или, точнее, Фердинанд Максимилиан), старший из трех младших братьев императора, был открытым, обаятельным, отважным и уравновешенным – не в пример не только Карлу Людвигу и Людвигу Виктору, но и самому Францу Иосифу. Когда им было по десять и восемь лет, эрцгерцогиня София говорила о своих старших мальчиках так: «Надо признать, из всех моих детей Франц Иосиф самый примерный... но Макси – общий любимец... Макси самый одаренный»⁴⁵⁹.

Франц Иосиф завидовал Максимилиану, даже заняв императорский трон. Понимая, что обязан титулом заговорщикам, отстранившим от власти его дядю, Франц Иосиф опасался, что и его в свою очередь низложат и заменят на младшего брата. Не будучи либералом, Максимилиан все же не одобрял жесткого режима, установленного Францем Иосифом, и советники с радостью пересказывали императору его критические замечания. Соответственно, Франц Иосиф держал Максимилиана подальше от столицы и политической сцены. Пока двое младших братьев получали губернаторские посты и пехотные полки, Максимилиан в 1850 г. стал капитаном парусного шлюпа «Минерва», приписанного к порту Триест. Об этом он без малейшей обиды написал матери: «Я всего лишь корветтен-капитан, младший по званию среди всех эрцгерцогов, но я твердо стою на ногах и надеюсь с честью послужить моему высокочтимому императору»⁴⁶⁰.

Как и императрица Сиси, Максимилиан трепетно любил лирику Гейне. Но если Сиси трогали меланхолические баллады об утраченной любви и разочаровании во всем, то Максимилиану по душе были яркие истории о странствиях. Оба в собственных сочинениях пытались подражать Гейне, но описаниям Максимилиана всегда не хватало живости: луга у него неизменно «изумрудные», утесы «могучие», а море «лазурное». Максимилиан много путешествовал, в основном по Средиземноморью, но и вдоль атлантического побережья, и даже за океан, в Бразилию. Свои впечатления он описывал в «Путевых заметках» (Reiseskizzen), которые вел по образцу «Путевых картин» (Reisebilder) Гейне.

Любовь к странствиям и ощущение собственного предназначения соединились для Максимилиана в Испании. Там, по его словам, он нашел «отзвуки времени, когда страна жила под сенью крыл двуглавого орла, вечно озаряемая солнцем, на пике своего могущества как величайшая из всех империй мира». В 1851 г., придя на корриду, он воображал, как публика приветствует его, и «грезил о прекрасных временах, когда Габсбурги правили этим доблестным народом». В Гранаде он преклонил колена у надгробья Фердинанда Арагонского, деда импе-

---

⁴⁵⁹ Tina Schwenk, Maximilian I: A Habsburg on Montezuma's Throne, PhD thesis (University of Stirling, 2010), 14.

⁴⁶⁰ Gabriele Praschl-Bichler, "Ich bin bloss CorvettenCapitän". Private Briefe Kaiser Maximilians und seiner Familie (Vienna, 2006), 154.

ратора Карла V, не «как гость из чужих земель... но как ближайший законный потомок покойного». Он размышлял о том, как «золотой скипетр Габсбургов» преломился в Испании, но, обращаясь к себе, говорил: «Он сияет тебе plus ultra»⁴⁶¹.

Несмотря на упоминание девиза Карла V, судьба, которой искал для себя Максимилиан, опиралась не на идеи мирового господства и служения вере. Она строилась на мечтательном восприятии прошлого, почерпнутом из романтических рассказов об Испании Вашингтона Ирвинга, и на недовольстве собственным уделом. После рождения в семье Франца Иосифа и Сиси сына Рудольфа (1858) любые шансы Максимилиана наследовать брату практически испарились. Оставалось довольствоваться своей морской службой. Произведенный в 1854 г. в контр-адмиралы и поставленный командовать новорожденным габсбургским военно-морским флотом, Максимилиан выступал за рост числа кораблей и добился принятия на вооружение броненосцев с гребным винтом. В 1857–1859 гг. он покровительствовал кругосветному плаванию судна «Новара». Максимилиан настолько примирился с тем, что навечно останется в тени, что в 1856 г. начал строительство «сказочного» замка Мирамаре в пригороде Триеста. В это здание с зубчатыми стенами и огромными парадными залами, с парком, где росли экзотические деревья гинкго и гигантские секвойи, Максимилиан привел в 1857 г. молодую жену принцессу Шарлотту (Карлоту) Бельгийскую.

Это был брак по любви, однако он дорого обошелся отцу Шарлотты, королю Бельгии Леопольду I, которому пришлось дать за дочь внушительное приданное, тут же поступившее в оскудевшую австрийскую казну. Взамен Леопольд обратился к Францу Иосифу с просьбой подыскать его новому зятю более подобающий пост, и по такому случаю Франц Иосиф назначил брата вице-королем Ломбардо-Венецианского королевства. Это был кубок с ядом, присыпанный порохом. Жители этой провинции горячо ненавидели Габсбургов, а условия, на которых ее вверили Максимилиану, запрещали ему проводить любую политику, которая могла бы сделать его правление приемлемым для большинства итальянцев. Тем не менее Максимилиан игнорировал указание Франца Иосифа «сурово карать малейший ропот». 19 апреля 1859 г. Франц Иосиф сместил Максимилиана с должности. Не прошло и двух месяцев, как власть Габсбургов в Ломбардии-Венето пала⁴⁶².

Максимилиан не единственный принц, который верил, что ему предназначено исполнить всемирно-историческую миссию. Точно так же верил в свой великий удел французский император Наполеон III – племянник первого Наполеона, названный в его честь. В европейской политике он выступал за независимость Италии и помогал Турции в войне против России. Северная Африка, атлантическое побережье Африки, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия поочередно тоже попадали в центр внимания честолюбивого политика. Однако шанс разом получить стратегическую выгоду и утолить свое честолюбие дала Наполеону III Америка. Много лет Франция старалась сдерживать экспансию США, угрожавшую нарушить баланс сил, сложившийся в Новом Свете. По этой причине в 1840-х гг. Франция поддерживала независимость Техаса, а в следующем десятилетии посылала флот для демонстрации силы во время Американо-мексиканской войны.

Гражданская война, вспыхнувшая в 1861 г., на время отодвинула геополитическую угрозу США для других стран. Но Наполеон решительно намеревался положить предел будущим атакам с севера. Как раньше англо-французская интервенция в Крыму помогла Османской империи остановить продвижение России вдоль черноморского побережья, так теперь Франция решила превратить Мексику в заградительный барьер против США. Но одного военного вмешательства Наполеону в этом случае казалось мало. Чтобы надежно защитить себя в

⁴⁶¹ Maximilian, Aus meinem Leben, 7 vols. (Leipzig, 1867), vol. 2, 24, 68–71, 159, 163–4.

⁴⁶² «Сурово карать малейший ропот...» – см. M. M. McAllen, Maximilian and Carlota: Europe's Last Empire in Mexico (San Antonio, TX, 2014), 32.

долгосрочной перспективе, Мексика нуждалась в стабильной власти – за 40 лет независимости в стране сменилось не менее 50 правительств, по большей части военных. Наполеон считал, что лишь монархия может возродить мексиканскую нацию и сплотить народ, чтобы больше не уступать территорий северному соседу.

Очевидным выбором на роль монарха был Максимилиан. После смещения с поста вице-короля он впал в уныние и проводил время в основном в путешествиях или обустройстве поместья Мирамаре. И он, и Шарлотта твердо верили, что и по рождению, и по способностям имеют право на большее. В 1860 г., прибыв в Бразилию, Максимилиан испытал прилив сильных эмоций от того, что первым из габсбургских принцев ступил на землю Нового Света, и тут же принялся рассуждать, что для Латинской Америки лучше всего подходит модель правления «мудрого тирана», соединяющая жесткую диктатуру со справедливостью. Он явно был готов к роли, которую уготовала ему судьба. Для Наполеона же этот Габсбург был идеальным кандидатом. Тем более что в содействии Франца Иосифа можно было не сомневаться: коронация Максимилиана императором Мексики разом подняла бы престиж династии и избавила императора от стоящего за спиной брата. Оставалась одна проблема: Мексика уже управлялась президентом Бенито Хуаресом, убежденным республиканцем⁴⁶³.

Мексиканские историки традиционно считают недолгую мексиканскую монархию безуспешной попыткой остановить движение страны к современной республиканской системе правления. На деле, как отмечал один из крупнейших мексиканских ученых Эдмундо О'Горман, в политической культуре Мексики имела и консервативная традиция, на которую могло опереться монархическое движение. Мексиканские консерваторы были истыми католиками и выступали против республиканской программы национализации церковных земель, закрытия монастырей и преследования священнослужителей. При этом консерваторы могли приветствовать умеренные реформы в интересах оздоровления административного аппарата. Определенно, консервативная партия не исчерпывалась горсткой генералов, клириков и землевладельцев, как это преподносит большинство мексиканских историков. Поэтому, считает О'Горман, ничего особенно странного и старомодного в коронации габсбургского эрцгерцога мексиканским монархом не было, это событие «вполне отвечало национальному менталитету»⁴⁶⁴.

Официально корону Максимилиану предложила делегация консервативных мексиканских политиков, прибывшая к нему в Мирамаре как к достойному потомку императора Карла V. Монархию в Мексике они мыслили как империю, а Максимилиана, соответственно, видели императором, потому что в Новом Свете это считалось духом новой эпохи. Приняв предложенный титул, Максимилиан занялся дипломатическими и практическими приготовлениями. Он нисколько не заблуждался относительно масштабности стоящей перед ним задачи, получив от австрийского посла в Вашингтоне злое предостережение об огромных трудностях, которые его ждут. Поэтому он попросил у Наполеона военной помощи, которую французский император охотно ему предоставил. Франц Иосиф не был столь сговорчив. Хотя он и пообещал некоторое ограниченное финансовое содействие и позволил Максимилиану вербовать добровольцев в Австрийской империи, но без всякой причины потребовал, чтобы брат отказался от имевшихся у него титулов и прав. В случае провала всего предприятия Максимилиан должен был вернуться в Европу даже не эрцгерцогом, а их с Шарлоттой дети также лишились бы статуса. На кону стояло так много, что Максимилиан почти отступился. В апреле 1864 г., за несколько дней до даты предполагавшегося отплытия, он признавался: «Что до меня, то, если

⁴⁶³ О «мудром тиране» см. *Aus meinem Leben*, vol. 6, 17, 164.

⁴⁶⁴ Edmundo O'Gorman, *La supervivencia política novohispana. Reflexiones sobre el manarquismo mexicano* (Mexico City, 1969), 83. См. также Erika Pani, 'Dreaming of a Mexican Empire: the Political Projects of the "Imperialistas"', *HAHR* 82 no 1 (2002), 1–31 (1–4).

бы только мне сказали, что все отменяется, я бы заперся в своей комнате и прыгал от радости! Но Шарлотта?»⁴⁶⁵

Тем временем французские войска вторглись в Мексику под предлогом взыскания ее долгов перед французским правительством и банками. Шеститысячный корпус высадился в декабре 1861 г. в Веракрусе и двинулся вглубь страны. Французское командование рассчитывало встретить необученный сброд, но республиканское правительство собрало вполне дисциплинированную армию; если же они уступали противнику числом, мексиканцы переходили к партизанской тактике. Видя, как медленно продвигаются войска, Наполеон бросал в бой новые и новые части. К середине 1863 г. его мексиканский контингент составлял почти 40 000 штыков. В июне французы взяли Мехико и к власти пришло регентское правительство, представляющее Максимилиана. Сам он, по-прежнему оставаясь в Мирамаре, переживал, что республиканцы изгнаны силой, и интересовался, имеет ли монархия какую-то реальную поддержку. В связи с этим на каждой вновь захваченной территории французы проводили плебисциты, которые, однако, не были ни свободными, ни справедливыми. Как хитроумно сформулировал некий мексиканский политик в письме Максимилиану, плебисциты подтвердили, что «три четверти всей территории Мексики и четыре пятых ее населения выступают за монархию»⁴⁶⁶.

28 мая 1864 г. Максимилиан и Шарлотта сошли на берег в Веракрусе с более чем 500 местами багажа – в том числе каретами и ящиками с костяным фарфором, украшенным разработанным лично Максимилианом имперским гербом Мексики, хрустальными бокалами, мебелью и дорогими винами. Две недели они добирались до столицы по узкоколейной железной дороге и разбитым проселкам. За шесть недель плавания из Триеста до Веракруса Максимилиан составил объемистое руководство по придворному этикету – *Reglamento para el Servicio y Ceremonial de la Corte*. Оно включало планы рассадки на обедах, описания различных церемоний и порядок очередности придворных, предусматривающий более сотни рангов. Не упуская мельчайших деталей, оно занимало почти 600 страниц:

Угощение подается в столовой зале. Как только императорская чета подходит к столу, в столовую залу входят церемониймейстеры, непосредственно за которыми следуют офицеры дворцовой стражи... Первый церемониймейстер прислуживает за столом господ, второй церемониймейстер – за столом дам. В этот момент император передает свое сомбреро прислуживающему фельд-адъютанту, а императрица передает платок и веер прислуживающей фрейлине⁴⁶⁷.

Кроме того, Максимилиан установил минимальный рост для гвардейцев дворцовой стражи. Им надлежало быть не ниже 198 см, при этом каждого увенчивал серебряный шлем 30 см высотой с имперским орлом на макушке.

Мы можем смеяться над творением Максимилиана, но оно имело более важное назначение, чем просто определять правила этикета. Максимилиан стремился превратить императорский двор в центр политической жизни Мексики, который объединит «все партии и мнения» в общем соблюдении ритуалов и почтении к трону⁴⁶⁸. На большой бал, данный в июне 1866 г., съехалось более 800 гостей, и Шарлотта с одобрением отмечала их парижские наряды. Не забыли даже о коренных народах: одной из фрейлин императрицы стала Хосефа Марела, смуглокожая мексиканка, происходившая, как считалось, от последнего ацтекского правителя. Свои декреты, когда их содержание касалось коренных жителей страны, Максимилиан публи-

⁴⁶⁵ McAllen, Maximilian and Carlota, 124.

⁴⁶⁶ Joan Haslip, *The Crown of Mexico: Maximilian and His Empress Carlota* (New York, 1972), 206.

⁴⁶⁷ *Reglamento para el Servicio y Ceremonial de la Corte* (Mexico City, 1866), 509.

⁴⁶⁸ Érika Pani, 'El proyecto de Estado de Maximiliano a través de la vida cortesana y del ceremonial público', *Historia Mexicana*, 45, no. 2 (1995), 423–60 (427–9).

ковал на испанском и на языке науатль – больше никогда за всю историю Мексики правительство себя этим не утруждало.

Для тех, кто не был вхож в Чапультепекский дворец, новую резиденцию Максимилиана в пригороде Мехико, император облагородил столицу, устроив в ней парки, фонтаны, газовое освещение и широкий бульвар, подобный парижским Елисейским Полям. При этом старания Максимилиана примирить разные партии и завоевать широкую поддержку не сводились к символике и церемониалу. Впервые посетив Национальный дворец – здание правительства, он обнаружил там полный беспорядок: ни картотек, ни регистрации корреспонденции, груды бумаг на полу и отсутствие установленных рабочих часов. Назначая и продвигая людей только в зависимости от их заслуг и невзирая на политическую принадлежность, император сформировал правительство, развернувшее программу радикальных реформ. Начальное образование сделали всеобщим, запретили детский труд и долговую кабалу, ввели максимальную продолжительность рабочего дня и обязательный обеденный перерыв, защитили законом общинную собственность и водные права коренных народов⁴⁶⁹.

Не менее значимыми были предложенные Максимилианом реформы государственного управления и судебной системы. Чтобы сломить власть местных влиятельных лиц, или *каудильо*, император поделил страну на 50 провинций и поставил во главе каждой назначенного лично им префекта. Споры между гражданами и правительственными учреждениями передали в юрисдикцию специальных административных судов, которые работали куда быстрее обычных. В конце 1865 г. комиссия, составленная Максимилианом из юристов, представляющих весь спектр политических партий страны, опубликовала результат своей работы – гражданский кодекс, регулирующий семейное право, наследование, имущественные и договорные отношения. Хотя он и был отменен в 1867 г. республиканским правительством, три четверти его статей тем не менее вошли в «новый» гражданский кодекс 1870 г.⁴⁷⁰

Кодекс Максимилиана хорошо показывает, с какими трудностями столкнулся император. Чтобы его режим был приемлем для большинства мексиканцев, Максимилиану пришлось осуществлять по сути республиканскую программу модернизации. Развернув ее, он предал интересы консерваторов, не восстановив ни деспотию крупных землевладельцев, ни собственность католической церкви на земли и имущество. Строго говоря, Максимилиан пошел даже дальше, закрепив в кодексе 1865 г. гражданский брак и полную свободу совести. И все-таки республиканский лагерь не мог принять Максимилиана – носителя императорского титула и имперских регалий, которые он так старательно разрабатывал. В итоге вместо объединения нации Максимилиан добился того, что его трон повис в полной пустоте.

Развязка наступила быстро. Французская военная помощь императору в момент ее максимума представляла собой 45-тысячный экспедиционный корпус, вооружение и жалованье для семитысячной мексиканской армии и около 20 000 иностранных наемников, включая австрийских и бельгийских добровольцев. С окончанием Гражданской войны в США в 1865 г. республиканская армия смогла пополнить свой арсенал за счет ненужных больше американцам вооружений и получить иностранные займы. Тем временем во Франции от Наполеона III требовали экономить государственные финансы и готовить армию к предстоящей войне с Пруссией. За 1865 г. республиканцы, к тревоге Максимилиана, перешли от партизанской войны к наступлению. На следующий год Франция начала вывод из Мексики своих солдат. Отчаянный визит императрицы Шарлотты во Францию, во время которого она умоляла Наполеона III замедлить эвакуацию, ничего не дал. В полном смятении Шарлотта, уверенная, что Наполеон

⁴⁶⁹ Robert H. Duncan, *For the Good of the Country: State and Nation Building During Maximilian's Mexican Empire, 1864–67*, PhD thesis (University of California, Irvine, 2001).

⁴⁷⁰ Rodolfo Batiza, 'Código Civil del Imperio Mexicano', *Boletín Mexicano de Derecho Comparado*, 41 (1981), 571–86.

пытался ее отравить, нашла убежище в Ватикане – к огромному недовольству папы Пия IX. Там началось ее погружение в безумие.

Еще в 1862 г. испанский генерал Хуан Прим предупреждал Наполеона III, что иностранный монарх, который въедет в Мексику на французских штыках, «останется без всякой поддержки в тот самый день, когда эти войска уйдут... Он падет с трона, воздвигнутого Вашим Величеством». Так и случилось. Оставшись после ухода французов с 20 000 добровольцев, Максимилиан сначала утратил власть над сельской местностью, а затем потерял и города. Остатки императорской армии дезертировали и переходили на сторону врага. В начале 1867 г. Максимилиан покинул Мехико и перенес свою ставку в Керетаро, в 200 км к северо-западу от столицы. Через три месяца город пал, а Максимилиана предали. После скорого суда его вместе с двумя его генералами приговорили к расстрелу, невзирая на то, что ранее в Мексике была отменена смертная казнь. 19 июня 1867 г. по пути к месту казни он воскликнул: «Какой чудный день! Всегда хотел умереть в такой вот денек!»⁴⁷¹

Оказавшись перед расстрельной командой, Максимилиан произнес последнюю в жизни речь:

Мексиканцы! Людям моего класса и происхождения Бог дает стать счастьем своего народа или его мучеником. Призванный вашими соотечественниками, я пришел не ради почестей, а ради блага страны... Я надеюсь, что стану последним, чья кровь прольется здесь, и молюсь, чтобы она возродила эту несчастную страну. Viva Mexico! Viva la Independencia!

Как договорились заранее, генералы встали с двух сторон от Максимилиана, чтобы вся композиция напоминала распятие Христа⁴⁷².

Это была красиво поставленная смерть, отразившая идеи служения людям и искупительной жертвы Спасителя. В легендах, подчеркивающих это подобие, не было недостатка; рассказывали, что раны от пуль на груди Максимилиана располагались в виде креста, что на его портрете в Мирамаре появился терновый венец и т. д. По всей Америке и Европе печатались выполненные разными авторами изображения казни и даже ее фотоснимок – одна из первых фотофальшивок в истории. Самым знаменитым отражением этого события в искусстве стал цикл из четырех картин и одной литографии Эдуарда Мане. В четырех случаях из пяти солдаты у Мане одеты не в мексиканскую, а во французскую форму, так что ответственность за гибель Максимилиана возлагается на Наполеона III⁴⁷³.

Франца Иосифа смерть брата не тронула: он лишь заметил, что Максимилиана, как превосходного наездника, будет недоставать на предстоящей охоте – хотя и без него «мы все же недурно позабавимся». Но эту смерть обсуждала вся империя – прежде всего на страницах недавно появившихся иллюстрированных еженедельников. Венгерская массовая газета *Vásárnapi Újság* («Воскресные новости»), например, подробно описывала биографию Максимилиана и историю предательства Наполеона. Освещала она и драму неудачного заступничества Шарлотты, намекая на ее помешательство от «великого отчаяния» (Шарлотта умерла в 1927 г.). Для особо интересующихся в немецком и венгерском переводах торопливо издали анонимный французский текст, в котором пространно рассуждалось о благородстве, отваге и мученичестве Максимилиана. Обстоятельства гибели эрцгерцога повлияли на его посмертную репутацию больше, чем что-либо иное⁴⁷⁴.

⁴⁷¹ «Останется без всякой поддержки в тот самый день...» – см. McAllen, Maximilian and Carlota, 65. «Какой чудный день!» – см. Haslip, Crown of Mexico, 498.

⁴⁷² McAllen, Maximilian and Carlota, 386–7.

⁴⁷³ John Elderfield, Manet and the Execution of Maximilian (New York, 2006).

⁴⁷⁴ «Мы все же недурно позабавимся...» – см. Donald W. Miles, Cinco de Mayo (Lincoln, NE, 2006), 243.

Монархи стали первыми звездами современной эпохи. Они были зрелищем, их образы на фотографиях и массово тиражировавшихся гравюрах превращались в товар, сообщая их личностям особый масштаб. Кончины монархов тоже придавали особый смысл и яркость их жизням, столь далеким от опыта обычных людей. С казни Максимилиана в 1867 г. началась череда убийств европейских государей, продолжившаяся на следующий год убийством сербского князя Михаила. За ним последовали убийства русского царя Александра II (1881), итальянского короля Умберто (1900), сербских короля Александра и королевы Драги (1903), португальских короля Карлуша I и наследного принца Луиша Филипе (1908) и греческого короля Георга I (1913)⁴⁷⁵.

После 1867 г. многие умерли не своей смертью и в доме Габсбургов. В 1889 г. покончил с собой наследник престола эрцгерцог Рудольф. В 1898 г. в Женеве итальянский анархист, одержимый мыслью убить кого-нибудь из венценосных особ, заколол императрицу Елизавету. «О нет! Что это со мной?» – такими были ее последние слова. В каждом из этих случаев пресса много писала не только о биографии жертвы, но и об обстоятельствах гибели. С самоубийством Рудольфа редакторам пришлось быть поосторожнее, но и тут читателям подробно рассказали, как и от кого пришло первое известие, как врач засвидетельствовал смерть, в каком положении находилось тело, как готовилось погребение, какое умиротворение застыло на лице покойного и т. д. О гибели Сиси некоторые иллюстрированные еженедельники рассказывали целый месяц. Убийство описывали в беспощадных подробностях (например, упоминали черное платье императрицы, насквозь пропитанное кровью) и иногда сопровождали статьи рисунками, ярко изображавшими момент покушения.

Некогда монархи и особы королевской крови сами были творцами своего образа. Габсбурги трудились над ним усерднее прочих, нагромождая все новые мифологические конструкции и свидетельства Божественного предначертания. Но теперь династии утратили власть над воображением толпы: дни триумфальных арок и погребальных помостов до небес миновали. В большинстве европейских стран образы царственных особ формировала пресса. И в случае Габсбургов из всех транслируемых ею образов самыми сильными и волнующими для публики оказались картины смерти. Скоро мир увидит еще одну фотографию, на этот раз сделанную за несколько минут до убийства, – эрцгерцог в шлеме с плюмажем спускается по ступеням к своему автомобилю. Она станет первой вехой и символом цепи событий, приведшей к окончательному падению габсбургского владычества в Европе.

⁴⁷⁵ Dina Gusejnova, *European Elites and Ideas of Empire 1917–1957* (Cambridge, 2016), 3–10.

26

СИСТЕМА РЕГУЛИРУЕМОГО НЕДОВОЛЬСТВА И ЮБИЛЕЙНЫЙ 1908 ГОД

Абсолютизм Франца Иосифа стал рассадником национализма. До 1848 г. национальность была лишь одним из множества типов социальной общности, не более важным, чем конфессия, территория, родство или принадлежность к крестьянскому, городскому, духовному или благородному сословию. Теперь же она стала основной такой силой, и ее напор только нарастал под гнетом режима, построенного на централизации и единообразии. События 1848 г. оказались сюжетом, вокруг которого выстраивались идеи национального единства, – это была история героической борьбы за свободу, где действовали заступники своего народа и мученики, пострадавшие за его интересы. Портреты на стенах, неуклюжие стихи, вышитые на полотнищах, и даже прически напоминали об этих героях, сплачивая сообщества, основанные на новой идентичности. Национализм не потерял своей привлекательности и в условиях конституционного правления, установленного в 1860-е гг. Напротив, новые парламенты стали площадкой для выражения националистических идей, способствуя таким образом их укреплению и распространению.

Знаки принадлежности к сообществу стали и знаками различия. Чехи носили пиджаки с затейливо расположенными пуговицами, словенцы украшали себя мехом сони, а венгры отпускали усы – один внимательный наблюдатель насчитал целых 23 фасона венгерских усов, причем каждый из них означал особое отношение к нации. Элементы костюма, популярные у крестьян той или иной местности, с жаром провозглашались «национальными» – так, яркая венгерская вышивка «калочай» восходит к фасону, распространенному в населенных сербами деревнях юга страны. Знатоки любовных утех составляли списки иноплеменных женщин, ранжированных по степени их порочности, естественно определявшейся величиной отклонения от предполагаемой нормы женского поведения, принятой в национальном сообществе автора⁴⁷⁶.

Пространство тоже начали делить. В 1860-х гг. рыночную площадь Загреба, прежде служившую местом сбора всех обитателей Балкан, сделали хорватской, установив там после десятилетних споров огромную конную статую Елачица. В Праге строй монументов чешским святым и немецким героям отделил чешские кварталы от немецких. Улицы и лавки тоже приобрели этническую принадлежность: выбором места проживания и совершения покупок горожане доказывали свою верность национальным сообществам. В Венгрии таверны теперь делились по типу алкоголя, на котором специализировались: пиво для немцев, вино для венгров и дешевый бренди для всех остальных. Говорили, что даже во хмелю разные народы ведут себя по-своему: венгры печалются, немцев обуревают говорливость, румыны впадают в буйство, русины не вяжут лыка⁴⁷⁷.

Национальность определялась не объективными обстоятельствами, а личным решением. Хотя мать его была немкой, Лайош Кошут объявил себя венгром, тогда как его дядя стал видным словацким патриотом. В то же время многие люди не видели очевидных причин для выбора какой-то конкретной национальности. Один военный в начале XX в. вел дневник на

---

⁴⁷⁶ Alexander Maxwell, 'The Handsome Man with Hungarian Moustache and Beard', *Cultural and Social History*, 12 (2015), 51–76 (64); Alexander Maxwell, 'Nationalizing Sexuality: Sexual Stereotypes in the Habsburg Empire', *Journal of the History of Sexuality*, 14 (2005), 266–90.

⁴⁷⁷ Alexander Maxwell, 'National Alcohol in Hungary's Reform Era: Wine, Spirits, and the Patriotic Imagination', *Central Europe*, 12 (2014), 117–35 (129).

четырёх языках: на немецком он писал о полковых делах, на словенском вспоминал возлюбленную, на сербском рассказывал о песнях своего детства, а на венгерском – о сексуальных фантазиях. Часто люди по-разному определяли свою национальность в зависимости от ситуации (например, финансовой выгоды) или вообще не задумывались о ней, объясняясь на нескольких языках или на смешанном арго. Те, кто избегал явной национальной принадлежности, сами становились изгоями: люди, не нашедшие места ни в одном из стремительно крепнущих национальных сообществ, презрительно именовались «гермафродитами» или «земноводными»⁴⁷⁸.

Национальную идентичность навязывали соседи, родители, школьные учителя. Но правительство и чиновники также не оставались в стороне. Конституция невенгерской части империи, так называемой Цислейтании, обнародованная в декабре 1867 г., гарантировала право национальностей на «сохранение и развитие национальной культуры и языка», в том числе посредством образования. Два года спустя это право реализовалось в законе об обязательном бюджетном финансировании любой школы с преподаванием на национальном языке, если обучаться в ней изъявили желание более 40 учеников. При этом список национальностей и языков оставался узким и многие языки и диалекты, на которых говорили в империи, не признавались: лемковский, гуцульский, идиш, фриульский, далматинский и т. д. В итоге при переписях населения, проводившихся в Цислейтании после 1880 г., гражданам предлагалось выбрать свой «повседневный язык» (*Umgangssprache*) из закрытого перечня, в котором значились немецкий, чешско-моравско-словацкий, польский, русинский, словенский, сербохорватский, ретороманский, румынский и венгерский.

Опросник венгерской переписи 1881 г. был гибче: он оставлял возможность вписать «родной язык», если его не нашлось в предложенном списке. А в списке между тем присутствовали цыганский, армянский и язык немых. Но даже здесь результат вышел, в общем, таким же: людей вынудили разделиться на лингвистические блоки, изжив переходные формы, которые делали понятие национальности более расплывчатым и потому более проницаемым. Вместе с переписями появились этнографические атласы, на которых территории этнических групп заливались сплошными цветами, без промежуточных оттенков, и этнографические музеи, где полуразвалившиеся деревенские дома становились символами национальной самобытности⁴⁷⁹.

Отдельные люди сгребались в бюрократические категории, и все больше аспектов жизни теперь воспринималось сквозь призму национальности. Там, где несколько народов жили в тесном соседстве, их отношения часто напоминали соперничество: соперничали любительские хоры, пожарные команды, церковные приходы, спортивные клубы, ветеранские организации, сберегательные банки и школы. Школы становились полем сражения за бюджетные деньги: попечительские советы в областях со смешанным населением стремились во что бы то ни стало набрать 40 учеников – порог для государственного финансирования, пусть даже для этого приходилось подкупать детей другой национальности, чтобы они ходили на занятия. Пражский университет поделился пополам на чешскую и немецкую секции, так что общим у них остался только ботанический сад, потому что названия растений там писались по-латыни.

Бюрократическая культура настаивала, что государственный служащий стоит выше национальностей, но и в этой среде возобладала политика размежевания. Аппараты провинциальных губернаторов стремительно «национализировались», и местные чиновники зачастую принимались отстаивать интересы своих языковых сообществ, в том числе при распределении финансов. В центре бюрократия старалась соблюдать хоть какой-то баланс, но владениями конкретной национальности зачастую становились целые министерства. Так, министерство финансов оказалось преимущественно польским, а чехи доминировали в министерствах обра-

⁴⁷⁸ Oto Luthar, 'The Slice of Desire: Intercultural Practices Versus National Loyalties', in *Understanding Multiculturalism: The Habsburg Central European Experience*, ed. Johannes Feichtinger and Gary B. Cohen (New York and Oxford, 2014), 161–73 (166–7); Tara Zahra, 'Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis', *Slavic Review*, 69 (2010), 93–119.

⁴⁷⁹ Az 1881. évi elején végrehajtott népszámlálás, vol. 1 (Budapest, 1882), 222–3.

зования и торговли. Единственным официальным языком в Цислейтании, однако, оставался немецкий. Венгрия после 1867 г. получила собственную бюрократию, целиком венгерскую, но венгры непропорционально часто работали в общеимперском министерстве иностранных дел в Вене⁴⁸⁰.

Венгерское правительство развернуло жесткую политику «мадьяризации», преследуя любые инациональные организации, манипулируя границами избирательных округов, чтобы в парламент не попадали невенгры, и закрывая те школы, где преподавали на любом языке, кроме венгерского. Первый министр Венгрии в 1908 г. высказался без обиняков:

У нас только один категорический императив – идея венгерской государственности, и мы требуем, чтобы каждый гражданин признал это и безоговорочно подчинился... Венгры завоевали эту страну для венгров, а не для кого-то еще. Первенство и гегемония венгров только справедливы.

Ректор Будапештского университета формулировал еще резче: цель мадьяризации – это ассимиляция и следует «продолжать ее, пока не останется ни единого словака»⁴⁸¹.

Напротив, в Цислейтании, где ни одна из национальностей не составляла большинства, политика была нацелена на регулирование межнациональных отношений законом. Споры направлялись в административные суды, которые обычно выносили решения в пользу этнических групп, находившихся в меньшинстве. Поначалу административные суды опирались на субъективный принцип: национальностью участника процесса считалась та, которую он сам заявил. Но судьи сталкивались с таким числом явно лживых заявлений, что вынуждены были применять и «объективный тест», основанный на языке, происхождении, членстве в различных обществах и повседневных привычках. Национальная принадлежность стала измеримой характеристикой, и теперь за классификацию граждан по этому признаку взялось государство. Нацистской Германии предстояло сделать следующий шаг: там разработали перечень национальностей, в сущности сводившихся к смертному приговору⁴⁸².

В Цислейтании националистические тенденции практически блокировали парламентские механизмы. Исходно избирательная система обеспечивала приоритет немцам из среднего класса. Они голосовали за солидных либеральных депутатов, но Франц Иосиф либералов не жаловал: эти господа возражали против траты денег на армию и вынудили императора отказаться от заключенного в 1855 г. конкордата с папой, по которому большая часть школ передавалась под контроль церкви. Репутация либералов рухнула после биржевого краха 1873 г., в ходе которого выяснилось, что слишком многие из них были нечисты на руку. Еще одним ударом стало появление негерманской буржуазии и электората. Новые избиратели голосовали за свои национальные партии, но те делились еще и по идеологическому признаку. В итоге расплодилось множество партий, которые то и дело вступали в различные непрочные коалиции.

В такой ситуации правительству, по определению одного министра-президента, приходилось «справляться как получится» – вести торг о мелких уступках, чтобы держать национальные партии «в состоянии равномерного и тщательно регулируемого недовольства». Так, поляков утихомирили, отдав им контроль над Галицией, а словенцам передали управление Крайной. Немцев-католиков задобрили законами о пенсиях и регулировании условий труда, которые обеспечили Цислейтании лучшее после Германии и Швейцарии трудовое законодательство во всей Европе. Труднее оказалось умиротворить чехов. Ради их поддержки Франц Иосиф собирался даровать Чехии такое же самоуправление, как в Венгрии, но венгерские

⁴⁸⁰ Heindl, *Josephinische Mandarine*, 99–120.

⁴⁸¹ Gerald Stourzh, *Der Umfang der österreichischen Geschichte* (Vienna, Cologne, and Graz, 2011), 284; Hugh and Christopher Seton-Watson, *The Making of a New Europe: R. W. Seton-Watson and the Last Years of Austria-Hungary* (London, 1981), 33.

⁴⁸² Gerald Stourzh, 'Die Idee der nationalen Gleichberechtigung im alten Österreich', in *Nationale Vielfalt und gemeinsamen Erbe*, ed. Erhard Busek and Stourzh (Vienna and Munich, 1990), 39–47.

лидеры яростно возражали против любого размытия особого статуса их страны. Тогда Франц Иосиф одобрил идею сделать рабочим языком высших государственных учреждений в Чехии не немецкий, а чешский. В итоге воцарился хаос. Несколько дней уличных волнений в Вене и Праге заставили отложить этот переход на неопределенный срок⁴⁸³.

Франц Иосиф считал национализм болезнью среднего класса и поэтому одобрял идею снизить избирательный ценз, дав право голоса рабочим. Кроме того, на выборах в рейхсрат (но не в ландтаги) отменили прежнюю систему голосования, дававшую преимущество плательщикам высоких налогов, так что к 1907 г. все взрослые мужчины Цислейтании имели равные избирательные права. Крупнейшей парламентской партией стали социалисты, которые руководствовались классовой идеологией; их лидеры отвергали национальность как «ложное сознание» и факт не более важный, чем цвет волос. Несмотря на это, сами социалисты были расколоты по национальному признаку на соперничающие немецкие и чешские организации. Связанные с ними профсоюзы делились так же. Межнациональные трения оставались непременной составляющей политической системы.

В итоге ситуация зашла в тупик. Даже мелкие вопросы типа преподавания языка в школах Штирии парализовывали деятельность рейхсрата, приводя к шумным ссорам с метанием чернильниц. Франца Иосифа это вполне устраивало, поскольку доказывало нежизнеспособность конституционного правления и целесообразность установленной им системы бюрократических министерств во главе с государственными служащими, стоящими выше межнациональных склок. Император все чаще приостанавливал работу рейхсрата, вводя новые законы своими декретами и созывая депутатов лишь затем, чтобы они одобрили его решения задним числом. Несмотря на регулярно проводимые выборы и расширение избирательного ценза, в империи по-прежнему преобладал бюрократический абсолютизм. Парламент в Цислейтании, может, и был, но ее политическая система не была парламентской.

Изъяны сложившейся ситуации были видны даже современникам, которые предлагали множество решений: например, изменить административное деление империи в соответствии с национальным составом или организовать население в гибкие национальные ассоциации, которые будут курировать образовательную и культурную политику, оставив менее взрывоопасные административные вопросы в ведении территориальных единиц. Хотя кое-какие авторы и предлагали просто распрощаться с Венгрией в интересах остальной страны, о разделении империи на отдельные государства никто не помышлял. Наблюдатели и политики самого разного толка (от чешского историка Франтишека Палацкого и австрийского социалиста Отто Бауера до Карла Маркса и лорда Пальмерстона) сходились в том, что распад Габсбургской монархии оставил бы в центре Европы опасный вакуум, куда с готовностью устремилась бы Россия. Как выражался Палацкий, если бы Австрийской империи не существовало, ее следовало бы выдумать.

Политикам-националистам хотелось сохранить империю как щит, одновременно манипулируя ею в интересах своих национальных групп. Для Франца Иосифа и его министров было важно культивировать дух единства, укрепляющий лояльность подданных. Писатель Роберт Музиль в 1920-е гг. высмеивал начинания имперского правительства, изображая так называемую «Параллельную акцию» – отчаянный поиск идеи, которая придаст империи смысл (отнесенная по сюжету к 1913 г., эта кампания в конце концов приходит к формуле «Империя несет мир»). Решение, выбранное правительством в реальности, было на самом деле единственно возможным. Империя была делом династии, и именно династия удерживала ее в целостности: акцент на истории Габсбургов подарил бы империи общую тему, вокруг которой могли сплотиться разные ее части.

---

⁴⁸³ «В состоянии равномерного и тщательно регулируемого недовольства...» – см. С. А. Macartney, *The Habsburg Empire, 1790–1918* (London, 1971), 615.

Канва этого сюжета была задана тирольским историком и сотрудником государственного архива Йозефом фон Хормайром (ок. 1781–1848). Он творил в крупной форме – например, его «Карманная книга по истории отечества» (*Taschenbuch für die vaterländische Geschichte*) насчитывала 42 тома. Чуть менее монументальный, 20-томный, «Австрийский Плутарх», печатавшийся с 1807 по 1814 г., был посвящен «личностям и биографиям всех правителей и самых знаменитых полководцев, государственных деятелей, ученых и художников Австрийской империи», причем автор старался уравновесить габсбургских героев народными заступниками, сплетая их достижения воедино. Для Хормайра национальные чувства не противоречили имперской идее, поскольку габсбургская власть гарантировала «малым, слабым и менее устойчивым народам уверенность, что им не угрожают более могучие соседи». Кроме того, рассуждал Хормайр, Габсбурги обеспечивают единство, сплачивая разные народы в один сильный и процветающий организм⁴⁸⁴.

Подход Хормайра к истории Габсбургов отразился в череде школьных учебников, подававших национальные истории в более широком контексте имперских свершений. Так, история словенцев становилась частью рассказа о большой «австрийской родине», а средневековая история чехов плавно перетекала в династическую историю Габсбургов, причем неудобные эпизоды вроде восстания 1618 г. просто замалчивались. Сплетением национального и династического в истории характеризовались и два крупнейших мероприятия Габсбургов в области культуры. Первым стало официальное многотомное изложение истории империи, известное как «Труд кронпринца» (*Kronprinzenwerk* – изначально главным редактором издания был сын Франца Иосифа эрцгерцог Рудольф). Вторым – 60-летний юбилей правления Франца Иосифа, пришедшийся на 1908 год. Оба, однако, продемонстрировали, насколько некрепок цемент, соединяющий части империи воедино⁴⁸⁵.

Наследник престола Рудольф тяготел одновременно к либерализму и социализму. Критически относясь к консерватизму отца, он под псевдонимом писал гневные письма в газеты. Чтобы отвлечь его от политики и держать подальше от борделей, в 1883 г. Франц Иосиф и поручил Рудольфу редактирование грандиозного труда «Австро-Венгерская монархия в описаниях и иллюстрациях» (*Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild*), первый том которого увидел свет в 1886 г. Общий объем этой работы, издававшейся в течение 16 лет, составил 24 тома. Они были опубликованы 397 выпусками, печатавшимися раз в две недели, и общим счетом вместили более 12 000 страниц и 4500 иллюстраций – результат работы около 430 авторов. Одновременно с немецким оригиналом выходило параллельное венгероязычное издание, но из-за объединения некоторых разделов в нем в итоге остался всего 21 том. Издание продолжилось и после самоубийства Рудольфа (1889): обязанности редактора номинально перешли к его вдове, принцессе Стефании Бельгийской, которая, помимо этого, вошла в историю как обладательница патента на сервировочный столик с колесиками и возможностью подогрева блюд⁴⁸⁶.

Весь многотомник был организован по территориальному принципу, начиная с Вены и Нижней Австрии и заканчивая Хорватией. Каждый том описывал географию, флору, фауну, этнографию, культуру и историю одной провинции вперемешку с трескучими восхвалениями императора и преимуществ имперского правления. Вот, например, из тома об Австрийской Силезии: «Благодаря мудрому правлению нашего императора, принесшего нам мир, наша маленькая земля под сенью его крыл расцвела как никогда прежде... и теперь стоит в первом

⁴⁸⁴ National Romanticism: The Formation of National Movements, ed. Balázs Trencsényi and Michal Kopecek (Budapest and New York, 2007), 27–32.

⁴⁸⁵ Ernst Bruckmüller, 'National Consciousness and Education in Imperial Austria', in *The Limits of Loyalty: Imperial Symbolism, Popular Allegiances, and State Patriotism in the Late Habsburg Monarchy*, ed. Laurence Cole and Daniel L. Unowsky (New York and Oxford, 2007), 11–35 (19–21).

⁴⁸⁶ *The New York Times*, 17 March 1908, 1.

ряду коронных земель нашей общей отчизны». Все это вполне отвечало задаче Рудольфа, которая целиком восходила к Хормайру: «Чтобы народы этих земель любили, уважали и поддерживали друг друга, узнавая друг о друге из этого труда; чтобы они задумывались, как честно послужить престолу и отечеству»⁴⁸⁷.

Контроль над составлением шести томов, посвященных Венгрии, истребовало венгерское правительство, и их некритично отредактировал романист Мор Йокаи. Его статья о венгерской столице рисует ее центром развлечений, оставляя без внимания экономические контрасты, из-за которых Будапешт одновременно имел репутацию «Чикаго на Балканах» и «Голодного города», как назвал его в заглавии своего романа писатель Ференц Мольнар (*Az éhes város*, 1901). Еще более показательно то, что венгерские тома нарочито приуменьшали роль национальных меньшинств, уделив малозначительной мадьяроязычной этногруппе палочек, живущей на севере Венгрии, столько же места, сколько и миллионам румын Баната и Трансильвании. Статьи о венгерских евреях вдобавок содержали антисемитские отступления; из немецкой версии издания их вымарали⁴⁸⁸.

Цислейтанские тома составлялись под руководством ученых родом из тех провинций, о которых шла речь. По большей части учившиеся в Вене, они уделяли много внимания экзотическому и непривычному. Например, в Галиции отцы кладут детям под подушку чеснок, а повитухи трижды плюют на новорожденного, чтобы защитить его от сглаза; у южных славян поныне в обычае похищение невест и кровная месть; словенцы в Штирии носят деревянные сабо и т. д. Вместо того чтобы способствовать взаимопониманию народов габсбургской империи, этот огромный труд давал обратный эффект, подчеркивая резкие культурные различия и разные степени отсталости, сохранявшейся несмотря на благотворное имперское правление.

Намеченные на 1898 год торжества по случаю 50-летия правления Франца Иосифа пришлось свернуть из-за гибели императрицы, поэтому 60-летний юбилей было решено отмечать с невиданным размахом. Два шествия в честь императора должны были пройти по центру Вены. Первое представляло картины из истории династии Габсбургов, второе было призвано продемонстрировать преданность народов империи, как бы оживляя многотомный «Труд кронпринца». Династия, нация и империя должны были слиться в общей клятве верности престарелому монарху.

Трудности возникли с первых шагов. Венгерское правительство отказалось участвовать в торжествах на том основании, что королевский трон Венгрии Франц Иосиф занял не в 1848-м, а в 1867 г. Чехи тоже не проявляли энтузиазма, так как незадолго до этого венские власти запретили в городе показ «Гамлета» на чешском языке. Да и сам выбор исторических эпизодов вызвал бурные споры. Организаторы задумали открыть шествие фигурой Рудольфа Габсбурга, но для чехов прославлять Рудольфа, победившего короля Отакара, было неприемлемо, и они окончательно отказались от участия. Сцена, изображающая победу Радецкого над повстанцами Ломбардии, в свою очередь, вызвала бойкот со стороны итальянцев. Хорваты тоже едва не ушли, узнав, что в картине, посвященной 1848 г., им отведена роль мародеров. Программу пришлось переделывать в последнюю минуту⁴⁸⁹.

Чтобы восполнить отсутствие венгров, чехов и итальянцев, парад народов было решено сделать как можно более многочисленным. Около 8000 человек прошагали по Рингштрассе мимо императора, который три часа стоял под огромным балдахином в виде короны Рудольфа II. Для юбилейного парада были разработаны особые национальные костюмы, которые зача-

⁴⁸⁷ «Благодаря мудрому правлению...» – см. *Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild*, vol. 17: Mähren und Schlesien (Vienna, 1897), 542. «Чтобы народы этих земель любили, уважали и поддерживали друг друга...» – см. Christiane Zintzen, 'Einleitung' in *Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild*. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzog Rudolf, ed. Zintzen (Vienna, 1999), 9–20.

⁴⁸⁸ Erika Szívós, *Az öröklött város. Városi tér, kultúra és emlékezet a 19–21. században* (Budapest, 2014), 115–29.

⁴⁸⁹ *Neues Wiener Journal*, 12 June 1908, 5.

стую имели мало общего с тем, что на самом деле носили люди, хотя группу, представлявшую Вену, возглавляли господа в цилиндрах и фраках. Следом шагали, согласно описанию очевидца, «штирийцы в лоденских сюртуках и шляпах с зелеными лентами, южнотирольские стрелки в серых жакетах, русины и несколько польских евреев в кафтанах и бархатных кипах». Заметной особенностью парада было непропорционально большое число участников из беднейших областей империи. Бедняки из Буковины, Далмации и Галиции тысячами ехали поучаствовать в параде за жалкую плату, причем многие были одеты практически в лохмотья. «Деревенская простота как зрелище для горожан» – таков был вердикт ведущей социалистической газеты⁴⁹⁰.

В целом юбилейные торжества современники оценили как успешные: 300 000 зрителей, выстроившихся вдоль Рингштрассе, ни одного серьезного инцидента и «очевидно растроганный» император. Но, писала либеральная газета *Neue Freie Presse*, парадом все и ограничилось, и какофония разноязычной речи его участников только подчеркивала их взаимное непонимание. Кроме языкового барьера слишком бросался в глаза и резко разнившийся уровень развития народов. Иные наблюдатели испытали потрясение от вида неотесанных представителей беднейших краев империи, которые, как отмечал один репортер, пугали детей своими обветренными и безобразными лицами. Архитектору Адольфу Лоосу показалось, что он стал свидетелем нашествия варварских племен из Средневековья⁴⁹¹.

Юбилей (при всем одобрении, которое он получил) стал двойным провалом. Мало того, что пересказ габсбургской истории вызвал бойкот со стороны чехов, венгров и итальянцев, парад народов тоже лишь подчеркнул различия, разобщенность и культурную иерархию. Известно, что после шествия в парке Пратер, где находился лагерь участников, начались ссоры и драки между национальными делегациями⁴⁹². И все же, двигаясь мимо императорской трибуны, выстроенной у стен Хофбурга, шествующие приветствовали монарха. В конечном итоге лишь его фигура могла быть предметом их верности.

Император старился вместе со своим царствованием. К 1870 г. волосы у него стали редеть, а в усах появилась седина. Еще за десятилетие усы побелели, а голова полностью облысела. Следующие 35 лет, если не считать все большего числа морщин вокруг глаз, он уже не менялся, словно был неподвластен времени. Появляясь на публике, он всегда говорил одно и то же: «Все было прекрасно. Нам понравилось». Костюм его тоже редко менялся: военный мундир и красные кавалерийские рейтузы. Но изображали его чаще всего «императором-миротворцем», на том основании, что после 1866 г. империя не участвовала ни в каких войнах. Рука об руку с миролюбием шли набожность императора и его усердное исполнение освященных веками католических обрядов. Пастырское послание католических иерархов Цислейтании описывало императора как пример «верности истине... добросовестного исполнения религиозных обязанностей... и самоотверженного терпения»⁴⁹³.

Трагедии, по пятам преследовавшие Франца Иосифа, в том числе насильственные смерти его брата, сына и жены, создали императору еще один образ – «мужа скорбей». По определению одной популярной биографии, он был «из тех страдающих душ, кому выпали самые суровые испытания». Но, несмотря на все бедствия, он оставался «могучим утесом посреди бушующих волн», правителем, неизменно пекущимся о нуждах народа, ночи напролет проводящим за

⁴⁹⁰ Steven Beller, 'Kraus's Firework: State Consciousness Raising in the 1908 Jubilee Parade in Vienna and the Problem of Austrian Identity', in *Staging the Past: The Politics of Commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the Present*, ed. Maria Bucur and Nancy M. Wingfield (West Lafayette, IN, 2001), 46–71 (57), цитата из *Neue Freie Presse*, 11 June 1908 (PM edition), 4–5; *Arbeiter-Zeitung*, 12 June 1908, 1.

⁴⁹¹ Das interessante Blatt, 25 June 1908, 3; Megan Brandow-Faller, 'Folk Art on Parade: Modernism, Primitivism and Nationalism at the 1908 Kaiserhuldigungsfestzug', *AS*, 25 (2017), 98–117 (110); Adolf Loos, 'Ornament and Crime' (1908), in Ulrich Conrads, *Programs and Manifestoes on 20th Century Architecture*, trans. Michael Bullock (Cambridge, MA, 1970), 21.

⁴⁹² Karl Kraus, 'Nachträgliche Vorurteile gegen den Festzug', *Die Fackel*, 10, no. 257–8 (1908), 9.

⁴⁹³ *Wiener Diözesanblatt* (1898, no 22), 255–6.

работой, чтобы его подданные могли спокойно спать. Личные несчастья Франца Иосифа и бремя государственных забот даже сравнивали с терновым венцом Христа, как бы утверждая, что император – не только правитель своих народов, но и искупитель их грехов⁴⁹⁴.

О достоинствах личности Франца Иосифа рассказывала череда рассчитанных на широкого читателя изданий, выходивших под заглавиями вроде «Наш император», «Ура, Габсбург» и «Радостные дни Австрии». Печатались такие опусы не только на немецком, но и на большинстве языков империи. Образ императора также тиражировался в виде гипсовых бюстов, на пепельницах и на кухонных передниках. Власти пытались регулировать торговлю портретами монарха, запретив помещать их на резиновых мячах. Самый показательный случай произошел в 1908 г.: некий предприимчивый торговец распродал тогда среди галицийских поляков и русинов сотни тысяч дешевых переводных картинок с портретом императора. Когда покупатели наклеили их на свои окна, вечерами на улицах городов и сел сияло множество одинаковых портретов Франца Иосифа⁴⁹⁵.

Император, таким образом, стал практически единственным объектом лояльности и символом наднациональной идеи. Но слишком многое было возложено на простого смертного, уже перешагнувшего назначенный Библией человеческий срок. В 1908 г. *Neue Freie Presse* предостерегала: «Когда мы пытаемся заглянуть в будущее после него, нас охватывают тревога и неверие. Пусть же еще долго судьба монархии останется в этих опытных руках, и пусть он приведет страну к единству, миру и согласию». Спустя восемь лет император уйдет в мир иной, так и не достигнув этих целей. И в этом смысле последние слова Франца Иосифа «Почему обязательно сейчас?» точнее отражают суть его не оправдавшего надежд царствования, чем личный девиз «Общими силами» (*Viribus unitis*)⁴⁹⁶.

---

⁴⁹⁴ James Shedel, 'Emperor, Church, and People: Religion and Dynastic Loyalty During the Golden Jubilee of Franz Joseph', *Catholic Historical Review*, 76 (1990), 71–92 (81–9).

⁴⁹⁵ Daniel L. Unowsky, *Pomp and Politics of Patriotism: Imperial Celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916* (West Lafayette, IN, 2005), 120–44.

⁴⁹⁶ «Когда мы пытаемся заглянуть в будущее...» – см. Beller, 'Kraus's Firework', 51.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ, ЕВРЕИ И ВСЕ ЗНАНИЯ МИРА

Современники отлично отдавали себе отчет в парадоксальности того факта, что Габсбурги, некогда владевшие крупнейшей в мире колониальной державой, в XIX в. остались вовсе без заморских владений. Не было недостатка в подаваемых властям проектах и частных инициативах, предполагающих захват далеких территорий. Исследователям и коммерсантам потенциальные колонии виделись то в Судане, то в Йемене, то на Калимантане, то на территории нынешней Замбии, но правительство не поддержало ни одну из этих идей. Лишь почти случайно Франц Иосиф обзавелся микроколонией в договорном порту Тяньцзинь на побережье Китая: в 1900 г. австрийский военный корабль оказался там, когда в стране внезапно вспыхнуло антиевропейское Боксерское восстание. Тяньцзиньская концессия, занимавшая площадь 108 га, просуществовала всего 15 лет, и в 1917 г. эту территорию вернуло себе правительство Китая. Сегодняшний Тяньцзинь – в зависимости от того, как определять его границы, – 13-й или 11-й по численности населения город Земли. Но административные здания, украшенные двойными колоннами, и поныне напоминают о том недолгом периоде, когда он являлся для габсбургской империи «нашим местом под солнцем»⁴⁹⁷.

Гости габсбургского Тяньцзина сетовали, что венское правительство не спешит использовать коммерческий потенциал города. Между тем в других местах коммерсанты из Австро-Венгрии действовали весьма энергично. Империя была четвертой страной по совокупному тоннажу кораблей, проходивших через Суэцкий канал, и только за 1913 год компания «Австрийский Ллойд» совершила 54 рейса в Индию и на Дальний Восток. Австро-американская пароходная линия, открытая в 1895 г., ежегодно перевозила через Атлантику около миллиона тонн грузов. Австро-венгерское колониальное общество, учрежденное в 1894 г., убеждало имперское правительство расширять заморскую торговлю путем захвата колоний. Массовая эмиграция в колонии, заявлял председатель общества, могла бы к тому же помочь империи избавиться от лишнего населения. Однако имперский флаг не следовал ни за торговлей, ни за «демографическим импульсом» (*Lebensdrang*), о котором распространялись сторонники колониальной экспансии. Даже когда австрийские полярники в 1870-х гг. открыли в Арктике новый архипелаг, названный Землей Франца Иосифа, они не водрузили там австрийский флаг. Сделай они это, Австрия сегодня могла бы экспортировать нефть и газ⁴⁹⁸.

Франц Иосиф и его министры предпочитали не устанавливать флаги, а демонстрировать их в разных концах мира: австрийские, а затем австро-венгерские военные корабли регулярно заходили в Тихий океан, посещали Америку и Арктику. В 1869 г. император с императрицей посетили церемонию открытия Суэцкого канала в Порт-Саиде. Двадцать пять лет спустя эрцгерцог Франц Фердинанд отправился в кругосветное плавание на военном корабле «Императрица Елизавета»: он посетил Африку, Австралию и Дальний Восток, а потом вернулся домой через США на пассажирском пароходе. Эрцгерцог оставил проницательные заметки об увиденном в дороге и неодобрительно отзывался о колониальных порядках, не в последнюю очередь из-за страданий коренного населения⁴⁹⁹.

⁴⁹⁷ Brigitte Fuchs, 'Rasse', 'Volk', 'Geschlecht'. Anthropologische Diskurse in Österreich 1850–1960 (Frankfurt and New York, 2003), 127; Mathieu Gotteland, 'Les Conséquences de la Première Guerre mondiale sur la présence impériale austro-hongroise en Chine', *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 256 (2014), 7–18 (8).

⁴⁹⁸ Vasárnapi Újság, 1 May 1904, 294–5; Ferdinand de Lesseps, *A History of the Suez Canal: A Personal Narrative* (Edinburgh and London, 1876), 23; Lawrence Sondhaus, *Naval Policy of Austria-Hungary, 1867–1918* (West Lafayette, IN, 1994), 186–7; Simon Loidl, 'Colonialism through Emigration: Publications and Activities of the Österreichisch-Ungarische Kolonialgesellschaft (1894–1918)', *AS*, 20 (2012), 161–75.

⁴⁹⁹ Franz Ferdinand von Österreich-Este, *Tagebuch meiner Reise um die Erde 1892–1893*, ed. Frank Gerbert (Vienna, 2013).

До 1914 г. австрийский (ставший после 1867 г. австро-венгерским) военно-морской флот почти не участвовал в военных действиях. В 1866 г. броненосцы вице-адмирала Тегетхоффа нанесли поражение итальянскому флоту у острова Лисса (Вис) в Адриатике, а в 1897 г. военно-морской флот был задействован в операции против греческих инсургентов во время Критского восстания. Интерес Франца Иосифа к военно-морским делам был в лучшем случае спорадическим, так как флот требовал денег, которые император предпочитал вкладывать в армию. Некий вице-адмирал жаловался, что в попытках выбить средства из министерских карманов ему приходилось «маневрировать в череде приемов, балов и обедов». Под патронажем Франца Фердинанда накануне Первой мировой войны имперский военно-морской флот вырос до трех дредноутов, девяти иных линкоров и восьми крейсеров. Тем не менее он уступал вражескому итальянскому, состоявшему из 17 линкоров, шесть из которых были дредноутами, и целых 23 крейсеров⁵⁰⁰.

В рамках усилий по демонстрации флага имперский военно-морской флот помогал организовывать географические экспедиции и научные исследования в отдаленных уголках планеты. Военные моряки построили метеостанцию на арктическом острове Ян-Майен, лежащем 500 км восточнее Гренландии, и основали в южной части Тихого океана недолго просуществовавшее поселение на Соломоновых островах, где велась разведка месторождений никеля. Военно-морской флот также помогал экспедициям оружием, обучением и опытными офицерами, а взамен рассчитывал получить картографические и топографические данные. Многие области Центральной и Восточной Африки, например бассейн реки Конго и ее водораздел с Нилом, впервые описали австрийские, чешские и венгерские географы. Их вклад в науку отражен на составленных ими картах: озеро Рудольф в Кении и озеро Стефания в Эфиопии названы в честь наследника австро-венгерского престола и его жены, а вулкан Телеки в Кении и пик Бауман в Того увековечили имена двух исследователей.

Исследователи отправляли обратно в Европу охотничьи трофеи, а также естественно-научные и этнографические материалы, которые поступали в музеи во всех концах габсбургской империи. Чешский ученый Эмиль Голуб, чью экспедицию, изучавшую территорию к северу от реки Замбези, в 1880-х гг. финансировало военное министерство, доставил более 30 000 экспонатов, в основном образцов флоры и фауны. В 1891 г. их выставили на обозрение публики в парке Пратер, но ни один из музеев не мог принять их все. Поэтому собрание Голуба разделили на части и разослали по более чем 500 музеям и научным институтам по всему миру. Софийский естественно-научный музей принял чучела птиц, аббатство Адмонт в Штирии – чучела львов, Прага – коллекцию насекомых (и многое сверх того), Лондон – морские растения, Смитсоновский институт в Вашингтоне – часть окаменелостей и т. д.⁵⁰¹

Самой значительной экспедицией оказалось кругосветное плавание фрегата «Новара» в 1857 г. За два года плавания «Новара» прошла более 50 000 морских миль (92 000 км), посетив все континенты, включая Австралию и Антарктиду, после чего в Новой Зеландии появился ледник Франца Иосифа. На борту фрегата работала группа ученых, для которых часть оружейной палубы переоборудовали в библиотеку. Экспедиция собрала 26 000 ботанических, зоологических, геологических и этнографических образцов, провела океанографические исследования и расчеты гравитационного поля Земли. Научный отчет экспедиции состоял из 21 тома и составлялся 17 лет. Опыты с листьями коки, привезенными «Новарой», позволили впервые выделить чистый кокаин, который вскоре стал одним из любимых лекарств императрицы (Сиси принимала его со шприцером)⁵⁰².

⁵⁰⁰ «Маневрировать в череде приемов, балов и обедов...» – см. Sondhaus, *Naval Policy of Austria-Hungary*, 88.

⁵⁰¹ Barbara Plankensteiner, 'Endstation Museum. Österreichische Reisende sammeln Ethnographica', in k. u. k. Kolonial. Habsburgermonarchie und europäische Herrschaft in Afrika, ed. Walter Sauer (Vienna, Cologne, and Weimar, 2002), 257–88 (271).

⁵⁰² Sabine Fellner and Katrin Unterreiner, *Morphium, Cannabis und Cocain. Medizin und Rezepte des Kaiserhauses* (Vienna, 2008), 128–9.

Три из 21 тома материалов экспедиции были посвящены антропологии и этнографии; там были разделы о форме черепов, габаритах тела и материальной культуре туземцев. Для ученых на борту «Новары» главным было сделать замеры и занести данные в таблицы. Описания их, хотя и снисходительные, по большей части носят фактологический характер:

Ростом яванцы на несколько дюймов ниже европейца средней комплекции. Тела у них вполне гладкие, грудная клетка довольно мощная. Члены изящные и тонкие, кисти рук гибкие. Лица их, обычно длинные и широкие, у обоих полов сохраняют несколько детское выражение.

Однако информация, собранная учеными, вскоре была пропущена через фильтр новой «расовой науки». Августин Вайсбах разработал классификацию, разделяющую человечество на девять белых и девять черных рас, где низшую ступень занимали африканские бушмены, которых он считал почти обезьянами. Евреев Вайсбах ставил последними среди белых рас. Как военный врач, Вайсбах много ездил по Балканам, где измерял черепа, причем всегда только так, чтобы подтверждались его теории⁵⁰³.

Подход Вейсбаха подхватило Венское антропологическое общество, президент которого подчеркивал, что на территории Австро-Венгрии доступен богатейший материал для проведения «краниологических и лингвистических разысканий», а также исследований отличительных особенностей и обычаев, которые показывают значимость расы. Антропологическое общество организовывало изучение центральноевропейского «нордического типа», признанного высшим, а также рассматривало возможность применения дарвиновских принципов естественного отбора для облагораживания расового состава империи. Первая мировая война обеспечила богатый выбор новых образцов – в виде беженцев из Восточной Галиции и русских военнопленных, чьи черепа, телосложение и состав крови неустанно изучались, чтобы доказать постулируемую генетическую неполноценность восточнославянской и других «рас». Влияние этих теорий чувствовалось еще в 1990-х гг.: в одном из залов венского Музея естествознания (Naturhistorisches Museum) посетителям тогда предлагалось сравнить черепа «обезьяночеловека» (австралопитека), шимпанзе и бушмена⁵⁰⁴.

Мы можем сокрушаться, каким ложным задачам служит иногда научный метод. Однако содействуя развитию науки, Франц Иосиф и его министры возвращались к одному из смыслов шифра AEIOU: Австрия и дом Габсбургов отстаивают универсальный принцип, основанный на идеях первенства и всемирного престижа христианства. Теперь этот принцип обернулся миссией накопления знаний о мире. Надпись, выбитая золотыми буквами над входом в венский Музей естествознания, выражает именно эту цель: «Империи природы и ее изучению – император Франц Иосиф, 1881». Вокруг здания музея размещены символические изображения континентов, а на его фасадах застыли статуи Колумба, Магеллана и Кука бок о бок с аргонавтом Ясоном, Александром Македонским и Юлием Цезарем. Послание было предельно ясным: исследователи империи природы достойны таких же почестей, как и строители великих империй древности. Как выразился автор некролога Эмилю Голубу, другие нации ищут за морями новые территории, но австрийцы отправляются в дальние страны «из любви к исследованию и ради умножения общего знания»⁵⁰⁵.

⁵⁰³ «Ростом яванцы на несколько дюймов ниже...» – см. *Reise der österreichischen Fregatte Novara um die Erde (Anthropologischer theil 3: Ethnographie)*, ed. Friedrich Müller (Vienna, 1868), 75; Ferdinand Khull-Kholwald, 'Dr Augustin Weisbach', *Mitteilungen des Naturwissenschaftlichen Vereines für Steiermark*, 51 (1915), 8–16.

⁵⁰⁴ Fuchs, 'Rasse', 'Volk', *Geschlecht*, 132; Margit Berner, 'From "Prisoner of War Studies" to Proof of Paternity: Racial Anthropologists and the Measuring of "Others"', in *Blood and Homeland: Eugenics and Racial Nationalism in Central and Southeast Europe, 1900–1940*, ed. Marius Turda and Paul J. Weindling (Budapest and New York, 2007), 41–53; Letter of Adam Kuper, *Nature*, 364 (26 August 1993), 754.

⁵⁰⁵ Georg Friedrich Hamann, 'Emil Holub. Der selbsternannte Vertreter Österreich-Ungarns im Südlichen Afrika', in *k. u. k. Kolonial*, 163–95 (171).

Но здание еще и принадлежало династии. Музей естествознания и Музей истории искусств (Kunsthistorisches Museum) стояли по две стороны от нового Императорского форума (Kaiserforum), который протянулся от Хофбурга на другой стороне Рингштрассе. Собрания обоих музеев начинались как императорские коллекции, прежде хранившиеся в Хофбурге или во дворце Бельведер, который Мария Терезия купила у потомков Евгения Савойского. Музей истории искусств сохранил ту организацию собрания, которую в 1780-е гг. разработал Кристиан фон Мехель, одним из первых начавший развешивать живописные полотна по школам и стилям, а не, как прежде, беспорядочно. Таким образом, два новых музея представляли «дворцовую коллекцию» династии, собранную многими поколениями Габсбургов. Придворный и династический характер Императорского форума подчеркивало и то, что рядом с музеями планировалось построить здания Придворного театра и Придворной оперы; весь архитектурный ансамбль должен был быть связан с Хофбургом двумя триумфальными арками. Поскольку форум так и не был закончен, оперу и театр перенесли в другие точки Рингштрассе, отчего их связь с императорским двором ослабла. А вот статую Марии Терезии между двумя музеями все же воздвигли – и тем самым поместили династию в центр всего комплекса⁵⁰⁶.

В середине XIX в. в архитектуре было популярен так называемый историзм, предполагавший оформление зданий в стиле того периода, который лучше всего соответствовал их назначению. Так, венская ратуша выстроена в готическом стиле, чтобы напоминать о Средних веках, когда город получил свои привилегии. Новое здание рейхсрата, наоборот, обрело классический фасад, отсылающий к Афинам эпохи Перикла, считавшимся колыбелью демократии. Фриз внутри него изображали античных законодателей и ораторов, а перед зданием высилась четырехметровая статуя греческой богини Афины Паллады. Изначально на этом месте хотели поставить статую Австрии, но договориться, как она должна выглядеть, так и не вышло. Оставалось только надеяться, что Афина, будучи богиней мудрости, все же пошлет немного здравомыслия вечно препирающимся депутатам.

Согласно этому принципу историзма, оба музея на Императорском форуме строились в стилистике Высокого Возрождения, что должно было напоминать о расцвете искусств и наук в XVI в. и прославлять их возрождение под патронажем Франца Иосифа. Вот только к моменту открытия музеев архитектурная мода сменилась – с приставкой *нео*-возродился стиль барокко. В 1880 г. выдающийся искусствовед и хранитель венского Музея истории искусств Альберт Ильг опубликовал произведшую огромное впечатление брошюру, в которой воспеал барокко как стиль универсальный и разносторонний. Во-первых, пояснял он, барокко подходит для зданий любого назначения, от самых монументальных вроде храмов и театров до частных вилл и многоквартирных домов. Во-вторых, барокко хорошо сочетается с той архитектурой, что уже утвердилась в столице. Живой и остроумный, этот стиль ближе характеру Вены, чем «холодный классицизм» чопорного Берлина. Наконец, барокко наднационально, а значит, служит «слиянию народов». Представляя собой единый архитектурный язык, писал Ильг, барокко способно «растворить индивидуальные особенности каждого народа, подчинив одному правилу весь земной шар»⁵⁰⁷.

В последние десятилетия XIX в. необарокко вошло в широкую моду. Архитектура хофбургского Михайловского крыла, построенного в 1890-е гг., опиралась на проект, разработанный ведущим барочным архитектором начала XVIII в. Йозефом Эмануэлем Фишером фон Эрлахом. Эту часть дворца, с ее четырьмя грандиозными скульптурными композициями, посвященными подвигам Геракла, парными фонтанами и медным зеленым куполом, сегодня

⁵⁰⁶ О Кристиане фон Мехеле см. Kristine Patz, 'Schulzimmer', in Die kaiserliche Gemäldegalerie in Wien und die Anfänge des öffentlichen Kunstmuseums, ed. Gudrun Swoboda, vol. 2 (Vienna, Cologne, and Weimar, 2014), 437–57.

⁵⁰⁷ Matthew Rampley, 'From Potemkin Village to the Estrangement of Vision: Baroque Culture and Modernity in Austria Before and After 1918', Austrian History Yearbook, 47 (2016), 167–81 (174–5); Evonne Levy, Baroque and the Political Language of Formalism (1845–1945), (Basle, 2015), 26.

фотографируют чаще всего. Новое здание имперского военного министерства, чей массивный 200-метровый фасад господствует над северо-восточным участком Рингштрассе, тоже построено в стиле необарокко, равно как и большая часть из шести сотен многоквартирных зданий вдоль этой улицы. Фасады этих «наемных дворцов» (Mietpalais) было принято «облагораживать» средствами помпезного барокко, придавая им вид аристократических резиденций, но за такими фасадами скрывались квартиры для представителей среднего класса, а на нижних этажах – конторы и складские помещения расположенных в самом низу магазинов⁵⁰⁸.

Распространение необарокко не ограничивалось столицей. За десятилетия перед Первой мировой войной архитектурное бюро «Феллнер и Хелмер» построило более 40 оперных театров, концертных залов и отелей – от Праги и Загреба до Черновцов на Буковине и Тимишоары в Банате. Все эти здания спроектированы в стиле необарокко и выражают общие для всех городов империи градостроительный код и набор визуальных образов. Впрочем, и в Черновцах, и в Тимишоаре здания бюро «Феллнер и Хелмер» соседствуют с примерами противоположного подхода, который подчеркивает национальное своеобразие и различия между регионами: в Тимишоаре – с новой церковью в романском стиле, символизирующем гегемонию Венгрии, а в Черновцах – с недавно построенной резиденцией митрополита, мастерски сочетающей элементы романского и византийского стилей с украинскими фольклорными мотивами. Пока необарокко искало универсальный язык, местные архитекторы и художники в разных концах империи трудились над созданием национальных стилей, подчеркивающих самобытность и разнообразие⁵⁰⁹.

Избыточная орнаментальность и переусложненные фасады навлекали на необарокко немало критики. Архитектор-модернист Адольф Лоос сравнивал ненужные наросты на таких зданиях с татуировками, которые, по его мнению, носят только дикари и преступники – об этом он пишет в своем знаменитом эссе «Орнамент и преступление» (1908). Вместе с новым поколением архитекторов Лоос выступал за более простые и естественные формы, очищенные от изысков и ложного историзма. Построенное им для универсального магазина здание «Лоосхаус» (Looshaus) напротив Михайловского крыла отличается принципиально голым фасадом – в первоначальный замысел не входили даже подоконные цветочные ящики. Разработанный Лоосом в 1909 г. интерьер Café Museum так же нарочито прост, с изящными гнутыми стульями без модной тогда затейливой резьбы. Как выразился сам Лоос, «эволюция культуры равнозначна удалению орнамента с предметов обихода»^{510 511}.

Лоос был связан с художниками сецессиона и его аналога в области декоративно-прикладного искусства, Венских мастерских (Wiener Werkstätte). Эти объединения искали новые идеи за рубежом – у импрессионистов, экспрессионистов и представителей того направления дизайна, которое позже получит название ар-деко. Художники сецессиона, кроме того, не ладили с негибкими консерваторами из Австрийской ассоциации художников, которую они демонстративно покинули (отсюда и название группы). У сецессиона не было какого-то одного стиля – вспомните позолоченные портреты и крутые изгибы женских форм Густава Климта, яркие цвета и плоские поверхности Оскара Кокошки, изломанные фигуры на почти порнографических рисунках Эгона Шиле. Также обстояло дело и в архитектуре – принципами Лооса нередко поступались, возвращаясь к историзму и украшательству. Даже в Выставочном павильоне сецессиона, построенном в 1897 г. специально для демонстрации работ художников группы, вход был украшен барельефом из листьев и изображениями Медузы горгоны, а крыша – необарочным куполом из сплетенных золотых ветвей.

⁵⁰⁸ Carl E. Schorske, *Finde siècle Vienna: Politics and Culture* (London, 1980), 48.

⁵⁰⁹ Rampley, 'From Potemkin Village to the Estrangement of Vision', 174.

⁵¹⁰ Пер. Э. В. Венгеровой.

⁵¹¹ Adolf Loos, 'Ornament and Crime' (1908), in Ulrich Conrads, *Programs and Manifestoes on 20th Century Architecture*, trans. Michael Bullock (Cambridge, MA, 1970), 19–24.

Венский сецессион обращался к универсальным ценностям. В отличие от искусства и архитектуры тогдашней Венгрии, он не работал с фольклорными мотивами и не славил героев из многолюдного патриотического пантеона. Соответственно, правительство и общественные организации поддерживали сецессион как – по словам одного крупного художника группы – «форму искусства, которая способна спаять воедино все черты нашего многообразия народов в новое гордое единство». Незадолго до своей гибели в 1889 г. кронпринц Рудольф соглашался, что искусство способно объединять «различные нации и расы под одной властью», а десятью годами позже учрежденный министерством культуры Совет по искусству отмечал, что «произведения искусства говорят на общем для всех языке и... способствуют взаимопониманию и взаимному уважению»⁵¹².

Художникам и архитекторам, связанным с сецессионом, поручали строить больницы, почтамты и даже астрономическую обсерваторию, оформлять интерьеры общественных зданий, проектировать парки и целые пригородные районы. Они же рисовали рекламные плакаты к юбилею царствования Франца Иосифа в 1908 г. Но сам Франц Иосиф не понимал нового искусства. Увидев одно экспрессионистское полотно, он заключил, что художник, вероятно, дальтоник, и посоветовал тому сменить род занятий. Франц Фердинанд, курировавший строительство нового здания военного министерства, тоже предпочитал традиционные формы. Он отверг проект Адольфа Лооса, выбрав другой – необарочную смесь дворца с казармой, которая должна была символизировать военную мощь.

На рубеже веков Вена переживала расцвет не только искусства и архитектуры, но и самых разных научных дисциплин. В этом городе начали свой путь Зигмунд Фрейд и Людвиг Витгенштейн, первопроходец музыкальной революции XX в. Арнольд Шенберг и сделавшие революционный марксизм приемлемым для светских салонов Карл Реннер и Отто Бауэр. Достижения всех этих людей имеют общую черту: каждый из них проникал под внешнюю оболочку исследуемого предмета, чтобы разглядеть его интеллектуальные составляющие и установить законы, которым они подчиняются. Таким образом, язык, современное искусство, музыка, логика и математика наделялись «подчиненностью правилам», которая для Витгенштейна, например, означала сводимость всей философской мысли к небольшому набору теорем или утверждений. Истиной считалось лишь то, что можно наблюдать и чувствовать, а этика и эстетика, соответственно, относились к области недоказуемого. Но туда же пришлось отнести и идеи нации и национальной идентичности, поскольку они тоже были эстетическими иллюзиями, опиравшимися на недоказуемые утверждения, – отсюда интерес к расе, которая считалась признаком, поддающимся научному анализу⁵¹³.

Многие выдающиеся люди Вены рубежа веков имели еврейские корни. Кроме Фрейда, Витгенштейна, Лооса, Шенберга и Бауэра, тут можно упомянуть композитора Густава Малера, писателей и драматургов Гуго фон Хофманшталя и Артура Шницлера, а также двух ученых, преобразивших экономику и юриспруденцию, – Людвиг фон Мизеса и Ганса Кельзена. Другие – например Климт, Кокошка и Шиле – евреями не были, и в искусстве и архитектуре вклад евреев был менее заметен, чем в других областях. Однако из еврейской среды происходили многие владельцы галерей, дилеры и покровители художников – как, кстати, и многие герои портретов Климта. Из этих последних самой знаменитой была жена сахарного магната Адель Блох-Бауэр, которую Климт писал не один раз, в том числе в образе своей мучительно притягательной Юдифи.

Еврейская диаспора Центральной Европы была многочисленнее, чем в Западной Европе. В середине XVIII в. в австрийских землях, Чехии и Венгрии насчитывалось 150 000 евреев. Приобретенная в 1772 г. Галиция добавила к ним еще 200 000 человек, по большей части

⁵¹² Berta Zuckerkandl, *My Life and History*, trans. John Sommerfield (New York, 1939), 25, 179.

⁵¹³ James K. Wright, *Schoenberg, Wittgenstein and the Vienna Circle* (Bern, 2007), 156.

деревенских *Landesjuden*, обрабатывавших жалкие земельные наделы. Небольшая провинция Буковина, лежавшая к востоку от Галиции и отвоеванная у турок двумя годами позже, тоже имела многочисленное еврейское население, разросшееся из-за притока иммигрантов из России. Столица Буковины Черновцы, треть населения которой в 1900 г. составляли евреи, стала одним из крупнейших очагов центральноевропейской еврейской культуры, в том числе идишеязычного театра. Политики в Черновцах и Вене в 1910 г. разработали для Буковины новое избирательное законодательство, которое гарантировало евреям представительство в местном сейме, хотя и признавало их при этом не более чем религиозным меньшинством⁵¹⁴.

Иосиф II в заботе о том, чтобы евреи могли «принести больше пользы государству», устранил многие ограничения, которые препятствовали их экономическому и общественному преуспеванию. Это раскрепощение пришлось на период хаскалы (еврейского просвещения), которая подчеркивала светские ценности и важность интеграции в окружающее евреев общество. Тем не менее для евреев было открыто несколько путей в современность: получение дворянства или государственная служба, карьера в промышленности или коммерции, медицина или юриспруденция, а также эмиграция. В некоторых частях Галиции, где хасидизм настаивал на верности талмудическим традициям, стратегии ассимиляции встречали отпор. В других же областях империи евреи покидали деревни, чтобы интегрироваться в городскую жизнь и преуспеть. К 1880-м гг. они составляли 10 % населения Вены. В Будапеште доля была еще выше и в 1910 г. превысила 20 %. В обоих городах евреи доминировали в коммерции, праве и медицине: к их числу принадлежали три четверти венских адвокатов и половина врачей.

Однако политическая ситуация в Вене была крайне неприятной. В городском совете тон задавала Христианско-социальная партия, в программе которой социальные реформы уживались с антисемитизмом. В 1895 г. Вена отличилась особо, избрав первого в Европе мэра-антисемита – циничного и беспринципного Карла Люгера. Христианско-социальная партия оберегала немецкий характер Вены простым способом: отказывая приезжим, особенно славянам и бедным сельским евреям, в виде на жительство. Из почти двухмиллионного населения города более двух третей были «нелегалами», не получавшими социальных пособий и не имевшими ни достойного жилья, ни права голоса. На улицах собирались протофашистские группировки. Пангерманисты, приветствовавшие своего самопровозглашенного вождя выкриками «Heil!», хотя и почти не были представлены в рейхсрате, вызвали своими насильственными выступлениями крах по меньшей мере одного кабинета министров. Вена Фрейда и Витгенштейна была и городом молодого Адольфа Гитлера⁵¹⁵.

Не исключено, что в этих обстоятельствах венские евреи и другие представители образованного среднего класса, страдая от отчуждения, разочарования, невостребованности и разобщения, искали убежища в храме искусств, но эту гипотезу невозможно проверить. Неоспоримо другое: культурная продукция носила в Вене подчеркнуто вненациональный характер, а вклад евреев в нее был огромен. Некоторые из них со временем приняли еврейский национализм в форме сионизма Теодора Герцля, а отдельные личности странным образом ударились в политику нетерпимости, составляя длинные списки извращенцев и дегенератов. Однако большинство не вмешивалось в свары националистической политики. Подобно необарокко и сецессиону, они исповедовали универсализм, отвергавший упрощенное и механистичное мировоззрение романтиков-националистов. Евреи наряду с правящей династией были тем цементом, который скреплял здание Габсбургской империи. Один раввин, по совместительству депутат

⁵¹⁴ John Leslie, 'Der Ausgleich in der Bukowina von 1910. Zur österreichischen Nationalitätenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg', in *Geschichte zwischen Freiheit und Ordnung. Gerald Stourzh zum 60. Geburtstag*, ed. Emil Brix et al. (Vienna, 1991), 113–44.

⁵¹⁵ Ulrike Harnat, 'Obdachlosigkeit, Wohnungselend und Wohnungsnot, 1848–1914', in *Poverty, Charity and Social Welfare in Central Europe in the 19th and 20th Centuries*, ed. Olga Fejtova et al. (Newcastle upon Tyne, 2017), 297–342.

рейхсрата, сформулировал это так: «Мы не немцы и не славяне, мы австрийские евреи или еврейские австрийцы»⁵¹⁶.

Премьера пьесы Франца Чокора «3 ноября 1918 года» состоялась в Вене в 1937 г. В одной из сцен солдаты собираются, чтобы похоронить своего полковника, который застрелился, узнав о развале Габсбургской империи. Каждый бросает ему на гроб горсть земли: «Земля Венгрии... земля Каринтии... земля Чехии», символически хороня вместе с ним саму империю. Последним подходит друг покойного, еврей, и теряется: «Земля... земля... Австрии». Чокор показывает, что евреи в Вене составляли нечто большее, чем просто нацию, и приблизились к выражению универсальной «австрийской идеи», стоявшей выше озлобленной националистической политики. Впрочем, к 1914 г. эта идея уже стремительно теряла актуальность⁵¹⁷.

---

⁵¹⁶ Robert S. Wistrich, *Laboratory for World Destruction: Germans and Jews in Central Europe* (London and Lincoln, NE, 2007), 37, цитата Йозефа Блоха (1886). Об убежище в храме искусств см. Ernest Gellner, *Language and Solitude: Wittgenstein, Malinowski and the Habsburg Dilemma* (Cambridge, 1998), 45.

⁵¹⁷ Jamie A. M. Bulloch, *The Promotion of an Austrian Identity 1918–1938*, PhD thesis (University of London, 2002), 207.

28

ОХОТНИК И ДОБЫЧА: ФРАНЦ ФЕРДИНАНД И БОСНИЯ

В ночь на 30 января 1889 г. в охотничьем замке около селения Майерлинг в Венском лесу 30-летний кронпринц Рудольф застрелил свою юную любовницу Марию Вечеру. За несколько лет до этого Рудольф признался другу, что хотел бы увидеть, как умирает человек, так что к своей голове револьвер он приставил лишь несколько часов спустя. Впечатлительная Мария согласилась заключить с Рудольфом суицидальный пакт, но она была не первой, кому он предлагал вместе покончить с собой. Ранее он склонял к этому свою жену, секретаря (мужчину) и давнюю любовницу Мицци Каспар, кокотку из знаменитого борделя мадам Вольф. Мицци Каспар была настолько встревожена, что даже обратилась в полицию. В постели Каспар Рудольф провел и ночь перед самоубийством⁵¹⁸.

Императорский двор почти немедленно признал, что кронпринц покончил с собой в приступе безумия. Роль Марии Вечеры, правда, пытались скрыть, но газетчики докопались и до этого обстоятельства. Законодательство о цензуре в австрийской части Габсбургской империи было противоречивым. Конституция 1867 г. гарантировала свободу печати, но оставался в силе и закон 1850 г., позволявший губернаторам провинций запрещать новостные публикации или театральные постановки, признанные крамольными, непристойными или оскорбительными. Цензоры практиковали компромиссный подход. Приказывая вымарать текст статьи, они, как правило, оставляли – «для истории» – заголовок, так что читателям было несложно понять, что случилось в Майерлинге. Уже через несколько недель после смерти Рудольфа книги с разными версиями трагедии можно было заказать по почте из Германии⁵¹⁹.

После Рудольфа наследовать трон должен был брат Франца Иосифа, Выставочный эрцгерцог Карл Людвиг. В 1896 г. во время паломничества в Святую землю набожный Карл Людвиг умер от дизентерии, которой заболел, попив воды из Иордана. Поэтому наследником престола стал Франц Фердинанд, сын Карла Людвига. Франц Фердинанд был закадычным приятелем Рудольфа, и их общие выходки несколько раз вызывали возмущенные речи в парламенте. Кроме того, кузены наравне пользовались расположением любвеобильной Мицци Каспар. Однако после гибели Рудольфа Франц Фердинанд взял себя в руки: в 1892–1893 гг. он совершил кругосветное плавание и впоследствии прилежно исполнял обязанности предполагаемого наследника. (Франца Фердинанда нельзя было считать наследником престола безоговорочно, так как Франц Иосиф еще мог, хоть и с ничтожной вероятностью, произвести на свет сына, который и стал бы его преемником.)

В 1900 г. Франц Фердинанд женился на Софии Хотек. Происхождение своей супруги Франц Фердинанд описывал как «немного проблемное», но на деле подобный союз был настоящим скандалом. Хотеки – старинный дворянский род, но ни в коем случае не княжеских и тем более не королевских кровей. Франц Иосиф согласился только на морганатический брак, а это значило, что статуса членов императорской фамилии ни жене Франца Фердинанда, ни их детям было не получить. Церемониймейстер Франца Иосифа настаивал на непреклонном

⁵¹⁸ О желании Рудольфа увидеть, как умирает человек, см. Julius Szeps, 'Berliner und Wiener Hofgeschichten', Neues Wiener Journal, 18 November 1923, 6–7.

⁵¹⁹ Wiener Zeitung, 28 February 1889, 17; Wiener Zeitung, 13 September 1889, 17; Bukowinaer Nachrichten, 3 March 1889, 9.

соблюдении этого правила, так что на приемах София стояла с фрейлинами, а в опере сидела в отдельной ложе. Таких оскорблений Франц Фердинанд простить не мог⁵²⁰.

Кронпринц Рудольф был страстным орнитологом, и опубликованные им отчеты о наблюдениях за птицами до сих пор цитируют в специальной литературе. Франц Фердинанд же скорее предпочитал стрелять птиц, нежели изучать. На охоте он истреблял дичь без разбора: в Индии и на Цейлоне застрелил двух слонов и тигра, в Египте бил фламинго, в Австралии утконосов и кенгуру; однажды жертвой стал его собственный кот. В Центральной Европе птицу и оленей традиционно гнали под ружья охотников, тогда как слуги между выстрелами наполняли добычей ягдташи господ. За всю жизнь Франц Фердинанд добыл 274 889 трофеев, в основном куропадок (сохранились его охотничьи дневники). Но в свободное от убийства мелких животных время Франц Фердинанд ухаживал за своим розарием в чешском замке Конопште и засушивал полевые цветы. Он также был любящим отцом и верным мужем, беззаветно преданным семье⁵²¹.

Политические взгляды Франца Фердинанда были не менее противоречивы, чем его личность. Он терпеть не мог венгров и считал особый статус Венгрии в империи Габсбургов помехой тем преобразованиям, которые хотел осуществить. Одно время он думал передать часть венгерских земель Хорватии и превратить двойную монархию в тройную: Австро-Венгрию в Австро-Венгро-Хорватию. Однако он осознал, что после этого таких же прав примутся требовать и чехи, а затем и поляки, и потому начал рассматривать разные варианты полной реорганизации империи: то ли создание новых мононациональных территорий, то ли сохранение существующих провинций с предоставлением национальным меньшинствам контроля над образованием и культурой. При этом он ничуть не собирался поступаться своими будущими императорскими полномочиями, поэтому его целью, как выразился один историк, было «не равенство народов, но их неравенство» перед престолом⁵²².

В 1900 г. Францу Иосифу исполнилось 70 лет, и его здоровье начало сдавать. Император продолжал в целом руководить кабинетом министров, но не вмешивался в его работу, кроме тех случаев, когда у министров возникали трения. Место, освобожденное императором, занял Франц Фердинанд – едва ли не буквально. Во-первых, свою коллекцию из 17 000 этнографических и иных экспонатов, собранных во время кругосветного путешествия, он разместил в Верхнем Бельведере, столь кстати опустевшем после переезда картин в Музей истории искусств. Затем он настоял на том, чтобы Франц Иосиф выделил ему этот дворец в качестве штаб-квартиры и военной канцелярии. Как наследник престола, Франц Фердинанд получал копии всех важных военных депеш и регулярно вмешивался в назначение офицеров. У него также были осведомители во многих гражданских учреждениях, славшие ему сообщения с помощью до нелепости простого шифра. Как сетовал один министр-президент, «у нас не только два парламента, но и два императора»⁵²³.

Франц Фердинанд близко дружил с германским императором Вильгельмом II, который неизменно выказывал его жене Софии все знаки глубокого уважения. Как и Вильгельм, Франц Фердинанд был резок в суждениях, браня «еврейские газеты» и масонов, но осмотрителен на практике: «много решимости в речах, мало в делах», как характеризовал его некий современ-

⁵²⁰ Gordon Brook-Shepherd, *Archduke of Sarajevo: The Romance and Tragedy of Franz Ferdinand of Austria* (Boston and Toronto, 1984), 42.

⁵²¹ Об орнитологических публикациях Рудольфа см. Maarten Bijleveld, *Birds of Prey in Europe* (London and Basingstoke, 1974, and many later editions), 187, 244. Об охотничьих дневниках Франца Фердинанда см. Wladimir Aichelburg, *Erzherzog Franz Ferdinand und Artstetten* (Vienna, 1983), 34.

⁵²² Rudolf Kiszling, 'Erzherzog Franz Ferdinand und seine Pläne für den Umbau der Donaumonarchie', *Der Donauraum*, 8 (1963), 261–6; Robert A. Kann, *Erzherzog Franz Ferdinand Studien* (Vienna, 1976), 153.

⁵²³ Samuel R. Williamson Jr, 'Influence, Power, and the Policy Process: the Case of Franz Ferdinand, 1906–1914', *The Historical Journal*, 17 (1974), 417–43 (418). О шифре см. Zoltán Szász, 'Über den Quellenwert des Nachlasses von Franz Ferdinand', *Acta Historica* (Budapest), 25 (1979), 299–315 (304).

ник. При всем своем кураже Франц Фердинанд был убежденным приверженцем мира. Он знал состояние имперской армии и понимал, что сколько-нибудь серьезную войну ей не выдержать. Тем не менее он настаивал на модернизации вооруженных сил: создании авиации и механизированных подразделений с бронемашинами, использовании телефонной связи и строительстве современных линейных кораблей⁵²⁴.

Франц Иосиф новшеств не чурался. Он не любил телефоны и отказался поставить в Хофбурге лифты, зато охотно пользовался электрической зажигалкой для сигар и как ребенок радовался поездкам на автомобиле. Не в пример Францу Фердинанду он был не прочь повоевать, только не мог выбрать подходящую цель. К 1870-м гг. привычные пути экспансии – в Италию и на Украину – оказались перекрыты. Император подумывал о реванше в борьбе с Германией и даже поручил своим генералам разработать план под названием «Кампания D» (от слова Deutschland – «Германия»), но вместо этого в 1879 г. заключил с Германией военный альянс. Теперь его привлекали Балканы, и в ту же сторону императора подталкивали министры, напоминавшие о «традиционной роли Австрии в этой части Ближнего Востока». Османская империя рушится, объясняли они, и нужно подобрать обломки раньше, чем это сделают другие. Шаг за шагом Габсбургская империя оказалась втянутой в «восточный вопрос», который сводился к тому, что делать с распадающейся Османской империей и как делить ее наследие⁵²⁵.

Граница между Австро-Венгрией и Османской империей представляла собой широкую милитаризованную зону, протянувшуюся на 1850 км от Адриатического моря до востока Трансильвании. Изначально пограничную стражу там несли солдаты-земледельцы, получавшие за свою службу земельные наделы, организованные в пограничные полки и подчинявшиеся министерству обороны в Вене. Это были потомки разнообразных мигрантов и беженцев, в основном сербов, хорватов и румын, веками селившихся здесь в тесном соседстве. Офицерский состав им назначало министерство, преимущественно из немцев или по крайней мере германизированных славян или румын. Основной задачей пограничной стражи была защита границы от турок, но иногда эти части отправляли в Италию или использовали для устрашения венгров. Большую часть войска, собранного Елачичем в 1848 г. для вторжения в Венгрию, составляли именно эти полки⁵²⁶.

В конце 1820-х и начале 1830-х гг. Венгрию тревожили частые набеги неконтролируемых турецких полевых командиров из османской Боснии, но позднее на границе было в основном тихо. Впрочем, эта военная граница была важна не только как оборонительный рубеж, но и как символ: она считалась переходной зоной между цивилизацией и «восточной отсталостью». Путешественники, пересекавшие эту черту, отмечали на балканской стороне совсем иные пейзажи и описывали минареты, ветхие домишки и праздных людей, которые пьют кофе, сидя прямо на земле. По представлениям таких авторов, ополченцы пограничья находились в культурном смысле где-то между цивилизацией и варварством. Габсбургские этнографы и статистики тоже считали их ленивыми, сумасбродными и склонными к насилию, но полагали, что хотя бы отчасти эти люди подверглись влиянию германской культуры и просвещения. По крайней мере, их женщины отличались трудолюбием и содержали дома в чистоте⁵²⁷.

Помимо прочего, граница обеспечивала соблюдение карантинных требований. Прибывающих со стороны Турции изолировали на срок до 20 дней в особых лагерях, огороженных желтыми флажками, а ввозимые хлопок и шерсть надлежало проветрить и затем испытать: не заболит ли слуга, проспавший ночь на тюках. Куплю-продажу на границе вели из-за ширм,

⁵²⁴ «Много решимости в речах, мало в делах...» – см. Kann, *Erzherzog Franz Ferdinand Studien*, 20.

⁵²⁵ Ian D. Armour, *Apple of Discord: The 'Hungarian Factor' in AustroSerbian Relations, 1867–1881* (West Lafayette, IN, 2014), 26–30.

⁵²⁶ József Thim, *A magyarországi 1848–49-iki szerb fölkelés története*, vol. 1 (Budapest, 1940), 19, 108.

⁵²⁷ OeStA/HHStA, *Kabinettsarchiv Minister Kolowrat Akten*, 1829: 1700; 1830: 577; 1830: 1645; András Vári, 'Etnikai sztereotípiák a Habsburg Birodalomban a 19. század elején', *Tabula*, 3 (2000), 50–76 (58–68).

а монеты дезинфицировали уксусом. Большей частью эти процедуры были излишними. Турция одной из первых в Европе ввела практику прививания от черной оспы (позднее замененную вакцинированием препаратами коровьей оспы), а в 1830-х гг. там были осуществлены масштабные санитарные реформы. Проблемой в Османской империи были не эпидемические заболевания, от которых мог защитить карантин, а эндемические болезни, главным образом желудочно-кишечные и респираторные. Однако цель карантина заключалась не только в охране здоровья, но и в демонстрации гигиенического превосходства более развитой цивилизации. В результате на этой границе карантинные правила действовали даже после того, как в других местах их признали ненужными⁵²⁸.

В 1875 г. угнетение крестьян (преимущественно христиан) землевладельцами (преимущественно мусульманами) вызвало народное восстание в Герцеговине, быстро перекинувшееся на соседние османские провинции Боснию и Болгарию. Масла в огонь подливали габсбургские агенты и австро-венгерские власти. В июне того же года в портовом Которе (на территории нынешней Черногории) на военно-морской базе Габсбургов с парохода выгрузили 8000 австрийских армейских винтовок и 2 млн патронов для раздачи повстанцам. Турецкие репрессии, обрушившиеся в основном на мирных жителей, вызвали негодование во всей Европе. Княжества Сербия и Черногория начали военные действия против Османской империи, но вскоре были разбиты. Куда более серьезным противником оказалась Россия. Летом 1877 г. 300 000 русских солдат переправились через Дунай, чтобы поддержать повстанцев. За считанные месяцы они дошли до окраин Стамбула⁵²⁹.

Крупная победа России изменила баланс сил в Европе. Дюла Андраши, бывший первый министр Венгрии, а на тот момент министр иностранных дел Австро-Венгрии, сначала поддержал вторжение России, пообещавшей империи Габсбургов часть завоеванных территорий, а затем выступил за войну против русских. Казалось, что император был готов последовать этому совету, но денег на войну в казне не нашлось. Андраши предлагал абсурдную постадийную мобилизацию, призванную растянуть траты. На заседании коронного совета здравый смысл восторжествовал только благодаря вмешательству полковника Фридриха фон Бека, присутствовавшего по специальному приглашению императора. «Зачем нам эта война?» – спросил он Франца Иосифа. Не в силах дать убедительный ответ, император отступил и согласился на переговоры. В 1878 г. на Берлинском конгрессе Бисмарк от имени Германии, Дизраэли от имени Британии и Андраши от имени Австро-Венгрии заставили царя отказаться от идеи «Великой Болгарии» – российского сателлита на Балканах⁵³⁰.

Берлинский конгресс закрепил провинции Боснию и Герцеговину за Габсбургами, но только на время, как военный протекторат. Франц Иосиф надеялся получить провинции в свое полное подчинение, но Андраши убедил его не настаивать на этом. Присоединение Боснии-Герцеговины (как теперь называли эту территорию) нарушило бы сложившийся в империи хрупкий баланс между славянами, немцами и венграми. Но без такого присоединения, объяснял Андраши, эти земли может захватить Сербия. Единственное решение заключалось в их двойственном статусе. По этой причине Франц Иосиф не отнес их ни к числейтанской, ни к венгерской части габсбургской империи, но отдал контроль над ними общему министерству финансов.

Берлинский конгресс также признал Сербию полностью независимым государством, а не теоретическим вассалом султана. После захвата Боснии и окончательного выхода Сербии

⁵²⁸ A Handbook for Travellers in Southern Germany, 5th ed. (London, 1850), 514; Sam White, 'Rethinking Disease in Ottoman History', *International Journal of Middle East Studies*, 42 (2010), 549–67 (557); Andre Gingrich, 'The Nearby Frontier: Structural Analyses of Myths of Orientalism', *Diogenes*, 60 (2015), 60–6.

⁵²⁹ О снабжении мятежников через Котор см. Karl Went von Römo, *Ein Soldatenleben* (Vienna, 1904), 158–9.

⁵³⁰ Scott W. Lackey, *The Rebirth of the Habsburg Army: Friedrich Beck and the Rise of the General Staff* (Westport, CT, and London, 1995), 74–5; Gunther E. Rothenberg, *The Army of Francis Joseph* (West Lafayette, IN, 1976), 97.

из сферы влияния Турции пограничная милитаризованная зона утратила всякий смысл. Многие ее офицеры перевелись в регулярную армию, где безупречно служили, нередко на тех же Балканах. Но прежняя идея рубежа сохранилась в воззрениях на балканские народы как культурно отсталые и опасные в медицинском плане. Авторы статьи с красноречивым названием «О вырождении населения Боснии-Герцеговины» объясняли, что балканское общество было «веками отрезано от цивилизации». Габсбурги наделялись миссией нести отсталым жителям Балкан культуру и гигиену. На протяжении веков это население смешивалось, умственно и физически деградировало и сделалось особенно уязвимым для болезней и истерии. По мнению авторов, из-за низкого морального и санитарного уровня в этом регионе стали эндемичными сифилис и кожные заболевания⁵³¹.

Неудивительно, что первыми шагами цивилизаторской миссии Габсбургов на Балканах стало санитарное законодательство и введение санитарного контроля. Новые власти Боснии-Герцеговины, поставленные министерством финансов, потребовали от всех повитух, зубных врачей, хирургов и ветеринаров предъявить дипломы, признаваемые в Австро-Венгрии, и большинство из них просто лишилось работы. Чиновники также обязали проституток регистрироваться и регулярно проходить медицинский осмотр. Впрочем, скоро выяснилось, что боснийцы физически вполне здоровы, а венерические заболевания среди них распространены примерно в той же степени, что и в империи Габсбургов. Габсбургские врачи не сдавались и все-таки выявили у мусульманского населения Боснии совершенно новый вид сифилиса (под названием *škrljevo*), а у мусульманских женщин – сужение таза, объясняющееся, предположительно, передвижением на четвереньках. Колониальные и цивилизаторские предприятия часто начинаются с выявления женских особенностей⁵³².

В Османской империи мусульмане, католики и православные по-разному облагались налогами и имели отдельные суды. Габсбургские власти углубили эту сегрегацию. В Австро-Венгрии переписи населения определяли национальность человека по родному языку, но в Боснии-Герцеговине критерием стало вероисповедание. Причина была очевидна. Лингвисты уже определили, что в Боснии-Герцеговине, Сербии, Черногории и Восточной Хорватии преобладает южнославянский штокавский диалект. Крупный сербский ученый Вук Караджич пошел дальше и назвал этот диалект сербским – отсюда название его знаменитой статьи «Сербь все и всюду» (1849). Политики в Белграде полагали, что все южные славяне – босняки, хорваты, далматы и словенцы – это сербы или их ближайшие родственники, и планировали создать для них всех единое государство, Великую Сербию. Данные переписи населения Боснии-Герцеговины, из которых следовало бы, что большинство говорит там на штокавском (или сербском) диалекте, могли бы стать для этих политиков важным козырем.

По данным переписи 1879 г., ни одна из религиозных групп не была в Боснии-Герцеговине абсолютным большинством: 500 000 человек записались православными, 200 000 католиками и 450 000 мусульманами. Каждая из этих групп имела единоверцев за границей: это были православные сербы в Сербии, хорваты-католики в Хорватии и мусульмане повсюду на Балканах. Существовала опасность, что Босния-Герцеговина разделится на части или что там вспыхнет гражданская война, причем у каждой из сторон будет поддержка извне. При этом с самого начала габсбургская администрация считала наиболее серьезной угрозой со стороны

⁵³¹ Emil Mattauschek, 'Einiges über die Degeneration des bosnisch-herzegowinischen Volkes,' *Jahrbücher für Psychiatrie und Neurologie*, 29 (1908), 134–48.

⁵³² Brigitte Fuchs, 'Orientalizing Disease: Austro-Hungarian Policies of "Race", Gender, and Hygiene in Bosnia and Herzegovina, 1874–1914', in *Health, Hygiene and Eugenics in Southeastern Europe to 1945*, ed. Christian Promitzer et al. (Budapest and New York, 2011), 57–85; более общую информацию см. в Anne McClintock, *Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Context* (London and New York, 1995).

Сербии. Как заметил один министр финансов, сербы не успокоятся, пока не получат полный контроль над провинцией и не изгонят оттуда всех мусульман⁵³³.

Политика Габсбургов в Боснии-Герцеговине опиралась на два принципа. Первый – это экономическая модернизация, которая, как надеялись в Вене, цивилизует провинцию и разрядит там межконфессиональную напряженность. В 1888 г. кронпринц Рудольф комментировал свой визит в Боснию так: «Наша миссия здесь – нести на Восток западную культуру»⁵³⁴. В итоге в провинции возникали школы, больницы, технические училища и новые производства: добыча угля и железа, выращивание и переработка табака, изготовление бумаги из местной древесины. Самое грандиозное достижение габсбургской администрации – более 1000 км построенных тут железных дорог. На Северо-Боснийской линии, проложенной через гористую местность к востоку от Сараево, насчитывалось 99 тоннелей и 30 металлических мостов на протяжении всего 160 км. Так называемая «боснийская узкая колея» (760 мм) стала впоследствии международным стандартом и использовалась по всей Европе, а также в Конго и Аргентине.

Второй принцип – создание боснийской идентичности, объединяющей разные конфессии, но он неизменно проводился лишь отчасти. Губернаторы провинции поощряли в архитектуре боснийский стиль – смесь сецессиона и «неомавританских» мотивов. Примечательнее всего тут то, что арабский дворец Альгамбра в Гранаде послужил образцом для новой ратуши Сараево с ее ажурной резьбой по камню, подковообразными арками и восточными орнаментами в витражах. Тем временем хранители Национального музея (Zemaljski Muzej) приступили к созданию новой истории Боснии, доказывая, что в Средние века существовала особая боснийская религиозная традиция – не католическая и не православная, а восходившая к ереси богомилов. По этой теории боснийские землевладельцы-мусульмане были потомками знатных богомилов, принявших ислам. Археологические находки, опровергавшие их версию, музейные кураторы уничтожали или прятали⁵³⁵.

Пошло в ход и измерение черепов. Работавшие в музее краниологи весьма кстати обнаружили «чисто боснийский» череп, разновидность северноарийского, – «брахицефалический», то есть укороченный; он был равно распространен среди мусульман и хорватов-католиков. У православных сербов череп, напротив, был вытянутым – «резко долихоцефалическим», что якобы указывало на их принадлежность к более примитивному расовому типу, пришедшему в Боснию откуда-то извне. По мнению директора музея Чиро Трухелки, у скитавшихся, подобно евреям, сербов развилась предрасположенность «к туберкулезу и бесплодию, а следовательно, и к слабости физической и психической конституции», а утрата исторических корней превратила их в «культурных паразитов»⁵³⁶.

Как видно по этим примерам, боснийский национальный проект не включал в себя сербов, оказавшихся теперь в самом низу культурной иерархии наряду с мусульманами. Мусульмане, однако, не встречали такой враждебности и успешнее интегрировались в новые структуры – они раз за разом становились мэрами Сараево и преобладали в городском совете. Председателем боснийского сабора (парламента), впервые созданного в 1910 г., также был мусульманин. Со временем боснийские мусульмане начали демонстрировать к империи Габсбургов лояльность, сравнимую лишь с еврейской: мусульмане составляли основу четырех полков, набиравшихся в австро-венгерскую армию в Боснии. Босняки, как и гуркхи на службе бри-

⁵³³ Йозеф Славй (1882), цит. по: Zoltán Fónagy, 'Bosznia-Hercegovina integrációja az okkupáció után', *Történelmi Szemle*, 56 (2014), 27–60 (33).

⁵³⁴ Diana Reynolds-Cordileone, 'Displaying Bosnia: Imperialism, Orientalism, and Exhibitionary Cultures in Vienna and Beyond: 1878–1914', *AHY*, 46 (2015), 29–50 (32).

⁵³⁵ Marian Wenzel, 'Bosnian History and Austro-Hungarian Policy: the Zemaljski Muzej, Sarajevo, and the Bogomil Romance', *Museum Management and Curatorship*, 12 (1993), 127–42.

⁵³⁶ Nevenko Bartulin, *The Racial Idea in the Independent State of Croatia: Origins and Theory* (Leiden, 2014), 53–6.

танской короны, славились своей храбростью. Написанный в 1895 г. марш «Босняки идут» (*Die Bosniaken kommen*) и поныне остается одним из самых популярных в австрийской армии.

Экономическая модернизация пошла на пользу мусульманской торговой элите, но почти не затронула сербов. Они по-прежнему оставались крестьянами-арендаторами у преимущественно мусульманских землевладельцев, так как у правительства не было средств на выкуп их наделов. В итоге блага модернизации по большей части обошли сербское население стороной, и, как следствие, подавляющее большинство сербов не знало грамоты. К тому же сербские газеты и организации часто запрещали, а сербским школьным учителям было сложнее доказывать свою «политическую благонадежность». Избирательная система была выстроена таким образом, что в сабор от сербов попадали только консервативные политики, в основном представлявшие немногочисленное сообщество православных предпринимателей.

Военная оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией задумывалась как временное решение. В октябре 1908 г. в результате виртуозного по замыслу, но топорно исполненного маневра провинцию официально аннексировали и включили в состав Габсбургской империи. Имперский министр иностранных дел считал, что получил от российского коллеги согласие на аннексию, но это было недоразумением. Оно обернулось дипломатическим кризисом, который сблизил Россию с Сербией. Экспансия Сербии на юг, в османскую провинцию Македония, во время Балканских войн 1912–1913 гг. усилила подозрения Вены в том, что, заручившись поддержкой России, Белград скоро попытается «освободить» сербов, живущих на территории Габсбургской империи.

В Сербии имелся парламент – скупщина, избираемая довольно широкими слоями населения, но правление в стране не было демократическим. Государственные институты были до основания пронизаны тайными обществами и террористическими организациями, действовавшими изнутри армии и органов безопасности. Главной среди них была организация под названием «Единство или смерть», она же «Черная рука», возглавляемая руководителем сербской военной разведки Драгутином Димитриевичем. В ней состояли заговорщики, убившие в 1903 г. непопулярных короля Александра I и королеву Драгу и разрубившие их тела на трофеи. Спустя 10 лет Димитриевич, сделавший на этом убийстве карьеру, был занят обработкой юношей слишком хорошо знакомого нам сегодня типа: жалких, сексуально неудовлетворенных и ищущих дела, которое наполнит их жизнь каким-то смыслом. Он предлагал им цель – террористическими методами освободить Боснию-Герцеговину из-под власти Габсбургов, что станет прологом к ее объединению с Сербией.

В это-то осиное гнездо и ступил Франц Фердинанд. Сербов эрцгерцог ненавидел почти так же, как венгров, но выступал за мирное сосуществование с Сербией. Ему особенно хорошо удавалось умирять начальника генерального штаба Конрада фон Хётцендорфа, который в течение 1913 г. не менее 25 раз предлагал начать превентивную войну против Сербии. Франц Фердинанд, как объяснял он сам министру иностранных дел Леопольду фон Берхтольду, не желал втягивать империю в «ведьмину кухню» такой войны. Эрцгерцог не верил и в то, что в самой Сербии имеются значительные воинственные настроения, ведь она уже едва справлялась с умирением территорий, полученных в результате недавних Балканских войн⁵³⁷.

⁵³⁷ Christopher Clark, *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914* (London, 2012), 105, 291.

У Франца Фердинанда имелось куда более разумное решение. Его план представлял собой новую версию «австро-венгро-хорватского триализма», сторонником которого он был ранее. Хорватия должна была быть преобразована в южнославянское государство и стать противовесом Сербии. Для этого к ней присоединялись Босния-Герцеговина – что Франц Фердинанд считал логичным продолжением аннексии – и Далмация, которая уже некогда была частью Хорватии, но потом вошла в состав Цислейтании. В итоге Сербия будет оттеснена на задний план, а главную роль в объединении южных славян станет играть Загреб, а не Белград. В Сербии знали о планах Франца Фердинанда, и его было решено устранить: план убийства разрабатывался в высших эшелонах сербской политической системы. Гаврило Принцип, застреливший эрцгерцога, впоследствии объяснял, что Франца Фердинанда выбрали в качестве жертвы, поскольку «став императором, он начнет реформы, которые не дадут нам объединиться»⁵³⁸.

28 июня 1914 г. Франц Фердинанд прибыл в Сараево на торжественное открытие нового здания Национального музея. Его поджидали несколько тщедушных юнцов с пистолетами и бомбами, полученными в Белграде от бандитов Димитриевича. Трое из шести заговорщиков были подростками, еще двоим не было 30. Все, кроме одного, были боснийскими сербами, и все они были одинаково плохо подготовлены. Лишь один сумел бросить бомбу в открытый автомобиль марки Gräf & Stift, на небольшой скорости везший эрцгерцога с женой по улицам Сараева. Однако молодой человек не учел время задержки и сильно промахнулся. Гаврило Принцип поначалу вообще струсил, но волею случая оказался на улице, по которой спустя полчаса эрцгерцогская чета ехала в больницу навестить раненных той бомбой. Водитель, не зная, куда свернуть, остановил машину прямо рядом с Принципом, и тот, с тем же везением, как у Ли Харви Освальда пятью десятилетиями позже, выпустил две роковые пули.

⁵³⁸ Clark, *The Sleepwalkers*, 49.

МИРОВАЯ ВОЙНА И КОНЕЦ ИМПЕРИИ

По всей Европе весть о гибели Франца Фердинанда была воспринята как новая трагедия дома Габсбургов, продолжившая скорбный ряд погибших – эрцгерцога Максимилиана, кронпринца Рудольфа и императрицы Сиси. Цветная иллюстрация на первой полосе *Le Petit Journal*, самой многотиражной газеты тогдашней Франции, от 12 июля 1914 г. изображала Франца Иосифа с поникшей головой, а над ним – призрачные образы умерших не своей смертью Габсбургов. Подпись «Трагедия старого императора: ни одна беда его не миновала» перефразировала слова, сказанные самим Францем Иосифом 16 лет назад, когда ему сообщили об убийстве жены. В том же духе высказывалась и британская *The Times*: «Мысли всего человечества прежде всего обращены к почтенному императору, которому выпало столько тяжких испытаний, сколько мало кому из смертных»⁵³⁹.

Нанеся Франц Иосиф удар возмездия по Сербии сразу же после убийства, он бы встретил понимание, если не полную поддержку европейских держав – возможно, даже включая Россию (министр иностранных дел которой был глубоко возмущен сербской агрессией). Как говорил императору румынский премьер-министр Йон Брэтиану, «сочувствие всей Европы» было бы на его стороне. Но Франц Иосиф медлил. Стояло лето, и изрядное число солдат и офицеров разъехалось в отпуска, чтобы помочь родным убрать урожай, так что армия не была готова сражаться. Кроме того, поскольку сохранялась опасность российского вмешательства на стороне Сербии, Франц Иосиф хотел убедиться, что его немецкий союзник не нарушит договор 1879 г. о взаимных гарантиях безопасности⁵⁴⁰.

В предшествующие десятилетия переписка австро-венгерского и немецкого генеральных штабов в основном исчерпывалась рождественскими открытками. Но Вильгельм II благородно подтвердил Францу Иосифу свои обещания, хотя уже догадывался, что война, если она начнется, может оказаться очень масштабным конфликтом на нескольких фронтах. 6 июля австро-венгерский посол в Берлине получил подтверждение, что император «может быть уверен: Его Величество непременно выступит на стороне Австро-Венгрии, как требуют их договор и давняя дружба». Выдав Францу Иосифу «незаполненный чек» безоговорочной поддержки, Вильгельм II покинул Берлин и отправился в ежегодное путешествие на яхте вдоль берегов Скандинавии. Ход теперь был за Веной, но ее армия еще не окончила страду⁵⁴¹.

Помедлив, Франц Иосиф не только потерял инициативу, но и позволил списку военных целей империи настолько расшириться, что Австро-Венгрия уже выглядела агрессором. Балканисты из министерства иностранных дел планировали уже не просто наказать Сербию, но полностью ее уничтожить, более не беспокоясь о возможной эскалации конфликта. Строго говоря, они даже рассчитывали на такую эскалацию, полагая, что любая отсрочка войны сулит преимущества врагам Австро-Венгрии. Некоторые радикалы в министерстве воспринимали ситуацию в терминах социального дарвинизма – как неизбежную битву за господство, где слабость будет наказана, и с нетерпением ожидали «наступления совершенно новой эпохи», когда к империи Габсбургов вернется былое величие. Уже не сдерживаемый Францем Фердинандом начальник Генерального штаба Конрад фон Хётцендорф также настойчиво призывал к войне,

⁵³⁹ *The Times* (London), 29 June 1914, 9.

⁵⁴⁰ Sean McMeekin, *The Russian Origins of the First World War* (Cambridge, MA, 2011), 27; Christopher Clark, *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914* (London, 2012), 403.

⁵⁴¹ Alexander Watson, *Ring of Steel: Germany and Austria-Hungary at War, 1914–1918* (London, 2014), 105; Manfred Rauchensteiner, *The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918*, 2nd ed. (Vienna, Cologne, and Weimar, 2014), 95–96.

даже если в нее вступит Россия. Он с уверенностью заявлял, что Сербию армия Габсбургов разобьет за несколько дней, после чего полки можно будет развернуть, чтобы отразить любое наступление русских⁵⁴².

Большую часть июля Франц Иосиф провел в Бад-Ишле, в Австрийских Альпах. Он получал телеграммы и отчеты из Вены, но на заседаниях коронного совета, где принимались все политические решения, не присутствовал. Первоначально венгерский первый министр Иштван Тиса призывал там к осторожности, но скоро его убедили, что воинственная Сербия угрожает и территориальной целостности Венгрии. Министр иностранных дел Леопольд фон Берхтольд придерживался жесткой линии, опасаясь выказать слабость перед коллегами. Франц Иосиф поддержал предложение Берхтольда выдвинуть Сербии ультиматум, которого ее правительство не сможет выполнить, что и даст Австро-Венгрии предлог для войны. Но даже при этом венские политики все еще исходили из идеи «небольшой кампании» на ограниченном театре военных действий⁵⁴³.

23 июля посол Австро-Венгрии в Белграде вручил сербскому правительству ультиматум, в котором, помимо многих других, содержалось требование передать расследование убийства эрцгерцога австрийской полиции. Это было прямое посягательство на суверенитет Сербии, неприемлемое для ее правительства и обличенное, по определению британского министра иностранных дел сэра Эдварда Грея, в «самый устрашающий документ, когда-либо посланный одним государством другому». Российский министр иностранных дел выразился лаконичнее: «Это война». Два дня спустя сербское правительство ответило Австро-Венгрии отказом. Уже через несколько часов штат австрийского посольства покинул Белград будапештским поездом. В три часа ночи, вскоре после пересечения венгерской границы, поезд остановила ликующая толпа, и послу пришлось выступить с импровизированной речью. После этого дипломатов горячо приветствовали на каждой станции по пути следования⁵⁴⁴.

Через пять дней Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Роковой указ Франц Иосиф подписал в своем кабинете в Бад-Ишле, заметив при этом: «Ничего другого не остается». На следующий день было опубликовано императорское послание «Моим народам». Война ведется, писал он, за «честь, величие и могущество отечества». В частной беседе с генералом Хётцендорфом он сказал: «Если нам суждено погибнуть, мы должны сделать это с честью». Его слова оказались пророческими. Россия в конце концов выступила на стороне Сербии, Германия исполнила свои обязательства перед Австро-Венгрией, а Великобритания и Франция взяли сторону России. Через неделю война охватила всю Европу⁵⁴⁵.

Мобилизацию в империи Габсбургов объявляли плакаты на 15 языках. С самого начала обнаружилась не только логистическая проблема – как доставить на фронт более полутора миллионов солдат, но и нехватка боевого духа – как побудить сражаться армию столь пестрого национального состава? Офицеров, возможно, мог бы вдохновить «имперский патриотизм», не знающий национальных различий, но для рядовых солдат он оставался пустым звуком. Решение состояло в том, чтобы воззвать к их национальным чувствам. Призывников, соответственно, организовывали по этническому признаку и соблазняли перспективой задать трепку давнему врагу: для поляков это были русские, для хорватов – сербы, для венгров – любые славяне и т. д. Националистическая карта сыграла, как казалось, успешно, и некоторые

⁵⁴² John Leslie, 'Österreich-Ungarn vor dem Kriegeausbruch', in Deutschland und Europa in der Neuzeit. Festschrift für Karl von Aretin, ed. Ralph Melville (Stuttgart, 1988), 661–84 (675).

⁵⁴³ Rauchensteiner, *The First World War*, 108.

⁵⁴⁴ «Самый устрашающий документ, когда-либо посланный одним государством другому...» – см. Rauchensteiner, *The First World War*, 113.

⁵⁴⁵ Steven Beller, *The Habsburg Monarchy 1815–1918* (Cambridge, 2018), 248.

комментаторы с удивлением отмечали «бурное ликование с песнями и музыкой», когда войска провожали на фронт⁵⁴⁶.

Движимые скорее националистической ненавистью, чем здоровым патриотизмом, габсбургские солдаты часто в исступлении вырезали мирное население и сжигали деревни. Характерный приказ, отданный в сентябре 1914 г. после того, как крестьяне устроили засаду австрийским солдатам, гласил: «Схватить мэра, священника, дьякона и еще несколько человек, желательно евреев, и немедленно расстрелять. Поселение сжечь, колокольню постараться свалить». Из этого текста ясно, что даже неприятие антисемитизма в офицерском корпусе (17 % габсбургских офицеров были евреями) уже дало трещину⁵⁴⁷.

Бесчинствам способствовало и отчаяние. Армия Габсбургов была слабо экипирована и плохо обучена: до 1914 г. лишь один из 20 взрослых мужчин проходил какую-либо военную подготовку, да и то по большей части поверхностную. Поезда, доставлявшие людей на фронт, двигались со скоростью велосипедиста, снабжение было нерегулярным, а вместо лопат приходилось использовать жестяные крышки от котелков. Почти все проблемы можно было объяснить нехваткой финансовых средств – в довоенные годы избежать бюджетного дефицита удавалось только путем урезания военных расходов. Однако сказывалась и некомпетентность командования. В самый разгар мобилизации в августе 1914 г. Хётцендорф полностью поменял свои намерения, и в результате целая армия застряла на сербском фронте, хотя должна была оказаться на русском. Кампания против Сербии, начатая в августе, велась по плану, который показал себя провальным во время недавних штабных учений⁵⁴⁸.

В Восточной Европе война имела более маневренный характер, чем в Западной, и войска Габсбургов обороняли фронт протяженностью 1000 км. Русские быстро наступали и приблизились на расстояние одного дневного перехода к Кракову, уничтожив половину регулярных войск империи, которой теперь пришлось полагаться на кое-как обученных новобранцев. В мае 1915 г. в войну против Австро-Венгрии вступила Италия, что вынудило Габсбургов направить войска в Альпы, а летом 1916 г. триумфальное наступление русских побудило присоединиться к противникам империи и Румынию. Выстоять под натиском русских Австрия могла только с помощью Германии, которой пришлось срочно перебрасывать на помощь союзнику соединения, осаждавшие французскую крепость Верден. Империя Габсбургов сделалась военным придатком Германии, и в сентябре 1916 г. стратегическое командование ее вооруженными силами перешло к Вильгельму II.

Постепенно, однако, армия Габсбургов собралась с силами. Под ружье поставили около 3 млн человек, включая и негодных по здоровью – из них формировали отдельные подразделения вроде венгерского «батальона желудочно-кишечных заболеваний». Армейским дивизиям придавались собственные поезда и артиллерийские батареи, а заводы Škoda в чешском Пльзене выпускали сверхтяжелые мортиры «Большая Берта». Артиллерийское подразделение и трехтысячный контингент в 1915 г. были направлены в Иерусалим на подкрепление турецкой армии: в основном это были венгры и они захватили с собой цыганский оркестр. Австро-венгерские инженеры, проектировавшие вместе с Фердинандом Порше шестицилиндровые авиационные двигатели и полноприводные бронированные автомобили для компании Austro-Daimler, создали первый работающий прототип вертолета. В 1915 г. чешские криптографы за три дня взломали новый шифр российской армии.

При поддержке немцев армия Габсбургов добилась заметных успехов. В 1915–1916 гг. давно отступавшие сербские войска ушли с материковых Балкан на Ионические острова в Гре-

⁵⁴⁶ Watson, *Ring of Steel*, 91.

⁵⁴⁷ Watson, *Ring of Steel*, 153.

⁵⁴⁸ Об условиях на Восточном фронте см. Béla Zombory-Moldován, *The Burning of the World – A Memoir of 1914* (New York, 2014).

ции. В декабре 1917 г. разбитая Румыния вынуждена была просить о мире, а Россию в том же году охватило пламя революции. Удерживая итальянский фронт, австрийские войска угрожали Венеции. Австрийцы там были теперь настолько уверены в победе, что жалели итальянских солдат и вместо того, чтобы косить атакующих пулеметами, умоляли их вернуться в окопы. В ноябре 1917 г. министр иностранных дел Габсбургской империи писал, что «войну можно считать выигранной»⁵⁴⁹.

Но политики упустили из виду тыл. Нужды армии, блокада со стороны Антанты и захват русскими большей части галицийской житницы истощили запасы продовольствия в стране. Путям сообщения и аграрному производству в тылу, кроме того, грозили банды дезертиров, собиравшихся в полувоенные формирования в сельской местности. В 1915 г. ввели карточки на муку и хлеб, в следующем году – на сахар, молоко и кофе, а позже – и на картошку. К 1918 г. недельная норма картофеля составляла всего полкило. Карточная система не всегда спасала от дороговизны и дефицита провизии. По выходным рабочие устремлялись за город – искали хоть какой-то еды или перекапывали картофельные поля. Чтобы прокормить свои населенные пункты, мэры останавливали поезда с продовольствием, идущие в крупные города, и отбирали грузы. Зимой 1917/18 гг. из-за нехватки угля закрылось много театров, кино и прочих увеселительных заведений, которые стало невозможно отапливать⁵⁵⁰.

Чтобы сплотить население, в кинотеатрах (которые еще не закрылись) шли воодушевляющие ленты, где показывали бодрых военных, работающие фабрики и безмятежные улицы. Цензура запрещала демонстрацию кадров сражений или жертв войны и «подчищала» художественные фильмы, привезенные из Франции, чтобы скрыть их происхождение. До войны кинопродукция Вены в основном состояла из порнографических фильмов студии Saturn-Film (в наше время они выглядят как пародия). В военные годы первенство захватила студия Sascha-Filmindustrie, снимавшая мелодрамы, еженедельную хронику и комедии. Комедия 1916 г. «Военная Вена» (*Wien im Krieg*) – подлинное произведение искусства, где социальная сатира разбавлена интерлюдиями, снятыми через искажающую линзу, чтобы показать город глазами двух пьяниц⁵⁵¹.

В 1916 г., чтобы укрепить дух гражданского населения, правительство и военное командование организовали особую Военную выставку (*Kriegsausstellung*). Выставка, открывшаяся в венском парке Пратер на площади 50 000 кв. м, состояла из 25 разделов. В парке вырыли траншеи, устроили модель полевого госпиталя, выставили множество трофеев – захваченных орудий и самолетов. Экспозиция разместилась на месте старого парка аттракционов, и по замыслу была не только познавательной, но и развлекательной. Поэтому там имелись театр, кинозал, несколько ресторанов и киоски с сувенирами, где, помимо прочего, продавались поделки военнопленных.

Эта выставка выхолащивала войну. Она показывала «игрушки для мальчиков» в виде огромных гаубиц и понтонных мостов. Врага представляли образцы оружия, фотографии сдачи подразделений и «примеры наиболее интересных расовых типов русских солдат». На стендах и в витринах можно было увидеть стандартный фронтовой паек (включая суточную норму фуража для лошадей), новейший беспроводной телеграф, работы армейских художников, рентгеновские аппараты и т. д. Целое здание отвели под экспозицию о протезировании. Там инвалиды войны время от времени демонстрировали публике, как они могут играть на музыкальных инструментах, печатать на машинке и столярничать. Тем, кто не выжил, посвя-

⁵⁴⁹ Mark Thompson, *The White War: Life and Death on the Italian Front 1915–1919* (London, 2008), 2; F. R. Bridge, *The Habsburg Monarchy Among the Great Powers, 1815–1918* (New York, Oxford, and Munich, 1990), 364.

⁵⁵⁰ Jakub S. Beneš, 'The Green Cadres and the Collapse of Austria-Hungary in 1918', *Past and Present*, 236 (2017), 207–41.

⁵⁵¹ Доступна по адресу <https://vimeo.com/132427132> (проверено 18 февраля 2019 г.).

щалась экспозиция военных захоронений. Скорбящих родных тут заверяли, что их близкие покоятся на отлично ухоженных кладбищах⁵⁵².

Открывал Военную выставку в июле 1916 г. зять императора эрцгерцог Франц Сальватор. В 1890 г. он стал мужем младшей дочери Франца Иосифа Марии Валерии, которая была как две капли воды похожа на мать. Поскольку Франц Сальватор не принадлежал к правящим домам Европы, Франц Иосиф по своему обыкновению настоял, чтобы ради брака дочь отказалась от всех прав на престол. В первый день Пратер посетило 20 000 человек, а за пять месяцев – почти миллион. Выставка имела такой успех, что, закрывшись на зиму, она вновь открылась на следующий год. Как писал позже один журналист, Военная выставка помогала людям забыть о войне путем разглядывания войны. Он сравнивал посетителей выставки со зрителями в кинотеатре – их «дух вдруг покидал окружающую действительность»⁵⁵³.

Каталог выставки не мог скрыть каждодневных лишений военного времени. Несмотря на объем 300 страниц, он оставался недорогим благодаря коммерческому финансированию: множество компаний наперебой стремились показать, как они перепрофилировали производство под нужды страны. В других рекламных объявлениях предлагалась обувь с деревянной подошвой и такими же гвоздями, поскольку кожа и железо были в дефиците. Рядом Императорская фигово-табачная фабрика хвалилась, что ее эрзац-кофе «лучше зернового»⁵⁵⁴. В 1918 г. работа Военной выставки не возобновилась. На ее месте открыли куда более скромную Выставку товаров-заменителей (Ersatzmittelausstellung). Она была уже исключительно образовательной и учила жителей Вены обходиться картонными туфлями, заменителями яиц и синтетическим маслом. Столкнувшись с дефицитом ткани, промышленники также пытались наладить производство военной формы из крапивы и рассчитывали на экономию благодаря введению в армии одного фасона блуз для обоих полов.

В 1914 г. с объявлением ультиматума Сербии в Австро-Венгрии установили чрезвычайное положение: урезали гражданские свободы (свободу слова, свободу собраний, право на неприкосновенность собственности и частной жизни и т. д.), мобилизовали граждан на производство и передали обширные территории в разных частях империи под контроль военных. К середине 1915 г. законы военного времени действовали по всей Цислейтании, кроме Верхней Австрии, Нижней Австрии и Чехии. Военные трибуналы судили скоро и предвзято, зачастую пренебрегая процессуальными нормами, причем в первую очередь от их предубежденности страдали славянские меньшинства. Через такие трибуналы прошло около 3 млн граждан, причем многих судили за мелкие проступки, вплоть до оговорок. В августе 1914 г. в Штирии нескольких словенцев арестовали за то, что двумя годами ранее они пожертвовали деньги в крайнский фонд Красного Креста в Любляне. Законы военного времени часто подкреплялись «чрезвычайными мерами» (Standrecht), предусматривавшими быстрые судебные разбирательства с двумя возможными исходами: оправданием или смертным приговором⁵⁵⁵.

Помимо прочего, армия взяла под контроль тяжелую промышленность, поставив надзирать за фабриками «военных управляющих». На самом деле производство оружия и транспортных средств росло все годы войны: в 1917 г. было выпущено 15 000 пулеметов против 4000 в 1915-м, 400 локомотивов против 300 и т. д. Но темпы роста были ниже, чем у противной стороны, и даже такой рост обернулся разбалансированием экономики. Кредиты, в

⁵⁵² «Примеры наиболее интересных расовых типов русских солдат...» – см. Offizieller Katalog der Kriegsausstellung (Vienna, 1916), 125.

⁵⁵³ Maureen Healy, 'Exhibiting a War in Progress: Entertainment and Propaganda in Vienna, 1914–1918', АНУ, 31 (2000), 57–85 (85).

⁵⁵⁴ Offizieller Katalog der Kriegsausstellung, С.

⁵⁵⁵ John Deak and Jonathan E. Gumz, 'How to Break a State: the Habsburg Monarchy's Internal War, 1914–1918', American Historical Review, 122 (2017), 1105–36 (1123); Martin Moll, 'Österreichische Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg – "Schwert des Regimes"?' Mitteilungen des Steiermärkischen Landesarchivs, 50 (2001), 301–55 (315, 323).

основном от немецких банков, и золотовалютные резервы шли на закупки стали и угля, а не продовольствия. Не помогли ни введенная в 1915 г. государственная монополия на зерно, ни создание Генерального комиссариата для координации продовольственных поставок. Полицейские рапорты о настроениях в народе уже в 1916 г. сообщали о длинных очередях в продовольственные лавки, которые люди зачастую занимали с полуночи. В этих же рапортах говорилось, что народ больше не волнует исход войны – осталось только желание, чтобы она поскорее закончилась⁵⁵⁶.

К 1918 г. администрации провинций уже препятствовали поставкам продовольствия, чтобы прокормить собственное население. Несмотря на это, к осени запасы продовольствия практически иссякли по всей стране. Карточки, очереди и голод вскоре обернулись забастовками и хлебными бунтами. В январе 1918 г. 700 000 рабочих на 10 дней прекратили работу, а еще десятки тысяч собирались, чтобы послушать агитаторов. Весной беспорядки охватили Краков: горожане громили еврейские торговые заведения, а драки за еду повсеместно выплескивались на улицы. Поскольку и охрана закона, и экономика находились теперь под контролем военизированной бюрократии, в дефиците все чаще винили правительство и чиновников. Еще осенью 1916 г. полицейские агенты отмечали, что народ слабо реагирует на случившееся тогда убийство министра-президента Цислейтании и почти не вывешивает траурных флагов. Самого Франца Иосифа, умершего в ноябре, оплакивали с большим рвением и с более многочисленными траурными флагами, но в целом на улицах Вены в те дни «не происходило ничего особенного». Историк и политический деятель Йозеф Редлих записал в дневнике: «Весь город объят глубокой, тяжелой усталостью: не чувствуется ни печали об умершем правителе, ни радости за его преемника». Правительство, которое не в состоянии прокормить население, очень скоро утрачивает влияние, а затем и легитимность⁵⁵⁷.

Из 8 млн человек, призванных на службу в габсбургские вооруженные силы, к ноябрю 1918 г. миллиона уже не было в живых; почти 2 млн получили ранения, 4 млн прошли через госпитали из-за болезни и около 1,5 млн находились в плену. Все это – при общей численности населения страны чуть менее 30 млн. Армия хоть и поредела, в целом оставалась если не лояльной, то по крайней мере дисциплинированной. В начале ноября 1918 г., принимая капитуляцию 400 000 австро-венгерских военнослужащих, итальянцы обнаружили среди них более 80 000 чехов и словаков, 60 000 южных славян (в основном хорватов), 25 000 трансильванских румын и даже 7000 итальянцев из Истрии и Тироля. В качестве финального парадокса истории армия империи Габсбургов, распадавшейся в тот самый момент на национальные государства, сохранила свой интернациональный характер⁵⁵⁸.

Последним распоряжением Франца Иосифа своему камердинеру было «Завтра утром, в половине четвертого». Больной 86-летний император был полон решимости встать в обычное для себя время. Наследовал Францу Иосифу его внучатый племянник Карл. Стандартам, заданным его двоюродным дедом, он не соответствовал. О нем ходила острота: «Рассчитываешь увидеть 30-летнего мужчину, но он выглядит как 20-летний юноша, а думает, говорит и действует как 10-летний мальчик». Впрочем, как бы над ним ни насмехались, Карл был порядочным человеком и убежденным сторонником мира. Увы, ему недоставало авторитета и возраста его предшественника – или твердости Франца Фердинанда, чье место в очереди на трон он занял. К войне он относился без особого энтузиазма. Весной 1915 г. на совещании в Гене-

⁵⁵⁶ Wienbibliothek im Rathaus, Polizeidirektion, Stimmungsberichte aus dem Kriegszeit, vol. 1916, no 2, 6 July, 13 July.

⁵⁵⁷ «Весь город объят глубокой, тяжелой усталостью...» – см. Z. A. B. Zeman, *The BreakUp of the Habsburg Empire 1914–1918* (Oxford, 1981), 98. См. также Wienbibliothek im Rathaus, Polizeidirektion, Stimmungsberichte aus dem Kriegszeit, vol. 1916, no 2, 26 October, 23 November; Maureen Healy, *Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War One* (Cambridge, 2004), 305–9.

⁵⁵⁸ Alan Sked, *The Decline and Fall of the Habsburg Empire 1815–1918* (London and New York, 1989), 261.

ральном штабе он будто бы сказал: «Не понимаю, зачем мы тратим столько сил на бессмысленную борьбу – в этой войне нам все равно не победить»⁵⁵⁹.

Прежде Габсбурги, потерпев полное поражение на поле боя, умудрились заключить с врагом мир, пусть и поступившись территориями, а иной раз и кем-то из принцесс. За участие в военных действиях Антанта пообещала Румынии и Италии части побежденной империи: первой – Трансильванию, а второй – Далмацию и южную часть Тироля. Империя Габсбургов могла пережить такую потерю. Ради мира с Россией она могла бы даже пожертвовать частью Галиции. Однако в 1916 г. Австро-Венгрия зависела от Германии, и значительная часть ее армии перешла под командование к немецким генералам.

Начиная с 1917 г. император Карл прощупывал почву, выясняя, нет ли возможности заключить мир. Он обещал (как будто они ему принадлежали) отдать Стамбул русским и вернуть Франции Эльзас и Лотарингию. Но эти его авансы ничего не принесли, зато стали известны газетчикам. Чтобы успокоить Вильгельма II, в апреле 1918 г. министр иностранных дел габсбургской империи публично заявил, что Карл не заинтересован в заключении сепаратного мира. В следующем месяце Карл посетил Вильгельма в его ставке в бельгийском городе Спа. Он согласился не только еще плотнее координировать действия немецких и австро-венгерских войск под германским командованием, но и поставить империю Габсбургов на службу военной экспансии Германии и ее экономической политике, вплоть до вступления Австро-Венгрии в таможенный союз под предводительством Берлина. Пришло время возвращать долг по «незаполненному чеку».

В апреле 1917 г. в Первую мировую войну вступили Соединенные Штаты Америки. Президент США Вудро Вильсон первоначально не имел намерений уничтожить империю Габсбургов. В выдвинутых им в январе 1918 г. «Четырнадцать пунктов» говорилось лишь о том, что «народы Австро-Венгрии... должны получить широчайшую возможность автономного развития». Британский премьер-министр Ллойд Джордж также заявил, что ликвидация империи «не входит в военные цели» Великобритании. Но в дальнейшем позиция союзников ужесточилась – ввиду малой вероятности того, что империю Габсбургов удастся оторвать от Германии. Госсекретарь США потребовал «стереть империю с карты Европы», а в июне 1918 г. Вильсон объявил, что «все ветви славянской расы должны быть полностью освобождены из-под власти Германии и Австрии». Теперь пропаганда союзников открыто приветствовала распад империи и образование на ее месте независимых национальных государств⁵⁶⁰.

В мае 1917 г. Карл возобновил работу рейхсрата, а через два месяца объявил всеобщую амнистию, освободив более 2000 политических заключенных, многие из которых вынашивали проекты полного преобразования империи и даже ее уничтожения. Считавшиеся до тех пор маргинальными идеи теперь громко обсуждались в стенах рейхсрата. Во-первых, это была идея единого государства южных славян, которое, объединив словенцев, хорватов и сербов, станет достаточно мощным, чтобы умирить притязания Италии на Адриатическое побережье. Эта мечта действовавшего в изгнании Югославянского комитета превратилась в официальную политику союзников летом 1918 г. Во-вторых – идея Томаша Масарика, будущего президента Чехословакии, о создании общего государства чехов и словаков. Находясь в изгнании в Лондоне, Масарик убедил британских политиков, что его план вполне реален.

Конец наступил скоро. В сентябре 1918 г. Восточная армия Антанты с французами во главе прорвала македонский фронт на юге Балкан, вынудив Болгарию просить о мире. Союзникам открылся путь для вторжения в Австро-Венгрию с юга, а у Германии уже не хватало ни людей, ни средств, чтобы прийти на помощь. Последнее летнее наступление немцев на

⁵⁵⁹ «Рассчитываешь увидеть 30-летнего мужчину...» – см. Holger H. Herwig, *The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918*, 2nd ed. (London and New York, 2014), 241. «Не понимаю, зачем мы тратим столько сил...» – см. Rauchensteiner, *The First World War*, 643.

⁵⁶⁰ «Все ветви славянской расы...» – см. Bridge, *The Habsburg Monarchy Among the Great Powers*, 368.

Западном фронте провалилось, а к тому времени 2 млн американских солдат уже высадились во Франции, чтобы поддержать контрнаступление союзников. К октябрю германские войска отступали по всему фронту.

В начале октября правительство Германии начало переговоры с Антантой о прекращении огня. В тщетной попытке удовлетворить растущие требования о самоуправлении император Карл издал манифест, в котором говорилось о реорганизации империи по национальному признаку. Однако представители недавно созданных «национальных комитетов» уже захватили власть в Праге, Загребе и Трансильвании, объявив себя национальными правительствами согласно букве этого манифеста. В конце месяца революция в Венгрии привела к власти лидера левых, «красного графа» Михая Каройи.

От империи Габсбургов почти ничего не осталось. Даже в австрийских землях провозгласили независимую республику Германская Австрия. 11 ноября император Карл официально устранился от управления государством (но не отрекся от престола). Вскоре после этого лидер австрийских социал-демократов Карл Реннер посетил императора в Шенбрунне и напутствовал его словами «Герр Габсбург, такси ждет». На следующий день оставшиеся депутаты рейхсрата приняли решение о создании республики. Позднее, в 1921 г., Карл дважды пытался захватить власть в Венгрии как ее законный монарх, но оба раза неудачно. Он умер в следующем году на Мадейре, где и похоронен. Его сердце, однако, извлекли и доставили в аббатство Мури – спустя 900 с лишним лет после Радбота и Иты еще один Габсбург вернулся после смерти в родовое гнездо династии в швейцарском Аргау.

Империя Габсбургов рухнула, потому что связала свою судьбу с Германией. Не имея возможности выйти из военного союза, она вынужденно разделила немецкое поражение. Но Германия пережила свое военное поражение, так же как и Болгария или потерявшая огромные территории Турция, с которой облетела позолота Османской империи. Габсбургская же империя исчезла окончательно: на ее месте возникли шесть новых государств, а ее поражение оказалось самым опустошительным. К 1918 г. стало ясно, что одной лишь династии недостаточно для скрепления имперского здания. Идентичность и приверженность теперь формировались вокруг наций; люди все в большей мере обращали свои надежды и верность к ним, а не к династиям. Стоило репутации династии пошатнуться, любые попытки удержать народы империи в рамках какого-то политического союза или организации потеряли смысл. Так что крах Габсбургской империи в 1918 г. стал окончательным и бесповоротным. В истории большинства европейских государств 1918 год – это конец главы (в случае России это 1917-й). Для империи Габсбургов им завершается вся книга.

Заключение

Нередко, встретившись с какой-нибудь знаменитостью, мы отмечаем, что человек оказался ниже и миниатюрнее, чем мы его представляли: реальная персона отличается от воображаемой. То же происходит с монархами, когда они «становятся ничем» (как это называет Шекспир в «Ричарде II»). Лишившись короны, они уменьшаются, превращаясь в простых людей. Их жизнь становится зримо заурядной, она складывается теперь из тех же мелких забот и банальных дел, что и у любого другого. Какое-то время они могут еще жить остатками бывлой харизмы и, если повезло, имущества, вывезенного из дворцов. Однако большинство монархов, едва оставшись без титулов, становятся скучными «не персонами», поскольку у них отняли их persona, что по-латыни означает маску актера. Низложенный Ричард II жалуется у Шекспира:

И даже имя, данное в купели,
Я потерял, – не Ричард больше я.
О горе! Столько зим прожив на свете,
Не знаю, как мне называть себя!⁵⁶¹

(«Ричард II», акт 4, сцена 1)

Таков же был и удел Габсбургов. На принадлежность к династии претендует около тысячи человек (часть из них – откровенные мошенники), и около сотни, согласно последнему подсчету, считают себя полноправными эрцгерцогами. Титулы и сейчас что-то значат в аристократических кругах, поэтому большинство эрцгерцогов вступили в «династические браки». В качестве занятий они чаще всего выбирают банковскую деятельность, сельское хозяйство и торговлю произведениями искусства. Есть среди них и надоедливые «светские девушки», и ведущие ток-шоу, и сомнительного толка дельцы. Некоторые стали «послами по особым поручениям» – как правило, у малосимпатичных режимов. В остальном ныне живущие представители династии служат только печальным напоминанием об утраченной империи.

После 1918 г. дом Габсбургов породил лишь одну настоящую знаменитость. Отто фон Габсбург (1912–2011) был старшим сыном последнего императора, Карла I, и, если чуть переиначить расхожее клише, лучшим монархом, которого не было в этой династии. Впрочем, выдающиеся качества Отто связаны не с происхождением, а с его неустанной заботой о мире в Европе, с его служением католической церкви и с огромным множеством инициатив, которые он продвигал как член Европарламента. Отто был храбрым и проницательным человеком. В 1940 г. его личное вмешательство спасло жизни нескольких тысяч евреев во Франции, а в 1997-м он отправился в послевоенное Сараево, не испугавшись сербских бандитов, которые угрожали ему убийством. В 1930-е гг. он не имел никаких дел с Гитлером и сторонился Муссолини. При всем том Отто держался неизменно скромно и говорил, что вполне доволен, когда его называют доктор фон Габсбург или просто герр Габсбург. Но в июле 2011 г. в крипте Капуцинской церкви в Вене его погребли как «Отто Австрийского, бывшего кронпринца Австро-Венгрии, наследного принца Венгрии, Чехии, Далмации, Хорватии, Славонии, Галиции, Лодомерии и Иллирии, великого герцога Тосканы и Кракова» и т. д. (а его сердце захоронено отдельно в бенедиктинском монастыре в венгерском городе Паннонхальма – в знак равной приверженности покойного обеим половинам бывлой австро-венгерской империи).

Отто фон Габсбург свободно или почти свободно говорил на семи языках. Однажды в Европарламенте итальянский политик решил подчеркнуть свою мысль, с ошибками процитировав несколько строк на латыни, и Отто без запинки ответил ему на том же языке. Неудиви-

---

⁵⁶¹ Пер. М. А. Донского.

тельно, что он определял себя как «европейца» и считал объединение Европы лучшей гарантией мира на континенте. После 1989 г. он многое делал для того, чтобы бывшие страны – сателлиты СССР стали членами Евросоюза. Однако опыт Габсбургской империи, которую он застал, научил его, что для успеха европейской идеи нужна культурная интеграция и общая идентичность, усвоенная ее народами. Таким культурным фундаментом ему виделось христианство, и, соответственно, Отто выступал против приема в Евросоюз Турции. Но одновременно он понимал, что секуляризм современного мира заметно ограничил объединяющую силу христианства⁵⁶².

Отто не сформулировал убедительной модели единого политического сообщества, построенного из многих национальных. В XX в. история многонациональных образований дала нам мало поводов для оптимизма. Ни в Чехословакии, ни в Советском Союзе, ни в Югославии не сложилось достаточно прочного осознания общих целей и идентичности для построения долговременного политического проекта. В XXI в. со схожими проблемами столкнулись Испания, Бельгия, Великобритания и Европейский союз. Их будущее вызывает такие же опасения, как те, что некогда высказывались в отношении Габсбургской империи. Но незадолго до своей гибели в 1889 г. кронпринц Рудольф заметил:

Австрия – это блок разных наций и разных рас, соединенных единым правлением... и для мировой цивилизации она представляет собой идею безмерной важности. Даже если нынешнее воплощение этой идеи, выражаясь деликатно, не во всем гармонично, это не значит, что сама идея дурна⁵⁶³.

Габсбургская империя пала в 1918 г., но габсбургская идея никогда не сводилась к территории и политике. Эта идея была сложнее. В ее сердцевине лежит преемственность от Рима и Римской империи, восстановленной Карлом Великим и императорами из династии Штауфенов, чьими наследниками воображали себя первые габсбургские правители. Один из аспектов этой идеи воплотился в Священной Римской империи, и именно поэтому Габсбурги стремились занять ее трон. То же можно сказать и об Австрии, где при Бабенбергах сформировался собственный миф об исключительности. В течение без малого 700 лет менялись акценты и устремления: самыми долговременными оказались служение католической вере и верховенство в борьбе с ересью и турками. Но кроме этого Габсбурги насаждали пышное красноречие интернационального барокко, заботились о подданных, несли им просвещение, укрепляли государство, защищали Европу от революций, культивировали архитектурные стили как универсальный смысловой код и выполняли цивилизаторскую миссию как в границах своей державы, так и за ее пределами. Из века в век Габсбурги строили и империю знания – в алхимических лабораториях, научных экспедициях и музейных собраниях. Их наследие дошло до нас не только в архитектуре или в прославленных коллекциях произведений искусства и научных образцов, но и как идеология, соединяющая власть, знание и предначертание, смешивающая земное и небесное во вселенском начинании, затрагивающем все аспекты материального и духовного опыта человечества.

Габсбургская идея подразумевает вселенский характер, а это означает, что Габсбурги никогда не могли связать свою идентичность с каким-то одним национальным сообществом. Самодержавие Романовых, например, самоотождествлялось с русскостью, а Османская империя в конце XIX в. становилась все более турецкой, но центральноевропейские Габсбурги стояли выше национальностей. Их принципом было править так, будто они были правителями каждой из земель и каждого из народов, а не повелителями составного целого или одного национального сообщества. Но даже если бы они попытались действовать иначе, им помешала

⁵⁶² Richard Mullen, 'Otto von Habsburg', *Contemporary Review*, 293 (September 2011), 274–86.

⁵⁶³ Berta Zuckerandl, *My Life and History*, trans. John Sommerfield (London, 1938), 133.

бы статистика, ведь в их центральноевропейских владениях ни одна национальная группа не составляла такого большинства, чтобы стать основой для формирования общей для всех идентичности. Однако с расой дело обстояло иначе. Чистота крови была важнейшей составляющей того мировоззрения, которое испанские Габсбурги экспортировали в Новый Свет, а понятие о цивилизации, принятое в Центральной Европе в XIX в., также отчасти строилось на идеях расовой иерархии. При этом раса никогда не стала для Габсбургов политическим принципом и не превратилась в развернутую идеологию. Она оставалась лишь одним из многих аспектов.

Среди бывших подданных империи мало кто так уж сожалел о ее распаде. В 1930-е гг. венгерская партия «легитимистов» выступала за реставрацию Габсбургов, но получила лишь одно место в венгерском государственном собрании. В межвоенной Австрии, где то и дело разгоралась гражданская война, а экономика лежала в руинах, «ностальгическая тоска» (*Wehmut*) по Габсбургам время от времени вырывалась на поверхность. Но это были тщетные поиски утраченного времени, ложные воспоминания об идеализированном мире туповатых чиновников, застывших иерархий и бидермаеровских клише, с песней и праздничным пирогом по любому случаю. В остальных же частях бывшей империи политизированное поколение историков и писателей рисовало Габсбургов жестокими тюремщиками, державшими в заточении подвластные им народы.

В государствах – преемниках рухнувшей империи «освобожденные» нации утверждали свое верховенство, и, поскольку ни одно из этих государств не было моноэтническим, часто это утверждение сопровождалось ущемлением национальных меньшинств. Расплата не заставляла себя ждать. Оставшиеся без имперского крова и раздробленные изнутри, новые государства скоро стали добычей империй, возрождавшихся по соседству. Границы снова пришли в движение, и, если народ оказывался не на своем месте, вагоны для скота всегда были наготове. Но жертвы были в то же время и коллаборантами. Массовые убийства евреев в Центральной Европе были бы невозможны без пособничества местных полиций и ополченцев. Коммунистические диктатуры после Второй мировой войны тоже опирались на сети осведомителей. Из всех частей бывшей Габсбургской империи только Австрия сумела отстоять демократическое правление, освободившись от советского контроля в обмен на гарантию нейтралитета в борьбе между двумя военными блоками. В остальных странах коммунистические режимы продержались до 1989 г., когда их смела волна народных революций.

В 1990 г. был момент, когда казалось, что Отто фон Габсбург может быть выдвинут в президенты новой демократической Венгрии. Известнейший историк и «серый кардинал» венгерской политики Домокош Кошари оценивал подобную перспективу для своей страны так: «Далеко не худший вариант»⁵⁶⁴. Чуть более чем за одно десятилетие общественная жизнь Венгрии деградировала до уровня свалки у кормушки, где заправляла новая порода политиков-мультимиллионеров, расхищавших – нередко в связке с организованной преступностью – государственные активы и международную помощь и осыпавших краденными деньгами родню и друзей. Похожая картина политической коррупции наблюдалась и у соседей Венгрии по бывшей Габсбургской империи. Некоторые западные наблюдатели, видя, насколько прочно коррупция укоренилась в нескольких центральноевропейских странах, пришли к выводу, что государственную власть там «приватизировали» частные лица. В последние годы кое-где в Центральной Европе мы снова видим цензуру в средствах массовой информации, манипуляции судебной властью, а также государственный заказ на политическое насилие и антисемитизм.

Более девяти веков дом Габсбургов породил простаков и провидцев, поклонников магии и масонов, религиозных фанатиков, правителей, пекшихся о своих подданных, покровителей искусств и подвижников науки, строителей удивительных дворцов и соборов. Некоторые

⁵⁶⁴ Личная беседа с автором, март 1990 г.

из Габсбургов стремились сохранять мир, иные то и дело затевали бессмысленные войны. Но при всем этом, видя, сколь безрадостна политическая ситуация в Центральной Европе, трудно не прийти к выводу, что венгерский историк был все же прав: любой Габсбург был бы тут не худшим вариантом.

Об авторе

Мартин Рейди – профессор центральноевропейской истории Школы славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона, автор книг «Империя Габсбургов: Краткая история» (The Habsburg Empire: A Very Short Introduction), «Император Карл V» (The Emperor Charles V) и других сочинений по истории Центральной Европы. Имеет степень почетного доктора Университета им. Гашпара Кароли (Будапешт) и Университета им. Лучиана Благы (Сибиу, Румыния). Живет в графстве Кент, Великобритания.

Благодарности

В первую очередь я благодарю Адама Гонтлета из издательства Peters, Fraser and Dunlop, который предложил мне написать эту книгу. В тот момент я только что закончил много меньший по объему текст о Габсбургской империи для серии кратких исторических очерков, выпускаемой издательством Oxford University Press, и переживал из-за жестких ограничений такого формата. Мне хотелось сказать больше, и Адам дал мне такую возможность. Также я благодарен моим лондонскому и нью-йоркскому редакторам, Саймону Уиндеру и Брайану Дистельбергу, чей придирчивый взгляд и способность встать над текстом и объяснить, что я пытаюсь сказать, сделали эту книгу более связной, а ее главы более ясными. Роджер Лабри кропотливо отредактировал каждую строчку моей рукописи, а Бет Райт тщательно вычитала и откорректировала текст. Если у меня не всегда получалось сбалансировать повествование и контекст, то это исключительно мой, а не их промах.

Я многим обязан коллегам с факультета славистики и восточноевропейских языков Лондонского университетского колледжа, в том числе Ребекке Хейнс, которая целиком прочла мою рукопись, Саймону Диксону, Эгберту Клаутке, Тому Лорману и Тревору Томасу. Я признателен поколениям аспирантов, из чьих работ я десятилетиями бесстыдно заимствовал данные и идеи: Джейми Буллоку, Алексу Казамиасу, Тому Лорману, Роберту Грею, Элеанор Янега, Кристоферу Николсону и Филипу Баркеру. Завершая эту книгу, я также должен поблагодарить Фила Кэвендиша, поделившегося со мной знаниями о раннем кинематографе, Анастасию Грудницку, ответившую на мои вопросы об императоре Матиасе, и Барбару Штольберг-Рилингер из Мюнстерского университета, оперативно удовлетворившую мой интерес к нормам о престолонаследии в Мекленбурге. Своими знаниями о Банате я в значительной мере обязан Ирине Марин, Адриану Махине и его жене Ливии, а сведениями о Трансильвании и трансильванских масонах – Иону-Аурелу Попу, Александру Симону и Тудору Селеджану.

В последние два года мне помогало участие в проекте по изучению истории венгерской конституции, организованном Томом Ломаном и Ференцем Хёрцером из Университета Пазманы в Будапеште. Я благодарен также Ричарду Баттервик-Павликовскому и польскому филиалу Колледжа Европы, пригласившим меня в 2018 г. прочитать лекцию об Австро-Венгрии в Первой мировой войне, что позволило упорядочить мои мысли о распаде Габсбургской империи. Замечательной пищей для размышлений оказалась недавняя серия лекций, прочитанных в Лондонском университетском колледже Александром Максвеллом из Университета Виктории в Веллингтоне.

В комиксе Fabulous Furry Freak Brothers есть эпизод, где персонаж сидит и курит до тех пор, пока сам не превращается в горстку пепла, и тогда другие сворачивают самокрутки и курят уже его. Преданная любовь Энн много лет уберегала меня от такой судьбы. Мои родители неизменно интересовались моей работой, и я многим обязан их поддержке и ободрению. Моя первая книга, изданная в 1985 г., посвящена им. И эта тоже.

Июль 2019 г.,

Рамсгит, графство Кент

Об иллюстрациях

Аббатство Мури, ок. 1650 г. Из: Matthäus Merian, *Topographia Helvetiae*, 2nd ed. (Frankfurt/M., 1654).

Геральдическое панно на восточном фасаде часовни Святого Георгия: с разрешения Томаса Ледла, используется по лицензии Creative Commons Attribution-Share Alike 4.0.

«Семья императора Максимилиана I»: предоставлено Музеем истории искусств (Вена).

«Максимилиан надзирает за ловом рыбы». Из: Michael Mayr, *Das Fischereibuch Kaiser Maximilians I.* (Innsbruck, 1901).

«Люди из дальнего Каликута»: предоставлено музеем Метрополитен (Нью-Йорк).

«Император Карл V», ок. 1550 г.: предоставлено галереей Маурицхёйс (Гаага).

Дворец Эскориал, Испания: предоставлено Ивон Фруно, используется по лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 3.00 IGO.

«Император Рудольф II»: предоставлено Рейксмюсеумом, Амстердам.

«Император Рудольф II в образе Вертумна»: предоставлено музеем Скуклостер, Швеция.

Альбрехт Дюрер, «Меланхолия I»: предоставлено музеем Метрополитен (Нью-Йорк).

Форт Сан-Доминго: предоставлено Asimonlee из англоязычной «Википедии».

Пример андского барокко: предоставлено Маккеем Севиджем, используется по лицензии Creative Commons Attribution 2.0 Generic.

Церковь Святого Карла Борromeо (Карлскирхе): предоставлено Томасом Ледлом, используется по лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0.

Вариант оформления погребального помоста: предоставлено музеем Метрополитен (Нью-Йорк).

Конный балет в Хофбурге, 1667 г.: предоставлено Рейксмюсеумом (Амстердам).

«Мария Терезия», ок. 1745 г.: предоставлено галереей Маурицхёйс (Гаага).

Князь Меттерних в 1822 г.: предоставлено музеем Метрополитен (Нью-Йорк).

«Казнь императора Мексики Максимилиана»: предоставлено музеем Метрополитен (Нью-Йорк).

Лоосхаус в Вене: предоставлено Томасом Ледлом, используется по лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0.

Венгерский первопроходец граф Шамуэль Телеки. Из: Lieut. Ludwig von Höhnelt, *Discovery of Lakes Rudolf and Stefanie*, vol. 2 (London, 1894).

Здание военного министерства в Вене: предоставлено Bwag, используется по лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0.

Использованные сокращения

AHR – American Historical Review

AHY – Austrian History Yearbook

AS – Austrian Studies

HAHR – Hispanic American Historical Review

HR – Hispanic Review

HZ – Historische Zeitschrift

JGPÖ – Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich

JWCI – Journal of the Warburg and Courtauld Institutes

MGH – Monumenta Germaniae Historica

MGH, Dt. Chron. – MGH Deutsche Chroniken

MGH SS – MGH Scriptorum, in folio

MGH, SS rer. Germ. – MGH Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum

MGH SS rer. Germ. N.S. – MGH Scriptorum rerum Germanicarum, Nova series

MGH, Staatsschriften – MGH Staatsschriften des späteren Mittelalters

MIÖG – Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung

MNL OL – Magyar Nemzeti Levéltár, Országos Levéltár, Hungarian State Archive, Budapest

OeStA/HHStA – Austrian State Archive, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna

SEER – Slavonic and East European Review

Дополнительная литература

В качестве цифровых справочных материалов можно рекомендовать сайты The World of the Habsburgs (www.habsburger.net/en) и AEIOU Encyclopedia of Austria (www.aeiou.at).

Jean Berenger, *A History of the Habsburg Empire*, 2 vols. (Harlow and London, 1994–1997).

Benjamin W. Curtis, *The Habsburgs: The History of a Dynasty* (London, 2013).

Paula Sutter Fichtner, *The Habsburgs: Dynasty, Culture and Politics* (London, 2014).

Martyn Rady, *The Habsburg Empire: A Very Short Introduction* (Oxford, 2017).

Adam Wandruszka, *The House of Austria: Six Hundred Years of a European Dynasty* (London, 1964).

Geoffrey Wheatcroft, *The Habsburgs: Embodying Empire* (London, 1996).

Simon Winder, *Danubia: A Personal History of Habsburg Europe* (London, 2013).

Steven Beller, *The Habsburg Monarchy 1815–1918* (Cambridge, 2018).

F. R. Bridge, *The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918* (New York, Oxford, and Munich, 1990).

John Deak, *Forging a Multinational State: State Making in Imperial Austria from the Enlightenment to the First World War* (Stanford, CA, 2015).

R. J. W. Evans, *Austria, Hungary, and the Habsburgs: Central Europe c. 1683–1867* (Oxford, 2006).

R. J. W. Evans, *The Making of the Habsburg Monarchy, 1550–1700: An Interpretation* (Oxford, 1979).

Pieter M. Judson, *The Habsburgs: A New History* (Cambridge, MA, and London, 2016).

Robert Kann, *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918* (Berkeley, CA, 1974).

C. A. Macartney, *The Habsburg Empire 1790–1918*, 2nd ed. (London, 1971).

Robin Okey, *The Habsburg Monarchy c. 1765–1918: From Enlightenment to Eclipse* (Basingstoke and London, 2001).

Alan Sked, *The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918* (London, 1989).

A. J. P. Taylor, *The Habsburg Monarchy, 1809–1918* (London, 1948, and many subsequent editions).

Anna Coreth, *Pietas Austriaca* (West Lafayette, IN, 2004).

Robert Folz, *The Concept of Empire in Western Europe from the Fifth to the Fourteenth Century* (London, 1969).

Anke Holdenried, *The Sibyl and Her Scribes: Manuscripts and Interpretation of the Latin Sibylla Tiburtina c. 1050–1500* (Aldershot and Burlington, VT, 2006).

Johanna Rachinger, *The Austrian National Library*, 2nd ed. (Munich, London, and New York, 2015).

Marie Tanner, *The Last Descendant of Aeneas: The Hapsburgs and the Mythic Image of the Emperor* (New Haven, CT, 1992).

Benjamin Arnold, *Princes and Territories in Medieval Germany* (Cambridge, 1991).

Clive H. Church and Randolph C. Head, *A Concise History of Switzerland* (Cambridge, 2013).

William Coxe, *History of the House of Austria*, vol. 1 (London, 1864).

Peter Felder, *Muri Abbey* (Berne, 2002).

Jane Louisa Willyams, *Tower of the Hawk: Some Passages in the History of the House of Hapsburg* (London, 1871).

Benjamin Arnold, *Medieval Germany, 500–1300: A Political Interpretation* (Basingstoke, 1997).

Noel Denholm-Young, *Richard of Cornwall* (Oxford, 1947).

- England and Europe in the Reign of Henry III (1216–1272)*, ed. Björn K. U. Weiler and Ifor W. Rowlands (Aldershot, 2002).
- Joachim Whaley, *The Holy Roman Empire: A Very Short Introduction* (Oxford, 2018), 44–66.
- Reinhard H. Gruber, *St. Stephan's Cathedral in Vienna* (Vienna, 1998).
- Gerhart B. Ladner, 'The Middle Ages in Austrian Tradition: Problems of an Imperial and Paternalistic Ideology', *Viator*, 3 (1972), 433–62.
- Len Scales, *The Shaping of German Identity: Authority and Crisis, 1245–1414* (Cambridge, 2012).
- Andrew Wheatcroft, *The Habsburgs: Embodying Empire* (London, 1995), 39–68.
- F. R. H. Du Boulay, *Germany in the Later Middle Ages* (London, 1983).
- Frances Courtney Kneupper, *The Empire at the End of Time: Identity and Reform in Late Medieval German Prophecy* (Oxford, 2016).
- Peter Moraw, 'The Court of the German King and of the Emperor at the End of the Middle Ages, 1440–1519', in *Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450–1650*, ed. Ronald G. Asch and Adolf M. Birks (Oxford, 1991), 103–37.
- Gerald Strauss, *Manifestations of Discontent in Germany on the Eve of the Reformation* (Bloomington, IN, and London, 1971).
- Richard Vaughan, *Charles the Bold: The Last Valois Duke of Burgundy* (London, 1973).
- Giulia Bartrum, *Dürer* (London, 2007).
- Gerhard Benecke, *Maximilian I (1459–1519): An Analytical Biography* (London, 1982).
- Darin Hayton, *The Crown and the Cosmos: Astrology and the Politics of Maximilian I* (Pittsburgh, 2015).
- Harald Kleinschmidt, *Ruling the Waves: Emperor Maximilian I, the search for islands and the transformation of the European world picture c. 1500* (Utrecht, 2008).
- Larry Silver, *Marketing Maximilian: The Visual Ideology of a Holy Roman Emperor* (Princeton, NJ, 2008).
- Rebecca Ard Boone, *Mercurino di Gattinara and the Creation of the Spanish Empire* (London, 2014).
- Karl Brandi, *The Emperor Charles V* (London, 1939).
- John M. Headley, *The Emperor and His Chancellor: A Study of the Imperial Chancellery Under Gattinara* (Cambridge, 1983).
- William Maltby, *The Reign of Charles V* (Basingstoke and New York, 2002).
- Martyn Rady, *The Emperor Charles V* (London and New York, 1988).
- Hugh Thomas, *The Golden Age: The Spanish Empire of Charles V* (London, 2010).
- Kenneth J. Dillon, *King and Estates in the Bohemian Lands 1526–1564* (Brussels, 1976).
- Paula S. Fichtner, *Ferdinand I of Austria: The Politics of Dynasticism in the Age of the Reformation* (Boulder, CO, and New York, 1982).
- Howard Louthan, *The Quest for Compromise: Peacemakers in Counter-Reformation Vienna* (Cambridge, 1997).
- Karin J. MacHardy, *War, Religion and Court Patronage in Habsburg Austria: The Social and Cultural Dimensions of Political Interaction, 1521–1622* (Basingstoke and New York, 2003).
- Orsolya Réthelyi, *Mary of Hungary: The Queen and Her Court, 1521–1531* (Budapest, 2005).
- Henry Kamen, *The Escorial: Art and Power in the Renaissance* (New Haven and London, 2010).
- Henry Kamen, *Philip of Spain* (New Haven and New York, 1997).
- Geoffrey Parker, *The Dutch Revolt* (Harmondsworth, 1985).
- Geoffrey Parker, *Imprudent King: A New Life of Philip II* (New Haven and London, 2014).
- Hugh Thomas, *World Without End: The Global Empire of Philip II* (London, 2014).
- Jack Beeching, *The Galleys at Lepanto* (New York, 1983).

- Gigi Beutler, *The Imperial Vaults of the PP Capuchins in Vienna (Capuchin Crypt)* (Vienna, 2003).
- Niccolò Capponi, *Victory of the West: The Story of the Battle of Lepanto* (London, 2006).
- Estella Weiss-Krejci, 'Restless Corpses: "Secondary Burial" in the Babenberg and Habsburg dynasties', *Antiquity*, 75 (2001), 769–80.
- Margaret Yeo, *Don John of Austria* (London, 1934).
- R. J. W. Evans, *Rudolf II and His World: A Study in Intellectual History, 1576–1612* (Oxford, 1973).
- Paula Sutter Fichtner, *Emperor Maximilian II* (New Haven, CT, and London, 2001).
- Peter French, *John Dee* (London, 1987).
- Peter Marshall, *The Theatre of the World: Alchemy, Astrology and Magic in Renaissance Prague* (London, 2006).
- Sally Metzler, *Bartholomeus Spranger: Splendor and Eroticism in Imperial Prague* (New York, 2014).
- A Companion to the Reformation in Central Europe*, ed. Howard Louthan and Graeme Murdock (Boston, 2015).
- Ferdinand II: 450 Years Sovereign Ruler of Tyrol*, ed. Sabine Haag and Veronika Sandbichler (Vienna, 2017).
- Valentine Penrose, *The Bloody Countess: Atrocities of Erzsebet Bathory* (London, 1970).
- Regina Pörtner, *The CounterReformation in Central Europe: Styria 1580–1630* (Oxford, 2001).
- Martyn Rady, 'Bocskai, Rebellion and Resistance in Early Modern Hungary', in *Resistance, Rebellion and Revolution in Hungary and Central Europe*, ed. László Péter and Rady (London, 2008), 57–66.
- Robert Bireley, *Ferdinand II, CounterReformation Emperor, 1578–1637* (Cambridge, 2014).
- Bohdan Chudoba, *Spain and the Empire 1519–1643* (Chicago, 1952).
- Geoff Mortimer, *The Origins of the Thirty Years War and the Revolt in Bohemia, 1618* (Basingstoke and New York, 2015).
- Jaroslav Pánek et al., *A History of the Czech Lands* (Prague, 2009).
- Brennan C. Pursell, *The Winter King: Frederick V of the Palatinate and the Coming of the Thirty Years' War* (Aldershot and Burlington, VT, 2003).
- The Ashgate Research Companion to the Thirty Years' War*, ed. Olaf Asbach and Peter Schröder (London and New York, 2014).
- Robert Bireley, *Ferdinand II, CounterReformation Emperor, 1578–1637* (Cambridge, 2014).
- Geoff Mortimer, *Wallenstein: The Enigma of the Thirty Years War* (Basingstoke and New York, 2010).
- Geoffrey Parker, *Thirty Years' War* (London and New York, 1984).
- Peter H. Wilson, *The Thirty Years War: Europe's Tragedy* (Cambridge, MA, 2011).
- Maria Goloubeva, *The Glorification of Emperor Leopold I in Image, Spectacle and Text* (Mainz, 2000).
- Irina Marin, *Contested Frontiers in the Balkans: Habsburg and Ottoman Rivalries in Eastern Europe* (London and New York, 2013).
- John P. Spielman, *Leopold I of Austria* (London, 1977).
- Barbara Stollberg-Rilinger, *The Emperor's Old Clothes: Constitutional History and the Symbolic Language of the Holy Roman Empire* (New York and Oxford, 2008).
- John Stoye, *The Siege of Vienna* (London, 1964).
- Andrew Wheatcroft, *The Enemy at the Gate: Habsburgs, Ottomans and the Battle for Europe* (London, 2009).
- Alejandro Cañeque, *The King's Living Image: The Culture and Politics of Viceregal Power in Colonial Mexico* (New York and London, 2004).

- J. H. Elliott, *The CountDuke of Olivares: The Statesman in an Age of Decline* (New Haven and London, 1986).
- Festival Culture in the World of the Spanish Habsburgs*, ed. Fernando Checa Cremades and Laura Fernández-González (London and New York, 2016).
- Alan Knight, *Mexico: The Colonial Era* (Cambridge, 2002).
- Alejandra B. Osorio, *Inventing Lima: Baroque Modernity in Peru's South Sea Metropolis* (Basingstoke and New York, 2008).
- Michael Kitson, *The Age of Baroque* (London, 1966).
- Paul Koudounaris, *The Empire of Death: A Cultural History of Ossuaries and Charnel Houses* (London, 2011).
- Evonne Levy, *Propaganda and the Jesuit Baroque* (Berkeley, Los Angeles, and London, 2004).
- Derek McKay, *Prince Eugene of Savoy* (London, 1977).
- J. W. Stoye, 'Emperor Charles VI: The Early Years of the Reign', *Transactions of the Royal Historical Society*, 12 (1962), 63–84.
- Edward Crankshaw, *Maria Theresa* (London, 1969).
- P. G. M. Dickson, *Finance and Government Under Maria Theresa*, 2 vols (Oxford, 1987).
- Michael Hochedlinger, *Austria's Wars of Emergence: War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797* (Abingdon and New York, 2003).
- C. A. Macartney, *Maria Theresa and the House of Austria* (London, 1969).
- Michael Yonan, *Empress Maria Theresa and the Politics of Habsburg Imperial Art* (University Park, PA, 2011).
- Eva H. Balázs, *Hungary and the Habsburgs 1765–1800: An Experiment in Enlightened Despotism* (Budapest, 1997).
- Derek Beales, *Joseph II: Against the World, 1780–1790* (Cambridge, 2009).
- Derek Beales, *Joseph II: In the Shadow of Maria Theresa, 1741–1780* (Cambridge, 1987).
- Paula Findlen, *Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy* (Berkeley, CA, 1996).
- Franz A. J. Szabo, *Kaunitz and Enlightened Despotism, 1753–1780* (Cambridge, 1994).
- The Austrian Enlightenment and Its Aftermath*, ed. Ritchie Robertson and Edward Timms (Edinburgh, 1991).
- Derek Beales, *Property and Plunder: European Catholic Monasteries in the Age of Revolution, 1650–1815* (Cambridge, 2003).
- T. J. Hochstrasser, *Natural Law Theories in the Enlightenment* (Cambridge, 2000).
- Dorinda Outram, *The Enlightenment*, 3rd ed. (Cambridge, 2013).
- Andre Wakefield, *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice* (Chicago and London, 2009).
- Paul Arblaster, *A History of the Low Countries*, 2nd ed. (Basingstoke, 2012).
- Luc Duerloo, *Dynasty and Piety: Archduke Albert (1598–1621) and Habsburg Political Culture in an Age of Religious Wars* (London and New York, 2012).
- Early Modern Habsburg Women*, ed. Anne J. Cruz and Maria Galli Stampino (Abingdon and New York, 2016).
- Geoffrey Parker, *Spain and the Netherlands, 1559–1659: Ten Studies* (London, 1979).
- Caroline Weber, *Queen of Fashion: What Marie Antoinette Wore to the Revolution* (London, 2007).
- David J. Buch, *Magic Flutes and Enchanted Forests: The Supernatural in EighteenthCentury Musical Theater* (Chicago, 2008).
- Kurt Honolka, *Papageno: Emanuel Schikaneder, Man of the Theater in Mozart's Time* (Portland, OR, 1990).
- Ernst Wangermann, *The Austrian Achievement, 1700–1800* (London, 1973).

- Ernst Wangermann, *From Joseph II to the Jacobin Trials: Government Policy and Public Opinion in the Habsburg Dominions in the Period of the French Revolution*, 2nd ed. (Oxford, 1969).
- W. E. Yates, *Theatre in Vienna: A Critical History, 1776–1995* (Cambridge and New York, 1996).
- Mark Jarrett, *The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy After Napoleon* (London and New York, 2013).
- Prince Clemens von Metternich, *Metternich: The Autobiography* (Welwyn Garden City, 2004).
- Alan Sked, *Metternich and Austria: An Evaluation* (Basingstoke and New York, 2008).
- Lawrence Sondhaus, *The Habsburg Empire and the Sea: Austrian Naval Policy, 1797–1866* (West Lafayette, IN, 1989).
- Bairu Tafler, *Ethiopia and Austria* (Wiesbaden, 1994).
- Istvan Deak, *The Lawful Revolution: Louis Kossuth and the Hungarians 1848–1849* (London, 2001).
- Josef Polišínský, *Aristocrats and the Crowd in the Revolutionary Year 1848* (Albany, NY, 1980).
- Mike Rapport, *1848: Year of Revolution* (London, 2008).
- R. J. Rath, *The Viennese Revolution of 1848* (Austin, TX, 1977).
- Alan Sked, *Radetzky: Imperial Victor and Military Genius* (London and New York, 2011).
- Steven Beller, *Francis Joseph* (London, 1996).
- Jean-Paul Bled, *Franz Joseph* (Oxford, 1992).
- Ágnes Deák, *From Habsburg NeoAbsolutism to the Compromise 1849–1867* (Boulder, CO, and New York, 2008).
- John Deak, *Forging a Multinational State: State Making in Imperial Austria from the Enlightenment to the First World War* (Stanford, CA, 2015).
- Brigitte Hamann, *The Reluctant Empress: A Biography of Empress Elisabeth of Austria* (Berlin, 1986).
- René Chartrand and Richard Hook, *The Mexican Adventure, 1861–67* (Oxford, 1994).
- John Elderfield, *Manet and the Execution of Maximilian* (New York, 2006).
- Joan Haslip, *The Crown of Mexico: Maximilian and His Empress Carlota* (New York, 1972).
- M. M. McAllen, *Maximilian and Carlota: Europe's Last Empire in Mexico* (San Antonio, TX, 2014).
- The Oxford History of Mexico*, ed. William H. Beezley and Michael C. Meyer (Oxford, 2010).
- Gwen Jones, *Chicago of the Balkans: Budapest in Hungarian Literature, 1900–1939* (Leeds, 2013).
- The Limits of Loyalty: Imperial Symbolism, Popular Allegiances, and State Patriotism in the Late Habsburg Monarchy*, ed. Laurence Cole and Daniel L. Unowsky (New York and Oxford, 2007).
- Alexander Maxwell, *Patriots Against Fashion: Clothing and Nationalism in Europe's Age of Revolutions* (Basingstoke and New York, 2014).
- Staging the Past: The Politics of Commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the Present*, ed. Maria Bucur and Nancy M. Wingfield (West Lafayette, IN, 2001).
- Understanding Multiculturalism: The Habsburg Central European Experience*, ed. Johannes Feichtinger and Gary B. Cohen (New York and Oxford, 2014).
- Steven Beller, *Vienna and the Jews, 1867–1938: A Cultural History* (Cambridge, 1989).
- Allan Janik and Stephen Toulmin, *Wittgenstein's Vienna* (London, 1973).
- Martina Pippal, *A Short History of Art in Vienna* (Munich, 2001).
- Walter Sauer, 'Habsburg Colonial: Austria-Hungary's Role in European Overseas Expansion', *Austrian Studies*, 20 (2012), 5–23.
- Carl E. Schorske, *Finde siècle Vienna: Politics and Culture* (London, 1980).

Gordon Brook-Shepherd, *Victims at Sarajevo: The Romance and Tragedy of Franz Ferdinand and Sophie* (London, 1984).

Cathie Carmichael, *A Concise History of Bosnia* (Cambridge, 2015).

Brigitte Hamann, *Rudolf, Crown Prince and Rebel* (New York, 2017).

Robin Okey, *Taming Balkan Nationalism* (Oxford, 2007).

Gunther E. Rothenberg, *The Army of Francis Joseph* (West Lafayette, IN, 1976).

Mark Cornwall, *The Last Years of AustriaHungary: A MultiNational Experiment in Early TwentiethCentury Europe*, ed. Mark Cornwall, 2nd ed. (Liverpool, 2005).

Maureen Healy, *Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War One* (Cambridge, 2004).

Manfried Rauchensteiner, *The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918*, 2nd ed. (Vienna, Cologne, and Weimar, 2014).

Norman Stone, *The Eastern Front 1914–1917* (London, 1998).

Alexander Watson, *Ring of Steel: Germany and AustriaHungary at War, 1914–1918* (London, 2014).

Рекомендуем книги по теме

[Плантагенеты: Короли и королевы, создавшие Англию](#)
Дэн Джонс

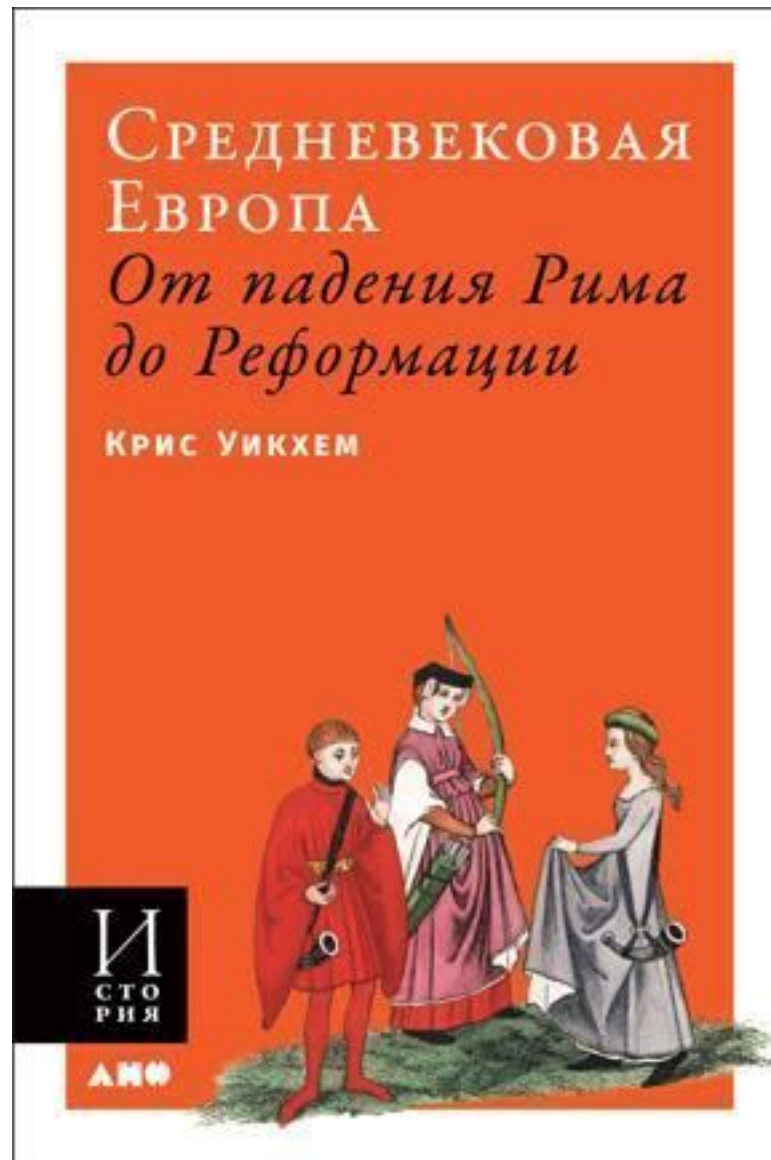

Маленькая всемирная история
Эрнст Гомбрих

[Право на жизнь: История смертной казни](#)
Тамара Эйдельман

Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации
Крис Уикхем

Примечания

Я старался не частить с примечаниями и даю их главным образом к цитатам или каким-то необычным деталям либо чтобы подчеркнуть мою признательность авторам научных трудов. Информация, легкодоступная в традиционных источниках, обычно не помечается.

Фотографии

Дворцовая библиотека в Хофбурге, Вена

Император Карл VI в виде Геракла, предводителя муз. Дворцовая библиотека в Хофбурге, Вена

Замок Габсбург в Аргау, Швейцария

Аббатство Мури, ок. 1650 г.

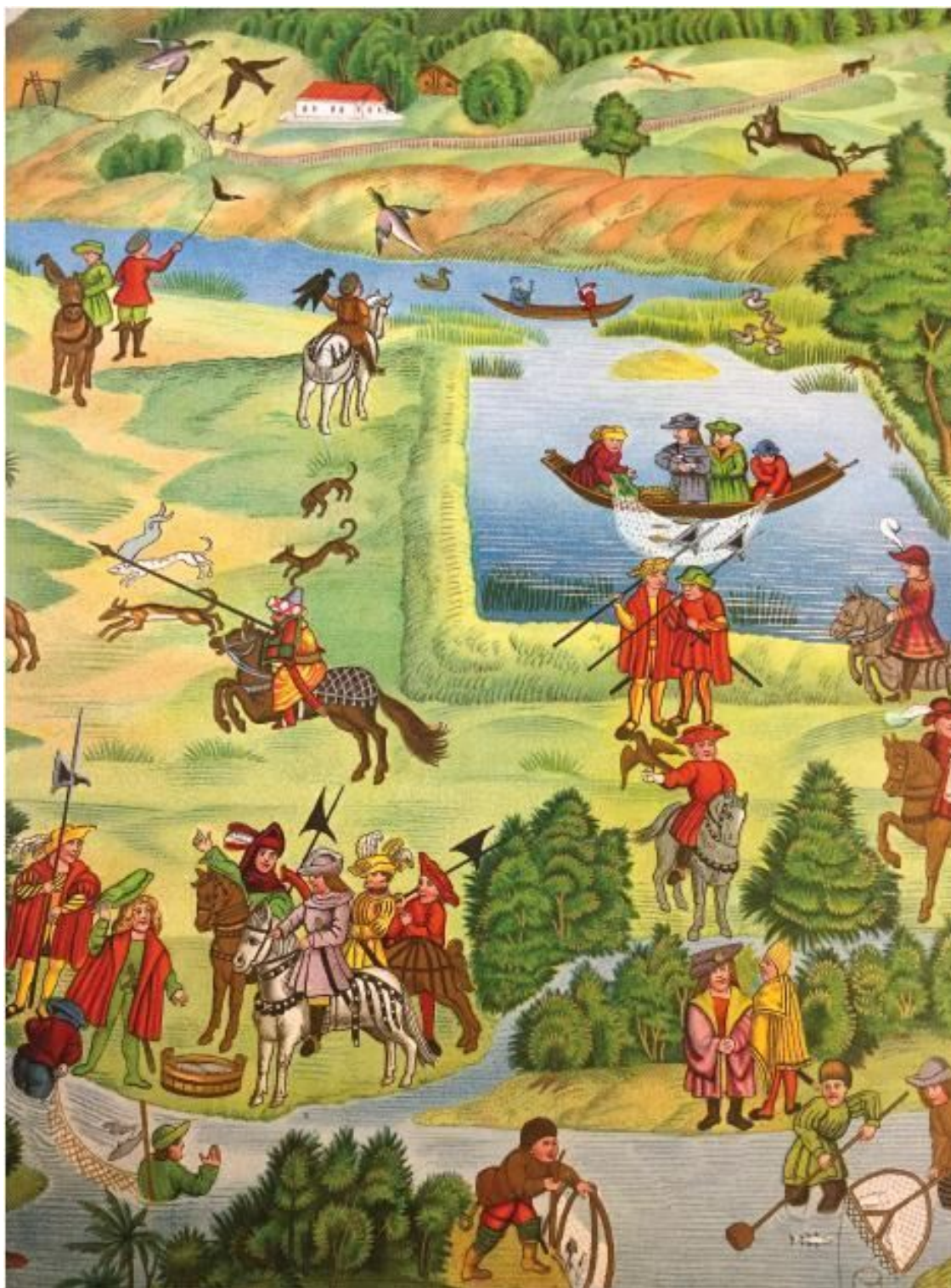

Геральдическое панно на восточном фасаде часовни Святого Георгия в Винер-Нойштадте. Гербы иллюстрируют историю Австрии; в самом низу – статуя Фридриха III

Бернхард Штригель, «Семья императора Максимилиана I», ок. 1516 г. В заднем ряду – сын Максимилиана Филипп Красивый и первая жена Максимилиана Мария Бургундская. В переднем ряду – будущий император Фердинанд I, будущий император Карл V и будущий король Венгрии Людовик II

«Максимилиан надзирает за ловом рыбы», иллюстрация из заказанной Максимилианом I книги о рыбной ловле

Усыпальница Максимилиана I в придворной церкви в Инсбруке. Гробница пуста, поскольку императора похоронили в Винер-Нойштадте

Ханс Бургкмайр, «Люди из дальнего Каликута», из серии гравюр «Триумфальная процессия»

Тициан, «Император Карл V», ок. 1550 г.

Дворец Эскориал, Испания. Построен в 1562–1584 гг.

Питер Сутман, «Император Рудольф II»

Джузеппе Арчимбольдо, «Император Рудольф II в образе Вертумна», ок. 1590–1591 гг.

Форт Сан-Доминго, Нью-Тайбэй, Тайвань. Построен испанцами в 1637 г.

Горельеф императора Леопольда I на Чумной колонне в Вене, ок. 1690 г.

«Катакомбный святой» XVIII в. в парике, известный как святой Фридрих. Аббатство Мельк, Австрия

Пример андского барокко XVII в.: портал базилики Нуэстра-Сеньора-де-ла-Мерсед в Лиме, Перу

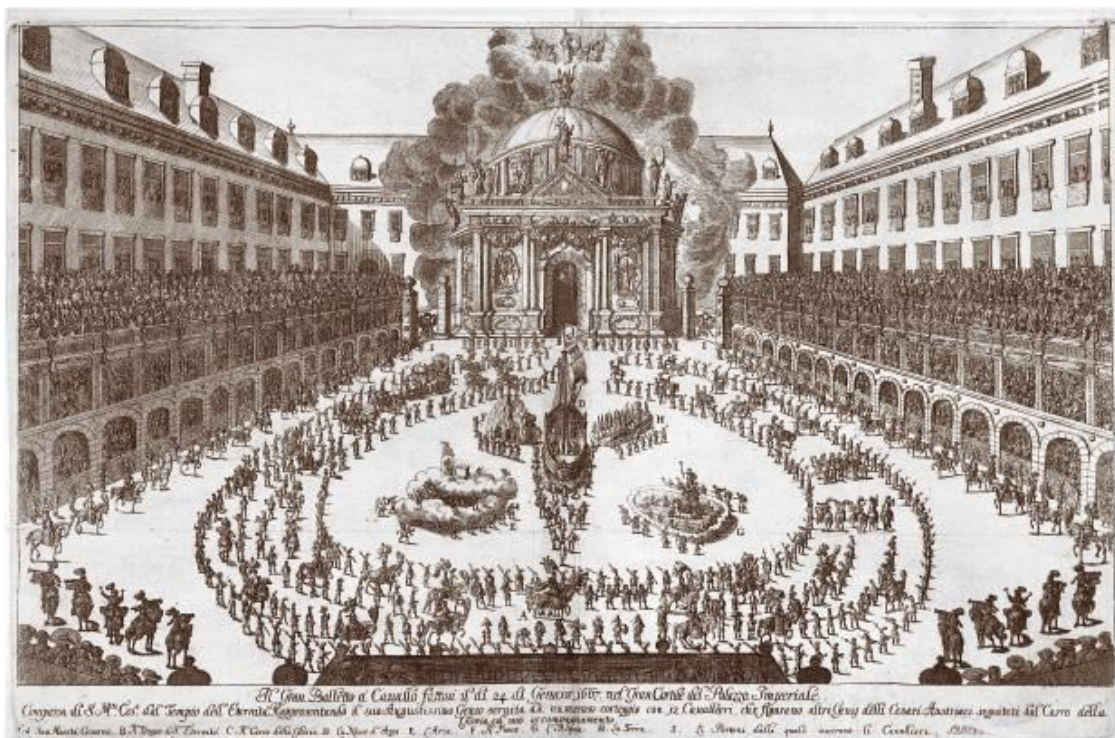

Церковь Святого Карла Борromeо (Карлскирхе), 1716–1737, Вена

Вариант оформления погребального помоста Филиппа IV Испанского, ок. 1665 г.

Конный балет в Хофбурге, 1667

Мартин ван Майтенс, «Мария Терезия», ок. 1745 г.

Антонио Канова, мраморное надгробие эрцгерцогини Марии Кристины (Мими) в церкви Святого Августина, Вена, 1805

Князь Меттерних в 1822 г., в возрасте 50 лет

«Казнь императора Мексики Максимилиана», литография Эдуарда Мане, 1868

Лоосхаус в Вене. Построен по проекту Адольфа Лооса в 1909 г.

Венгерский первопроходец граф Шамуэль Телеки в Кении, 1887–1888

Михайловское крыло Хофбурга, 1889–1893

Здание военного министерства в Вене, 1909–1913

10:45 утра 28 июня 1914 г., Франц Фердинанд в шлеме с плюмажем из страусиных перьев и его жена покидают ратушу Сараево. Это годовщина их свадьбы. Через пять минут они будут мертвы

Император Франц Иосиф, ок. 1885 г., фотография Карла Питцнера